

Роберт ГОВАРД

ПРОКЛЯТИЕ ОКЕАНА

Сага забытых островов

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
Г 57

Говард Р. И.

Г 57 Проклятие океана: Повести. / Пер. с англ. —
СПб.: Северо-Запад, 1998 — 432 с.

ISBN 5-7906-0051-4

В очередном томе собрания сочинений Роберта Говарда вас ожидает путешествие в мир благородных пиратов. Дикие острова Карибского моря, загадочные пещеры, разрушенные города древних цивилизаций откроют вам свои тайны... Месть ведет отважных корсаров, а яркие созвездия тропических морей указывают им путь.

Все произведения, вошедшие в книгу, публикуются на русском языке впервые.

Г 8200000000

ББК 84 (7США)

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В оформлении обложки использована работа Ken Kelly. Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.

ISBN 5-7906-0051-4

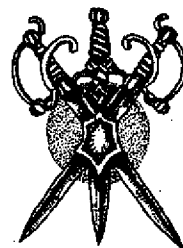
- © Ken Kelly, 1986
- © «Северо-Запад», подготовка текста, серийное оформление, 1998

МЕЧИ КРАСНОГО БРАТСТВА

МЕЧИ КРАСНОГО БРАТСТВА

1

Из густых кустов на пустую поляну осторожно выскользнул человек. Ни один звук при его появлении не потревожил рыжих белок, однако стайка чутких птиц, которых вспугнуло едва уловимое движение, вспорхнула над кустами в лучах солнца. Человек нахмурился и быстро оглянулся, опасаясь, что птичий щебет может выдать его. Затем, точно приняв нелегкое ре-

шение, он бесшумно двинулся через поляну. Высокий и мускулистый, он шел по траве с легкостью и грацией пантеры.

Кроме набедренной повязки на нем не было никакой одежды, его руки и ноги покрывали бесчисленные ссадины и царапины, кое-где на них запеклась грязь. Левая рука была перевязана побуревшей от крови тряпкой. Лицо, на которое падали черные спутанные волосы, искажала гримаса, в глазах горел мрачный огонь, как у раненого зверя. Слегка прихрамывая, он быстро и осторожно шел по чуть заметной тропе через поляну.

Из чащи леса, оставшейся за его спиной, донесся протяжный крик, похожий на волчий вой. Человек на мгновение остановился и оглянулся. Он знал, что это не волки.

В его глазах, налитых кровью, мелькнула ярость. Он прибавил шаг, быстро перешел поляну и опять оказался в сплошной зелени деревьев и кустов. Его внимание привлекло большое бревно у края зарослей, всей своей тяжестью вдавившееся в покрытую густой травой землю.

Он опять обернулся и взглянул на поляну. Неопытный глаз, конечно, не смог бы различить, что здесь только что прошел человек. Однако глазу наметанному не надо даже всматриваться в траву, чтобы сразу заметить его следы. Он прекрасно знал, что для его преследователей это не составит никакого труда. Ярость в его взгляде удвоилась, еще мгновение — и он зарычал бы, как загнанный в ловушку зверь, готовый перегрызть горло охотнику. Выхватив из-за пояса топор и охотничий нож, он решительно шагнул вперед.

Теперь он двигался быстро, с нарочитой небрежностью, умышленно приминая ногами траву. Дойдя

до конца бревна, он легко вскочил на него и быстро пробежал по нему назад. На бревне почти не было коры, и на сей раз он не оставлял никаких следов. Достигнув чащи, он бесшумно скользнул в нее, не задев ни одного листика, и замер под деревьями.

Шли мгновения. Несколько белок взметнулись вверх по стволам. На восточном краю поляны показались трое смуглокожие, в набедренных повязках и мокалинах. Их тела и лица были разрисованы отвратительными узорами.

Прежде чем двинуться через поляну, они внимательно посмотрели вперед, затем вышли из кустов и направились по тропе. Несмотря на то что все они были опытными охотниками, преследовать белого человека оказалось нелегко. Первый из них остановился и показал на примятую траву перед собой. Все трое на мгновение замерли, вглядываясь в дремучий лес за поляной, однако их жертва ничем не выдала своего присутствия. Преследователи не заподозрили, что белый беглец находится в двух шагах от них. Они быстро двинулись вперед по его отчетливым следам, решив, что он утратил осторожность либо совсем обессилел.

Как только охотники прошли мимо, белый человек выскользнул на тропу позади них и метнул нож в спину последнему. Это произошло так неожиданно и стремительно, что у индейца не было никаких шансов спастись. Нож вонзился в самое сердце, прежде чем тот успел что-либо понять. Остальные двое молниеносно повернулись, однако, несмотря на свойственную дикарям быстроту, белый человек опередил их. В его правой руке взметнулся топор, и последовал сокрушительный удар. Второй индеец упал на траву с разрубленной головой.

Оставшийся в живых набросился на белого, не медля ни мгновения. Белый человек выдернул топор из головы убитого им индейца и, пинком швырнув тело под ноги нападавшему, набросился на него с яростью раненого тигра. Индеец споткнулся о труп и не успел отразить удар. Инстинктивным движением он поднял над головой копьё, нацелив его в живот врага. Однако белый оказался проворнее, да и оружие было у него в двух руках. Ударом топора он отбросил в сторону копьё, и в следующий миг нож торчал из разрисованной груди индейца.

С губ смертельно раненного дикаря сорвался ужасающий предсмертный крик. Это не был крик боли или страха, это был яростный крик гибнущего дикого зверя. Издалека с востока ему отозвался целый хор голосов. Белый человек вздрогнул всем телом и яростно скрипнул зубами. Из-под повязки на руке текла тоненькая струйка крови.

Прорывав пересохшими губами какое-то проклятие, он повернулся и побежал на запад. Теперь он бежал, не разбирая дороги, со всей скоростью, на которую были способны его длинные ноги. Еще какое-то время лес за его спиной молчал, потом тишину нарушил рев голосов оттуда, где произошла короткая схватка.

Его преследователи обнаружили тела своих товарищей. Беглецу становилось тяжело дышать, а кровавый след, который он теперь оставлял за собой, смог бы отчетливо увидеть даже малый ребенок.

Конечно, было непростительной глубиной считать, что за ним гнались только те трое. Теперь он знал, что по пятам за ним мчится стая волков в человеческом обличье и что они ни за что не оставят кровавого следа.

В лесу опять наступила тишина, и это означало, что погоня близка.

Он почувствовал на лице дуновение западного ветра, влажного и солоноватого, — и едва удержался от удивленного возгласа. Если он сейчас рядом с морем, значит, охота за ним продолжалась намного дольше, чем ему представлялось. И значит, близок ее конец. Даже его поистине волчья жизнеспособность, казалось, была на исходе после этой изнурительной погони. Ноги дрожали от слабости, а ту ногу, на которую он хромал, при каждом шаге будто прокалывали ножом. Он отчаянно пытался следовать инстинкту самосохранения, который жил в нем с детских лет, а сейчас держал в напряжении каждый его нерв, каждый мускул, заставлял находить всевозможные уловки и хитрости, чтобы уцелеть. Теперь он думал, что ему удастся добежать до залива и, возможно, дорого отдать свою жизнь.

Он уже не запутывал следов, зная, что всякие надежды обмануть преследователей тщетны. Он лишь бежал изо всех оставшихся сил, и кровь все громче стучала в ушах, и каждый вдох давался все труднее. Крики, которые он слышал позади, могли свести с ума. Он понимал, что погоня близка. Совсем скоро они доберутся до него. Они, должно быть, похожи на стаю разъяренных голодных волков.

Внезапно он выбежал из густых зарослей и оказался у подножия холма. Заросшая тропа извивалась по скалистым уступам между острыми валунами. Перед его глазами клубился красноватый туман, однако с отчаянной решимостью он начал карабкаться вверх по крутому склону, начинавшемуся возле самой кромки леса. Тропа вела на широкую площадку почти у вершины холма. Этот уступ подошел бы как нельзя лучше для смертной схватки. Зажав нож в зубах, он

карабкался вверх по тропе, время от времени становясь на четвереньки. Однако добраться до уступа он не успел — из леса показались дикари. Их было не меньше четырех десятков.

Когда они достигли подножия холма, их воинственные крики слились в подобие какого-то дьявольского крещендо. В беглеца тучей полетели стрелы и копья. Он упорно продолжал карабкаться вверх; копье вонзилось в его икру. Не останавливаясь, он выдернул копье и отбросил его, однако на голой скале он оставался прекрасной мишенью для преследователей. Но вот, наконец, беглец добрался до верхней площадки, подтянулся и в следующий миг уже лежал на ней, зажав в одной руке топор, а в другой — нож.

Он прижался к камням и смотрел вниз на дикарей, на ветру развевались его темные волосы, взгляд был полон ярости и жгучей ненависти. Его могучая грудь тяжело поднималась и опускалась, его подташнивало, и он стиснул зубы.

Дикари приближались, перепрыгивая с камня на камень у подножия холма; некоторые сменили луки на боевые топоры. Смуглокожий вождь, опередив своих воинов, ближе всех подобрался к беглецу. На его голове красовался убор из орлиных перьев. Он на мгновение замер на тропе, доставая стрелу из колчана, голова его как-то неестественно запрокинулась.

Однако стрела так и осталась в колчане. Индеец застыл, подобно каменному истукану, жажда крови в его глазах сменилась внезапным изумлением. Он с криком отшатнулся, широко раскинув руки, как бы останавливая этим жестом натиск своих воинов. Белый человек, прижавшийся к камням на уступе, понимал язык индейцев, однако сейчас он находился слиш-

ком высоко и не расслышал как следует, что же прокричал вождь в уборе из орлиных перьев.

Индейцы все разом замолчали и устались вверх, но не на площадку, где лежал белый, а на сам холм. Потом все они, как один, закинули луки за спины, развернулись к лесу и через несколько мгновений исчезли в густых зарослях.

Белый человек удивленно смотрел с вершины холма на их внезапное отступление. Он твердо знал, что они не вернутся и что не хитрость заставила их уйти. Теперь они направляются в свой поселок, за сотню миль отсюда к востоку.

Но что заставило отряд краснокожих воинов отступить от жертвы, которую они преследовали так долго с упрямой яростью голодных волков? Между ними кровавый счет: он находился в плену у индейцев, а сегодня ему удалось бежать, и в результате этого побега погиб великий вождь племени. Поэтому они и преследовали его так неустанно, поэтому и гнались за ним через широкие реки и неприступные горы, через непроходимые леса по владениям враждебных племен. И вдруг теперь, когда его положение показалось безвыходным даже ему самому, они отступились. Он потряс головой, как бы отгоняя наваждение, чтобы убедиться, что это не сон.

Он осторожно поднялся; после изнурительного бега по густому лесу еще кружилась голова. Не верилось, что погони больше не будет. Руки и ноги словно одеревенели, сильно ныли раны. Он провел широкой ладонью по усталым глазам, сплюнул и выругался и, наконец, осмотрелся по сторонам. Внизу, прямо перед ним, до самого горизонта простирался дикий лес, а на западе поднималась голубоватая дымка, и он понял, что там океан. Ветер взметнул

спутанные волосы, и движение солоноватого воздуха как будто вернуло его к жизни. Расправив широкие плечи, он глубоко вдохнул, но, неуклюже повернувшись, застонал от боли в раненой ноге и внимательно осмотрел уступ, на котором оказался. Над уступом скала поднималась вверх еще футов на тридцать. Вбитые в скалу узкие скобы образовывали подобие лестницы, а в нескольких шагах от него была расселина, достаточно широкая, чтобы в ней мог поместиться человек.

Он дохромал до расселины, заглянул в нее и неопределенно хмыкнул. Солнце над западной кромкой леса стояло еще довольно высоко; оно осветило расселину, и там оказалось что-то вроде прохода в скале. В глубине этого прохода виднелась арка, а под этой аркой можно было разглядеть тяжелую, окованную железом дверь!

Он прищурился, не доверяя собственным глазам. Земли эти абсолютно дикие. На тысячи миль вокруг нет ничего, кроме нескольких поселений рыбаков, уровень жизни которых еще более жалок, чем у их собратьев, обитающих в лесах. Он готов был поклясться, что является первым и единственным белым человеком на этой земле. Однако сейчас перед ним оказалась таинственная дверь — бесспорное немое свидетельство того, что и сюда добралась когда-то европейская цивилизация.

Это было необъяснимо и немедленно разожгло его любопытство. Забыв обо всем только что пережитом, он зажал топор в одной руке, нож в другой и осторожно вошел в расселину. Каково же было его изумление, когда слабый луч заходящего солнца, попавший сюда, осветил тяжелые кованые сундуки вдоль стен! Он склонился над одним из них, однако открыть крышку оказалось не таким уж

легким делом. Он поднял было топор, чтобы сшибить древний замок, но внезапно словно что-то остановило его. Опустив топор, он, хромая, направился к арке с железной дверью. Против всех ожиданий, дверь легко открылась.

Он молниеносно выставил вперед топор и нож, готовый защищаться, и замер. Перед ним открылось довольно большое помещение, куда уже не проникал солнечный свет. В середине огромного эбонитового стола что-то слабо поблескивало, а вокруг будто, безмолвные тени, сидели люди, сильно напугавшие его в первый момент.

Никто из них не сдвинулся с места; никто не повернул головы в его сторону.

— Вы что тут, все перепились? — грубо спросил он.

Ответа не последовало. Но он был не из тех, кого легко сбить с толку, хотя ему и стало не по себе.

— Однако вы могли бы и мне плеснуть стаканчик вашего вина, — ухмыльнулся он. — Клянусь дьяволом, не очень-то приветливо вы встречаете земляков. Уж не собираетесь ли вы... — Он оборвал себя на полуслове. Ответом ему была тишина, он стоял в тишине и вглядывался в эти фантастические фигуры, сидевшие вокруг большого эбонитового стола.

— Они вовсе не пьяны, — пробормотал он. — И вообще они ничего не пьют. Что за дьявольщина?

Он шагнул через порог, и внезапно невидимые пальцы мертвой хваткой вцепились в его горло.

А на побережье, в нескольких милях от таинственной пещеры, где сидели за эбонитовым столом

неподвижные фигуры, тени сгушались над запутанными и переплетенными людскими жизнями...

Франсуаза д'Частильон лениво пошевелила носком изящной туфельки морскую раковину, невольно сравнив ее нежно-розовый край с первыми лучами утренней зари, которая встает над туманными берегами. Хотя рассвет уже наступил, солнце еще не успело подняться высоко и окончательно разогнать серебристо-серый туман над водой.

Франсуаза вскинула свою тщательно причесанную головку и взглянула на привычный, неизменно наводящий тоску, чуждый до отвращения пейзаж. Под ее ногами был темно-желтый песок, на него мягко набегали волны, чтобы отхлынуть и затеряться в бесконечном морском просторе, простиравшемся на запад до самого горизонта. Она стояла на южном берегу залива, к югу поднималась невысокая горная гряда. Она знала, что с этих гор не увидеть ничего, кроме бесконечной водной глади на западе и на севере.

Повернувшись, девушка отсутствующим взглядом окинула крепость, в которой прожила последний год. На фоне ярко-голубого неба гордо развевался алый с золотом флаг — флаг ее дома. Она разглядела людей, что работали в садах и полях, теснившихся возле форта, который, казалось, пытается отшатнуться от мрачной стены леса, поднимавшегося защитным валом на востоке и покрывавшего необозримые пространства на севере и юге. Дальше на востоке, за лесом высился горный хребет, отделявший побережье от остального континента.

Франсуазу пугал этот угрюмый дикий лес, и ее страх подогревали все жители крохотного поселения. В непроходимой чаще пряталась смерть, ужас-

ная и неотвратимая, медленная и мучительная, умолимая, таившаяся до поры, до времени.

Она вздохнула и с полным безразличием подошла ближе к воде. Один за другим тянулись бесцветные, похожие друг на друга дни. Огромный мир с его большими городами, королевскими дворами, вечными развлечениями был так далеко, что казался ей уже никогда не существовавшим сном. Опять и опять она тщетно пыталась понять причины, побудившие французского графа бежать со своими вассалами на этот дикий берег и сменить замок своих предков на жалкое бревенчатое жилище.

Ее взгляд смягчился, когда она услышала шлепанье босых ножек по влажному песку. К ней бежала голышом маленькая девчушка, вся забрызганная крупными каплями воды; мокрые волосы соломенного цвета облепили ее головку. Глаза девочки были широко раскрыты от волнения.

— О, моя госпожа! — кричала девочка. — Моя госпожа!

Она так запыхалась, что больше не могла вымолвить ни слова, только отчаянно жестикулировала. Франсуаза, улыбнувшись, обняла ее. Одинокая Франсуаза всю теплоту своего нежного сердца вложила в несчастную маленькую беспризорницу, которую подобрала во французском порту, откуда началось это бесконечное путешествие.

— Что ты хочешь мне сказать, Тина? Отдышись, дитя.

— Там корабль! — воскликнула девочка, указывая на юг. — Я купалась по ту сторону гор, в заводи, и видела корабль! Корабль там, на юге!

Она тянула Франсуазу за руку; на ее худеньком тельце еще блестели капли воды. Сердце Франсуазы

забилось быстрее при мысли о незнакомых гостях. До сих пор сюда не заходили корабли.

Тина побежала вперед по желтому песку. Они быстро взобрались на невысокий холм, и Тина на мгновение замерла — белая фигурка на фоне голубого неба. Мокрые волосы трогательно обрамляли ее личико. Она вытянула руку:

— Смотрите, госпожа!

Но Франсуаза уже и сама увидела белый парус, наполненный ветром, в нескольких милях от форта. Корабль направлялся к берегу. И сердце трепетало. Даже маленькое событие в ее нынешней тусклой жизни казалось значительным.

Однако теперь ее охватило недоброе предчувствие. Она смутно почувствовала, что этот корабль появился здесь неспроста. Ближайший порт — Панама — за тысячи миль к югу отсюда. Что же могло привести корабль к пустынному заливу д'Частильона?

Тина прижалась к своей госпоже — ей, казалось, передалось смутное беспокойство, охватившее Франсуазу, и девочка нахмурилась.

— Кто это может быть, госпожа? — запинаясь, спросила она. На щеки Тины постепенно возвращался румянец. — Может быть, это человек, которого боится граф?

Теперь нахмурилась Франсуаза.

— Как ты можешь говорить такое, малышка? С чего ты взяла, что мой дядя кого-то боится?

— А как же может быть иначе? — наивно ответила Тина. — Разве иначе он стал бы укрываться здесь, в такой глуши? Посмотрите только, госпожа, как быстро он идет!

— Надо пойти предупредить дядю, — пробормотала Франсуаза. — Одевайся, Тина. Быстрее!

Девочка вприпрыжку спустилась вниз, к заводу, в которой купалась, когда заметила судно, и натянула чулки, туфельки и платье, оставленные ею на песке.

Она ловко вскарабкалась наверх, время от времени потешно взмахивая руками. Франсуаза, с замешательством сердца следившая за парусом, взяла ее за руку, и они быстро направились к крепости.

Спустя несколько мгновений после того, как они вошли в ворота бревенчатой крепостной стены, резкие звуки рога всполошили людей, работавших в садах, и рыбаков, которые еще только отпирали свои сараи, чтобы стащить лодки в воду.

Все, кто только оказался в этот миг за пределами форта, оставили свои дела и бросились в крепость, на ходу испуганно оглядываясь в сторону темневшего на востоке дикого леса. Никто не взглянул на море.

Люди вбегали в ворота и тут же забрасывали вопросами часовых на сторожевой вышке:

— Что случилось? Зачем нас звали? Нам угрожают индейцы?

Вместо ответа молчаливый солдат указал рукой на юг. Он уже отчетливо видел парус. Люди карабкались к нему на вышку и вглядывались в море.

Из маленькой смотровой башенки на крыше крепости наблюдал за огибающим южный мыс кораблем граф Генри д'Частильон. Это был худощавый смуглолицый человек средних лет с угрюмым выражением на лице, одетый в короткие штаны и камзол из черного шелка; единственным украшением служили драгоценные камни на рукоятке его меча, на плечи был наброшен плащ винного цвета. Граф нервно подкрутил тонкие черные усы и мрачно взглянул на своего управляющего — человека с лицом, избороз-

денным морщинами, одетого в атлас и стальные доспехи.

— Что вы об этом думаете, Гайо?

— Мне приходилось прежде видеть этот корабль, — ответил управляющий. — Но я думаю... *смотрите!*

Нестройный многоголосый хор повторил его возглас; корабль обогнул мыс и теперь скользил уже по заливу. И всем стал ясно виден флаг, взвисявшийся на мачте, — черный флаг с белым черепом и скрещенными костями.

— Проклятый пират! — воскликнул Гайо. — Да, я знаю, чье это судно! Это «Боевой Ястреб» Гарстона. Что ему понадобилось на этом берегу?

— Во всяком случае нам это не сулит ничего хорошего, — отозвался граф.

Тяжелые ворота закрыли, и капитан гарнизона быстро отдавал распоряжения, отправляя солдат на боевые посты к бойницам. Он старался сосредоточить основные силы возле западной стены, той, где были ворота.

Около ста человек разделяли с графом Генри изгнание. Среди них были солдаты и вассалы. Гарнизон крепости составляли четыре десятка опытных наемников, одетых в форму и великолепно владеющих мечом и аркебузой. Остальные жители форта — крестьяне и ремесленники — носили жесткие кожаные рубахи, а все их оружие составляли охотничьи луки и копья да топоры дровосеков. Загорелые, рослые и плечистые, они занимали указанные позиции, хмуро глядя на приближавшееся к берегу судно. Медные части такелажа блестели в солнечных лучах, и уже были слышны выкрики матросов.

Граф, покинув смотровую башню, надел шлем и кирасу и вышел к стене. В дверях простых хижин,

построенных *вокруг крепости, стояли женщины, пытаясь унять детей. Франсуаза и Тина нетерпеливо смотрели в одно из верхних окон крепости, и Франсуаза чувствовала, как вздрагивают плечики девочки под ее рукой.

— Они собираются бросить якорь напротив лодочного сарая, — пробормотала Франсуаза. — Да-да! Вот они бросили якорь в сотне ярдов от берега. Не дрожи так, малышка! Они не смогут войти в форт. А может быть, им нужны только пресная вода и мясо.

— Они плывут к берегу в длинных лодках! — воскликнула девочка. — О, госпожа, мне страшно! Как сверкают на солнце их пики и сабли! Они съедят нас?

Несмотря на всю свою тревогу, Франсуаза расхохоталась.

— Конечно же нет! Кто мог сказать тебе такое?

— Жак Пирьо рассказывал мне, что англичане едят женщин.

— Он дразнил тебя, крошка. Англичане жестоки, но они ничем не хуже тех французов, которые называют себя буканьерами. Пирьо был одним из них.

— Он был злой, — почти прошептала девочка. — Хорошо, что индейцы отрубили ему голову.

— Тихо, дитя. Смотри, они высадились на берег, и один из них идет к форту. Это, должно быть, Гарстон.

— Эй, в форте! — раздался зычный возглас. — Я пришел с миром!

Над крепостной стеной появилась голова графа. Он хмуро оглядел пирата. Гарстон стоял на таком расстоянии, чтобы его было хорошо слышно. Он был высок и крепко сложен, его светлые волосы развевались на ветру.

— Говори! — ответил граф Генри. — Хотя мне не о чем разговаривать с людьми твоей породы!

Гарстон усмехнулся одними губами.

— Вот уж никогда бы не подумал, что встречу тебя на этом пустынном берегу, д'Частильон, — проговорил он. — Клянусь дьяволом, я немало повидал на этом свете до тех пор, пока не увидел, как твой алый флаг развевается там, где я ожидал найти пустое место. Ты, конечно, нашел его?

— Что нашел? — переспросил граф.

— Не пытайся притворяться со мной! — Буйный нрав пирата немедленно дал знать о себе. — Я знаю, почему ты оказался здесь; меня привели сюда те же самые причины. Где твой корабль?

— Это не твое дело!

— У тебя не осталось корабля, — заключил пират. — Я видел в этой стене обломки мачт твоего галеона. Твой корабль потерпел крушение! Иначе ты давно ушел бы отсюда со своей добычей.

— Будь ты проклят, но я не понимаю, о чем ты толкуешь! — отозвался граф. — Разве я пират или грабитель, чтобы говорить о какой-то добыче? А если бы и так, что за добыча могла оказаться на этом пустом берегу?

— Та, которую ты искал, — невозмутимо ответил пират. — И та самая, за которой пришел я. Отдай награбленное, и я отправлюсь дальше своим путем и оставлю тебя в покое.

— Ты, должно быть, сошел с ума, — проворчал Генри. — Я нашел здесь прекрасное уединение и наслаждался им, пока дьявол не вынес из моря тебя, желтоволосяя собака. Убирайся! Мне не о чем разговаривать с тобой, а пустая болтовня мне изрядно надоела.

— Я не уйду, пока не разнесу твою лачугу дотла! — прорычал разъяренный пират. — В последний

раз предлагаю — отдай добычу в обмен на ваши паршивые жизни! Я зарублю тебя, а сотня моих молодцов запросто перережет глотки твоим людям.

Вместо ответа граф быстро дал знак взмахом руки, и немедленно раздался пушечный выстрел. С головы Гарстона слетел клок светлых волос. Пират издал мстительный возглас и помчался на берег, туда, где ждали его остальные. Ядра падали в песок за его спиной. Головорезы дружным ревом встретили своего предводителя и бросились к крепости.

— Будь проклят, собака! — воскликнул граф, наградив тумачом ближнего стрелка. — Что ты мешкаешь? Всем приготовиться! Они подходят!

Гарстон командовал нападением. Пираты рассыпались вдоль западной стены форта и начали стрелять. Тяжелые пули застревали в дереве, а защитники форта вели методичную ответную стрельбу. Женщины разогнали детей по домам и теперь с трепетом ожидали, как боги распорядятся исходом этой схватки.

Пираты рассыпались по берегу и подходили к форту, используя для укрытия уцелевшие жалкие кусты, — растительность вокруг форта давно была вырублена, чтобы избежать внезапного нападения индейцев.

На песке уже остались лежать несколько тел. Однако пираты двигались быстро, стремительно перебежали с места на место, и было трудно поразить их из неуклюжих орудий тяжелыми ядрами. Сами они вели почти непрерывный огонь по защитникам форта. И все же, стало ясно, что преимущество на стороне французов, и врагам не удастся захватить форт.

Но возле лодочного сарая пираты отчаянно работали топорами. Увидев, какая участь постигла его лодки, построенные с огромным трудом из отличного дерева, граф грубо выругался.

— Проклятие, они сколачивают щит! — прорычал он. — Вперед, пока они его не закончили, мы справимся с ними!

— Нам не победить их в рукопашном бою, — отозвался Гайо. — Мы должны оставаться в форте.

— Замечательно ты рассуждаешь! — взревел Генри. — Если только нам удастся удержать их снаружи, то все будет в порядке!

Тем временем десятка три пиратов подбежали к осаждающим. Они принесли огромный щит, сколоченный из разбитых лодок и из разобранного лодочного сарая. Они ухитрились установить этот щит на неуклюжие колеса от бычьей повозки, и теперь катили его перед собой, так что из-под него виднелись только их ноги.

— Стреляйте же, черт вас возьми! — закричал Генри. — Их надо остановить, пока они не подобрались к воротам!

Но пули увязали в плотном дереве, стрелы лишь выбивали легкие фонтанчики щепок. Яростный дружный крик огласил берег. Пираты были уже близко, их пули представляли серьезную угрозу для защитников форта. Вот уже один из солдат упал с простреленной головой.

— Стреляйте по ногам! — отчаянно выкрикнул Генри. — Сорок человек с пиками и топорами со мной! Остальные останутся защищать стены!

Несколько пуль попали в цель, остальные только взметнули песок перед щитом. Пираты были уже под самыми стенами, и раздались первые удары в ворота. Тяжелые окованные железом ворота за-

дрожали. Сверху на пиратов сыпался настоящий град пуль и стрел, но морские дикари, казалось, ничего не замечали, ослепленные возможностью скорой победы. Под прикрытием огромного неуклюжего щита они продолжали штурм.

Граф выхватил меч и, призывно взмахнув им, бросился к воротам. За ним сгрудились его верные вассалы с пиками наперевес. Оставалось только отпереть ворота и преградить пиратам путь своими телами.

Однако в этот миг с корабля донесся звук рога. На носу появился отчаянно жестикулировавший матрос.

Гарстон, услышав звук рога, бросил таран и обернулся. По его лицу катился пот.

— Погодите! — прокричал он своим товарищам. — Остановитесь! *Слушайте!*

В наступившей внезапно тишине опять прозвучал рог, и стал слышен голос, кричавший что-то неясное.

Однако Гарстон все прекрасно понял и твердым голосом отдал команду. Пираты бросили таран, и огромный щит отвалился от ворот.

— Посмотрите! — закричала Тина, глядя в окно. — Они бегут на берег! Они бросили щит! Смотрите, они садятся в лодки и плывут к кораблю! Моя госпожа, мы победили?

— Боюсь, что нет, — растерянно пробормотала Франсуаза. — Посмотри-ка. Смотрите! — крикнула она, раздвинув шторы и показывая рукой на море.

Защитники форта слышали ее возглас, и все как один повернули головы туда, куда показывала девушка. В изумлении все увидели второй корабль. Он огибал южный мыс, и на его мачте развевался французский флаг.

Пираты добрались до своего судна и быстро подняли якорь. Прежде чем новый корабль дошел до середины залива, «Боевой Ястреб» уже скрылся за северным мысом.

3

— Все за мной, быстро! — приказал граф, отпирая ворота. — Этот щит надо разобрать, прежде чем они подойдут!

— Но это же французский корабль! — возразил Гайо.

— Делайте, что я приказываю! — зарычал Генри. — Кто вам сказал, что все мои недруги иностранцы? Вперед, собаки, и быстро разберите щит!

За ворота выбежали десятка три людей. Они уже чувствовали некую опасность, исходящую от незнакомого корабля, и в их действиях были паника и спешка. Те, кто оставался в крепости, слышали, как трещит дерево под их топорами. Вскоре все вернулись в форт. Как раз в это время французское судно бросило якорь именно там, где только что стоял «Боевой Ястреб».

— Зачем граф запирает ворота? — спросила Тина. — Или он думает, что на этом корабле может оказаться человек, которого он боится?

— Что ты такое говоришь, Тина? — Франсуаза попыталась придать своему голосу достаточно строгости. Граф никогда не рассказывал ей ничего о своем добровольном изгнании. Не могла она и сказать, что он склонен бежать от своих врагов, хотя их было множество. Однако странная уверенность Тины тревожила Франсуазу.

А девочка, казалось, и не слышала ее замечания.

— Люди вернулись в форт, — сказала она. — Ворота опять заперли, и они снова занимают свои места на стене. Если этот корабль охотится за Гарстоном, почему они не стали его преследовать? Смотрите, они плывут сюда. Я вижу в лодке человека в темном плаще.

Лодка ткнулась носом в песок, и этот человек выскочил на берег. За ним — еще трое. Он был высок и строен, в черной шелковой одежде и блестящих доспехах.

— Остановитесь! — закричал граф. — Я буду разговаривать только с вашим предводителем, пусть он подойдет один!

Высокий повернулся к своим спутникам и что-то сказал. Они остановились и закутались в широкие плащи. Матросы в лодке бросили весла и внимательно смотрели на крепостную стену.

Вожак подошел ближе к воротам и примирительным тоном произнес:

— Ну что вы, между двумя порядочными людьми не место подозрениям. — Он говорил на чистом французском языке.

Граф, однако, с недоверием всматривался в незнакомца. Тот был смуглым, с тонкими хищными чертами лица и черными тонкими усиками. Вокруг шеи и на манжетах его одежду украшали кружева.

— Я знаю вас, — медленно произнес Генри. — Вы Гийом Вильер.

Незнакомец поклонился.

— Ну и для меня не составило труда узнать алый флаг д'Частильонов.

— Похоже, что на этом берегу решили встретиться все негодяи испанских морей, — проворчал Генри. — Что вам угодно?

— Однако, сударь, — усмехнулся Вильер, — вы не очень-то учтивы со своими гостями, оказавшими вам услугу. Разве эта английская собака, Гарстон, не пытался только что в щепки разнести ваши ворота? И разве он не сбежал, едва завидев в заливе мой корабль?

— Да, так и есть, — брюзгливо отозвался Генри. — Но я не вижу особенной разницы между пиратами.

Вильер весело рассмеялся и самодовольно подкрутил усы.

— Вы ошибаетесь, сударь. Я вовсе не пират. Губернатор Тортуги наделил меня полномочиями в борьбе против испанцев. Гарстон же — обыкновенный морской разбойник, он не служит ни одному из королей. Я всего-навсего прошу вашего позволения оставить свой корабль на якоре в вашем заливе, чтобы мои люди могли добыть мяса и пресной воды в ваших лесах. Сам я тем временем с удовольствием выпью с вами стакан-другой доброго вина.

— Ладно, — недовольно буркнул Генри. — Но запомните, Вильер: ни один человек из вашей команды не должен входить в ворота. Если только кто-то подойдет к стенам ближе, чем на сотню шагов, он тут же получит пулю в лоб. Кроме того, не позволяйте своим людям разорять мои сады или как-то причинять ущерб моему скоту в загонах. Вы можете заколоть на мясо трех бычков, но не более того.

— Я обещаю, что мои люди не позволят себе ничего лишнего, — заверил его Вильер. — Значит, вы позволяете им сойти на берег?

Генри кивнул. Вильер отвесил учтивейший поклон, может быть, слишком учтивый на этом диком берегу, и, повернувшись, направился к поджидавшим его товарищам такой изящной походкой, буд-

то шел не по песку, а скользил по паркету в Версале, где, по слухам, он провел немало времени.

— Не выпускайте никого за ограду, — приказал Генри Гайо. — То, что он своим появлением напугал Гарстона и прогнал его от наших ворот, еще ничего не значит. Его люди запросто перережут всем нам глотки. Мало ли проходимцев прикрываются королевской службой!

Гайо кивнул. Считалось, что буканьеры охотятся только за испанцами, однако у Вильера была скандальная репутация.

Никому и без того не пришлось бы в голову выходить из форта, пока буканьеры высаживались на берег. Их было около сотни — загорелых, плечистых, с шарфами, обвязанными вокруг головы, и золотыми серьгами в ушах. Они быстро разбили на берегу лагерь, и Вильер выставил сторожевые посты; торжественно привели и закололи бычков, великодушно пожалованных графом, развели костры. С корабля доставили бочонок вина, который тут же и распечатали.

Остальные бочонки, а их было немало, наполнили свежей водой из ключа, что был неподалеку от форта, и буканьеры один за другим потянулись к лесу. Увидев это, Генри прокричал Вильеру:

— Не позволяйте своим людям углубляться в лес! Если вам мало мяса, возьмите из загонів еще одного бычка. В лесу ваши люди могут погибнуть от рук индейцев. Нам пришлось выдержать их нападение вскоре после того, как мы здесь высадились, и с тех пор шестеро отличных парней погибли в лесу. Сейчас, правда, мы живем с ними в мире, но этот мир держится на волоске.

Вильер бросил быстрый взгляд в сторону леса, поклонился графу со словами: «Благодарю вас за

предупреждение, сударь!» Затем совсем другим голосом, громко и властно прокричал вдогонку ушедшим к лесу матросам приказ вернуться. Этот приказ прозвучал совсем иначе, чем церемонная благодарность, адресованная графу.

Если бы Вильер мог увидеть хоть что-нибудь в густой чаще леса, его изумила бы наружность человека, скрывавшегося за деревьями и внимательно наблюдавшего за тем, что происходило на берегу. Это был полуобнаженный индейский воин, с пером ястреба над левым ухом, однако его тело не было разрисовано.

На залив опускался вечер, с моря поднялась серая дымка, окутавшая небо. Солнце плавно уходило за горизонт, окрашивая гребни темных волн своими последними лучами в красный цвет. Над заливом появился туман, напoлз на берег, скрыл темную стену леса, окутал форт. В тумане костры на берегу казались пятнами загадочного света, звуки тоже почти пропали, поэтому нестройное пение буканьеров теперь слышалось словно бы издалека. Они доставили с корабля старую парусину и устроили навесы возле костров, где жарилось мясо и рекой лилось вино.

Тяжелые ворота крепко заперли на засов, солдаты по-прежнему топтались вдоль крепостной стены с пиками наперевес, на их стальных шлемах осели капли вечерней росы. Все они сумрачно поглядывали на костры буканьеров, а еще чаще в сторону леса.

Жизнь в форте, казалось, замерла. Кое-где в маленьких окошках хижин виднелся слабый свет, окна крепости были хорошо освещены. Тишину нарушали только размеренные шаги солдат да отдаленное пение буканьеров.

Это пение доносилось и в большой зал, где Генри за бокалом вина принимал непрошеного гостя.

— Ваши люди, я смотрю, веселятся,— проворчал граф.

— Они просто рады снова почувствовать под ногами твердую землю,— ответил Вильер.— Наш нынешний долгий поход был весьма изнурителен.— Галантным жестом он поднял бокал, глядя при этом на молчаливую девушку, сидевшую справа от хозяина, слегка поклонился и церемонно выпил.

Вдоль стен стояли почти незаметные наблюдатели — солдаты с пиками и в шлемах, слуги в сильно поношенной атласной одежде. Дом графа на диком берегу являл собою слабое отражение того двора, который был у него во Франции.

Впрочем, само поместье (граф настаивал, чтобы все называли его именно так) действительно казалось чудом для этого дикого берега. Несколько месяцев сто человек днем и ночью работали на постройке графского дома. На его бревенчатых стенах висели тяжелые шелковые гобелены, богато расшитые золотом.

Отполированные и покрашенные корабельные балки поддерживали высокий потолок, пол был устлан дорогими коврами. Широкая лестница, ведущая из зала в верхние покои, также была устлана ковром, а ее перилами служили тяжелые корабельные ограждения.

Огонь в большом камине рассеивал ночную сырость. На огромном столе красного дерева стоял большой серебряный канделябр, и в колеблющемся свете нескольких свечей на лестнице плясали причудливые тени. Граф Генри сидел во главе стола, рядом с ним сидели его племянница, гость, Гайо и капитан стражников.

— Так вы преследуете Гарстона? — спросил Генри. — Это вы загнали его сюда?

— Да, я преследовал Гарстона от самого мыса Горн, — усмехнулся Вильер. — Однако он не бежал от меня сюда. Здесь он искал что-то, кое-что такое, что и мне хотелось бы отыскать.

— Что может заинтересовать пирата на этой пустынной земле? — пробормотал Генри.

— То же самое, что может заинтересовать французского графа, — парировал Вильер.

— Испорченность нравов при дворе может надоесть и стать невыносимой для порядочного человека.

— Однако несколько поколений порядочных д'Частильонов переносили ее вполне благополучно, — неожиданно резко произнес Вильер. — Сударь, удовлетворите мое любопытство. Мне не понять, почему вы продали свои земли, погрузили на корабль всю обстановку вашего замка и скрылись за горизонтом, так что никто ничего не знал о вас? Почему вы поселились именно здесь, когда ваш меч и ваше славное имя могли предоставить вам возможность жить в любой цивилизованной стране?

Генри поиграл золотой цепочкой на шее.

— Что касается причин, побудивших меня покинуть Францию, то это касается только меня, — сказал он. — Осесть здесь меня заставила воля слепого случая. Все мои люди высадились на берег и выгрузили большую часть обстановки, о которой вы говорили. Мы собирались построить здесь временное пристанище. Однако внезапно надвинувшийся с запада шторм сорвал мой корабль с якоря и разбил его о скалы северного мыса, так что мы оказались лишены возможности выбраться отсюда.

— Вы хотите сказать, что если бы такая возможность у вас была, вы вернулись бы во Францию?

— Не во Францию. Может быть, в Китай или в Индию...

— Вам, должно быть, скучновато здесь, сударыня, — неожиданно обратился Вильер к Франсуазе.

Девушке было очень любопытно взглянуть на новое лицо и, может быть, услышать что-нибудь интересное, потому она и спустилась в этот вечер в зал. Однако теперь ей очень хотелось оказаться в своей спальне вместе с Тиной. Взгляды, которые время от времени бросал на нее Вильер, были весьма красноречивы. Он искусно поддерживал беседу, его манеры были безупречны, однако Франсуаза понимала, что это лишь маска, скрывающая грубый и жестокий нрав.

— Здесь не слишком много развлечений, — тихо ответила она.

— Если бы у вас был корабль, — повернулся Вильер к хозяину, — вы покинули бы это свое поселение?

— Возможно, — отозвался граф.

— Корабль у меня есть. Если мы договоримся...

— Договоримся? — Генри с изумлением взглянул на гостя.

— Поделим все поровну, — решительно сказал Вильер, положив на стол руку с растопыренными пальцами. В этом жесте было что-то, напоминающее движение большого паука. Пальцы напряженно замерли, а в глазах буканьера зажегся какой-то новый огонь.

— Что поделим? — изумленно переспросил Генри. — Мое золото затонуло вместе с кораблем, и его не вынесло на берег в отличие от деревянных обломков.

— Я не говорю о вашем золоте! — Вильер нетерпеливо взмахнул рукой. — Давайте постараемся

быть честными друг с другом, сударь. Зачем вы лжете, ссылаясь на случай, который будто бы заставил вас высадиться именно в этом месте, за тысячи миль от цивилизованных берегов?

— Мне нет нужды лгать и притворяться перед вами, — сухо ответил граф. — Мой корабль вел человек по имени Жак Пирьо, в прошлом буканьер. Он выбрал этот дикий берег и горячо убеждал меня высадиться здесь, уверяя, что у него есть для этого причины, которые он откроет мне позже. Однако он уже никогда не откроет мне этих причин: в первый же день он исчез в лесах, и некоторое время спустя мои охотники нашли его обезглавленное тело. Было ясно, что его убили индейцы.

Несколько мгновений Вильер недоверчиво смотрел на графа.

— Простите меня, — сказал он наконец. — Я верю вам, сударь. Я должен кое в чем вам признаться. Когда я бросил якорь в вашем заливе, у меня были вполне определенные планы. Я предполагал, что вы уже овладели сокровищами, и собирался приступом взять ваш форт и перерезать всем глотки. Однако некоторые обстоятельства заставили меня изменить мои первоначальные намерения... — Тут он так взглянул на Франсуазу, что краска бросилась ей в лицо, и девушка гневно вскинула голову.

— У меня есть корабль, на котором я могу увезти вас отсюда, — продолжал буканьер. — Но сперва вы должны помочь мне найти сокровища.

— Ради святой Денизы, какие сокровища?! — сердито воскликнул граф. — Вы сейчас несете вздор ничуть не хуже этой собаки Гарстона!

— Вы когда-нибудь слышали о Джовании да Верразано?

— О том итальянце, что занимался каперством на благо Франции и вел каравеллу с сокровищами Монтесумы, которые Кортес отправил в Испанию?

— Да, верно. Это было в 1523 году. Испанцы объявили, что в 1527 году он был повешен, но это ложь. Именно в том году он уплыл за горизонт, и никто не знал, что с ним стало потом. Однако он бежал не от испанцев.

Так вот, послушайте! На той каравелле, которую он вел в 1523 году, находилось величайшее из сокровищ, когда-либо найденных на земле, — бриллианты Монтесумы! В мире ходили легенды о золоте ацтеков, но Кортес хранил их в строжайшей тайне, потому что боялся, как бы его люди, ослепленные видом сокровищ, не взбунтовались. Их погрузили на корабль под видом золотого песка, и когда Верразано захватил каравеллу, они оказались у него в руках.

Как и Кортес, Верразано держал все в тайне даже от тех своих командиров, которым доверял. Он не хотел делить сокровища ни с кем. Он спрятал их в своей каюте, их блеск ослепил его, он почти помешался, как и всякий, кому приходилось видеть эти сокровища. Тайна, однако, вскоре стала известна — возможно, что его помощники что-то пронюхали. Но Верразано был уже одержим страхом, что остальные разбойники нападут на него и завладеют его достоянием. Сокровища стали для него дорожке собственной жизни. В поисках надежного укрытия он отправился на запад, обогнул мыс Горн и навсегда сгинул почти сто лет назад.

Однако ходят упорные слухи о том, что один человек из его команды вернулся и был захвачен испанцами. Но прежде, чем его повесили, он успел кое-что рассказать и собственной кровью на об-

рывке пергамента, который ему как-то удалось раздобыть, нарисовал карту. А рассказал он вот что: да Верразано плыл все дальше на север и наконец, оставив позади Мексику, добрался до берега, куда до той поры не ступала нога христианина.

Он бросил якорь в неизвестном заливе и высадился на берег, забрав с собой сокровища. С ним были одиннадцать человек, которым он доверял больше, чем остальным. Согласно его приказанию, корабль направился дальше на север, чтобы через неделю вернуться за своим капитаном и его товарищами.

Такой приказ он отдал, потому что боялся, как бы кто-то из оставшихся на корабле не стал шпионить за ним и не обнаружил тайник, который он надеялся найти для своих сокровищ на этом диком берегу. Корабль вернулся, как и было условлено, однако ни да Верразано, ни остальных на берегу не оказалось. Только грубо сколоченное жилье говорило об их присутствии на этом берегу.

Эта убогая хижина была почти совсем разрушена, и вокруг виднелись следы босых ног, однако ничто не указывало на какую бы то ни было борьбу. Никаких знаков, никаких следов сокровищ не удалось отыскать.

В поисках капитана буканьеры вошли в лес, но там на них напали дикари, и им пришлось бежать на корабль. Отчаявшись, они подняли якорь, и корабль направился прочь от незнакомого берега, однако потерпел крушение у берегов Дариены, и спастись удалось только одному человеку.

Я рассказал вам историю сокровищ да Верразано, которые почти целый век считались бесследно пропавшими. Я своими глазами видел карту, которую нарисовал тот матрос перед казнью. Со мной

были Гарстон и Пирьо. Это случилось в Гаване, в одной убогой лачуге, где мы тогда скрывались. Кто-то вдруг потушил свечу, и в темноте раздался чей-то стон, а когда мы вновь зажгли свет, то увидели несчастного старика, владельца этой карты, мертвым. В горле у него был кинжал. На крик вдоль улицы уже спешили стражники с пиками. Нам пришлось бежать, и бежали мы порознь.

Многие годы мы с Гарстоном не упускали друг друга из виду. Каждый из нас думал, что другой завладел картой. Мы оба ошибались. Но вот недавно до меня дошел слух, что Гарстон направляется в Тихий океан, и я отправился вслед за ним. Вы видели, чем это закончилось.

Я не успел внимательно рассмотреть карту, когда она лежала на столе того несчастного старика. Однако, судя по тому, как ведет себя Гарстон, он уверен, что это тот самый залив, в котором вставал на якорь корабль да Верразано. Я думаю, что да Верразано с товарищами надежно спрятал сокровища где-то в лесу, а на обратном пути на них напали дикари и всех перебили. Но индейцы не овладели сокровищами. Ни Кабрильо, ни Дрейк, ни кто-либо другой, кто оказывался на этом берегу, не видел золота и драгоценностей в руках индейцев.

Я предлагаю вам с этих пор действовать сообща. Гарстон бежал — испугался, что вместе с вами мы легко перебьем всю его команду, но он непременно вернется. Если мы с вами объединимся, то нам останется только посмеяться над ним. Мы спокойно можем уйти из форта, оставив здесь достаточно людей, чтобы они смогли отразить любое нападение.

Я уверен, что сокровища где-то рядом. Мы найдем их и отправимся куда-нибудь в Германию или в

Италию, где я смогу надежно укрыть свою долю драгоценностей. Мне до смерти надоела моя бродячая жизнь. Я хочу вернуться в Европу и жить как истинный дворянин — в довольстве, иметь слуг, замок и жену из дворянского рода.

— Ну и что? — настороженно отозвался граф.

— Выдайте за меня замуж свою племянницу, — неожиданно потребовал буканьер.

Франсуаза вскрикнула от возмущения и вскочила со стула. Поднялся и Генри. Он был вне себя от ярости. Вильер не шелохнулся. Его пальцы на столе были похожи на когти хищника, а взгляд стал угрожающим.

— Как вы смеете?! — воскликнул Генри.

— Вы забываете, что вы давно потеряли свое положение, граф Генри, — ответил Вильер. — Мы не в Версале, сударь. На этом диком берегу знатность измеряется количеством людей и оружия. И в этом я превосхожу вас. Замок д'Частильонов давно в чужих руках, а состояние на дне океана. Вам останется умирать здесь, если я не возьму вас на свой корабль.

Но если наши дома породнятся, вам не придется пожалеть об этом. Вы увидите, что с новым именем и новым состоянием Гийом Вильер будет достоин найти свое место среди самых знатных аристократов и не посрамит чести самого д'Частильона.

— Вы с ума сошли! — гневно выкрикнул граф. — Вы... что случилось?

Послышались чьи-то быстрые шаги, и в зал вбежала Тина. Она робко сделала что-то вроде реверанса и бросилась к Франсуазе. Девочка запыхалась, ее туфельки были мокрыми, а растрепанные мокрые волосы прилипали к щекам.

— Тина! Где ты была, детка? Я думала, что ты в своей спальне!

— Я и была там, — еле переводя дыхание, ответила Тина. — Но я потеряла коралловое ожерелье, которое вы мне подарили... — Она показала его, это была обычная безделушка, однако девочка дорожила ею больше, чем всем остальным своим имуществом, — ведь это был первый подарок Франсуазы. — Я боялась, что, если скажу вам, вы меня не отпустите. Жена одного солдата помогла мне выйти и впустила обратно. Я нашла его там, где купалась сегодня утром. Если я виновата, то, пожалуйста, накажите меня.

— Тина! — с упреком сказала Франсуаза, прижимая к себе девочку. — Я вовсе не собираюсь тебя наказывать. Но, конечно, ты не должна была выходить за ворота. Пойдем скорее, тебе нужно немедленно переодеться...

— Да, госпожа, — пробормотала Тина, — но разрешите мне сперва рассказать вам про черного человека...

— Что? — вырвался крик у графа Генри. Он схватился обеими руками за стол с такой силой, что уронил на пол свой кубок. Если бы его поразило громом, он, наверное, все же не изменился в лице до такой степени. Лицо графа побагровело, и глаза вылезли на лоб.

— Что ты сказала? — выдохнул он. — Что ты сказала, девчонка?

— Про черного человека, мой господин, — запинаясь от испуга, ответила девочка. Все остальные с изумлением смотрели на графа. — Когда я спутилась к той заводи, чтобы достать мое ожерелье, я увидела его. Я испугалась и спряталась за песчаным холмом. Он был в лодке, а потом втащил лодку на песок там, за южным мысом, и пошел к лесу. Он

настоящий великан, он огромный, очень высокий, этот черный человек...

Граф Генри покачнулся, будто ему нанесли смертельный удар. Он схватился за горло, в ярости порвал золотую цепочку, и в этот момент у него было лицо безумца. Одним прыжком он оказался рядом с Франсуазой и вырвал закричавшую от ужаса девочку из рук племянницы.

— Ты лжешь! — выдохнул он. — Ты лжешь, ты хочешь, чтобы я мучился! Скажи сейчас же, что ты лжешь, пока я не спустил шкуру с твоей спины!

— Дядя! — воскликнула Франсуаза, пытаюсь освободить Тину. — Вы сошли с ума?! Что с вами?!

С диким рычанием граф отшвырнул от себя Франсуазу прямо в руки Гайо. Тот схватил девушку с таким злобным выражением лица; какого трудно было ожидать даже от него.

— Я не лгу, мой господин, — всхлипнула Тина.

— А я говорю, что ты лжешь! — прорычал Генри. — Жак!

Флегматичный слуга грубо схватил дрожащую девочку и одним движением сорвал с нее одежду, потом перебросил ее худенькие ручки через свое могучее плечо и поднял ее над полом.

— Дядя! — в отчаянии закричала Франсуаза, забившись в руках Гайо. — Вы с ума сошли! Вы не смеете!.. Вы не смеете!..

Ее крик бессильно оборвался, когда Генри выхватил кнут с украшенной драгоценными камнями ручкой и яростно ударил хрупкое беззащитное тельце. На плечах Тины заалел рубец.

Девочка пронзительно закричала, и от ее крика Франсуаза едва не потеряла сознание. Весь мир,

как ей показалось, сошел с ума. Сплошным кошмаром выглядели бесстрастные лица слуг, на которых не отражалось ни жалости, ни сочувствия. Частью этого кошмара было ухмыляющееся лицо Вильера. Не осталось ничего реального, кроме белых плечиков Тины, покрытых ярко-алыми рубцами, и отчаянных криков девочки.

Граф с безумными глазами продолжал избивать ее, рыча:

— Ты лжешь! Признайся, что ты лжешь, не то я спущу с тебя шкуру! О н не может преследовать меня здесь...

— Господин! — сквозь слезы кричала девочка, висевшая на спине слуги. — Я видела его! Я не лгу! Пожалуйста! Пожалуйста!

— Дядя, вы дурак! *Вы дурак!* — вне себя от отчаяния воскликнула Франсуаза. — Неужели вы не видите, что она говорит правду? Вы животное! Животное! Животное!

Внезапно к графу как будто вернулся здравый смысл. Опустив кнут, он шагнул назад и всей своей тяжестью навалился на край стола. Его трясло как в лихорадке. По его лицу, казавшемуся сейчас маской Страха, стекали струйки пота, волосы прилипли ко лбу. Жак отпустил Тину, и она безвольно осела на пол, продолжая судорожно всхлипывать. Франсуаза вырвалась из рук Гайо, не замечая, что по лицу текут слезы. Подбежав к девочке, она опустилась на колени и нежно ее обняла. Потом повернулась к дяде, хотела излить на него весь свой гнев, однако тот даже не взглянул в ее сторону. Франсуаза не поверила своим ушам, когда услышала его слова:

— Я принимаю ваше предложение, Вильер. Ради Бога, давайте найдем ваши сокровища и уберемся подальше от этого проклятого берега.

После этих слов гнев Франсуазы будто притух. Воцарилось молчание. Она взяла плачущую девочку на руки и осторожно понесла ее наверх. Оглянувшись на лестнице, она увидела, графа, который, сгорбившись, сидел за столом и жадно глотал вино из кубка, держа его обеими руками. Его руки дрожали. Вильер возвышался над ним, как мрачная хищная птица. Он хотя и был несколько озадачен новым поворотом событий, мгновенно оценил свое преимущество перед графом. Он что-то решительно говорил низким голосом, а Генри молча кивал, со всем соглашаясь, и казалось, он даже не вслушивается в то, что ему говорят. Гайо стоял в стороне, почти скрытый тенью, и двумя пальцами терев подбородок, а слуги, стоявшие вдоль стен, молча переглядывались, недоумевая, что же случилось с их господином.

В своей спальне Франсуаза положила на кровать девочку, которая была в полубессознательном состоянии, и стала промывать и смазывать обезболивающей мазью страшные рубцы на ее спинке. Тина только слегка постанывала, но не сопротивлялась заботливым движениям рук своей госпожи. Франсуазе казалось, что мир обрушился. Она была подавлена и совершенно сбита с толку, ее бил нервная дрожь от ужасной сцены, которую она только что наблюдала внизу. В ее душе царили страх и мгновенно возникшая ненависть к дяде. Она никогда не любила его; он был слишком груб и чересчур жаден.

Однако до сих пор она считала его справедливым и смелым, а сейчас содрогнулась от отвращения, вспомнив выражение его лица. В глазах графа она увидела невероятный страх, вызвавший приступ бешенства, и этот страх заставил его жестоко обойтись с единственным существом, которое было

дорого девушке; тот же страх заставил его продать свою племянницу безродному бродяге. Что же за всем этим скрывается?

Девочка забормотала, как в бреду:

— Я в самом деле не лгала, госпожа! Я видела его — черного человека, закутанного в черный плащ. У меня кровь застыла в жилах, когда я его увидела. Почему граф выпорол меня за это?

— Тише, тише, Тина, — успокоила ее Франсуаза. — Лежи спокойно, малышка.

За ее спиной открылась дверь, и девушка стремительно обернулась, выхватив кинжал с богато отделанной рукояткой. В дверях стоял граф Генри, и у нее по спине пробежали мурашки. Он выглядел внезапно постаревшим; лицо было серым, черты искажены, а его взгляд заставил Франсуазу вздрогнуть. Она никогда не испытывала к нему теплых родственных чувств, а теперь ей казалось, что их разделяет пропасть. Ей казалось, что на пороге ее комнаты стоит не родной дядя, а совсем чужой человек, и от него исходит опасность.

Она подняла кинжал.

— Если только вы еще дотронетесь до нее, — почти прошептала девушка пересохшими губами, — я всажу этот клинок вам в грудь.

Он будто бы и не слышал этой угрозы.

— Я выставил усиленную охрану вокруг поместья, — произнес он. — Завтра Вильер приведет в форт своих людей. Он не отчалит, пока не найдет сокровищ. А как только он их найдет, мы уедем отсюда.

— И вы продадите меня ему? — вырвалось у Франсуазы. — Ради Бога...

Она осеклась. Взгляд графа, устремленный на нее, ясно говорил, что он думает только о себе.

Девушка сжалась, увидев, что страх может довести его до любой жестокости.

— Ты поступишь так, как я тебе прикажу,— сказал он наконец, и человеческих чувств в его голосе было не больше, чем в звоне стальных клинков. Он повернулся и вышел. От ужаса Франсуазу охватила слабость, и она в изнеможении упала на постель рядом с Тиной.

4

Франсуаза не знала, сколько времени пролежала в беспамятстве. Очнувшись она от того, что Тина обняла ее и всхлипывала над самым ее ухом. Она тоже обняла девочку и села на постели, глядя невидящими глазами на горевшую свечу. В крепости было тихо. Умолкли и песни буканьеров на берегу. Девушка задумалась о том, что случилось.

Было ясно, что рассказ о таинственном черном человеке довел графа Генри до бешенства и что он надеялся избежать встречи с этим человеком, покинув свое поселение вместе с Вильером. Было ясно и то, что он готов принести ее в жертву за возможность такого избавления.

Франсуазе казалось, что ее окутала тьма, и она не видела в этой тьме ни малейшего просвета. Все слуги были тупыми или бессердечными грубиянами, их жены тоже грубы и апатичны. Никто из них и не подумает ей помочь, она абсолютно беспомощна.

Тина подняла свое залитое слезами личико, будто бы прислушиваясь к какому-то внутреннему голосу. Девочка словно читала сокровенные мысли Франсуазы, и это было так же сверхъестественно, как и то,

что она сознавала всю неумолимость Судьбы, и то, что у них нет никакой надежды.

— Моя госпожа, мы должны бежать! — горячо зашептала она. — Вы не достанетесь Вильеру. Давайте убежим далеко в лес. Мы будем идти до тех пор, пока силы не покинут нас, а тогда мы ляжем и умрем вместе.

В душе Франсуазы словно родилась некая сила, которую отчаяние придает слабым. Да, только так можно избавиться от зловещего мрака, который сгустился над ней с того самого дня, когда они покинули Францию.

— Да, малышка, мы убежим.

Она поднялась и стала искать плащ, но ее отвлек от этого занятия возглас Тины. Девочка стояла, прижав палец к губам, и ее широко раскрытые глаза были наполнены ужасом.

— Что случилось, Тина? — прошептала Франсуаза, внезапно охваченная испугом.

— Там кто-то есть, в зале, — шепотом ответила Тина, судорожно протянув руку к двери. — Он стоял у нашей двери, а потом спустился в зал.

— Твой слух острее моего, — пробормотала Франсуаза. — Но тут нет ничего удивительного. Наверное, это граф или Гайо.

Она направилась было к двери, но Тина обхватила ее руками за шею, и она услышала, как бьется сердце девочки.

— Не открывайте дверь, госпожа! Я боюсь! Рядом с нами какое-то зло!

Потрясенная Франсуаза потянулась к металлическому кружку на двери, прикрывавшему дверной глазок.

— Он возвращается! — девочка задрожала. — Я слышу его шаги.

Франсуаза тоже услышала крадущиеся шаги и с ужасом поняла, что эти шаги не принадлежат никому из тех людей, которых она знала. Это не мог быть Вильер, на этом человеке не было башмаков. Но кто же тогда? Наверху нет никого, кроме них с Тиной, графа и Гайо.

Быстрым движением она потушила свечу, чтобы свет не пробивался в дверной глазок, и сдвинула металлический кружок на двери. Прикинув к глазку, она скорее почувствовала, чем увидела темную тень, скользнувшую мимо ее двери, но ничего не смогла определить, кроме того, что тень принадлежала человеку. Ее охватил необъяснимый ужас.

Человек дошел до лестничной площадки и на мгновение стал виден в зыбком красноватом свете, который шел снизу, — кто-то чудовищный, черный стал спускаться по лестнице. Она прижалась к двери и долго вслушивалась в надежде услышать окрик стражи, которая схватит незнакомца. Однако форт молчал; не было слышно ничего, кроме порывов ветра.

Влажными от пережитого волнения руками Франсуаза снова зажгла свечу. Она не могла понять, что привело ее в такой ужас от этой черной фигуры в красном свете камина. Но девушка твердо знала, что видела нечто злое, лежащее за пределами ее понимания, до того ужасное, что оно отвлекло ее от собственных переживаний. Она была подавлена.

Свеча зажглась и осветила бледное личико Тины.

— Это был черный человек! — прошептала Тина. — Я знаю! У меня кровь застыла в жилах точно так же, как тогда, когда я увидела его на берегу! Мы пойдем и скажем графу?

Франсуаза покачала головой. Она вовсе не хотела, чтобы повторилась отвратительная сцена, ко-

торая последовала за тем, как девочка в первый раз сказала о черном незнакомце. Во всяком случае она не пойдет в темный зал. Она знала, что территория форта охраняется, что стражники стоят вокруг поместья. Ей было непонятно, как этот человек мог попасть в форт. Это казалось ей сверхъестественным. Кроме того, сейчас у нее появилась непонятная уверенность, что этого человека, кто бы он ни был, уже нет в форте, что он исчез так же таинственно, как и появился.

— Нам нельзя идти в лес, — дрожащим голосом сказала Тина. — Где-то там прячется он...

Франсуаза не стала переспрашивать девочку, почему она так уверена, что черный человек должен быть в лесу; этот лес мог служить самым естественным убежищем для любого зла в образе человека или дьявола. Она знала, что Тина права. Теперь им нельзя покидать форт. Решимость, с которой она была готова идти на верную смерть, теперь колебалась от мысли об этих лесах, под сенью которых скрывается кошмарное черное создание. Она беспомощно села на кровать и закрыла лицо руками.

Тина в конце концов заснула беспокойным сном. Девочка время от времени всхлипывала и поминутно вертелась, пытаясь устроиться так, чтобы не чувствовать жгучей боли во всем теле. Под утро стало душно. Где-то вдалеке над морем прогремел гром. Франсуаза погасила сгоревшую почти до основания свечу и подошла к окну, из которого были видны и океан, и лес.

Туман рассеялся, но от горизонта на море двигались темные тучи. Там сверкали молнии, и оттуда доносились раскаты грома. Неожиданно из мрачных лесов, будто в ответ этим раскатам, донесся какой-то грохот. Девушка вздрогнула и прислу-

шалась, глядя на темневший лес. Теперь она отчетливо слышала ритмичные удары барабана, но они не были похожи на барабанный бой индейцев.

— Барабан! — воскликнула Тина, во сне судорожно сжимая и разжимая пальцы. Она заметалась на кровати. — Это черный человек бьет в черный барабан в черных лесах! Спасите нас!

Франсуаза поежилась. Далеко на востоке над горизонтом появилась белая полоска — предвестница рассвета. Однако с запада быстро надвигалась огромная грозовая туча. Девушка удивленно смотрела на нее — в это время года здесь почти никогда не бывало штормов, и ей раньше не приходилось видеть такие тучи.

Эта туча будто заливала весь мир своей чернотой, в глубине которой сверкали молнии. Она клубилась над морем, и где-то в ее глубине рождался ветер. От раскатов грома, казалось, дрожал воздух. С громом перекликалось завывание ветра. Чернильно-черное небо тут и там разрезали вспышки молний; далеко в море ветер гнал перед собой белые пенистые гребни волн. Франсуаза уже слышала отдаленный рев ветра, но ветер еще не достигал берега. Жаркий воздух над берегом будто сгустился, было очень душно. Где-то внизу хлопнули ставни, женский голос что-то тревожно крикнул. Однако в поместье все было по-прежнему спокойно.

Барабанный бой не прекращался, и по ее спине пробежали мурашки. Ничего не разглядев в чернеющей стене леса, она отчетливо представила черного человека, сидящего под черными ветвями и ритмично бьющего в барабан, зажатый между коленями. *Но зачем?*

Она тряхнула головой, отгоняя наваждение, и взглянула на море как раз в тот момент, когда

сверкнула молния. В ее ярком свете девушка увидела мачты корабля Вильера, навесы на берегу, песчаные холмы южного мыса и скалы северного. Рев ветра становился все громче, и теперь поместье проснулось. На лестнице послышались шаги, и раздался голос Вильера, в котором слышалась тревога.

Хлопнула дверь, и ему что-то ответил граф Генри, перекрикивая рев ветра.

— Почему вы не предупредили меня, что с запада может прийти шторм? — прокричал буканьер. — Если якоря не выдержат, судно отнесет прямо на скалы!

— В это время года еще не бывало, чтобы шторм пришел с запада! — ответил граф, выбежав из спальни в ночной рубашке; он был очень бледен, волосы стояли дыбом. — Это работа...

Раскат грома заглушил его слова, он метнулся к лестнице, ведущей в смотровую башню. Буканьер, извергая проклятия, последовал за ним.

Напуганная и оглушенная Франсуаза приникла к окну. Ветер заглушил почти все остальные звуки, но по-прежнему из леса доносился безумный барабанный бой, как знак некоего триумфа. Ветер теперь ревел над берегом, по морю неслись огромные валы с пенистыми гребнями, и вот уже будто сам дьявол вырвался на свободу на этом берегу. На землю обрушились потоки дождя.

От порывов ветра содрогались бревенчатые стены. Волны, накатываясь на песок, смыли остатки потухших костров. В свете молнии сквозь пелену дождя Франсуаза увидела, как порванные в клочья навесы буканьеров унесло в море, увидела самих буканьеров, пытавшихся добраться до форта, — ветер и ливень заставляли их двигаться едва ли не ползком.

Следующая вспышка осветила корабль Вильера, сорвавшийся с якорей. Его несло на острые скалы, которые, казалось, хищно ждали жертву.

5

Шторм, обрушивший на землю всю свою ярость и бушевавший в течение многих часов, наконец-то стал затихать, и вот уже в ясном голубом небе, будто вымытом прошедшим ливнем, засияло солнце. Англичанин наклонился над ручейком, который бежал к морю, извиваясь между деревьями и кустами.

В отличие от большинства своих соотечественников этот человек умывался шумно, плескаясь и ворча, словно бизон. Внезапно он поднял голову. С мокрых волос вода ручейками стекала по загорелым плечам. Одним быстрым движением он вскочил на ноги, глядя вперед, и обнажил меч.

По песку к нему приближался человек примерно одного с ним роста с обнаженной саблей в руке. По выражению лица было нетрудно угадать его намерения.

Узнав его, пират побледнел.

— Дьявол! — изумленно воскликнул он. — Это ты!

С проклятиями на устах он поднял меч над головой. С деревьев вспорхнули птицы, испуганные звоном стали. Лезвия скрестились, посыпались искры, взметнулся песок под тяжелыми башмаками. Но вот лязг металла оборвался, послышался скрежет — один из клинков оказался перерублен, и один из соперников, глотая воздух, упал на колени и повалился на песок, выронив оружие. Последним усилием он достал что-то из своего пояса и попытался поднес-

ти руку к губам, но она уже не послушалась и бессильно упала вдоль тела.

Победивший наклонился над телом врага и, разжав костенеющие пальцы, взял то, что они пытались удержать.

Вильер и д'Частильон стояли на берегу, глядя на перекладыны рангоутов, обломки мачт и других деревянных частей корабля, которые людям удалось собрать. Шторм жестоко разбил о низкие скалы корабль Вильера: то, что удалось выловить, годилось разве что на спички. Неподалеку от них стояла Франсуаза, обнимая Тину за плечи одной рукой. Девушка была бледна и казалась безразличной ко всем неожиданностям, которые еще уготованы ей неумолимой Судьбой. Без всякого интереса слушала она разговор графа и Вильера. Ей было все равно, ее подавляло сознание того, что она оказалась простой пешкой в игре и от нее решительно ничего не зависело.

Вильер злобно ругался, а Генри выглядел ошеломленным.

— В это время года не бывает штормов, — бормотал он. — Это не случайно. Этот шторм пришел из непостижимой бездны, чтобы разбить корабль, на котором я собирался спастись. Спасти? Нет, теперь мы все как крысы в ловушке.

— Не возьму в толк, о чем вы говорите, — проворчал Вильер. — От вас не добиться ничего с того момента, как эта растрепанная девчонка вывела вас из себя своим дурацким рассказом о черном человеке, который появился из моря. Но что касается меня, то я вовсе не намерен провести всю жизнь на этом проклятом берегу. Десять моих людей погибли вместе с кораблем, но со мной еще сотня. У вас почти столько же. В вашем форте найдутся инстру-

менты, а в лесу полно деревьев. Уж что-нибудь вроде судна мы построим, а потом отобьем какой-нибудь испанский корабль.

— Это займет не один месяц,— нерешительно ответил Генри.

— А вы можете предложить другой выход? Мы с вами здесь, и кроме нас самих, не от кого ждать спасения. Я очень надеюсь, что этот шторм разбил вдребезги и судно Гарстона! А пока мы строим корабль, мы будем искать сокровища да Верразано.

— Нам едва ли удастся построить корабль,— с сомнением отозвался Генри.

— Вы боитесь индейцев? У нас достаточно людей, чтобы драться с ними.

— Нет, я говорю не о краснокожих. Я говорю о черном человеке.

Вильер сердито взглянул на него.

— Вы перестанете говорить загадками? Кто такой этот ваш трижды проклятый черный человек?

— И в самом деле трижды проклятый,— задумчиво ответил Генри, глядя вдаль.— Я боялся его и потому бежал из Франции, надеясь, что мои следы потеряются в западном океане. Но он и здесь нашел меня, несмотря ни на что.

— Ну что ж, если он действительно здесь, он наверняка прячется в лесу,— уверенно сказал Вильер.— Мы прочедем лес и найдем его.

Генри горько рассмеялся.

— С таким же успехом можно голыми руками в сплошной темноте задушить кобру.

Вильер недоверчиво взглянул на него, явно сомневаясь в нормальности графа.

— Кто он? Объясните же наконец!

— Сам дьявол, рожденный на дьявольском берегу, на Берегу Рабов...

— Вижу парус! — раздался крик с северного мыса.

Вильер повернулся туда и в свою очередь прокричал:

— Ты знаешь, чей это парус?

— Да! — раздалось в ответ.— Это «Боевой Ястреб»!

— Гарстон! — прорычал Вильер.— Его, должно быть, сам черт охраняет! Как ему только удалось уцелеть в этом шторме? — Его голос загремел над берегом.— Немедленно в форт, собаки!

Прежде чем изрядно покореженный «Боевой Ястреб» обогнул мыс, берег опустел. Из-за крепостной стены торчали головы в шлемах и другие, повязанные цветными шарфами. Когда к берегу подошла лодка и Гарстон в одиночку направился к форту, Вильер оскалил зубы в довольной ухмылке.

— Эй, в форте! — В утренней тишине голос англичанина был слышен очень отчетливо.— Я прошу о переговорах! Когда я в последний раз поднял флаг перемирия, меня обстреляли! Я хотел бы, чтобы вы мне пообещали, что этого больше не произойдет!

— Ладно, я обещаю тебе это! — с сардонической усмешкой отозвался Вильер.

— Плевал я на твои обещания, французская собака! Мне нужно слово д'Частильона.

К графу, казалось, вернулось достоинство. С некоторой важностью в голосе он ответил:

— Добро пожаловать, но своих людей держите подальше. Мы не будем стрелять.

— Этого мне довольно,— отозвался Гарстон.— В чем бы другом ни был грешен д'Частильон, его слову можно доверять.

Он подошел к самым воротам и остановился, засмеявшись над выражением лица Вильера. Тот бросил на англичанина полный ненависти взгляд.

— Ну что, Гийом,— насмешливо сказал Гарстон,— у тебя стало кораблем меньше, с тех пор как я видел тебя в последний раз! Впрочем, вы, французы, никогда не были моряками.

— Как тебе удалось спасти корабль, бристольский поденок? — прорычал буканьер.

— В нескольких милях к северу отсюда есть бухточка, защищенная от штормов высокими горами,— ответил Гарстон.— В ней-то мы и отсиделись, правда, якоря протащили нас немного, но все же удержали.

Вильер хмуро взглянул на графа Генри, тот промолчал. Он ничего не знал об этой бухте. Он предпочитал не исследовать окрестности форта из-за страха перед индейцами.

— Я хотел бы поторговаться с вами,— просто сказал Гарстон.

— Мы с тобой уже достаточно торговались, побереги лучше свои мечи,— проворчал Вильер.

— Я так не думаю,— тонко улыбнулся Гарстон.— Ты приложил руку к убийству моего первого помощника Ричардсона и ограбил его. Вплоть до сегодняшнего утра я был уверен, что д'Частильон завладел сокровищами да Верразано. Но сейчас я понимаю, что если бы они были у кого-то из вас, тебе не понадобилось бы преследовать меня и убивать моего помощника, чтобы добыть карту.

— Карту! — воскликнул Вильер, вытягиваясь в струнку.

— Не притворяйся! — Гарстон засмеялся, но в его глазах полыхнула ярость.— Я знаю, что она у тебя. Индейцы не носят башмаков.

— Но...— нерешительно начал Генри и осекся под взглядом Вильера.

— Что ты хочешь предложить? — спросил Вильер.

— Позвольте мне войти в форт,— отозвался пират.— Мы можем поговорить там.

— Но твои люди останутся на своих местах,— предупредил его Вильер.

— Да, разумеется. Однако не думай, что вы возьмете меня в плен,— мрачно улыбнулся Гарстон.— Пусть д'Частильон даст слово, что я выйду из форта живым и невредимым ровно через час, независимо от того, договоримся мы или нет.

— Я обещаю это,— ответил граф.

— Вот и отлично. Откройте ворота.

Ворота открылись и закрылись за Гарстоном, и все трое вошли в поместье. С той и с другой стороны крепостной стены люди настороженно смотрели друг на друга. Франсуаза и Тина стояли на лестничной площадке, однако их никто не заметил. Граф Генри, Гайо, Вильер и Гарстон расселись вокруг широкого стола. Кроме них, в зале никого не было.

Гарстон осушил кубок и поставил его на стол. Доверительное выражение его лица не вязалось с колючим взглядом больших глаз. Он заговорил сразу о деле.

— Мы все хотим заполучить сокровища да Верразано, спрятанные где-то поблизости,— сказал он.— И у каждого из нас есть что-то, в чем нуждаются остальные. У д'Частильона есть люди, есть припасы и крепость, в которой мы можем укрываться от дикарей. У тебя, Вильер, моя карта. У меня корабль.

— Если у тебя все эти годы была карта,— перебил его Вильер,— почему ты не воспользовался ею раньше?

— У меня ее не было. Того несчастного старика в темноте убил Пирьо, он и завладел картой. Но у него не было ни корабля, ни команды, и прошло больше года, прежде чем он нашел их. Однако когда он отправился на поиски, на его пути встали индейцы. Люди взбунтовались и заставили его плыть обратно. Один из них выкрал карту и позже продал ее мне.

— Так вот почему Пирьо знал этот залив,— пробормотал граф.

— Эта собака привела вас сюда? Как же я раньше не догадался?! Где он?

— Его убили индейцы как раз тогда, когда он отправился на поиски сокровищ.

— Вот это здорово! — вырвалось у Гарстона. — Ну что ж, я не знаю, каким образом тебе удалось пронюхать, что карта у моего помощника, — обратился он к Вильеру. — Я доверял ему, и мои люди доверяли ему даже больше, чем мне самому, вот я и отдал ему карту. Однако этим утром он оторвался от всех и заблудился, а потом мы нашли его мертвым неподалеку от берега. Карта пропала. Сперва в убийстве обвинили меня, но рядом обнаружили следы, и остолопы увидели, что следы моих башмаков с ними не совпадают. Ни у одного человека из моей команды не оказалось башмаков, которые могли оставить такие отпечатки. Индейцы не носят башмаков. Значит, это был француз.

Теперь у вас есть карта, но вы еще не нашли сокровища. Если бы они были у вас, вы не позволили бы мне войти в форт. Вы здесь заперты. Вам не выйти на поиски сокровищ, а кроме того, у

вас не осталось корабля, чтобы вывезти их отсюда.

Вот что я предлагаю, Вильер. Отдай мне карту, а граф пусть даст мне мяса и прочих припасов, а то у моей команды скоро начнется цинга после долгих скитаний. Когда я вернусь, я возьму с собой вас троих и мадемуазель Франсуазу с ее девочкой и доставлю вас в какой-нибудь порт в Атлантике, где вы сможете нанять корабль и добраться до Франции. Чтобы закрепить сделку, я обещаю поделиться сокровищами с каждым из вас.

Буканьер задумчиво подкручивал усы. Он знал, что Гарстон не из тех, кто выполняет какие-либо обещания. Соглашаться на предложение Гарстона он не собирался, но это означало войну, а Вильер не был готов к вооруженным действиям. Но завладеть «Боевым Ястребом» ему хотелось, пожалуй, не меньше, чем найти сокровища Монтесумы.

— А что мешает нам оставить тебя заложником и потребовать у твоих людей корабль в обмен на тебя? — спросил он.

Гарстон презрительно усмехнулся.

— Ты считаешь меня круглым дураком? Моим людям отдан приказ поднять якорь и отплыть при первом же намеке на какие бы то ни было угрозы, если я останусь на берегу. Кроме того, граф Генри дал слово...

— Мое слово — не пустой звук, — нахмурившись, сказал граф. — Не спешите с угрозами, Вильер.

Буканьер не ответил, он был целиком поглощен мыслью о захвате корабля Гарстона и лихорадочно соображал, как бы продолжить переговоры, не давая Гарстону понять, что карты у него нет. Он строил догадки относительно того, кто завладел этой проклятой картой.

— Позволь моим людям отплыть вместе со мной на твоём корабле, — произнес он. — Я не могу бросить на произвол судьбы моих верных...

Гарстон фыркнул.

— Ты бы уж лучше попросил мою саблю, чтобы перерезать мне плотку! Не можешь бросить на произвол судьбы — ба! Да ты продашь дьяволу душу родного брата, если только это будет пахнуть деньгами. Нет уж, твоим людям не удастся захватить мой корабль.

— Дай нам хотя бы сутки на размышление, — попытался Вильер выиграть время.

Гарстон ударил по столу своим тяжелым кулаком, так что вино в бокалах заплескалось.

— Нет, клянусь дьяволом! Отвечайте сейчас!

Вильера захлестнула волна черной ярости, он вскочил.

— Английская собака! Я отвечу тебе — я выпущу из тебя кишки!

Он сбросил плащ и схватился за рукоять меча. Гарстон с ревом оттолкнул свой стул, с грохотом упавший на пол. Граф Генри метнулся ему наперерез и встал между противниками, раскинув руки в стороны.

— Господа, прекратите! Вильер, я дал ему слово...

— К дьяволу ваше слово! — прорычал Вильер.

— Посторонитесь, сударь, не мешайте! — воскликнул пират. — Я освобождаю вас от вашего слова до тех пор, пока не разделаюсь с этой собакой!

— Неплохо сказано, Гарстон! — раздался низкий властный, несколько удивленный голос. Все как по команде повернулись и замерли. На площадке лестницы тихо ахнула Франсуаза.

Из-за портьер, закрывавших дверь в спальню, появился человек и без тени сомнения решительно

шагнул к столу. В мгновение ока он оказался здесь главным, и все внимание было теперь направлено на него.

Незнакомец оказался выше всех присутствующих и чрезвычайно мощного телосложения, однако, несмотря на это, он двигался мягко, как пантера, в своих высоких сапогах с раструбами.

На нем были облегающие белые шелковые штаны, под распахнутым широкополым голубым кафтаном виднелись белая шелковая рубашка и алый пояс. Кафтан украшали серебряные продолговатые пуговицы и золотая отделка на манжетах и карманах, завершал картину атласный воротник. На голове у незнакомца была темно-фиолетовая шляпа с широкими полями, на поясе висела тяжелая сабля.

— Вулми! — воскликнул Гарстон, в то время как остальные перевели дыхание.

— А кто же еще? — Великана явно забавляло всеобщее изумление.

— Как вы сюда попали? — наконец выдавил из себя Гайо.

— Я перебрался через стену с восточной стороны, пока вы, как остолопы спорили возле ворот, — ответил Вулми. Он говорил с заметным ирландским акцентом, однако без ошибок. — Все, кто был в форте, вытягивая шеи, смотрели на запад, так что я без помех вошел в дом, когда Гарстона впустили в ворота. С тех пор я находился в этой спальне и слышал все, о чем вы говорили.

— Я считал, что ты утонул, — медленно проговорил Вильер. — Три года назад твой разбитый корабль видели у берегов Амичели, и ты больше не появлялся на Большой земле.

— Однако, как видишь, я жив, — ответил Вулми.

С лестничной площадки на него во все глаза смотрела маленькая Тина, от волнения дергая за руку Франсуазу.

— Вулми! Это Черный Вулми, госпожа! Смотрите! Смотрите! — шептала она.

Франсуаза смотрела. Перед ней была живая легенда. Кто из моряков не слышал песен и баллад, увековечивших дикие деяния Черного Вулми, грозы испанцев? Его нельзя было не принимать в расчет. С того момента, как он появился из-за портьеры, стало ясно, что главное действующее лицо здесь теперь он.

Граф оправился от неожиданности и обратился к Вулми:

— Что вам угодно? Вы прибыли морем?

— Я пришел из лесов, — ответил ему ирландец. — Я слышал, вы тут спорили о какой-то карте...

— Это тебя не касается! — перебил его Гарстон.

— Не об этой ли? — с плутовской ухмылкой Вулми достал из кармана клочок пергамента, испещренный неясными линиями.

Гарстон, побледнев, рванулся к нему.

— Моя карта! — воскликнул он. — Откуда она у тебя?

— Я забрал ее у Ричардсона, когда разделался с ним, — весело отозвался Вулми.

— Собака! — Гарстон повернулся к Вильеру. — У тебя никогда не было карты! Ты лгал...

— Я никогда и не говорил, что она у меня, — спокойно ответил Вильер. — Ты сам это решил. Не валий дурака. Вулми здесь один. Если бы он был с людьми, они давно бы перерезали наши глотки. Мы возьмем у него карту...

— Вам не удастся даже прикоснуться к ней, — рассмеялся Вулми.

Гарстон и Вильер, одновременно вырвавшись, двинулись к нему. Шагнув назад, он смял пергамент и бросил его в камин. Гарстон кинулся на него, но тут же был сбит с ног ударом огромного кулака. Вильер выхватил меч, но не успел поднять его, как тяжелая сабля Вулми выбила оружие из руки.

Вильер отлетел к столу. Тем временем Гарстон поднялся на ноги, из его рассеченного уха текла кровь. Облокотившись на стол, Вулми приставил саблю к груди графа Генри.

— Не надо звать солдат, дорогой граф, — мягко сказал ирландец. — И ты, собака, тоже ни звука! — Это относилось к Гайо, который и не думал пошевелиться или что-то крикнуть. — Карта превратилась в золу, и нечего проливать из-за нее кровь. Садитесь-ка все.

Гарстон, поколебавшись, пожал плечами и нехотя уселся на стул. Остальные последовали его примеру. Вулми остался стоять, возвышаясь над столом. Глаза обоих его врагов горели бешенством.

— Вы здесь пытались торговаться, — сказал Вулми. — Я тоже хочу поторговаться с вами.

— И что же ты хочешь продать? — с издевкой спросил Вильер.

— *Сокровища Монтесумы!*

— Что?! — Все четверо вскочили, подавшись к нему.

— Сидеть! — рявкнул Вулми, положив на стол саблю. Им пришлось подчиниться. Все лица были белыми, как полотно. Вулми усмехнулся, глядя на них.

— Да, вы не ослышались. Я нашел их до того, как у меня оказалась эта карта. Потому я ее и сжег — мне она ни к чему. И теперь никто не сможет найти их, покуда я не покажу дорогу к ним.

Все смотрели на него с немой ненавистью. Вильер первым нарушил молчание:

— Ты лжешь. Одну ложь мы от тебя уже выслушали. Ты сказал, что пришел из лесов, хотя всем известно, что в этих диких местах обитают одни дикари.

— Я провел три года среди этих самых дикарей, — последовал ответ. — Когда буря разбила мой корабль неподалеку от Рио Гранде, мне удалось добраться до берега, и я направился вглубь, к лесу, опасаясь встречи с испанцами. Так я попал в кочующее племя индейцев. Они двигались на восток, спасаясь от более могущественного племени, и я не нашел для себя ничего лучше, как отправиться с ними. Так я и сделал и разделял их странствия в течение долгого времени, а покинул их всего месяц назад.

К этому времени мы зашли далеко на запад, я решил, что смогу добраться до берега Тихого океана, и пошел один. Однако милях в ста к востоку меня взяли в плен дикие краснокожие и сожгли бы живьем, если бы мне не удалось бежать, убив их вождя и еще троих или четверых дикарей в одну прекрасную ночь.

Они гнались за мной почти до этого берега, но в конце концов мне удалось уйти. И клянусь дьяволом, то место, где они отказались от преследования, оказалось хранилищем сокровищ да Верразано! Я нашел все: сундуки с одеждой и оружием — там-то я и подобрал себе саблю и одежду, — груды золота и серебра, и, наконец, сокровища Монтесумы! Они сверкают, как застывшие звезды, эти камни! А да Верразано и его одиннадцать буканьеров сидят за эбонитовым столом так же, как сидели сотню лет назад!

— Что?!

— Да! Все они умерли посреди своих сокровищ! Их тела высохли, как мумии, но разложение их не коснулось. Они так и сидят со стаканами в руках, и надо думать, просидели так почти целый век!

— Невероятно! — пробормотал Гарстон, однако Вильер перебил его:

— Это ничего не значит. Речь идет о том самом сокровище, которое мы хотим найти. Продолжай, Вулми.

Прежде чем говорить дальше, Вулми сел за стол и наполнил кубок.

— Несколько дней я отлеживался и отдыхал, делал силки для диких кроликов, залечивал раны. Однажды я увидел дымок на западе, но подумал, что на берегу есть индейское поселение. Однако когда мои преследователи отказались от погони, я понял, что индейцы избегают места, где спрятаны сокровища. Если они и наблюдали за мной, то делали это абсолютно незаметно.

Нынче ночью я отправился на берег, рассчитывая выйти в нескольких милях севернее от того места, над которым поднимался дым. Когда разразился шторм, я был недалеко от берега. Я укрылся от непогоды под большой скалой, а когда шторм утих, забрался на дерево, чтобы выяснить, далеко ли индейцы. Ту-то я и увидел твой корабль на якоре, Гарстон, и твоих людей на берегу. Я направлялся к вашему лагерю, когда встретил Ричардсона. Между нами была старая вражда, и я убил его. Никогда я не узнал бы, что у него есть карта, но он пытался съесть ее, прежде чем умер.

Конечно, я узнал эту карту и уже прикидывал, какую пользу она может мне принести, но подошел ты со своими собаками, и вы обнаружили тело. Пока вы спорили о том, кто убийца, я лежал совсем

рядом в чаще леса. Тогда я и понял, что еще не время обнаружить себя.

Он рассмеялся, а лицо Гарстона перекошилось от ярости.

— Ну вот, пока я так лежал и слушал, я понял из ваших слов, что в нескольких милях к югу на берегу находятся д'Частильон с Вильером. Я услышал, как ты сказал, что убийца, должно быть, Вильер, что он забрал карту и что ты собираешься поговорить с ним и найти возможность убить его и вернуть эту карту...

— Скотина! — выкрикнул Вильер.

Гарстон недобро усмехнулся:

— А ты думал, что я детей крестить собираюсь с такой собакой, как ты? Продолжай, Вулми.

Ирландец кивнул. Было ясно, что он старается подлить масла в огонь вражды между этими двумя.

— Да это, пожалуй, и все. Я пошел прямо через лес и добрался до форта быстрее, чем вы на своем корабле. У меня сокровища, у Гарстона корабль, у графа Генри припасы. Клянусь дьяволом, Вильер, я не знаю, на что ты нам, но учтем и тебя, чтобы не было никаких раздоров. То, что я хочу предложить, весьма просто.

Сокровища мы поделим на четверых. Мы с Гарстоном заберем каждый свою долю и уйдем отсюда на «Боевом Ястребе». Вы с д'Частильоном возьмете себе то, что вам причитается, и останетесь полноправными владельцами этих диких мест либо постройте свой корабль — как вам будет угодно.

Граф Генри при этих словах побледнел, Вильер чертыхнулся, а Гарстон довольно ухмыльнулся.

— Неужели ты настолько глуп, что выйдешь в море с Гарстоном на «Боевом Ястребе»? — спросил

Вильер. — Он же наверняка перережет тебе глотку, едва успеет берег исчезнуть из виду.

— Ну да, это как в загадке про овцу, волка и капусту, — засмеялся Вулми. — Как перевезти их через реку в целости и сохранности?

— Уж это твое кельтское чувство юмора! — проворчал Вильер.

— Я не останусь здесь! — воскликнул граф Генри. — С сокровищами или без них, мне надо убраться отсюда!

Вулми взглянул на него и на миг задумался.

— Ну что ж, — произнес он. — Тогда пусть Гарстон плывет с Вильером и забирает вас с домочадцами, позволив вам взять с собой необходимую прислугу. Я останусь здесь, в форте, у меня будут ваши люди и люди Вильера, с их помощью я смогу построить небольшой корабль и добраться до испанских вод.

Теперь побледнел Вильер.

— Значит, я должен выбрать между возможностью остаться здесь либо оставить здесь свою команду и в одиночку подняться на борт «Боевого Ястреба», чтобы этот дьявол перерезал не твою, а мою глотку?

Вулми от души рассмеялся, и его смех отозвался эхом под сводами большого зала.

— Да и я о том же, Гийом! — воскликнул он, нимало не смущенный тем, что Вильер весь сжался в кресле под его взглядом, и только глаза поблескивали из-под густых бровей.

— И я о том же! Решай, остаешься ли ты здесь, а мы с Диком отплывем, или отправляйся с Диком сам, а со мной оставь своих людей.

— Я уж лучше возьму с собой Вильера, — рассудительно отозвался Гарстон. — Ты поднимешь про-

тив меня моих людей, и мои дни будут сочтены, я не успею даже обогнуть Горн.

Вильер вытер рукавом вспотевший лоб.

— Ни я, ни граф, ни его племянница не доберутся до берегов Франции, если мы отправимся с этим чудовищем, — сказал он. — Сейчас все зависит от меня. Этот зал окружен моими людьми. Мне ничто не мешает разом покончить с вами обоими.

— Верно, тебе ничто не мешает, — спокойно отозвался Вулми. — Только ты забыл о том, что люди Гарстона могут захватить твой корабль. Ты забыл и о том, что без меня ты никогда не доберешься до сокровищ, и о том, что ты не жилец на этом свете, стоит мне только добраться до твоей команды.

Все это Вулми произнес с усмешкой, но даже Франсуаза поняла, что он отвечает за свои слова. На коленях у него лежала обнаженная сабля, и Вильер в случае необходимости не успел бы выхватить свой меч из-под стола.

— Ты задал по крайней мере двоим из нас нелегкую задачу, Вулми, — ругнувшись, произнес наконец Гарстон. — Меня устраивает то, что предлагает Вулми. Что вы скажете на это, сударь?

— Я должен покинуть этот берег! — почти в бешеном шепоте прошептал Генри. — Я должен исчезнуть отсюда. И как можно быстрее, и как можно дальше!

Гарстон удивленно передернул плечами и повернулся к Вильеру с любезнейшей из улыбок:

— А что скажешь ты, Гийом?

— Разве у меня есть выбор? — хмуро отозвался Вильер. — Если ты позволишь мне взять с собой троих офицеров и четыре десятка солдат, то считай, что мы договорились.

— Троих офицеров и еще полсотни человек!

— Отлично!

— Тогда по рукам!

Однако они не пожали руки в знак согласия. Оба капитана глядели друг на друга через стол как голодные волки. Граф дрожащей рукой теревил усы, погруженный в собственные невеселые мысли. Вулми, отхлебывая вино, обводил присутствующих смеющимся взглядом, на его губах блуждала ухмылка, напоминавшая оскал сытого тигра. Франсуаза, казалось, кожей почувствовала, какая жажда наживы владела каждым из этих людей, исключая, разве что, графа Генри. Она поняла, что никто из капитанов, этих морских волков, не собирается сдерживать своих обещаний. Генри, опять же, не шел в счет. Всем остальным было важно лишь завладеть кораблем и сокровищами. Что последует дальше? Гнетущая атмосфера взаимной ненависти, повисшая в зале, совершенно подавляла Франсуазу. Было ясно, что каждый из этих вольных волков собирается завладеть и сокровищами, и кораблем, по меньшей мере — трое из собравшихся, не считая графа. Но что же дальше? Ирландец внушал Франсуазе не больше доверия, чем Вильер и Гарстон, если не меньше. Его могучим плечам и всему его крепкому телу было, казалось, тесно даже в этом огромном зале. В нем чувствовалась какая-то первобытная сила, которой не обладал ни в один из его собеседников.

— Укажи нам путь к сокровищам! — потребовал Вильер.

— Не всё сразу, — отозвался Вулми. — Надо сперва закрепить наши обязательства, чтобы ни у кого из нас на было перед другими преимуществ. Давайте сделаем так: люди Гарстона сойдут на берег, на корабле останется не больше дюжины народу. Они смогут расположиться на берегу. Люди Вильера покинут форт и тоже встанут лагерем на берегу.

Обе команды прекрасно смогут следить друг за другом, и уж во всяком случае никто не помешает нам доставить на берег сокровища. Те, кто останутся на борту «Боевого Ястреба», смогут быстро вывести корабль из залива. Люди останутся в форте, однако ворота форта не будут заперты, да, граф?

Граф Генри передернул плечами:

— В этот лес я не войду за все золото Мексики!

— Никто вас и не заставляет, граф. Мы заберем по пятьдесят человек из каждой команды и отплывем!

Франсуаза видела, как обменялись ненавидящими взглядами Вильер и Гарстон, но оба эти взгляда беспомощно погасли. Ей был отчетливо ясен провал в рассуждениях Вулми, и она только удивлялась тому, что никто не возражает этому дикарю. Как только ему удалось пробраться через лес? Умами этих людей владели сокровища, и они заранее ненавидели друг друга и были готовы расправиться друг с другом, не моргнув глазом. Франсуаза поехала, взглянув на дядю, — этот могучий, широкоплечий воин сидел за столом, пригубивая вино, в полном согласии с той судьбой, которую ему назначили.

Ей было ясно, что близка кровавая развязка. Вильер с радостью покончил бы с Гарстоном, а англичанин, в свою очередь, давно уже мысленно приговорил к смерти Вильера и, наверное, не прочь был бы избавиться от графа, да и от нее тоже. Если только победа останется за Вильером, тогда и она с дядей уцелеют. Но, глядя на нервно теребившего усы буканьера, Франсуаза не могла решить, что лучше — умереть или стать его женой.

— Как далеко отсюда находятся сокровища? — спросил Гарстон.

— Если мы выйдем не позже чем через час, то вернемся до полуночи, — ответил Вулми.

Он залпом осушил свой кубок, поднялся, поправил пояс и взглянул на графа Генри.

— Д'Частильон, вы, должно быть, сошли с ума. Зачем вам понадобилось убивать индейского охотника?

— Что вы имеете в виду? — недоумевая, переспросил граф.

— Вы хотите сказать — вы не знаете о том, что прошлой ночью вашими людьми в лесу убит индеец?

— Никто из моих людей не мог оказаться в лесу прошлой ночью, — заявил граф.

— Но кто-то все-таки оказался, — хмуро произнес Вулми, шаря в кармане. — Я своими глазами видел его голову, прибитую к дереву на краю леса. На нем не было боевой раскраски. Никаких следов я вокруг не обнаружил, значит, его убили до того, как началась буря. На сырой земле ясно отпечатались лишь следы мокасин. Значит, индейцы тоже видели его голову. Если они живут в мире с племенем, к которому принадлежал убитый, они отправятся к нему в деревню и расскажут о его смерти.

— Может быть, они и убили его? — неуверенно проговорил граф.

— Нет, не они. Но они знают, кто это сделал, так же, как знаю я. Вот цепочка, которая была завязана узлом на его обрубленной шее. Вы, должно быть, в самом деле безумны, если так явно выдаете себя.

Он достал что-то из кармана и бросил на стол перед остолбеневшим графом. Граф Генри отшатнулся, и его рука невольно поднялась к горлу. Перед ним лежала цепочка, которую он обычно носил на шее.

Вулми обвел присутствующих вопросительным взглядом, а Вильер pokrутил пальцем у виска в знак того, что у графа не все в порядке с головой. Вулми убрал саблю в ножны и надел свою шляпу с пером.

— Ладно, пошли, — буркнул он.

Капитаны допили вино и поднялись, поправляя пояса, на которых висело оружие. Вильер взял графа за руку и легонько встряхнул ее. Граф вышел вслед за остальными. Было видно, что он еще не оправился от изумления — цепочку он теребил в пальцах.

Из зала вышли не все. Франсуаза и Тина, о которых забыли, во все глаза смотрели вниз с лестничной площадки. Они увидели, как Гайо замешкался возле тяжелой двери, а когда она закрылась за остальными, поспешно подошел к камину и осторожно поворошил кочергой дымившиеся угли. Затем он опустился перед камином на колени и довольно долго что-то рассматривал, после чего поднялся и вышел из зала через другую дверь.

— Что он там нашел? — прошептала Тина.

Франсуаза молча покачала головой, потом, повинувшись охватившему ее любопытству, спустилась в пустой зал. Через мгновение она уже стояла на коленях перед камином на том самом месте, где только что стоял управляющий. И девушка увидела то, что рассматривал Гайо.

Это был обуглившийся остаток карты, которую Вулми бросил в огонь. От неосторожного прикосновения он бы неминуемо рассыпался, но пока на нем еще оставались неясные следы линий и какие-то надписи. Надписи Франсуаза не смогла прочитывать, но линии складывались в смутное изображение какого-то холма или скалы, точками вокруг обозначались деревья. Вспомнив, как вел себя Гайо,

девушка догадалась: ему было знакомо то, что изображено на карте. Она знала, что управляющий временами уходил в лес дальше, чем любой из жителей форта.

6

Франсуаза спустилась вниз и остановилась в нерешительности, увидев графа, сидевшего за столом. Он все еще держал в руках разорванную цепочку. В форте было до странности тихо, полуденная жара, казалось, приглушила все звуки. Так же тихо было и на берегу. Команды Вильера и Гарстона расположились лагерями в нескольких сотнях ярдов друг от друга. В заливе стоял «Боевой Ястреб». На борту осталась горстка надежных людей Гарстона, готовых при малейшем намеке на опасность сняться с якоря и отвести корабль на безопасное расстояние. Корабль был его козырной картой, лучшей гарантией, надежно защищавшей от возможного вероломства со стороны компаньонов.

Вулми предусмотрел все, чтобы не позволить ни одной из враждующих партий устроить в лесу засаду. Но Франсуазе казалось, что он никак не позаботился о том, чтобы защитить себя от возможного нападения своих спутников. И наконец, он вошел в лес во главе отряда из трех десятков людей Гарстона и Вильера. Франсуаза была уверена, что больше не увидит его живым.

Она обратилась к дяде хриплым от волнения голосом:

— Как только они доберутся до сокровищ, они убьют Вулми. Что тогда будет с нами? Попадем ли мы на корабль? Можно ли доверять Гарстону?

Граф Генри с отсутствующим видом покачал головой.

— Вильер успел раскрыть мне свои намерения. Он устроит так, чтобы всем, кто отправился за сокровищами, пришлось бы заночевать в лесу. Он со своими людьми перебьет спящих англичан и вернется на берег. Перед рассветом я отправлю своих рыбаков на лодках к «Боевому Ястребу», и они захватят корабль. Ни Гарстону, ни Вильеру это и в голову не придет. Когда Вильер вернется из леса, мы объединим своих людей и перебьем лагерь пиратов на берегу, а после этого заберем все сокровища и выйдем в море на «Боевом Ястребе».

— А что будет со мной? — спросила девушка пересохшими губами.

— Я обещал отдать тебя Вильеру, — глухо произнес граф без тени сочувствия. — За это он возьмет нас с собой.

Он поднес цепочку к глазам, и на ней заиграл солнечный луч, заглянувший в окно.

— Я, должно быть, обронил ее на берегу, — пробормотал граф. — А он нашел...

— Вы вовсе не обронили ее на берегу, — жестко произнесла Франсуаза, сама удивляясь своему злорадству. Ее душа словно окаменела. — Вы сорвали ее с шеи прошлой ночью, когда набросились на Тину. Я своими глазами видела эту цепочку на полу, когда уходила из зала.

Граф взглянул на нее, и его лицо сделалось серым от страха.

Франсуаза зло рассмеялась, угадав в его взгляде вопрос.

— Да! Тот самый черный человек был здесь! Он, должно быть, и подобрал с полу вашу цепочку. Я видела, как он пробирался через верхний коридор.

Граф откинулся на спинку кресла, и цепочка выскользнула из его пальцев.

— В поместье! — прошептал он. — Несмотря на охрану и крепкие засовы на дверях! Мне не убежать от него, и никто не сможет меня защитить! Значит, мне не померещилась та возня возле моей двери прошлой ночью! Возле моей двери! — выкрикнул он сдавленным голосом, схватившись за воротник, будто ему внезапно стало душно. — Будь он проклят!

Судорога прошла. Граф обмяк, его била дрожь.

— Я все понял, — выдохнул он. — Запоры на дверях моей спальни оказались чересчур крепкими даже для этого человека. Тогда он разбил корабль, на котором я собирался уйти отсюда, и убил того несчастного индейца, оставив на нем мою цепочку, чтобы навлечь на меня месть его сородичей. Индейцы не раз видели эту цепочку у меня на шее.

— Кто этот черный человек? — спросила Франсуаза, чувствуя, как по спине у нее бегут мурашки.

— Он из племени джу-джу на Берегу Рабов, — прошептал граф, глядя куда-то в пространство невидящими глазами.

Я разбогател благодаря торговле живым товаром. Когда я был молод, то водил свои корабли от Берега Рабов в Вест-Индию, поставляя чернокожих на испанские плантации. Моим компаньоном считал чернокожий шаман, принадлежавший к одному из племен того далекого побережья. Он со своими воинами захватывал рабов, а я переправлял их в Индию. Я в те дни был просто чудовищем, однако он в десятки раз чудовищнее меня. Если только человек способен продать душу дьяволу — этот чернокожий именно таков. Даже сейчас я просыпаюсь

в холодном поту, когда мне снятся кошмарные сны о том, что мне довелось видеть в его деревне, когда над джунглями висела красная луна, громко бил барабан, а на алтарях корчились и страшно кричали люди, которых он приносил в жертву своим страшным богам.

В конце концов я обманом продал его самого испанцам. Его заковали в цепи и отправили на галеры. Он поклялся тогда страшно отомстить мне, однако я только посмеялся над его угрозами. Тогда я не верил, что ему удастся освободиться.

Шли годы, но забыть о нем я не мог. Я стал в страхе просыпаться по ночам, все чаще вспоминая его угрозу. Я пытался убедить себя, что он давно уже мертв, что испанцы наверняка убили строппитового раба. Но вот в один ужасный день до меня дошли слухи о том, что какой-то странный чернокожий, со следами цепей на запястьях, разыскивает меня по всей Франции.

В те дни он знал меня под другим именем, однако я понимал, что рано или поздно мы встретимся. Тогда я продал все свои владения и бежал из Франции. Так мы попали сюда. Долгое время я был спокоен, считая, что избежал опасности. Но он напал на мои следы и добрался до меня даже на этом заброшенном берегу, и теперь он рыщет здесь, как ядовитая кобра.

— Что вы имели в виду, когда сказали, что он разбил корабль? — сделав над собой усилие, спросила Франсуаза.

— Колдуны с Берега Рабов умеют вызывать бури! — прошептал граф. — Это было его колдовство!

Франсуаза поежилась. Она-то была уверена, что прошедшая буря — лишь причуда случая. Разве мо-

жет кто бы то ни было командовать штормами? Таинственный черный человек — всего-навсего человек из плоти и крови. Однако тут она вспомнила, как бил в лесу барабан во время шторма, и ей опять стало не по себе.

Широко раскрытыми от ужаса глазами Генри смотрел куда-то вдаль сквозь стены, украшенные гобеленами.

— Я перехитрю его, — прошептал он. — Только бы дожить до рассвета, а там я доберусь до корабля, и нас с ним опять разделит океан.

— Дьявольщина!

Вулими резко остановился, и тут же замерли матросы, шедшие за ним двумя отдельными кучками. Вулими вел их по старой индейской тропе на восток, и берега уже не было видно.

— Почему ты остановился? — с подозрением спросил Гарстон.

— Впереди кто-то идет, — негромко ответил Вулими. — Он обут в сапоги. Этим следам не более часа. Никто из вас не посылал человека вперед?

Оба капитана, чертыхаясь, с возмущением отвергли это предположение, одинаково подозрительно оглядывая друг друга. Вулими покачал головой и пошел вперед, остальные за ним. Морские волки, сроднившиеся с бесконечными морскими просторами, они растерялись в таинственной зелени леса. Тропа, по которой они шли, так извивалась, что матросы уже совершенно не представляли, где они находятся.

— Странные вещи здесь происходят, — проворчал Вулими. — Если граф Генри не убивал того индейца, то кто же это сделал? И все равно индейцы

будут считать, что убил он. Когда в племени этого охотника станет известно, что с ним случилось, они не успокоятся, пока не отомстят. Я только надеюсь, что мы выберемся из леса прежде, чем они встанут на тропу войны.

Тропа поворачивала на север. Вулми сошел с нее и пошел дальше между деревьями, выдерживая направление на юго-восток. Гарстон и Вильер переглянулись. Это могло нарушить их планы. Не пройдя и ста шагов после того, как свернули с тропы, они поняли, что безнадежно заблудятся здесь без проводника. Их обоих одолевали самые немыслимые подозрения, но неожиданно лес оборвался, и они увидели перед собой вытянутую мрачную скалу. Среди нагромождения валунов вилась едва заметная тропа. Она поднималась на скалу и обрывалась на ровной площадке недалеко от вершины.

— По этой тропе я бежал от индейцев, — сказал, остановившись, Вулми. — Она ведет в пещеру вон за тем уступом, а в этой пещере я и нашел тела да Верразано и его людей. Сокровища тоже здесь. Но прежде чем мы поднимемся туда, вот что я вам скажу: если вздумаете меня убить, вы никогда не выберетесь на тропу. Я прекрасно знаю, что вы беспомощны в этих лесах, как младенцы. Конечно, вы знаете, что берег расположен к западу отсюда, однако к нему придется идти с грузом добычи по густому лесу, и вы доберетесь до него не за несколько часов, а за несколько суток. Не думаю, чтобы блуждать по этим лесам для белых людей было совсем безопасно, особенно теперь, когда индейцы обнаружили на том дереве голову своего соплеменника.

Лица Вильера и Гарстона вытянулись, и губы дернулись в кривых усмешках, когда Вулми так

легко разбил в пух и прах их планы. Вулми невольно рассмеялся. Однако стало ясно, что теперь их головы посетила одна и та же мысль: пусть ирландец поможет им добыть сокровища и выведет их на тропу, а потом они успеют с ним расправиться.

— Нас троих будет вполне достаточно, чтобы вынести сокровища из пещеры, — сказал Вулми.

Гарстон сардонически усмехнулся.

— Ты считаешь меня идиотом? Да я нипочем не соглашусь войти в пещеру в одиночку с тобой и Вильером! Со мной отправится мой боцман. — Он кивнул загорелому хмурому великану, обнаженному до пояса, с золотыми серьгами в ушах и малиновым шарфом, повязанным вокруг головы.

— А со мной пойдет мой палач! — сварливо произнес Вильер. Он подозвал высокого морского разбойника, лицо которого было похоже на пересохший пергамент. На плече тот держал обнаженную саблю.

Вулми пожал плечами:

— Вот и хорошо. Идите за мной.

Он стал подниматься по извилистой тропе, остальные шли за ним по пятам. Но вот Вулми протиснулся в трещину за крутым уступом, и у них перехватило дыхание, когда он показал им кованные сундуки, стоявшие вдоль короткого коридора.

— Здесь баснословные богатства, — негромко сказал он. — Здесь одежда, оружие, дорогие кружева. Но настоящие сокровища хранятся за этой дверью.

Он приоткрыл дверь так, чтобы его спутники могли заглянуть внутрь.

Их взглядам открылась широкая пещера, слабо освещенная странным голубоватым светом, пробивавшимся откуда-то сквозь туманную дымку, висев-

шью в воздухе. Посреди пещеры стоял большой эбонитовый стол, а в резном кресле с высокой спинкой и широкими подлокотниками сидел великан, почти сказочный герой — Джиованни да Верразано. Его голова свесилась на грудь, а в руке он все еще сжимал кубок, украшенный драгоценными камнями. На нем была шляпа с пером, дорогие пуговицы расшитого золотом плаща поблескивали в призрачном голубоватом свете. На роскошном поясе висел меч с причудливо украшенной рукояткой в позолоченных ножнах.

Почти так же, склонив головы к груди, за столом сидели одиннадцать буканьеров. Тайнственный голубоватый свет, как нимб, переливался над грудой драгоценностей, лежавших посреди стола. Это были сокровища Монтесумы! Эти камни стоили дороже всех драгоценных камней в мире, вместе взятых!

В призрачном свете лица пиратов казались мертвенно обледеневшими.

— Входите и возьмите их, — предложил спутникам Вулми.

Гарстон и Вильер протиснулись за ним в пещеру, толкая друг друга от нетерпения. Те, кто сопровождал их, вошли следом. Вильер толкнул дверь, открывая ее шире, и замер при виде распростертого на полу тела, которое они сначала не заметили из-за прикрытой двери. Человек лежал, неестественно изогнувшись и запрокинув голову, на побелевшем лице застыла гримаса смертельной агонии, скрюченные пальцы тянулись к горлу.

— Гайо! — воскликнул Вильер. — Какого... — Неожиданно его голову окутал голубоватый туман, наполнявший пещеру. Вильер вздрогнул и крикнул: — Этот дым несет смерть!

В тот самый миг, когда раздался крик Вильера, Вулми всем телом навалился на своих четырех спутников, столпившихся в дверях, так что все они едва удержались на ногах. Однако ему не удалось втолкнуть их в пещеру.

При виде мертвеца они успели отшатнуться, и Вулми не добился того, чего хотел. Гарстон и Вильер наполовину перевалились через порог, упав на колени, боцман Гарстона споткнулся об их ноги, а палач прижался к стене. Вулми не смог затолкать тех, кто упал, в пещеру и запереть за ними дверь, чтобы смертоносный туман сделал свое дело. Ему пришлось молниеносно повернуться и отразить нападение палача.

Француз изо всей силы ударил перед собой огромным мечом, но Вулми успел увернуться, и тяжелое лезвие прозвенело о каменную стену, выбив сноп голубых искр. В следующее мгновение лысая голова палача покатилась по каменному полу, снеженная с плеч ударом сабли ирландца.

Это произошло в считанные секунды, но боцман Гарстона успел подняться и набросился на Вулми с обнаженной саблей. Сталь зазвенела о сталь, звон отдавался эхом в узком каменном коридоре. Обоим капитанам удалось наконец перевалиться через порог, они задыхались, и лица их были багровыми от удушья.

Кричать они не могли. Увидев это, Вулми с удвоенной яростью стал наносить удар за ударом своему противнику в надежде расправиться с ним прежде, чем они придут в себя. Боцман шаг за шагом отступал назад, истекая кровью. Однако решающего удара Вулми нанести не смог — капитаны опомнились, выхватили мечи из ножен и стали звать на помощь оставшихся внизу людей.

Опасаясь оказаться в ловушке с двух сторон, Вулми выскользнул на уступ скалы.

Люди внизу не спешили броситься на помощь своим капитанам. Они, конечно, слышали крики, но каждый боялся получить удар меча в спину. Они в нерешительности переглядывались, продолжая топтаться возле скалы. Когда Вулми выбрался на уступ, все они, как по команде, изумленно уставились на него. Не дожидаясь, пока они опомнятся, Вулми вскарабкался по неровным ступеням, выбитым в скале, к вершине и, перевалившись через нее, стал для них недосягаемым.

Капитаны вслед за Вулми вышли на уступ, за которым скрывался вход в пещеру. Люди, увидев своих предводителей целыми и невредимыми, громкими криками выразили свою радость.

— Собака! — прокричал Вильер туда, где скрылся Вулми. — Ты хотел отравить нас! Предатель!

Сверху раздался смех Вулми.

— А чего вы еще ожидали? Вы же собирались перерезать мне глотку, как только я добуду для вас сокровища. Если бы не этот болван Гайо, вы попались бы в ловушку, а вашим людям я бы сумел объяснить, как вы погибли из-за собственной неосмотрительности.

— А ты завладел бы моим кораблем и всеми сокровищами! — вскричал Гарстон.

— Конечно! Да еще и получил бы обе ваши команды! Там, на тропе, я видел следы Гайо. Не могу только понять, как болван пронюхал об этой пещере.

— Если бы мы не наткнулись на его тело, мы вошли бы в этот смертоносный туман, — нахмуясь, пробормотал Вильер. — Мне казалось, что мое горло сжали чьи-то пальцы.

— Ну и что вы теперь собираетесь делать? — осведомился их мучитель.

— Что мы собираемся делать? — спросил Вильер, обращаясь к Гарстону.

— Вам не достать сокровищ, — заверил их Вулми из своего укрытия. — Этот туман немедленно убьет вас. Он едва не задушил и меня, когда я туда вошел. Послушайте-ка, я расскажу вам одну из историй, которые рассказывают индейцы возле своих костров!

Однажды, давным-давно с моря пришли двенадцать человек и заполнили пещеру золотом и драгоценными камнями. Однако, пока они сидели, пили и распевали песни, земля задрожала, из ее недр поднялся голубой дым и убил их. С тех пор все индейские племена обходят это место, считая, что оно находится во власти злых духов.

Когда я, спасаясь от индейцев, попал сюда, я увидел, что старые индейские сказки не лгут, и говорится в них о да Верразано. Должно быть, землетрясение раскололо каменный пол пещеры, и буканьеры задохнулись в ядовитом дыму, не успев даже понять, что произошло, в тех же самых позах, в которых сидели и пили вино. Теперь сама смерть охраняет их добычу!

Гарстон заглянул в коридор.

— Дым расползается по коридору, но на открытом воздухе он рассеивается. Будь проклят этот Вулми! Давай-ка попробуем добраться до него.

— Неужели ты думаешь, что кто-то, кроме него, способен вскарабкаться по этим ступеням? — отозвался Вильер. — С нами наши люди, пусть они обойдут скалу и, как только он покажется, стреляют. Он намеревался каким-то образом завладеть сокровищами, а раз он считает это возможным, значит, и

мы сможем их заполучить. Можно попробовать привязать к веревке крюк и зацепить его за ножку стола. Тогда мы подтащим стол к выходу и сможем забрать все, что на нем лежит.

— Неплохо придумано, Гийом! — услышали они насмешливый голос Вулми. — Именно об этом я и сам подумывал. Однако как вы выберетесь отсюда обратно на тропу? Вам не дойти до берега засветло, а в ночном лесу я смогу догнать вас и перебить по одному.

— Это ведь не пустое бахвальство, — пробормотал Гарстон. — Он подкрадется неслышно, как настоящий индеец, и тогда немногим из нас удастся добраться до берега.

— Значит, мы справимся с ним здесь. Кто-то будет стрелять снизу, а остальные вскарабкаются на скалу. Над чем это он так смеется?

— Смешно слушать, как мертвец строит планы, — прозвучал издевательский голос сверху.

— Не надо обращать на него внимания, — громко заметил Вильер и приказал своим людям подниматься на уступ к нему и Гарстону.

Но не успели матросы ступить на тропу, как послышался звук, напоминавший жужжание целого роя злых пчел, а потом глухой стук, как будто от падения чего-то тяжелого. Один из буканьеров упал на колени, хватая ртом воздух и пытаясь выдернуть стрелу, торчавшую у него в груди. Остальные дружно закричали.

— Что случилось? — крикнул Гарстон.

— Индейцы! — прохрипел пират и рухнул вниз. Стрела пробила его шею.

— Прячьтесь, болваны! — выкрикнул Вильер.

С той высоты, где находились они с Гарстоном, были хорошо видны раскрашенные тела воинов, притаившихся в кустах. Еще один из пиратов замер-

тво упал на тропу. Остальные лихорадочно пытались спастись за валунами у подножия скалы. Из кустов летели стрелы и ударялись о камни. Гарстон и Вильер замерли на своем уступе.

— Мы в ловушке! — Гарстон был бледен, как полотно. Он не на шутку перетрусил: он мог отчаянно драться, чувствуя под ногами доски палубы, но здесь пират растерялся.

— Вулми говорил, что они боятся этой скалы, — вспомнил Вильер. — Когда стемнеет, наши люди должны подняться сюда. Индейцы не сунутся на этот уступ.

— Все верно! — засмеялся откуда-то сверху Вулми. — Они не полезут на скалу. Они попросту окружают ее и будут ждать, пока вы не подохнете от голода.

— Надо бы помириться с ним, — пробормотал Гарстон. — Если кто-то и может помочь нам выбраться из этой переделки, так только он. Еще успеем перерезать ему глотку. — И он позвал: — Вулми! Вулми, давай забудем о вражде. Ты ведь точно так же попал в ловушку, как и мы.

— Ну и что из этого? — презрительно отозвался ирландец. — Когда стемнеет, я смогу спуститься с этой стороны скалы и проберусь мимо индейцев так, что они ничего не услышат и уж тем более не увидят. Я вернусь в форт и расскажу, что вас взяли в плен. Дикари, — к тому времени это будет чистая правда!

Гарстон с Вильером молча переглянулись.

— Однако я не сделаю этого! — продолжал Вулми. — Вовсе не потому, что вы, собаки, так уж мне дороги. Просто не годится белому человеку бросать своих соплеменников на растерзание краснокожим дикарям, даже если речь идет о его врагах.

Ирландец высунулся из-за гребня скалы.

— Послушайте меня! Здесь их немного. Я видел их только что, когда смеялся над вами. Но я уверен, что сюда движется большой отряд, а этих отправили вперед, чтобы отрезать нам путь к берегу. Сейчас они все на западной стороне скалы. Я спущусь вниз по восточному склону и зайду к ним в тыл. Тем временем вы осторожно, ползком доберетесь по тропе до своих людей и укроетесь за камнями. Когда услышите мой свист, бегите к деревьям.

— А как быть с сокровищами?

— К дьяволу сокровища! Дай нам Бог унести отсюда ноги!

Его темноволосая голова исчезла. Вильер и Гарстон стали напряженно прислушиваться в надежде услышать что-нибудь, указывающее на то, что Вулми удалось подползти к почти отвесной восточной стороне скалы и начать спуск. Однако все было тихо. Из леса тоже не доносилось никаких звуков. Стрелы больше не ломались о камни, но все понимали, что за ними наблюдают хищные черные глаза. Гарстон, Вильер и боцман попытались осторожно спуститься вниз.

Не прошли они и половины спуска, как опять засвистели стрелы. Боцман вскрикнул и упал вниз, раскинув руки. Стрела попала ему прямо в сердце. Стрелы ударялись о камни совсем рядом с капитанами, но им удалось невредимыми добраться до подножия скалы и укрыться за валунами.

— Может быть, это штучки Вулми? — отдышавшись, спросил Вильер.

— Ну нет, сейчас мы вполне можем ему доверять, — возразил Гарстон. — Тут дело касается его принципов. В этот раз он поможет нам и выступит на нашей стороне, а не с индейцами, несмотря на то, что сам хотел нас угробить. *Слушай!*

Тишину нарушил леденящий душу свист. Он доносился с западной стороны; одновременно с ним из-за деревьев что-то вылетело и, стукнувшись о землю, покатилося к подножию скалы. Это была человеческая голова с раскрашенным по-боевому лицом, на котором застыла гримаса смерти.

— Это сигнал Вулми! — крикнул Гарстон, и в то же мгновение пираты выскочили из-за валунов, устремившись к лесу.

Из кустов беспорядочно полетели стрелы — индейцы не ожидали такого поворота событий. Трое матросов упали замертво, но остальным удалось добраться до деревьев, и закаленные в морских схватках матросы набросились на обнаженных раскрашенных дикарей.

Схватка была жестокой, но короткой. Дрались без всяких правил, как придется — матросы саблями отражали удары боевых топоров, били сапогами по обнаженным телам противника. Вскоре в траве остались лежать семеро индейцев. Из чащи еще слышался шум драки, но вот все стихло, и под деревьями показался Вулми в разорванном плаще, с обнаженной саблей в руке.

Вильер бросился к нему:

— Что дальше?

Он прекрасно понимал, что сейчас они победили только благодаря Вулми, нападения которого индейцы никак не ждали. Под его натиском дикари растерялись.

— Вперед!

Вильер, Гарстон и оставшиеся в живых матросы бросились за ним по пятам, чертыхаясь и прокладывая себе дорогу среди зарослей. Конечно, без Вулми они бы не один час блуждали в этом диком лесу и неизвестно, сумели бы вообще когда-нибудь до-

браться до берега. Вулми вел их так уверенно, будто не пробирался через густые заросли, а шел по ровной дороге, и вдруг все они оказались на тропе, бежавшей на запад.

— Дурень! — рявкнул Вулми на одного из пиратов, который порывался бежать по этой тропе. Он схватил матроса за плечо и подтолкнул обратно к товарищам. — Побереги дыхание, а то сердце выскочит из твоей груди через какую-нибудь тыщонку ярдов. До берега отсюда не одна миля, так что остынь. Бежать еще, может быть, и придется, но позже. А теперь пошли!

Он зашагал по тропе, и матросы последовали за ним, пытаясь приноровиться к его шагам.

На западе закатное солнце коснулось своими лучами гребней волн. Тина стояла возле того самого окна, из которого Франсуаза смотрела на шторм.

— Закат будто кровью окрашивает воду, — сказала девочка. — Парус как белое пятно на малиновой воде, а в лесу уже совсем темно.

— Что там делается на берегу? — сонно спросила Франсуаза. Она полулежала на кушетке с закрытыми глазами, закинув руки за голову.

— И те, и другие заняты ужином, — ответила Тина. — Они собирают деревянные обломки и разводят костры. Мне слышно, как они что-то кричат... *Что это?*

Волнение, прозвучавшее в голосе девочки, заставило Франсуазу сесть на кушетке. Тина вцепилась в оконную раму и побледнела.

— Послушайте! Там, далеко, будто стая волков воет!

— Волки? — Франсуаза вскочила. — Волки не охотятся стаями в это время года!

— Смотрите! — воскликнула девочка. — Из леса бегут люди!

В следующее мгновение Франсуаза была уже рядом с ней, широко раскрытыми глазами всматриваясь вдаль. Она увидела маленькие фигурки бегущих людей.

— Матросы! — потрясенно прошептала она. — Они с пустыми руками! Я вижу Вильера... Гарстона...

— Где Вулми? — спросила Тина.

Франсуаза покачала головой.

— Послушайте! Слышите? — прошептала девочка, припав к ней.

Теперь уже все в форте слышали душераздирающий вой, поднимавшийся над окраиной леса. Этот вой будто прищипорил людей, изо всех сил бежавших к форту.

— Они нас догоняют! — прохрипел Гарстон. — Мой корабль...

— Твой корабль далеко, нам до него не добраться! — на бегу, задыхаясь, ответил Вильер. — Беги в форт! Гляди, наши люди на берегу заметили нас!

Он замахал руками, приветствуя матросов. Но никто ему не ответил: люди в обоих лагерях уже поняли, какая страшная опасность движется из леса, и, побросав все, чем были заняты, устремились к воротам форта. Гарстон, Вильер и бежавшие с ними матросы обогнули южный угол стены и вбежали в ворота, едва живые от перенесенного напряжения. Ворота со скрежетом закрылись.

Франсуаза разыскала Вильера.

— Где Черный Вулми? — спросила она.

Буканьер кивнул в сторону темневшего леса. Его лицо заливал пот, грудь тяжело поднималась и опускалась.

— Они наступали нам на пятки. Вулми задержали их, чтобы мы успели спастись.

Он отошел от девушки и занял свое место на стене. Гарстон уже был там, как и закутанный до бровей в темный плащ граф Генри.

— Глядите! — воскликнул пират, указывая куда-то в темноту.

От кромки леса к форту бежал человек.

— Вулми!

Вильер хитро оскалился:

— Мы здесь в безопасности. Мы знаем, где находится сокровища. Почему бы нам теперь не пристрелить его?

— Погоди! — Гарстон схватил его за руку. — Нам пригодится его меч. Ты только взгляни туда!

За бегущим ирландцем из леса выкатилась лавина обнаженных жутко завывающих дикарей — не одна сотня. Вслед беглецу летели их стрелы. В несколько мгновений Вулми добежал до восточной части стены, высоко подпрыгнув, ухватился за верхние бревна и перемахнул через изгородь, зажав в зубах саблю. В стену вонзились несколько десятков стрел. На Вулми не было его великолепного плаща, на разорванной белой шелковой рубашке запеклась кровь.

— Их нужно остановить! — закричал он, оказавшись на территории форта. — Если только им удастся взобраться на стену, мы пропали!

Матросы, солдаты и пираты дружно открыли огонь по дикарям.

Вулми заметил Франсуазу, к которой испуганно прижималась Тина, и обратился к ней более спокойно.

— Укройте в поместье, — повелительно произнес он. — Не хватало еще, чтобы вас задела шальная стрела! — Тут же, словно в подтверждение его слов, стрела упала прямо возле ног Франсуазы. Вулми выхватил мушкет и скомандовал: — Кто-то должен зажечь факелы! В темноте мы не сможем драться!

На корабле тем временем быстро подняли якорь, и вскоре «Боевой Ястреб» исчез за малиновым горизонтом.

7

На берег опустилась ночь, лишь зловещий свет факелов заливал безумное побоище. Берег заполнили обнаженные раскрашенные дикари, они откатывались от стены форта и снова шли на приступ; казалось, им нет числа. В темноте блестели их оскаленные зубы и горящие ненавистью глаза.

Здесь собралось множество индейских племен, твердо решивших освободить свои земли от белых пришельцев. Снова и снова индейцы лавиной наступали на стену форта, рассыпая впереди себя тучи стрел, погибая под пулями и тяжелыми пушечными ядрами.

Время от времени им удавалось подойти к самым воротам, и тогда слышались удары их боевых топоров по бревенчатой стене, а сквозь бойницы дикари просовывали копыя. Но всякий раз атаку удавалось отбить, и индейцы отступали из-под стены, оставляя на земле убитых и умирающих. Защитники форта — пираты, матросы и люди графа Генри — сопротивлялись с бешеным упорством и со всей отвагой, на какую только были способны. Ядра

наносили серьезный урон индейцам, со стены дикарей отгоняли смертоносные удары сабель и мечей.

Но индейцы вот уже в который раз шли на приступ с яростными боевыми криками и не собирались отступать.

— Это же стая бешеных собак! — прокричал Вильер, чья сабля мелькала над стеной, перерубая руки дикарей, вцепившиеся в ее край.

— Если только мы сможем продержаться до рассвета, они уйдут, — ответил Вулми, раскроив череп дикаря, которому удалось подняться на стену. — Не в их привычках долго держать осаду. Погляди, они опять отступают!

Волна нападавших снова схлынула, и осажденные смогли стереть пот с усталых лиц и пересчитать потери. Индейцы отступили, как стая голодных волков, которых отогнали от добычи. В свете факелов под стеной остались только тела убитых.

— Они что, ушли? — Гарстон откинул со лба мешавшую ему прядь волос. Сабля, которую он сжимал в руке, была вся в зазубринах, по руке текла кровь.

— Да нет, они еще здесь, — кивнул Вулми в темноту, где угадывалось какое-то движение. — Они решили устроить небольшую передышку. Что ж, и нам надо этим воспользоваться. Оставьте на стене часовых и дайте людям выпить и перекусить. Уже далеко за полночь, мы дрались несколько часов кряду.

Оба капитана спустились вниз со стены и начали собирать людей. Было решено оставить часовых в середине каждой из четырех стен и небольшой отряд солдат возле ворот. Индейцам нужно было пройти по освещенному пространству, чтобы добраться до стены, и все защитники успели бы занять свои места наверху.

— А где д'Частильон? — спросил Вулми, откусив большой кусок жареного мяса.

Он стоял возле костра, разложенного посреди большого двора. Англичане и французы перемешались здесь, позабыв о давней вражде перед лицом общей опасности. Они жадно поглощали вино и еду, принесенные женщинами, а раненные охотно позволили позаботиться о себе.

— Еще час назад он дрался на стене рядом со мной, — ответил Гарстон, — и внезапно застыл на месте, уставившись в темноту, будто увидал привидение. Потом он закричал мне: «Посмотрите туда! Там этот черный дьявол! Я его вижу!» Я успел взглянуть туда, куда он показывал, и на миг мне показалось, что я увидел какую-то темную фигуру, но в следующий миг она исчезла. Граф спрыгнул со стены и скрылся в поместье; он шел, как смертельно раненный. Больше я его не видел.

— Может быть, он увидел лесного духа? — задумчиво произнес Вулми. — Индейцы говорят, что здесь обитает множество лесных духов. Однако сейчас меня больше пугают стрелы с огнем. Они смогут использовать эти стрелы в любой момент. Но что это? Будто кто-то зовет на помощь!

Едва в сражении наступило затишье, Франсуаза и Тина подошли к окну, от которого вынуждены были отойти, когда стрелы летели во все стороны. Девочка и ее госпожа смотрели на столпившихся у окна людей.

— На стене мало часовых, — сказала вдруг Тина. Франсуазу пугали тела убитых за оградой, однако она нашла в себе силы улыбнуться.

— Ты думаешь, что разбираешься в таких делах лучше мужчин? — ласково спросила она у девочки.

— На стенах надо было оставить больше народу, — настаивала Тина. — А если опять появится тот черный человек? По одному на каждой стене — это слишком мало. Черный человек может подобраться неслышно и убить часового отравленной стрелой, тот даже и крикнуть не успеет. Он движется, как тень, и его не увидеть в свете факелов.

Франсуаза поежилась.

— Я боюсь, — пробормотала Тина. — Хорошо бы, если бы Вильера и Гарстона убили.

— А Вулми? — с любопытством спросила Франсуаза.

— Черный Вулми никогда не причинит вреда женщине, — серьезно ответила девочка.

— Тина, ты слишком мудра для своего возраста.

— Смотрите, госпожа! С южной стены исчез часовой! Еще миг назад я видела его, а теперь он пропал.

Из окна, возле которого они обе стояли, был хорошо виден верхний край южной стены форта, поднимавшийся над хижинами, которые выстроились почти параллельно стене. Между стеной и постройками оставалось что-то вроде коридора трех или четырех ярдов шириной. В этих хижинах жили люди графа.

— Куда мог деться часовой? — в испуге прошептала Тина.

Франсуаза взглянула на крайнюю хижину, стоящую неподалеку от входа в само поместье. Ей показалось, что какая-то тень скользнула между хижинами и исчезла возле дверей. Кто это мог быть? Исчезнувший часовой?

Но почему он оставил свой пост и тайком проскользнул в поместье? Девушка пыталась взять себя в руки, но что-то подсказывало ей, что она

увидела вовсе не часового, и ее охватил безотчетный страх.

— Тина, а где граф? — спросила она.

— Он в большом зале, госпожа. Он один сидит за столом, завернувшись в плащ, и пьет вино, а лицо у него совсем серое.

— Иди и расскажи ему о том, что мы с тобой видели. Я останусь здесь и буду смотреть в окно — а вдруг индейцы переберутся через эту стену? Ведь на ней нет часового.

Тина вышла. Франсуаза слышала легкие шаги девочки в коридоре, потом на площадке лестницы. Внезапно в тишине раздался крик Тины. В этом крике прозвучал такой ужас, что Франсуаза на миг застыла. Она бросилась из спальни, вниз по лестнице, не успев даже осознать, что делает. Опрометью сбегав по ступеням, она остановилась как вкопанная. У нее не хватило сил, чтобы закричать. Она не почувствовала, как Тина вцепилась в нее дрожащими руками. Только замершая на месте Франсуаза и перепуганная маленькая девочка, казалось, и были реальными в том кошмаре, посреди которого они оказались.

Во дворе Гарстон покачал головой в ответ на вопрос Вильера.

— Я ничего не слышал.

— Зато я слышал, — вмешался Вулми. — Кричали где-то возле южной стены, за теми хижинами!

Обнажив саблю, он метнулся к южной стене. В свете костра ее не было видно за стенами построек. Гарстон побежал следом.

Возле входа в коридор между хижинами и стеной Вулми остановился. Узкое пространство тускло освещал факел, укрепленный в дальнем углу стены. Посреди коридора на земле лежало тело.

— Часовой!

Гарстон бросился к нему и опустился рядом на одно колено:

— Дьявольщина! Его горло перерезали от уха до уха!

Вулми окинул коридор быстрым взглядом, но поблизости не было никого. Он выглянул в бойницу, но в освещенном факелами пространстве вокруг крепостной стены тоже никого не увидел.

— Кто мог это сделать?

— Вильер! — Гарстон вскочил на ноги, сверкнув глазами. — Он подослал своих собак, чтобы они по одному перебили моих людей подлыми ударами из-за спины! Он хочет моей гибели!

— погоди, Дик! — Вулми схватил его за руку, глядя на стрелу, торчавшую из шеи мертвеца. — Не может быть, чтобы Вильер...

Но Гарстон уже не слышал его. Он вырвался и побежал обратно к костру. Вулми бросился вдогонку. Вильер стоял у огня с кувшином эля в руках. Его изумлению не было предела, когда кувшин вылетел у него из рук, и эль залил его нагрудник, а перед ним оказалось перекошенное от ярости лицо англичанина.

— Собака! — прорычал Гарстон. — Ты начал у меня за спиной подло убивать моих людей, когда они сражаются за твою никчемную жизнь так же, как и за мою!

Возле костра все замерли в удивлении.

— Что ты несешь?! — рявкнул Вильер.

— Ты подсылаешь своих людей, чтобы они перебили моих на постах!

— Ты лжешь! — Однако этим Вильер только подлил масла в огонь.

Гарстон с яростным криком взмахнул саблей и опустил ее на голову француза. Вильер успел под-

ставить под удар левую руку, защищенную доспехами, и выхватил меч из ножен. От удара стали о сталь посыпаться искры.

Капитаны дрались так, будто оба сошли с ума, в свете костра сверкало их оружие. Все остальные, оцепенев, молча наблюдали за поединком, но когда англичанин и француз, отбросив клинки, обхватили друг друга и покатались по земле, раздался дружный рев множества глоток, и через несколько мгновений во дворе форта закипела схватка пиратов с буканьерами. Пираты, остававшиеся на стенах наблюдать за индейцами, присоединились к дерущимся. Солдаты возле ворот забыли о неприятеле и уставились на происходящее в форте.

Все произошло так быстро, что Вулми не успел добежать до обезумевших капитанов, — вокруг закипела драка. Но, пренебрегая опасностью, он добрался до зачинщиков и оттащил Вильера от Гарстона с такой силой, что последний едва не упал.

— Проклятые безумцы, вы хотите нас всех погубить?

Гарстон так и кипел от ярости, на лице Вильера было явное замешательство. Один из буканьеров подбежал к Вулми сзади и занес над ним меч. Ирландец быстро повернулся и перехватил его руку.

— Поглядите, чего вы добились! — прокричал он, указывая мечом на одну из стен.

Что-то в его голосе заставило дерущихся остановиться. Люди застыли там, где стояли, с поднятыми мечами, и все повернулись туда, куда показывал Вулми. Пираты и буканьеры увидели, как один из солдат на стене зашатался, широко раскрыв рот и, не в силах кричать, упал со стены вниз со стрелой между лопатками.

Раздался леденящий душу многоголосый боевой клич индейцев, и тут же послышались удары топоров в ворота. Стрелы с огнем перелетали через стену или вонзались в нее, над фортом поплыли струйки дыма. Внезапно из-за хижин возле южной стены стали появляться темные силуэты людей.

— Индейцы в форте! — закричал Вулми.

Тут многих охватила паника, кое-кто метнулся к стене, но в следующее мгновение большинство защитников форта уже встречали индейцев с оружием в руках. Разрисованные дикари продолжали появляться из-за построек, стоящих вдоль южной стены, их боевые топоры скрестились с саблями матросов и пиратов. Позади Вильера как будто из-под земли выскочил индеец и раскроил ему голову ударом топора. Вулми командовал французами, защищавшими от индейцев двор, а Гарстон и большинство его людей поднялись на стену и сбрасывали с нее дикарей. Индейцы, напавшие на форт в то время, когда его защитники были увлечены дракой, теперь появлялись со всех сторон. Солдаты графа Генри сгрудились возле ворот, пытаясь сдержать бешеный напор дикарей.

Индейцев во дворе становилось все больше, и они продолжали перебираться через незащищенную южную стену и заполнять двор. Им удалось сбросить с северной и западной стен Гарстона и его людей, и теперь разрисованные дикари обрушились на защитников форта со всех сторон. В несколько мгновений двор превратился в кровавую бойню: отчаянно защищавшиеся небольшие группы бледнолицых продолжали яростно отбиваться от бесчисленных врагов.

Дикари врываются в хижины, под их топорами погибали женщины и дети, и над фортом стоял

сплошной крик. Солдаты графа, заслышав крики своих жен и детей, оставили ворота, и через несколько секунд ворота упали под напором индейцев. Многие хижины горели.

— Прорывайтесь в поместье! — воскликнул Вулми, и десяток людей, слышавших его крик, вслед за ним попытались проложить себе дорогу к поместью. Среди них был и Гарстон, он не устал работать саблей.

— Нам не удержать поместье, — крикнул он.

— Почему? — У Вулми не нашлось даже одного мгновения, чтобы взглянуть вперед, он отчаянно отбивался от окружавших его индейцев.

— Потому что... а-а-а! — С ножом в спине Гарстон смог все же повернуться и снес с плеч голову дикаря, потом закачался и упал на колени, изо рта у него пошла кровь.

— Поместье горит! — прохрипел он, прежде чем упасть в пыль.

Теперь Вулми оглянулся. Те, кто пробивался следом за ним, были мертвы. Возле его ног один из индейцев испустил последний вздох. Во дворе кипело сражение, но Вулми непостижимым образом на несколько мгновений остался один посреди этой кровавой битвы. Ему достаточно было сделать несколько шагов к стене, и никто не стал бы преследовать его, он мог бы исчезнуть в ночи. Но внезапно Вулми вспомнил о Франсуазе и ее маленькой подружке. Они где-то там, в поместье, из окон которого клубами валит дым. Не раздумывая больше, он бросился в дом.

Навстречу ему из двери выскочил один из индейских вождей в головном уборе из перьев, взмахнув боевым топором. Однако мощным ударом сабли Вулми отразил удар топора, а в следующее

мгновение раскроил индейцу голову. Спустя миг он был уже внутри дома. Дверь он запер на засов, и теперь индейцы пытались взломать ее топорами.

По большому залу плыли струйки дыма, и поначалу Вулми ничего не мог разглядеть. Где-то судорожно всхлипывала женщина. Он прошел несколько шагов и замер. В зале было почти темно. Сквозь дым он разглядел перевернутый серебряный канделябр. Огонь в камине слабо освещал помещение, пол в некоторых местах лизали языки пламени, дымилась балка потолка. В неясном свете Вулми увидел человеческое тело, висевшее на одной из перекладин. Черты лица были искажены жуткой гримасой, однако Вулми узнал графа Генри д'Частильона.

Тут же он увидел у подножия лестницы Франсуазу и Тину, судорожно обхвативших друг друга. И еще сквозь дым в жутковатом красном свете стала видна огромная фигура чернокожего человека. Казалось, сам дьявол оказался здесь. В его глазах на перекошенном ненавистью лице отражалось пламя. Он был так ужасен, что даже у видавшего виды Вулми по спине пробежали мурашки, а заметив в руке черного человека бамбуковую трубку, он словно почувствовал дуновение смерти.

Чернокожий медленно поднес трубку к губам, и Вулми осознал, что не успеет поразить убийцу саблей. Его взгляд упал на тяжелую серебряную скамью, украшенную затейливым узором, одну из тех, что составляли когда-то великолепную пышную обстановку замка д'Частильонов. Она стояла рядом с ирландцем. Вулми молниеносно подхватил ее и поднял над головой.

— Проваливайся в преисподнюю! — проревел он и изо всей силы швырнул тяжелую скамью туда, где стоял чернокожий.

Скамья перевернулась в воздухе, и сотня фунтов серебра обрушилась на широкую грудь черного человека; ломая ребра, скамья сбила его с ног, и он упал спиной прямо в огромный камин. Раздался его жуткий, нечеловеческий крик. Облицовка камина треснула, из широкой трубы вниз на чернокожего посыпались камни, погребая его под собой. С потолка упала одна из горевших балок, огонь охватил почти весь зал.

Вулми метнулся к лестнице, которую уже лизали языки пламени, одной рукой подхватил Тину, другой встряхнул оцепеневшую от ужаса Франсуазу. Сквозь треск и завывание огня были слышны удары индейских топоров в дверь.

Ирландец огляделся и, увидев в другом конце зала дверь, потащил к ней Франсуазу и Тину. Едва они оказались в соседней комнате, как позади раздался страшный грохот — в зале рухнул потолок. Сквозь клубы дыма Вулми разглядел открытую дверь на улицу.

— Черный человек через эту дверь проник в дом, — всхлинула Франсуаза. — Я видела его... но я не знала...

Вулми выглянул наружу. Этот выход из поместья находился совсем рядом с хижинами возле южной стены форта. Перед ирландцем оказался дикарь с поднятым топором, его глаза казались красными оттого, что в них отражался огонь. Вулми увернулся от удара, заслонив своим телом Тину, и молниеносным движением распорол саблей живот индейца.

Не выпуская девочку, он схватил за руку Франсуазу и бросился к южной стене.

Проход между стеной и хижинами был полон дыма, но беглецов заметили. Сквозь дым к ним метнулись несколько дикарей, размахивая топорами.

Вулми нырнул в дым, одним прыжком оказался возле стены, подхватил Франсуазу и легко перекинул ее через верх. Затем он подсадил на стену Тину, девочка спрыгнула и исчезла за стеной. Рядом с его плечом в бревно вонзился брошенный топор. Вулми не стал медлить, подтянулся на руках и ловко перескочил через стену вслед за Тиной и Франсуазой.

Рассвет окрасил море в бледно-розовый цвет. Вдали у самого горизонта белело пятнышко паруса. Казалось, что он висит в туманном небе. На заросшем кустарником мысу Черный Вулми хлопотал над костром, сложенным из свежих веток, укрывая его от ветра старым разорванным плащом. Когда костер удалось разжечь, дым от него стал подниматься прямо вверх. Рядом сидела Франсуаза, обняв Тину за плечи.

— Вы думаете, что они заметят дым и поймут, что мы здесь? — спросила она.

— Конечно, они увидят дым, — заверил девушку Вулми. — Они всю ночь околачивались возле этого берега, высматривая уцелевших. Они здорово перепугались. Там их едва ли больше десятка, и ни один не способен вести корабль, они не смогут даже добраться до Горна, не говоря уж о том, чтобы обогнуть его. Они отлично поймут мой сигнал; этому парни из Братства выучились у индейцев. Они знают, что я могу управлять кораблем, и будут только рады взять нас на борт. Им ничего не останется, как предоставить мне командовать, — я ведь единственный из капитанов остался в живых.

— А если дым заметят индейцы? — Она поежилась, взглянув туда, где в нескольких милях к северу поднимались в небо клубы черного дыма.

— Вряд ли. Когда я спрятал вас в лесу, я вернулся к форту и видел, как они выкатывали из погре-

бов бочки с вином. Многие были уже пьяны. Сейчас они наверняка отсыплются вповалку. Будь у меня хотя бы сотня людей, нам ничего не стоило бы их сейчас перебить. Однако смотрите! Боевой ястреб идет к берегу. Они увидели наш знак.

Он отошел от костра и накинул плащ на плечи Франсуазы. Девушка взглянула на него с восхищением. Он был спокоен и весел, и по нему никак нельзя было сказать, что совсем недавно он участвовал в смертельной схватке, едва не погиб в огне, а после этого еще бежал с ними по ночному дикому лесу.

Франсуаза ни капельки не боялась его; рядом с ним она чувствовала себя так спокойно и уверенно, как никогда еще не бывало с ней на этом берегу. Она понимала, что у этого человека есть свой собственный кодекс чести, который он никогда не нарушит.

— А что это был за чернокожий? — вдруг спросил Вулми.

Она вздрогнула:

— Этого человека граф когда-то давно продал в рабство на галеры. Ему каким-то образом удалось бежать и найти нас. Дядя считал его колдуном.

— Очень может быть, — пробормотал Вулми. — На Берегу Рабов мне доводилось видеть удивительные вещи. Ну да черт с ним. Нам, кроме него, есть о чем подумать. Что вы станете делать, когда вернетесь во Францию?

Девушка беспомощно покачала головой.

— Не знаю. У меня нет ни денег, ни друзей. Наверное, было бы лучше, если бы мое сердце пронзила одна из тех ужасных стрел.

— Не говорите так, госпожа! — горячо воскликнула Тина. — Я буду работать за нас обеих!

Вулми достал откуда-то из-за пояса небольшой кожаный мешочек.

— Мне не достались сокровища Монтесумы,— сказал он,— но в сундуке, где я взял одежду, мне попались вот эти побрякушки.— Он высыпал на ладонь пригоршню переливавшихся рубинов.— Здесь целое состояние.

Он ссыпал камни обратно в мешочек и протянул его Франсуазе.

— Я не могу принять это...— начала она.

— Вы обязательно их возьмете! Не для того я спасал вас от индейцев, чтобы вы померли с голоду во Франции.

— А как же вы?

Вулми улыбнулся и кивнул на приближавшийся «Боевой Ястреб».

— Все, что мне нужно,— это корабль и команда. Корабль у меня появится с той минуты, когда я ступлю на его палубу, а команду я наберу, когда мы окажемся в Дариене. Может быть, я захвачу какую-нибудь галеру и освобожу рабов, они будут мне верно служить. А может, нападу на какую-нибудь испанскую плантацию на берегу. Вы не представляете, сколько честных французов и британцев томится в рабстве у проклятых донов и мечтают о чудесном спасении, которое могло бы привести их на службу к кому-то из капитанов Братства. Как только мы выберемся отсюда, и вы с девочкой окажетесь на честном французском корабле, я покажу испанцам, что Черный Вулми еще жив! И никаких благодарностей не надо. Что для меня горстка камней, когда меня ждет весь мир!

МЕСТЬ ЧЕРНОГО ВУЛМИ

Ч

1

Черный Вулми, пошатываясь, вышел из каюты на палубу «Какаду» с трубкой в одной руке и большой флягой в другой. Шляпы на нем не было, распахнутая рубашка открывала широкую волосатую грудь. Запрокинув голову, он осушил флягу и со вздохом сожаления отбросил ее в сторону, затем внимательно оглядел палубу. На ней от носа до кормы вповалку лежали матросы.

Над кораблем стоял запах не хуже, чем в пивоварне. Повсюду между телами спящих перекатывались пустые пивные бочонки. Вулми был единственным, кто еще держался на ногах. Вся команда от юнги до боцмана отсыпалась после ночной попойки, включая и рулевого.

Впрочем, штурвал надежно закрепили, а море казалось на редкость спокойным, ветер не менялся, и особой нужды в рулевом не было. Далеко на востоке виднелась тонкая голубоватая полоска земли. До полудня было далеко, и солнце в ясном небе еще не пекло, а только ласково пригревало.

Вулми еще раз сочувственно оглядел свою команду и лениво повернулся в сторону горизонта. То, что он увидел, заставило его протереть глаза. Вопреки ожиданиям, океан не был пустынным. Всего в какой-нибудь сотне ярдов от «Какаду», держа курс прямо на него, шел корабль — высокий, с квадратными парусами.

Его белый корпус ослепительно блестел на солнце, на мачте развевался английский флаг. Вдоль борта стояли готовые к бою матросы с абордажными крючьями в руках, а возле корабельных пушек канониры держали зажженные фитили.

— Все к бою! — в замешательстве выкрикнул Вулми. Ответом ему был дружный храп. Никто из спавших не шелохнулся.

— Очнитесь, паршивые псы! — прорычал капитан пьяной команды. — Просыпайтесь, черт вас возьми! На нас идет королевский корабль!

До него донеслись отрывистые команды с борта стремительно приближавшегося фрегата.

— Тысяча чертей!

Отчаянно ругаясь на ходу, он бросился к пушке и развернул ее дулом к фрегату. Все плыло у

него перед глазами, но прицелиться все же удалось.

— Сдавайся, проклятый пират! — На носу английского корабля стоял капитан с обнаженным мечом в руке.

— Убирайся к дьяволу! — рявкнул Вулми, выпав дымившиеся угольки из своей трубки в запальный канал пушки.

Прогремел выстрел, из дула поднялось белое облачко, и двойной заряд мушкетных пуль как косяк выкосил нескольких матросов на палубе фрегата.

Ответный выстрел прогрехотал, как гром, и на палубу «Какаду» обрушился настоящий железный дождь, сразу окрасив ее в красный цвет. Затрещали паруса, лопнули канаты, полетели в разные стороны деревянные обломки, палубу залила кровь.

Огромное железное ядро размером с человеческую голову расплющило пушку. Вулми отбросило к борту, и он упал, с треском ударившись головой о доски палубы.

Этот удар оказался слишком сильным даже для крепкой головы ирландца, он потерял сознание и уже не слышал победных возгласов и топота победителей по окровавленной палубе, как, впрочем, и вся его команда, пьяный сон которой сменился черным сном смерти.

Капитан фрегата «Доблестный» Его Королевского Величества Джон Уэнтард не спеша потягивал вино. Он был высок, строен, с узким бледным лицом, бесцветными глазами и выдающихся размеров носом. Одет он был весьма скромно по сравнению со своими офицерами, которые в почтительном молчании сидели за столом из красного дерева в капитанской каюте.

— Приведите пленника,— приказал он коротко, и в его холодных глазах блеснуло нечто вроде самодовольства.

Четверо загорелых матросов ввели Черного Вулми со связанными руками. Его ноги были скованы цепью, достаточно длинной, для того чтобы он мог идти сам. На густых черных волосах запеклась кровь, изодранная в клочья рубашка едва прикрывала загорелое мускулистое тело. Сквозь низкое окно он увидел в последний раз мачты тонущего «Какаду». Команде фрегата на этот раз не досталось богатой добычи. Во взглядах победителей, перед которыми стоял теперь Вулми, не было и тени сострадания, однако его это обстоятельство нимало не смущало. Он спокойно и прямо смотрел на офицеров, и на его лице отражалось лишь язвительное недоумение. Уэнтарду это не понравилось. Он предпочитал, чтобы пленники корчились перед ним от страха, тогда он чувствовал себя олицетворением Правосудия и карал виновных со всей беспощадностью, на какую был способен.

— Так ты и есть тот самый знаменитый среди пиратов Черный Вулми?

— Я Вулми,— коротко ответил пленник.

— А я-то думал, что ты, как и все подобные негодяи, будешь врать про то, что состоишь на службе у губернатора Тортуги. Так вот, эта служба у французов ничего не значит для Его Величества. Ты...

— Заткнись, пучеглазый! — презрительно перебил Вулми. — Я ни у кого не состою на службе. Я не то, что твои проклятые головорезы, которые именуют себя буканьерами. Я пират, и английские суда я грабил точно так же, как испанские, и проклиная тебя, носатая цапля!

Офицеры остолбенели от такой наглости, а лицо Уэнтарда перекосила гримаса ярости.

— А ты знаешь, что я могу повесить тебя без долгих разговоров? — спросил он.

— Знаю,— спокойно отозвался пират. — Это будет уже не первый раз, когда ты попытаешься меня повесить, Джон Уэнтард.

— Что? — Англичанин изумленно уставился на Вулми.

В голубых глазах Вулми вспыхнули искорки смеха, а когда он заговорил, то в его речи ясно слышался ирландский акцент.

— Капитан, это было давно на берегу Галуэя. Ты был тогда совсем молодым офицером, можно сказать, мальчишкой, но уже и тогда жалость и сострадание были тебе неведомы. В ту пору занимались изгнанием людей из родных мест с участием солдат, а ирландцы были настолько безумны, что посмели сопротивляться,— несчастные, оборванные, полуголодные крестьяне с палками и камнями отбивались от вооруженных до зубов английских солдат и моряков. Когда резня закончилась, и совершились положенные казни, ты поймал в лесу перепуганного десятилетнего мальчишку, который даже не понимал, что происходит вокруг. И ты велел своим собакам повесить того мальчишку рядом с остальными. Ты сказал тогда: «Он ирландец, а маленькие змееныши вырастают и становятся большими змеями». Тем мальчишкой был я. Я искал этой встречи, английская собака!

Вулми по-прежнему улыбался, однако на его скулах заиграли желваки, а мышцы скованных рук угрожающе напряглись. Уэнтард невольно отступил на шаг назад — такой дикой ненавистью горел взгляд пирата.

— Как же тебе удалось спастись? — спросил Уэнтард ледяным голосом.

Вулми усмехнулся.

— Крестьяне, уцелевшие в той резне, прятались в лесу. Это были не цивилизованные и культурные англичане, а всего лишь бедные дикие ирландцы. Как только вы убрались, они обрезали все веревки, и оказалось, что во мне теплится жизнь. Мы, кельты, чрезвычайно живучи, и вы уже давно успели в этом убедиться.

— Ну на этот раз ты очень легко попал к нам в руки, — заметил Уэнтард.

Вулми по-волчьи оскапился, глядя на капитана ненавидящими глазами.

— Разве кому-нибудь могло прийти в голову, что в этих западных морях нам встретится королевский корабль? Мы уже много недель не видали ни одного паруса, если не считать суденышка, которое повстречалось нам вчера. Оно шло с грузом вина из Панамы в Вальпараисо. В это время года не бывает богатой добычи. Моим парням захотелось промочить горло, а кто я такой, чтобы чинить им в этом препятствия? Испанцы далеко, и мы считали, что мы чуть ли не одни на весь океан. Я хорошо вздремнул у себя в каюте, а когда вышел на палубу, чтобы выкурить трубочку, увидел ваш корабль у самого носа.

— Ты убил семерых моих людей, — глухо произнес Уэнтард.

— А ты перебил всех моих, — отозвался Вулми. — Бедняги, они очнутся в преисподней и никогда не узнают, как они туда попали.

Он опять усмехнулся, на этот раз с горечью, и сжал кулаки. Кровь стучала у него в висках, и сердце его переполняла ярость. Он отчетливо со-

знавал, что ему ничего не стоит одним внезапным движением вырваться из рук тех, кто его держал и, несмотря на оковы, разбить голову Уэнтарда ударом двух мощных кулаков. То, что он сам неминуемо погиб бы в следующий миг, ровным счетом ничего не значило. Он не испытывал ни страха, ни сожалений — только дикую ненависть и невыразимое презрение к этим скотам англичанам, столпившимся вокруг. Он рассмеялся им в лицо, наслаждаясь сознанием того, что им не понять этого смеха. Они думают, будто сковали тигра цепями? Плохо же они знают, с кем имеют дело.

Вулми глубоко вдохнул полной грудью и опять напряг мышцы. Уэнтард снова заговорил:

— В моей власти повесить тебя сейчас же. Да тебя в любом случае ждет виселица, неважно, повешу ли я тебя на рее, или это сделают королевские власти в первом же порту. Однако я знаю, что даже мерзавцы вроде тебя дорожат жизнью. Я подарю тебе еще несколько месяцев жизни, доставлю тебя в конце концов на Ямайку и отдам на суд губернатора. Я могу это сделать при одном условии.

— Что за условие? — Вулми не расслаблял напряженных мышц.

— Ты расскажешь мне, где можно найти Ван Равена.

Вулми, который уже совсем было решил осуществить задуманное, мгновенно изменил свой план. Он выпрямился и ухмыльнулся.

— Почему именно его, Уэнтард? — спокойно спросил он. — Почему не Траникоса, или Вильера, или Мак-Вэя, почему не других, которые гораздо больше досаждают английским торговцам, чем Ван Равен? Уж не из-за тех ли сокровищ, которые он отобрал у испанцев? Конечно, король не прочь при-

брать к рукам такую добычу, а капитана, который найдет Ван Равена и захватит сокровища, ждет хорошая награда. Так вот почему ты решился обогнуть Горн, Джон Уэнтард?

— У нас сейчас мир с Испанией, — язвительно отозвался Уэнтард. — А что касается целей, которые преследует морской офицер Его Величества, то это не твое дело.

Вулми рассмеялся, в его глазах плясали искорки.

— Однажды я потопил королевский крейсер из Эспаньолы. К дьяволу тебя с твоей болтовней о «Его Величестве»! Ваш английский король значит для меня не больше, чем гнилое бревно. Ван Равен? Он вольная птица. Кто его знает, где он теперь? Но если тебя интересуют сокровища, я могу показать тебе кое-что, по сравнению с чем добыча голландца все равно что торфяная лужа перед Карибским морем!

С бесцветных глаз Уэнтарда, казалось, упала пелена, они заблестели, офицеры жадно подались вперед. Вулми усмехнулся. Ему было отлично известно, сколь легковверны моряки в отличие от пиратов и грабителей. Любой моряк, если только он не был разбойником, свято верил в то, что буканьерам известны тайны сказочных кладов. Та добыча, которую захватили у испанцев люди Красного Братства, была, конечно, сама по себе немалой, но легенды о ней в тысячи раз преувеличивали размеры сокровищ, а кроме того, байки делали из любой хвастливой морской крысы обладателя несметных богатств.

Напустив на себя вполне безразличный вид, Вулми спокойно заговорил:

— В десяти днях пути отсюда у берегов Эквадора есть безымянный заливчик. Четыре года назад я и английский пират Дик Гарстон бросили там якоря и отправились на поиски клада древних драгоценнос-

тей, которые называют Клыками Дьявола. Один индеец клялся, что нашел их в разрушенном замке в диких необитаемых джунглях и что до этого замка можно добраться за день. Сам он не смог ими завладеть, потому что боялся навлечь на себя гнев древних богов. Однако он был готов показать нам дорогу.

Обе наши команды высадились на берег, потому что ни один из нас не доверял другому. Короче говоря, мы нашли развалины древнего города и там за старым разрушенным алтарем обнаружили эти камни: рубины, бриллианты, изумруды, сапфиры — огромные, с куриное яйцо, и все переливаются, прямо разноцветными огнями горят на древней разрушенной каменной плите.

От взгляда Вулми не ускользнули алчные огоньки, мелькнувшие в глазах Уэнтарда. Капитан поблевшими от напряжения пальцами вцепился в стакан с вином.

— Одного вида этих камней было достаточно, чтобы кого угодно свести с ума, — продолжал ирландец. — Мы расположились там на ночлег и слово за слово затеяли дележ найденных сокровищ, хотя их было достаточно, чтобы всем обеспечить безбедную жизнь. Дело дошло до потасовки, и когда мы вовсю тузили друг друга, прибежал один из матросов со страшным известием — в заливе появились испанцы, захватили наши корабли и выслали по нашим следам пять сотен человек. Клянусь дьяволом, не успел он все сказать, как появились эти самые пятьсот человек. Один из моих людей успел надежно укрыть сокровища в древнем замке, и наши с Гарстоном команды разошлись в разные стороны. Мы не смогли забрать драгоценности, надо было спасать свои шкуры. Мне повезло — я сохранил почти всю свою команду, и тем, кто оставался на корабле,

удалось отбиться от испанцев, так что мы убрались восвояси.

Гарстону повезло меньше моего: у него осталась лишь горстка людей, и хотя он тоже вернул свой корабль, испанцы еще долго преследовали их, а в конце концов он погиб где-то среди дикарей в Калифорнии.

Испанцы и за мной гнались до самого Горна, и с тех пор у меня не было возможности вернуться за добычей до последнего времени. Сейчас я направлялся как раз туда, но вы захватили меня. Сокровища все еще там. Если ты пообещаешь мне жизнь, я покажу тебе дорогу.

— Это невозможно, — нервно ответил Уэнтард. — Все, что я могу обещать, — выдать тебя губернатору Ямайки.

— Ну что ж, — вздохнул Вулми. — Может быть, губернатор окажется сговорчивее тебя. Да и далековато еще до Ямайки.

Вместо ответа Уэнтард разложил на широком столе карту.

— Где этот залив?

Вулми показал место на карте, и все вокруг пристально смотрели на его руки. До головы Уэнтарда ему было теперь не добраться, однако у ирландца созрел уже совсем другой план, и в этот план входило остаться в живых.

— Отлично. Уведите его.

Вулми вышел из каюты в сопровождении своих стражей, а Уэнтард обратился к офицерам:

— Офицер флота Его Королевского Величества не может связать себя обещанием, данным такому разбойнику. Как только сокровища окажутся на борту «Доблестного», джентльмены, обещаю вам сбросить его за борт.

Спустя десять дней судно бросило якорь в том безымянном заливе, который показал Вулми.

2

Пустынный берег выглядел именно так, как и должен был выглядеть берег необитаемого острова. Залив действительно оказался небольшим углублением в береговой линии. За узкой полоской белого песка начинались густые джунгли. С ветки на ветку беззаботно перелетали яркие птицы, над джунглями царил первобытная тишина. Вглубь джунглей уходила заросшая буйной зеленью широкая тропа.

Над водой еще не рассеялся предраассветный туман, когда на эту тропу вышел отряд из семнадцати человек под предводительством Джона Уэнтарда. Он никому бы не доверил командовать поиском сокровищ. За ним шли пятнадцать солдат, вооруженных кортиками и мушкетами. Семнадцатым человеком был Черный Вулми. Ноги ирландца волею неволей пришлось освободить от цепей, наручников тоже не было, но его запястья накрепко связали спереди веревкой. Конец этой веревки держал в одной руке загорелый матрос, в другой он сжимал обнаженную саблю, готовый броситься на пирата при любой его попытке к бегству.

— Пятнадцать человек слишком много, — пытался Вулми убедить Уэнтарда, прежде чем они отпировались в путь. — В тропиках люди легко помрачаются в рассудке, а при виде Клыков Дьявола любой человек может сойти с ума, даже если это королевский солдат. Чем больше людей увидит сокровища, тем больше вероятность мятежа, и тогда ты не сможешь даже добраться до Горна. Тебе нужно взять с

собой трех-четырех человек. Кого ты боишься? Ты же говорил, что у Англии с Испанией мир, и уж во всяком случае испанцев поблизости никак не может быть.

— Я и не думал об испанцах, — сухо ответил Уэнтард. — Просто я должен предупредить любую твою попытку сбежать.

— И что же, для того чтобы меня охранять, тебе нужно пятнадцать человек? — расхохотался Вулми.

— У меня нет другого выхода, — мрачно ответил Уэнтард. — Ты один стоишь двоих или даже троих нормальных людей, Вулми, и мечтаешь о свободе. Мои люди будут держать наготове оружие и пристрелят тебя как бешеную собаку, если ты только вздумаешь освободиться. Кроме того, наверняка есть опасность встретиться с дикарями.

Пират презрительно усмехнулся.

— Если ты хочешь встретиться с настоящими дикарями, тебе нужно перейти через Кордильеры. По ту сторону гор обитают индейцы, которые запросто могут снять твою голову с плеч и высушить ее до размеров твоего кулака. Но на эту сторону гор они никогда не переходят. Что касается того народа, который выстроил древний замок, то все они давно вымерли. Конечно, если тебе так хочется, бери с собой хоть целую свиту, однако нужды в этом нет. Один сильный человек вполне сможет унести все сокровища.

— Один сильный человек! — пробормотал Уэнтард и жадно облизал губы, переваривая мысль о том сказочном богатстве, которое вскоре окажется в его руках. Перед его глазами уже вставали картины посвящения в рыцарство, смутно подумалось ему и об адмиральском чине... — А что это за

тропа? — подозрительно спросил он. — Откуда она здесь, если этот берег необитаем?

— Эту старую дорогу, должно быть, строил тот же народ, которому принадлежал древний город. В некоторых местах еще видны камни, которыми она была вымощена. Мы с Гарстоном прошли по ней первыми за много веков. Ты сейчас сам увидишь ее и поймешь, что с тех пор здесь никого не было. Ты своими глазами увидишь молодую поросль там, где мы расчищали себе путь топорами.

Уэнтард был вынужден согласиться. И вот, не дожидаясь рассвета, небольшой отряд отправился вглубь джунглей. Шли быстро, легко преодолевая милю за милей. Корабль, оставленный в заливе, почти сразу скрылся из виду. Утренняя прохлада сменялась зноем, вокруг в джунглях молча перелетали с места на место птицы с ярким оперением, да без умолку трещали обезьяны. Около полудня сделали короткую остановку, чтобы подкрепиться и напиться воды. Все солдаты были выносливыми и закаленными, привычными к долгим переходам, и Уэнтард торопил их. Перед его мысленным взором блестели драгоценности, о которых рассказал Вулми.

Тропа оказалась не слишком извилистой. Несмотря на то что вся она заросла буйной зеленью, было ясно, что когда-то здесь проходила широкая дорога. Кое-где действительно виднелись камни. К середине дня дорога стала нырять между пологими, заросшими лесом холмами.

Ни Уэнтард, ни кто бы то ни было из его людей не заметили крадущихся в стороне теней. Об их присутствии знал один Вулми, но он лишь молча улыбался. Пират очень осторожно шевелил руками, пытаясь ослабить веревки на запястьях, однако делал это так, что его страж ничего не подозревал.

Вулми занимался своими веревками всю дорогу, и теперь чувствовал, что они изрядно ослабли.

Солнце уже клонилось к западу, когда пират остановился. Дорога в этом месте сворачивала почти под прямым углом и исчезала в ущелье.

— В этом ущелье и стоит тот старый замок, где спрятаны драгоценности.

— Наконец-то! — скрипучим от волнения голосом сказал Уэнтард, обмахиваясь шляпой, как веером.

По его лицу стекали капли пота, воротник его малиновой, расшитой золотом рубашки потемнел. Его воображение живо рисовало груды драгоценных камней, так ярко описанных Вулми. Жадность лишает осторожности, и Уэнтарду не приходило в голову усомниться в том, что рассказал ему Вулми. Он видел в ирландце только неотесанного мужлана, который хочет выторговать для себя несколько лишних месяцев жизни. Джентльмен, состоявший на службе у Его Величества, не привык раздумывать о характерах пиратов. Мораль Уэнтарда была достаточно проста: твердая рука и неукоснительное выполнение приказов. Он никогда не пытался понять человека, стоявшего вне закона.

Отряд вошел в ущелье, и дорога повела людей между заросшими лесом скалами. Уэнтард продолжал обмахиваться шляпой и нетерпеливо кусал губы, всматриваясь вперед в надежде увидеть развалины, о которых рассказывал пленник. Его лицо стало бледнее обычного, хотя лица солдат покраснелись от нестерпимого зноя. Вулми, казалось, вовсе не чувствовал ни жары, ни усталости: он уверенно шел вперед мягкой походкой пантеры. Он внимательно смотрел по сторонам, и от его взгляда не укрылась ветка, качнувшаяся наверху, хотя не было никакого ветра.

По обе стороны от ущелья футов пятидесяти в ширину высились скалы около сорока футов высотой, покрытые густым лесом. Большею частью эти скалы поднимались вверх почти отвесно, но местами попадались достаточно пологие спуски. И вот в сотне ярдов перед собой люди увидели две скалы, стоявшие по бокам ущелья так симметрично, что вряд ли можно было назвать это исключительно делом природы.

Возле одной из пологих скал Вулми остановился. Остановились и все остальные, вопросительно глядя на него.

— Почему ты остановился? — нетерпеливо спросил Уэнтард. Его нога наткнулась в густой траве на какой-то предмет, который он поддал носком сапога. Предмет, откатившись недалеко, остановился и оказался оскаленным человеческим черепом. Уэнтард огляделся и увидел, что повсюду в траве белеют черепа и кости.

— Это здесь передрались ваши пиратские собаки? — резко спросил он. — Чего ты ждешь? К чему ты прислушиваешься?

Вулми ничем не выдал своего напряжения и улыбнулся как можно беззаботнее.

— Впереди ворота, — сказал он. — Эти скалы по обеим сторонам обозначают вход в город. Дорога в город шла по этому ущелью в те времена, когда здесь жили люди. Вход в город — единственный, вокруг него со всех сторон неприступные отвесные скалы. — Он недобро усмехнулся. — Похоже на дорогу к дьяволу, Джон Уэнтард: вниз попасть легко, а вот обратно наверх выбраться потруднее.

— О чем ты бормочешь? — рявкнул Уэнтард, свирепо нахлобучив на голову шляпу. — Вы, ирландцы, болтуны и остолопы! Веди нас...

В этот миг из джунглей со стороны входа в ущелье послышался резкий звук, похожий на звон натянутой струны. Вниз по ущелью что-то пролетело, один из солдат вскрикнул и уронил на землю мушкет, схватившись за горло, — в его шее торчала длинная стрела, покачиваясь, словно голова змеи. Солдат упал и замер в густой траве.

— Индейцы! — воскликнул Уэнтард и в гневе повернулся к пленнику. — Собака! Ты говорил, что здесь нет дикарей!

Вулми желчно рассмеялся.

— Это, по-твоему, дикари? Эти трусливые шакалы прячутся в джунглях и боятся высунуть носы. Неужели ты не видишь, как они движутся там между деревьями? Лучше дай-ка им отпор, а то они еще осмелеют!

Уэнтард огрызнулся, однако он знал, что огнестрельным оружием можно здорово напугать аборигенов. Теперь и он заметил коричневые тела, движущиеся в зарослях наверху. Он отдал приказ, и прогрохотали выстрелы из четырнадцати мушкетов, засвистели пули. С деревьев упало несколько веток. Не успел рассеяться дым от выстрелов, как Вулми сбросил веревку с рук, нанес своему стражу сокрушительный удар в челюсть и, выхватив у него саблю, как кошка вскарабкался по пологому склону. Солдаты с разряженными мушкетами в руках беспомощно смотрели ему вслед. Раздался одинокий выстрел — это опомнился Уэнтард, но было уже поздно. Сверху раздался издевательский смех Вулми.

— Болваны! Вы стоите на пороге у дьявола!

— Собака! — вне себя от ярости выкрикнул Уэнтард, но его алчность все еще оставалась сильнее здравого смысла. — Мы найдем сокровища и без твоей помощи!

— Ты не можешь найти то, чего не существует, — ответил пират, невидимый из своего укрытия. — Там никогда не было никаких драгоценностей. Этой ложью я заманил тебя в ловушку. Нога Дика Гарстона никогда не ступала сюда. Я, правда, побывал здесь, и индейцы перебили всю мою команду, а свидетельство этому — черепа у тебя под ногами.

— Подлый лжец! — больше Уэнтард ничего не мог придумать. — Собака! Ты уверял меня, что здесь нет индейцев!

— Я сказал тебе, что охотники за скальпами не переходят через горы, — рассудительно ответил Вулми. — Так оно и есть. Я сказал тебе, что народ, построивший этот город, вымер. И это тоже правда. Я только не сказал тебе, что здесь неподалеку обитает племя краснокожих чертей. Они никогда не выходят на берег, но очень не любят, когда белые люди входят в джунгли. Я так думаю, что именно они истребили обитателей этого города. Так или иначе, дикари перебили всех моих людей, а мне удалось спастись только благодаря тому, что я жил когда-то с краснокожими в Северной Америке и немного выучился их языку. Ты попал в ловушку, из которой тебе не выбраться, Уэнтард!

— Поднимитесь по этой скале и схватите его! — отдал приказ Уэнтард, и шестеро солдат, закинув мушкеты за спины, начали с трудом карабкаться по склону, куда только что у них на глазах с необычайной легкостью забрался пират.

— Лучше поубавь спеси да подумай, как вам спасти свои шкуры, — посоветовал откуда-то сверху Вулми. — Здесь поблизости не одна сотня этих краснокожих дьяволов, а у тебя нет дрессированных собак, чтобы драться с ними.

— И ты выдашь дикарям белых людей? — воскликнул Уэнтард.

— Вообще-то это против моих правил, — отозвался ирландец, — но ты не оставил мне другого выхода. Мне жаль твоих людей. Потому я и уговаривал тебя не брать в поход много народу. В этих джунглях достаточно индейцев, чтобы сожрать с потрохами всю твою команду. А что до тебя, грязная собака, так знай, что настал час расплаты за все, что ты творил в Ирландии, и тебя я не считаю белым человеком. Я рисковал вместе с тобой. Та стрела могла впитаться и в мою шею.

Голос Вулми внезапно оборвался. Едва успел Уэнтард подивиться тому, что на скале над ними нет индейцев, как там зашумела листва, затрещали ветви, потом раздался дикий предсмертный вопль, и вниз, в ущелье свалилось обнаженное смуглое тело. Тело индейца в одной набедренной повязке распростерлось на траве. Воин был широкоплечий и мускулистый, его лицо показалось Уэнтарду совсем диким. На шее индейца зияла широкая рана.

Наверху опять зашуршало. Уэнтард решил, что это убегает по стене ущелья ирландец, преследуемый соплеменниками убитого индейца, которые, должно быть, подкрались к нему, пока он выкрикивал свои издевательства.

Но вот наверху все снова затихло, зато из джунглей со стороны входа в ущелье раздалась леденящая душу крики, и в ущелье посыпались стрелы, — это индейцы издали увидели окровавленное тело. Упал замертво еще один из солдат, трое были ранены, и Уэнтард окликнул людей, которые продолжали карабкаться вверх по склону. Отдав людям при-

каз следовать за ним, он побежал к развалинам ворот древнего города. Идти дальше он побоялся, хотя и понимал, что в ущелье уже полно дикарей. Там, откуда он с людьми только что выбрался, спасения быть не могло.

Он остановился возле груды разрушенных камней. Было похоже, что когда-то эти камни являли собой стены здания. Уэнтард укрылся за руинами, приказав людям залечь за камнями и держать наготове мушкеты. Одному из солдат он велел наблюдать за ущельем, остальным — внимательно следить за скалами, поднимавшимися по обеим сторонам дороги. Его сердце сжалось от страха. Солнце уже заходило, и тени от деревьев становились с каждой минутой длиннее. Разве смогут белые люди в темноте ночных джунглей разглядеть смуглокожих дикарей среди деревьев? Разве сможет пуля в темноте найти свою цель? Несмотря на жару, Уэнтард пожегся.

Стрелы по-прежнему пели в воздухе, однако до них не долетали или ударялись рядом о камни. Но вскоре стрелять стали со стен, и теперь уже бесполезно было укрываться за камнями. Все чаще вскрикивали солдаты. Небольшой отряд Уэнтарда таял у него на глазах. Оставшиеся в живых продолжали стрелять из мушкетов по невидимым индейцам, и огонь мушкетов сдерживал дикарей. Чья-то пуля даже вслепую нашла свою жертву, Уэнтард понял это по предсмертному крику, раздавшемуся наверху.

Может быть, гибель еще одного соплеменника заставила разъяренных индейцев выйти из джунглей. Может быть, они, как и белые, не могли драться вслепую и хотели покончить с пришельцами до наступления ночи. А может, дикари устыдились того, что прячутся в джунглях от горстки солдат.

Так или иначе, индейцы вышли из джунглей. Это не были жалкие дикари, нет, — на англичан наступали смуглые мускулистые воины, сознававшие свою силу, каждый из которых мог быть достойным противником любому тренированному англичанину. Ущелье заполнилось индейцами, со скал тоже спускались индейцы. Их были сотни против маленькой горстки оставшихся в живых английских солдат. Англичане, не дожидаясь приказа, поднялись из-за камней, встречая смерть лицом к лицу. Уже не оставалось времени перезаряжать мушкеты — волна индейцев захлестнула маленький отряд.

Бесполезные мушкеты отбросили в стороны, в ход пошли кортики, но что можно было сделать против лавины разъяренных индейских воинов с боевыми топорами в руках? Очень скоро все было закончено.

Уэнтард не видел, как погиб последний из его людей. Его самого окружили дикари, но у него еще оставался один заряженный пистолет, и он разрядил его прямо в разрисованное лицо индейца, на голове которого колыхались перья. Лицо это превратилось в сплошное кровавое месиво. Второго индейца он ударил по голове рукояткой пистолета и метнулся прочь от смуглокожих воинов. Перед ним вырос индеец с топором в руке, однако меч Уэнтарда оказался проворнее. Наступившая почти внезапно темнота спасла англичанина. Он отошел дальше за разрушенные стены, и индейцы уже не могли его разглядеть.

Он шел как слепой. За остатками ворот ущелье будто бы стало шире, Уэнтарда теперь окружали стены, в которых с трудом можно было различить окна и двери. Он шел, ежесекундно ожидая удара в спину. Его сердце билось так громко, в висках так

стучала кровь, что ему казалось, будто он слышит за спиной топот босых ног.

На нем не было ни шляпы, ни плаща, окровавленная рубашка висела ключьями, однако каким-то чудом он умудрился выбраться из этого побоища без единой царапины. Внезапно перед ним выросла обвитая лианами стена, в которой виднелся дверной проем. Он вбежал туда и, оглянувшись, упал на колени в полном изнеможении. Немного успокоившись, вытер пот, стекавший со лба на глаза, и первым делом перезарядил пистолеты, потом вгляделся в темноту. Вокруг стояла тишина, ущелье внезапно опустело, и оттуда больше не слышалось победных криков дикарей. Почему-то они не стали преследовать его, когда он оказался за воротами.

Внезапно Уэнтард испугался, что на него могут напасть сзади. Он вскочил на ноги, держа в руках заряженные пистолеты и лихорадочно озираясь по сторонам.

Он оказался в помещении, стены которого, казалось, готовы рухнуть в любой миг. Крыши не было, а между каменными плитами пола пробивалась трава. Над головой Уэнтард увидел звездное небо, а чуть в стороне — край высокой скалы. Сквозь вторую дверь в противоположной стене виднелась такая же полуразрушенная комната.

Над развалинами было тихо, и так же тихо было в ущелье. Из всех сил напрягая глаза, он вглядывался в ущелье за воротами — никого. Почему дикари не стали преследовать его? Побоялись пистолетов? Однако мушкеты солдат их не испугали. Или они ушли по каким-то неведомым ему причинам? А может быть, в этих развалинах прячутся беспощадные индейские воины? Если так, то чего же они ждут?

Он решительно подошел к противоположной стене и заглянул в соседнюю комнату. Из нее не было выхода наружу, все двери вели в такие же разрушенные помещения без крыш, с потрескавшимися каменными полами и осыпающимися стенами. Он прошел через три или четыре комнаты, его шаги глухо отдавались эхом в тишине. Решив дальше не ходить — лабиринт показался ему бесконечным, — он вернулся в первую комнату, из которой обозревалось ущелье. По-прежнему до него не доносилось ни единого звука, но в ущелье было так темно, что даже если бы теперь его окружила толпа дикарей, он никого бы не увидел.

Наконец Уэнтард не выдержал. Ступая со всей осторожностью, на какую только был способен, он подошел к воротам, за которыми стояла тьма, как в бездонном колодеце. Он выглянул из-за скалы, служившей когда-то левой опорой для ворот, и попытался различить хоть что-нибудь перед собой, но не мог увидеть ничего, кроме звезд высоко в небе. Тогда он сделал еще один осторожный шаг и скорее почувствовал, чем разглядел чью-то внезапно выросшую в темноте тень. Он вскинул руку и выстрелил наугад. Вспышка на мгновение осветила раскрашенное лицо индейца, а за ним англичанин заметил плотную стену индейских воинов, надвигавшихся на него.

С криком затравленного зверя он метнулся обратно за скалу-колонну, упал и замер, ожидая удара копьем. Но никто не бросился за ним. Еще не веря этому, он поднялся на ноги, сжимая пистолы в дрожащих руках. Его ждали там, за воротами, но теперь он твердо знал, что они не войдут в эти ворота даже для того, чтобы убить смертельного врага. Это было невероятно, необъяснимо, но это было именно так.

Спотыкаясь, он снова дошел до каменных развалин и снова вошел в дверь, за которой начиналась анфилада разрушенных комнат. Слабый свет звезд едва рассеивал черноту ночи, и на стенах появились неясные тени. Как большинство англичан его поколения, Джон Уэнтард был склонен верить в привидения, и сейчас он чувствовал, что если где-то на свете обитают духи, призраки давно потерянного и забытого народа, то именно в этих мрачных развалинах.

Он взглянул вверх, туда, где над развалинами виднелся край высокой скалы, с которого причудливо свисали ветви деревьев, и подумал, что, когда взойдет луна, с этой скалы сюда полетят стрелы. Где-то далеко раздался птичий крик, и опять наступила тишина.

До его слуха доносился слабый шелест листьев. Если наверху, на скалах, и были люди, то они ничем не выдавали своего присутствия. Уэнтарда начали мучить голод и жажда; его захлестывала ярость, и в то же время страх грозил перейти в настоящую панику.

Он сел возле двери, прислонившись к стене, не выпуская из рук пистолей, и положил на колени обнаженный меч. Сейчас же поднялась луна — посеребрив ветви деревьев, выкатилась из-за них и осветила скалы. Лунный свет залил и развалины, однако никакие стрелы со скалы не посыпались, а за воротами по-прежнему не было слышно ни звука. Уэнтард осторожно выглянул наружу и осмотрелся.

Скалы в ущелье за воротами образовали подобие каменной чаши. Уэнтарду показалось, что они стоят абсолютно ровным кругом. Почти всю эту каменную чашу заполняли развалины, в которых он

сейчас прятался. С одной стороны они примыкали к скалам. Время и растительность почти уничтожили это весьма оригинальное архитектурное сооружение, напоминавшее лабиринт из множества комнат без крыши, двери которого выходили на широкую площадь между постройкой и противоположной скалистой стеной «чаши». Площадь заросла такой же точно растительностью, какая пробивалась между каменными плитами пола в некоторых комнатах.

Уэнтард понял, что надежды на спасение у него нет никакой. Скалы вокруг «чаши» были совсем не такими, как по краям ущелья. Эти скалы поднимались над стенами лабиринта отвесными громадами, казалось даже, что они склоняются внутрь «чаши». По ним не стелились лианы. Может быть, эти скалы и не были очень высокими, но они оставались так же недостижимы, как если бы их высота составляла тысячу футов. Он оказался здесь, как крыса в ловушке.

Единственная дорога отсюда назад шла через ущелье, где его в мрачном молчании ждали непреклонные краснокожие воины. Он вспомнил издевательский смех Вулми и его слова: «...как дорога к дьяволу: легко по ней спуститься, но подняться будет потруднее!». Ему доставила болезненное удовольствие мысль о том, что, должно быть, индейцы схватили проклятого ирландца и предали его медленной мучительной смерти.

Все же, несмотря на жажду и страх, он заснул. Ему снились какие-то древние замки, звуки барабанного боя; странные фигуры в мантиях из перьев попугаев медленно проходили сквозь дым жертвенных костров. В конце концов ему приснилось, что из внутренней двери той комнаты, где он укрывался, появилась неясная тень и что кто-то

молча смотрит на него холодными нечеловеческими глазами.

От этого сновидения он проснулся со сдавленным криком, обливаясь холодным потом, судорожно схватив пистолы. Страхнув остатки сна, он встал посреди комнаты и попытался собраться с мыслями. Он не мог решить, в самом ли деле видел в дверном проеме таинственную жуткую тень, или это видение — только часть его кошмарного сна: Кривобочная красноватая луна висела над скалами с западной стороны, а в этой части «чаши» теперь было темно, хотя какой-то призрачный свет слабо освещал развалины. Уэнтард решительно шагнул в тот проем, возле которого ему померещилась тень, держа перед собой пистолы. Зыбкий свет все же откуда-то просачивался в пустую комнату. Растительность в щелях между каменными плитами была кое-где примята, но он вспомнил, что сам проходил через эту комнату.

Проклиная свое разыгравшееся воображение, он вернулся к выходу. Уэнтард убеждал себя, что выбрал именно это место, чтобы его не застало врасплох нападение из ущелья. Но заставить себя забраться вглубь этих древних развалин он не мог.

Скрестив ноги, он уселся возле двери и прислонился к стене, положив пистолы рядом с собой на пол, а обнаженный меч на колени. Его глаза горели, губы пересохли от мучительной жажды. Вид тяжелых капель росы на пробившейся сквозь щели траве едва не свел его с ума, однако он побоялся утолить жажду этой росой, решив, что она может оказаться ядовитой. Потуже затянув пояс, он сказал себе, что не заснет больше. Но усталость взяла свое, и он заснул, несмотря ни на что.

3

Разбудил его чей-то ужасный крик совсем рядом. Не успев проснуться, Уэнтард вскочил на ноги, дико озираясь. Луна уже зашла, в комнате теперь было темно, как в Египте, и он едва разглядел выход. Снаружи послышались звуки борьбы, потом словно упало тяжелое тело, и наступила тишина.

Крик был определенно человеческий. Уэнтард попытался ощупью найти пистолы, но нашел только меч и поспешил к выходу. Его нервы натянулись до предела. Абсолютная темнота, окутавшая развалины, наводила на мысли о мрачных водах Стикса. В слабом свете звезд он не заметил тела, распростертого на траве, пока не споткнулся о него. Но и тогда он не смог разглядеть его как следует, только смутно увидел очертания человека, лежавшего на земле перед входом в лабиринт.

Наверху на скалах слабый ветерок пошевелил листья на деревьях, и Уэнтард услышал их тихий шелест. Где-то рядом, невидимые, его подстерегают индейцы. Но все вокруг опять погрузилось в невероятную тишину.

Уэнтард опустился на колени возле тела, распростертого перед ним, и из всех сил напярк глаза, затем негромко хмыкнул. Убитый не был индейцем, он был чернокожим — шоколадного цвета великан, в одной набедренной повязке и головном уборе из перьев попугая. Рядом с ним валялся смертоносный боевой топор, на груди Уэнтард разглядел глубокую страшную рану и вторую, поменьше, — чуть ниже плеча, в которой торчал клинок. Удар был, видимо, очень сильным, лезвие пробило тело насквозь и вышло из спины.

Уэнтард невольно выругался сквозь зубы. Появление чернокожего было вполне объяснимо. Негритянские рабы, бежавшие от испанцев, часто скрывались в джунглях и жили с их обитателями. Этот чернокожий, очевидно, не разделял суеверий индейцев, из-за которых те не могли войти в каменную «чашу»; он в одиночку отправился в лабиринт, чтобы найти и убить белого врага. Но вместо этого негр сам нашел здесь свою смерть. Было ясно, что смертельный удар нанесен необыкновенно сильным человеком. Страшное подозрение закралось в душу Уэнтарда, хотя неведомый убийца чернокожего спас его от верной смерти во сне. Все это выглядело так, словно в судьбу англичанина вмешалось какое-то загадочное существо, тем самым как бы заявив, что судьба Уэнтарда в его руках. При этой мысли Уэнтард поежился.

Тут он осознал, что при себе у него только меч, и вспомнил, как выбежал из комнаты полусонный, оставив пистолеты на полу, потому что не смог сразу напарить их в крошечной тьме. Он поспешил обратно в каменную комнату и принялся ощупывать пол, сперва спокойно, а потом с внезапным ужасом: *оружия на полу не было.*

Когда Уэнтард понял это, его охватила паника. Не помня себя, он снова выскочил наружу. Его прошиб холодный пот, он весь дрожал, как в лихорадке, и лишь огромным усилием воли удержался от истерического крика.

Наконец ему удалось взять себя в руки. Значит, дело не только в его больном воображении, и кто-то действительно, видел его спящим в мрачной каменной комнате. Кто-то или что-то, кроме него, побывало в этой комнате, что-то, завладевшее его пистолетами, пока он рассматривал убитого негра,

или даже — страшно подумать! — пока он спал. Все же ему хотелось надеяться, что последнее исключено. Но почему тогда ему оставили меч? Или это индейцы затеяли с ним какую-то непонятную ему чудовищную игру? Может быть, именно их взгляды, полные ненависти, он чувствовал на себе в ночной темноте? Нет, едва ли. У индейцев, пожалуй, не было причин убивать своего чернокожего собрата.

Силы Уэнтарда были на исходе. Он почти обезумел от голода и жажды и содрогался при мысли о том, что ему предстоит провести знойный день в огромном каменном колодце без капли воды. Когда думать об этом стало совсем нестерпимо, он сжал рукоятку меча и направился к выходу, решив, что лучше скорая смерть от рук разъяренных индейцев, чем долгое и мучительное умирание от жажды среди этих развалин. Пусть уж лучше живые дикари из плоти и крови зарубят его своими томагавками, чем сведут с ума и погубят бесплотные призраки в каменном лабиринте! Но слепая инстинктивная жажда жизни отбросила его от ворот, и он вернулся к входу в каменную комнату, где провел ночь. Он не нашел-таки в себе сил, чтобы выйти навстречу верной смерти.

Как во сне, он подтащил тело чернокожего к воротам и выбросил в ущелье. В конце концов, ему придется провести здесь еще какое-то время, а труп начнет разлагаться на жаре и станет смердеть.

Справившись с этим делом, он опустился на траву, не дойдя до развалин, и опять почувствовал всем своим существом, что из каменных руин на него устремлен чей-то нечеловеческий взгляд, что там, в лабиринте, его ждут...

Так он встретил рассвет. Когда рассвело, в воротах появился краснокожий воин и выпустил стрелу

в неподвижно сидевшего на траве англичанина. Стрела упала в траву возле ног Уэнтарда. Он очнулся, вскочил и добежал до входа в лабиринт. Индеец исчез, будто устыдившись, что промахнулся.

Утренний свет разогнал ночные тени, и мысли о призраках отступили. Усилившаяся жажда заглушила все страхи: Уэнтард уже не мог думать ни о чем, кроме глотка воды. Он решился тщательно осмотреть развалины и выяснить, кто или что скрывается в дальних уголках каменного лабиринта. При свете дня это казалось ему вполне осуществимым.

Он подошел к внутренней двери и замер на пороге. За дверью стоял свежевыдолбленный сосуд из тыквы, наполненный водой; рядом горкой лежали фрукты, а во второй тыкве дымилось жареное мясо. Англичанин шагнул в комнату и огляделся. Комната была пуста.

При виде воды и пищи он забыл обо всем, кроме того, что зверски голоден и измучен жаждой. Схватив бутылку с водой, он припал к ней губами и начал жадно пить, захлебываясь и проливая воду себе на грудь. Вода оказалась холодной, и он пил с наслаждением, какого раньше не испытывал даже от самых изысканных вин. Мясо было еще горячим, и он, обжигаясь, впилился в него зубами. Зажаренное на костре без соли и приправ, оно показалось изголодавшемуся Уэнтарду пищей богов. Он не успел задуматься об этом чудесном происшествии, и ему даже в голову не пришло, что пища может быть отравленной. Таинственный обитатель этих развалин, спасший ему жизнь этой ночью, опять позаботился о нем. Значит, кто-то хотел, чтобы Уэнтард жил.

Насытившись, он улегся на полу и заснул. Теперь он был уверен в том, что индейцы не войдут в

лабиринт, и его охватило безразличие к смерти. Тот или то неизвестное, что находилось где-то рядом, уже давно могло отнять у него жизнь, но пока оно не причинило ему вреда, если не считать исчезновения пистолей. Уэнтард передумал отправляться на поиски хозяина развалин, решив, что это может рассердить его.

Ему стало почти все равно, какая судьба его ждет здесь. Он завел своих людей в ловушку, и все они погибли у него на глазах; сам он оказался в положении крысы, загнанной в мышеловку; фантастические сокровища, о которых он мечтал, никогда не существовали. Он заснул, смирившись со всем заранее.

Когда Уэнтард проснулся, солнце уже стояло высоко. Он сидел, будто его подбросила невидимая пружина. Прямо перед ним стоял Черный Вулми.

— Проклятие! — Уэнтард вскочил, хватаясь за меч. — Собака! Значит, индейцы не поймали тебя на скалах!

— Краснокожие? — усмехнулся Вулми. — Они не стали преследовать меня за воротами. Они не поднимаются на скалы вокруг этих развалин. Они караулят снаружи, в джунглях, однако я могу выйти отсюда в любой момент. Твой завтрак — да и свой тоже — я приготовил у них под носом, а они ничего не заметили.

— Мой завтрак! — воскликнул Уэнтард. — Ты хочешь сказать, что это ты принес сюда еду и воду?

— А кто же еще?

— Но почему ты это сделал?! — Уэнтарда изумило то, что сказал Вулми.

Вулми беззвучно рассмеялся. Его глаза вспыхнули.

— Сначала я думал, что мне доставит огромное удовольствие увидеть, как ты сдохнешь со стрелой

в груди. Когда ты улизнул от них и оказался здесь, я подумал, что это еще лучше. Они не уйдут отсюда, и ты не сможешь выбраться и умрешь на моих глазах медленной голодной смертью. Когда они перебили всех моих людей в этом ущелье, я, как и ты, укрылся здесь среди развалин, и индейцы перестали преследовать меня. Но мне удалось выбраться в первую же ночь, а ты не найдешь выхода, и я увижу твою смерть. Я могу выйти отсюда и войти, когда захочу, и ты никогда не увидишь и не услышишь, как я это делаю.

— Но я не понимаю...

— Конечно, ты не понимаешь, — отозвался Вулми с презрительной усмешкой. — Я решил, что мне мало будет видеть, как ты мучаешься от голода. Я должен убить тебя своими руками и увидеть, как закатятся твои глаза! — Голос ирландца зазвенел от ненависти, кулаки сжались так, что костяшки пальцев побелели. — Но я не хочу убивать врага, ослабевшего от голода до полусмерти. Поэтому я вернулся по скалам в джунгли, раздобыл фруктов и воды, камнем сшиб с дерева обезьяну и зажарил ее. Все это я принес сюда и положил возле двери, пока ты сидел снаружи. Ты, конечно, ничего не заметил и не услышал ни звука. Все англичане тугоухи.

— Значит, это ты взял мои пистолеты! — растерянно пробормотал Уэнтард, уставившись на рукоятки, торчавшие из-за испанского пояса Вулми.

— Ну конечно! Я взял их, когда ты спал. У индейцев в Северной Америке я научился ходить неслышно. Мне совсем не хотелось, чтобы ты пристрелил меня, когда я вернусь, чтобы заплатить тебе свой долг. Когда я поднял их с пола, я услышал шаги снаружи и увидел, что к двери направляется чернокожий. Я не мог позволить ему лишить меня удо-

вольствия расправиться с тобой, пришлось проткнуть его саблей. Его крик разбудил тебя, и ты выскочил наружу, но я проскользнул мимо тебя в темноте и вышел в другую дверь. Я не хотел встречаться с тобой иначе, чем при свете дня, и при условии, что ты будешь в силах драться.

— Значит, это ты смотрел на меня из той двери, и твою тень я видел перед заходом луны, — потрясенно выговорил Уэнтард.

— Нет, не я! — искренне воскликнул Вулми. — Я пришел сюда, чтобы забрать твои пистолы, когда луны уже не было. После этого я вернулся на скалы, а сюда пришел во второй раз перед рассветом, когда принес тебе еду. Однако довольно болтовни! — Вулми взмахнул саблей. — Мне не дает покоя память о берегу Галуэя, о тех несчастных повешенных и о веревке, сдавившей мою шею! Я заманил тебя в ловушку, и теперь я убью тебя!

Лицо Уэнтарда перекосила гримаса ненависти и ярости, он скрипнул зубами.

— Собака! — выкрикнул он и бросился на ирландца. Зазвенела сталь, и Вулми отбросил противника к стене.

Как большинство офицеров британского флота, Уэнтард искусно владел своим длинным прямым мечом. Он был почти так же высок ростом, как пират, хотя и не отличался таким же могучим сложением. Однако он надеялся, что опыт поможет ему одолеть ирландца. Его надежды оказались напрасными, это стало ясно с первых же мгновений. Вулми двигался стремительно, как раненая пантера, его движения были точны и легки, и с оружием он обращался ничуть не хуже Уэнтарда. Он действовал саблей так яростно, что не давал противнику опомниться и перейти от защиты к нападению.

Уэнтард едва успевал отражать удары пирата и вскоре, обессилев, потерял самообладание. Ненависть Вулми будто парализовала англичанина, рука перестала слушаться, и его, меч со звоном отлетел в угол. Побледнев, Уэнтард отступил к стене, с ужасом глядя на ирландца.

— Подбери меч! — опустив саблю, проговорил Вулми, но Уэнтард будто не слышал этого. Тогда пират отбросил и свою саблю. — Ты даже не способен драться? Ну что ж, я убью тебя и голыми руками.

И Вулми наотмашь дважды ударил англичанина по лицу. Тот вскрикнул и протянул руки к шее пирата, но Вулми опередил его и ударил под вздох. Уэнтард упал на колени, по его лицу текла кровь. Вулми стоял над ним со сжатыми кулаками.

— Поднимайся! — с ненавистью процедил он сквозь зубы. — Поднимайся, палач беззащитных крестьян и вешатель детей!

Уэнтард, казалось, не слышал этого. Он что-то достал из-под рубашки и с горечью вглядывался в то, что держал в руке.

— Поднимайся, пока я не начал бить тебя ногами...

Вулми оборвал свою угрозу. По лицу Уэнтарда вместе с кровью текли слезы. Он всхлипнул.

— Что за дьявольщина! — Вулми выхватил то, что держал в руке англичанин, и что заставило Джона Уэнтарда разрыдаться. Это был миниатюрный портрет, написанный рукой мастера. Удар Вулми немного повредил его, однако ирландец разглядел улыбающееся нежное лицо красивой молодой женщины с маленькой девочкой.

— Черт побери! — Вулми перевел взгляд с портрета на человека, скорчившегося на полу. — Это твои жена и дочь?

Уэнтард закрыл лицо руками и кивнул, не в силах произнести ни слова. Он слишком много перенес за прошедшую ночь и этот день. То, что порвался портрет, который он всегда носил возле сердца, было последней каплей и окончательно сломило его волю.

Вулми сдвинул брови.

— Я не знал, что у тебя есть жена и ребенок, — произнес он с неожиданной теплотой в голосе.

— Дочке всего пять лет, — выдохнул Уэнтард. — Я почти год не видел их. Господи, что теперь с ними будет? Мое жалованье было невелико, я никогда не мог ничего отложить на черный день. Это ради них я разыскивал Ван Равена и его сокровища. Я надеялся на добычу, которая помогла бы мне обеспечить их на тот случай, если со мной что-то случится. Убей меня! — внезапно крикнул он с отчаянием. — Убей меня, и пусть с этим будет покончено, потому что воспоминание о них лишило меня мужества, и я позорно расплакался перед тобой и готов на коленях вымаливать у тебя пощаду!

В глазах ирландца мелькнуло смятение, и внезапно он вложил портрет в руку Уэнтарда.

— Не стану я пачкать руки о такое ничтожество, как ты! — проговорил он и, повернувшись, вышел во внутреннюю дверь.

Уэнтард тупо посмотрел ему вслед, потом, по-прежнему стоя на коленях, стал разглаживать надорванный портрет, негромко поскуливая, как раненое животное, котороелизывает свои раны. В тропиках с людьми происходят невероятные вещи, и Уэнтард был в эти мгновения словно помешанный.

Он не поднял головы и тогда, когда вновь послышались мягкие шаги Вулми. Пират вернулся, изменив

своему обыкновению появляться неслышно, и до боли сжал рукой плечо англичанина. Бессмысленными глазами Уэнтард поглядел на своего врага.

— Проклятая собака! — выкрикнул Вулми, но в его взгляде уже не было прежней безумной ненависти. — Я должен был раскроить тебе череп. Долгие годы я мечтал об этом, особенно когда напивался, и если ты до сих пор жив, так это потому, что я круглый дурак. Будь ты проклят, я не должен ничего тебе объяснять! Что мне за дело до твоей жены и дочки? Но я глуп, как все ирландцы, я мягкосердечный сентиментальный дурак. Я не хочу обрекать на голодную смерть беспомощную женщину и ее ребенка. Вставай, и хватит сопли распускать!

Уэнтард продолжал смотреть на него, ничего не понимая.

— Ты... ты вернулся, чтобы помочь мне?

— Я мог бы заколоть тебя, как овцу, или оставить здесь подыхать от голода! — рявкнул пират, убрав саблю в ножны. — Поднимайся и подбери свой меч, он еще может тебе пригодиться. Кто бы мог подумать, что такому мерзавцу достанется в жены ангел! Черт тебя побери, тебя бы следовало пристрелить, как бешеную собаку! Знай, что я доверяю тебе не больше, чем старым сказкам. Твои пистолы останутся при мне. Если только ты попытаешься исподтишка убить меня, я разобью твою башку рукояткой сабли.

Ошеломленный Уэнтард бережно убрал портрет за пазуху и, двигаясь словно во сне, поднял меч и вложил его в ножны. К нему будто вернулось сознание, и он пытался взять себя в руки.

— Что мы теперь должны сделать? — спросил он.

— Заткнись! — прорычал ирландец. — Я спасу тебя ради твоей жены и девчурки, но разговаривать с

тобой я не обязан! — Он помолчал, потом все же продолжил: — Мы выйдем отсюда тем же путем, которым я приходил и уходил. Четыре года назад я пришел сюда с сотней людей. Я слышал об этом разрушенном городе и думал, что здесь могут оказаться сокровища. От берега мы шли по старой дороге, и краснокожие не показывались. Они ждали, когда мы окажемся в ущелье, и тогда напали на нас. Их было впятеро больше нашего. Они стреляли со скал, потом отрезали нам дорогу назад и всех перебили. Мне одному удалось спастись. Я прорвался вперед и добежал до этого каменного мешка. Они не преследовали меня, а остались там, за воротами, ждать, когда я выйду. Однако я нашел другую дорогу — в комнате возле самой скалы обрушился кусок стены, и я увидел ступени, вырубленные в скале. Они привели меня к потайному ходу, и я выбрался наверх. Выход был завален камнем. Не думаю, что индейцы знают этот ход, — они никогда не появляются на тех скалах, что окружают колодец. И из ущелья сюда они тоже не заходят. Чего-то здесь они боятся — духов, должно быть.

Эти скалы с другой стороны спускаются в джунгли и покрыты густым лесом. В тот раз индейцы выставили свои караулы у подножия скал, но ночью я без труда прошел мимо них, добрался до берега и наш корабль, на котором оставалась горстка людей, ушел отсюда. Когда ты велел привести меня, я собирался тебя убить, и мне бы при этом не помешали наручники, но ты завел разговор о сокровищах, и я подумал, что тебя можно заманить в ловушку. Я хорошо помнил это место, и в моем рассказе правда перемешалась с ложью. Клыки Дьявола существуют на самом деле, и спрятаны они где-то на этом берегу, но вовсе не здесь. Здесь нет ничего.

На этот раз индейцы так же, как тогда, окружили скалы. Я-то могу пробраться мимо них, а вот тебе вряд ли удастся это так же легко. Вы, англичане, в лесу похожи на бизонов. Мы войдем в лес, когда стемнеет, и попытаемся пройти мимо них до того, как поднимется луна. А теперь пойдем, я покажу тебе ступени.

Уэнтард последовал за ирландцем через анфиладу полуразрушенных комнат, со стен которых тут и там свисали лианы, и вскоре Вулми остановился возле двери, вырубленной в стене, которая примыкала к скале. Возле этой стены лежала груда каменных обломков. Англичанин увидел вырубленные в скале узкие ступени, уводившие в темную шахту.

— Я хотел завалить ход камнями, — сказал Вулми. — Это когда я думал, что ты должен подохнуть от голода. Я понимал, что ты можешь забрести сюда и увидеть ступени. Но индейцам этот ход неизвестен, я уже говорил тебе, что они не заходят сюда — ни в лабиринт, ни на скалы. Однако они знают, что отсюда можно как-то выбраться, потому и выставляют караульных у подножия скал.

Другое дело чернокожий, которого я убил. Год назад здесь потерпел крушение корабль с черными рабами, и негры, которые спаслись тогда, бежали в джунгли.

С тех пор они живут где-то неподалеку. Этот негр не побоялся войти в ворота. Если с краснокожими есть негры, они могут попытаться найти тебя нынешней ночью. Будем надеяться, что этот был единственным, иначе они пошли бы все вместе.

— А почему бы нам не подняться на скалу прямо сейчас? Разве мы не можем укрыться в лесу? — спросил Уэнтард.

— Нет, краснокожие могут заметить нас снизу. Тогда они поймут, что ночью мы собираемся бежать, и удвоят свои караулы. Немного позже я один выберусь наверх и добуду еще какой-нибудь еды. Меня они не увидят.

Они вернулись в комнату, где спал Уэнтард. Вулми мрачно молчал, и Уэнтард не пытался заговорить с ним. Так молча они сидели долго. Примерно за час до заката Вулми поднялся, выругался сквозь зубы и отправился наверх. Там, в лесу, ему опять удалось камнем сбить с дерева обезьяну. Он освежал ее, набрал в роднике воды в бутыл, выдолбленную из тыквы, и принес мясо и воду обратно в развалины. Однако на этот раз за ним наблюдали. Его исключительное чутье изменило ему, и он не заметил в лесной чаще чернокожего, злобно глядевшего на него из-за деревьев.

Позже, когда они с Уэнтардом развели огонь и жарили мясо, он поднял голову и прислушался.

— Что ты услышал? — спросил Уэнтард.

— Барабан, — коротко ответил ирландец.

— Я тоже слышу его, — сказал Уэнтард через несколько мгновений. — Но что тут удивительного?

— Это не индейцы, — отозвался Вулми. — Этот барабан больше похож на африканский.

Уэнтард кивнул; ему приходилось бывать на Черном Берегу, и он слышал там ночную переключку барабанов. Африканские барабаны звучали совсем не так, как индейские.

Наступил вечер. Темнота медленно стучалась. Барабан замолк. Среди низких холмов у подножия окружавших лабиринт скал под деревьями ярко горел костер, освещая смуглые и черные лица.

Сидевший на корточках индеец, чья одежда и манеры выдавали в нем вождя, повернул непроницаемое лицо к черному великану, стоявшему перед ним. Этот чернокожий был огромного роста и могучего сложения, он резко выделялся и среди индейцев, сидевших вокруг костра, и среди других чернокожих, стоявших за его спиной. Его плечи покрывала шкура леопарда, на сильных руках были медные браслеты. На жестких курчавых черных волосах лежал головной убор из перьев попугая. В левой руке чернокожий держал деревянный щит, обтянутый бычьей кожей, а в правой — тяжелое копьё с огромным железным наконечником размером с ладонь.

— Я пришел к тебе сразу, когда услышал барабан, — гортанно сказал негр на ломаном испанском языке, который служил для переговоров дикарям всех рас. — Я знал, что это Н'Онга зовет меня. Н'Онга ушел из нашего лагеря, чтобы привести Аджумбу, который задержался в твоём племени. Барабан Н'Онги рассказал мне, что в залив пришел бледнолицый и что Аджумба мертв. Я спешил. Теперь ты говоришь, что не смеешь входить в Старый Город.

— Я сказал тебе, что там обитает дьявол, — упрямо ответил индеец. — Он выбрал себе в жертву бледнолицего. Он рассердится, если ты отнимешь его жертву. Идти в его владения значит умереть.

Чернокожий вождь потряс своим огромным копьём.

— Я долго пробыл в рабстве у испанцев и знаю, что нет дьявола, кроме бледнолицых! Я не боюсь твоего дьявола. На моей родине я убил одного из них таким же копьём. С тех пор, как бледнолицый вошел в Старый Город, прошли день и ночь. Поче-

му дьявол не сожрал его и того, второго, который на скалах?

— Дьявол сейчас не голоден, — отозвался индеец. — Он редко ест. Когда он проголодается, он сожрет их. Я с моими людьми не войду в его логово. Ты здесь чужой. Ты этого не понимаешь.

— Бигомба был королем у себя на родине, и он не боится ничего: ни человека, ни духов, — ответил чернокожий гигант. — Ты сказал мне, что Аджумба вошел ночью в Старый Город и умер. Я видел его тело. Его убил не дьявол. Его убил один из бледнолицых. Если Аджумба смог войти в Старый Город, и дьявол не тронул его, значит, туда могу войти и я со своими людьми. Я знаю, как большой бледнолицый человек выходит на скалы. В скале есть ход. Н'Онга видел, как он вышел оттуда, а потом вернулся обратно. Я оставил там своих людей. Если эти бледнолицые опять выйдут, мои воины убьют их. Если они не выйдут больше, мы войдем в этот ход, когда взойдет луна. Твои люди стерегут ущелье, там бледнолицым не пройти. Мы поймаем их как крыс в этих развалинах.

4

— Осторожнее, — сквозь зубы процедил Вулми. — В этом ходе темно, как в преисподней.

Уже стемнело, и они с Уэнтардом пробирались по вырубленным в скале ступенькам. Англичанин взглянул вниз и ничего не увидел. Они двигались ощупью, и вскоре Вулми остановился и что-то прошептал. Уэнтард ткнулся в его спину и почувствовал, как напряжены мышцы пирата. Он понял, что Вулми отодвигает камень, закрывавший выход.

Наверху появилось отверстие, и на фоне звездного неба Уэнтард увидел очертания головы и могучих плеч ирландца.

Вулми начал выбираться наружу, но не успел он полностью выйти из узкого хода, как перед ним выросла черная тень, и возле его груди блеснул наконечник копья. Молниеносно выхватив саблю, пират отвел смертоносное оружие, но при этом его ноги едва не соскользнули с каменных ступеней. Лево́й рукой он достал из-за пояса пистоль и выстрелил, почти не целясь. Чернокожий вскрикнул и упал на Вулми, раскинув руки. Этого оказалось достаточно, чтобы ноги пирата потеряли опору. Он упал на Уэнтарда, и оба полетели вниз. Когда они оказались на каменных плитах пола, то, взглянув наверх, увидели по краям выхода несколько темных пятен — это воины пытались разглядеть хоть что-нибудь в кромешной тьме.

— По-моему, ты говорил, что индейцы никогда... — начал Уэнтард.

— Это не индейцы! — рявкнул Вулми, поднимаясь на ноги. — Это негры. Чернокожие! Те самые, которые спаслись с корабля, полного рабов. Тот барабанный бой, который мы слышали, был их сигналом. Осторожно!

На ступеньках зазвенели стрелы, пущенные сверху. Пират и англичанин отскочили в сторону, и Вулми привалил к отверстию хода тяжелую каменную плиту.

— Сейчас они спустятся сюда, — тяжело дыша, сказал он. — Надо как следует завалить этот ход. Хотя нет, погоди. Если они решили войти сюда, они могут пройти и через ущелье или спуститься по скалам на веревках. В этот каменный мешок легко попасть отовсюду, выбраться гораздо труднее. Нет,

мы оставим ход открытым. Тогда мы сможем попытаться перебить их по одному.

Он отвалил плиту от отверстия.

— А если они придут и через этот ход, и через ущелье?

— Скорее всего, они именно так и поступят. Но может быть, те, кто пойдет по ступеням, окажутся здесь раньше, и тогда мы сможем с ними справиться. Их должно быть не больше дюжины. Они ни за что не смогут уговорить индейцев войти сюда.

Он быстро и уверенно перезарядил в темноте пистолет, из которого стрелял. На это ушел весь порох, остававшийся в пороховнице, и они с Уэнтардом замерли возле входа в шахту в напряженном ожидании. Однако время шло, а сверху до них не доносилось ни звука. Воображение Уэнтарда уже рисовало картины нападения чернокожих со стороны ворот. Он поделился своей тревогой с Вулми, но тот покачал головой:

— Я услышал бы их; никто из двуногих не сможет подобраться к нам из ущелья так тихо, чтобы я не услышал этого.

Развалины залил серебристый свет луны. Вулми негромко выругался.

— Сегодня нам не удастся выйти отсюда. Может, они только и ждали, когда взойдет луна, чтобы добраться до нас. Иди туда, где ты спал, и наблюдай за ущельем. Если только увидишь, что они подходят, дай мне знать. А я возьму на себя этот ход.

Пока Уэнтард шел по развалинам, по его спине бежали мурашки. В лунном свете развалины лабиринта казались мрачнее преисподней, по стенам ползли причудливые тени лиан. Он дошел до той комнаты, где спал утром и где еще мерцали угли

костра, на котором жарилось мясо обезьяны. Он шагнул к двери, выходящей наружу, но тут какой-то шорох заставил его повернуться. У него вырвался крик ужаса.

Из темного угла что-то выползло; в свете луны он отчетливо увидел большую клиновидную голову и изогнутую шею. В одно короткое мгновение перед ним раскрылась тайна этих развалин; он понял, чьи глаза смотрели на него, когда он спал, чья тень скользнула прочь, когда он проснулся; он понял, почему индейцы не заходят в разрушенный лабиринт и не взбираются на скалы, окружающие его. Теперь он лицом к лицу встретился с дьяволом, обитавшем в этом каменном мешке. Это была огромная анаконда!

В этот миг Джон Уэнтард испытал такой страх, все его тело сковал такой непомерный ужас, какой человек способен испытать разве что в ночных кошмарах. Он не мог пошевелиться, и после первого и единственного крика его язык словно прилип к гортани. Только когда отвратительная голова двинулась к нему, он стряхнул с себя оцепенение, но было уже поздно.

Он отчаянно метнулся в сторону, но спустя мгновение огромное тело чудовища обвилось вокруг человека плотными кольцами. Эти смертоносные объятия были холодны, как витки стального троса. Тщетно пытаясь освободиться, Уэнтард опять закричал. Он слышал, как стучали на каменных плитах башмаки Вулми. Вбежав в комнату, пират разрядил в змею оба пистолета одновременно, и было слышно, как пули вошли в скользкое гигантское тело. Змея содрогнулась, и кольца, сжимавшие тело человека, разжались. Уэнтард остался лежать на каменном полу, а змея со свистящим шипением бро-

силась на Вулми. В лунном свете было хорошо видно ее смертоносное раздвоенное жало.

Вулми молниеносно отпрыгнул далеко в сторону, и этому прыжку мог бы позавидовать здоровый голодный леопард. Блеснуло лезвие его сабли и опустилось на могучую шею чудища. Брызнула кровь, по телу змеи прошли судороги, она то свивалась в кольца, то выпрямлялась, а сильный хвост выбил из стены несколько камней. Вулми ловко увернулся, а Уэнтард, едва успев подняться на ноги, был отброшен в угол случайным ударом змеиного хвоста. Вулми снова взмахнул саблей, но змея, продолжая шипеть, скользнула во внутреннюю дверь, и в соседней комнате зашуршала трава, пробивавшаяся сквозь щели между каменными плитами.

Вулми бросился вслед за чудовищем. Змею надо было добить, чтобы она не вернулась к ним. Он бежал за ней по комнатам, в которых прежде не бывал, и в конце концов оказался в комнате, стены которой почти сплошь укрывали лианы. В одной из стен Вулми увидел черное пятно прохода, где скрылась змея. Уэнтард, все еще охваченный ужасом, тоже увидел проход, из которого доносился шорох. Теперь оба они разглядели очертания арки, наполовину скрытой густыми лианами. Луна слабо осветила каменные ступени, уходящие в темноту.

— Я не знал этого хода,— пробормотал Вулми.— Когда я нашел ту лестницу, я не стал искать больше ничего. Смотри, там блестит чешуя этого змея. Он здесь часто бывает. Ход, пожалуй, ведет через скалы прямо в джунгли. В этом каменном колодце нет никакой поживы даже для змея, ему приходится добывать пищу в джунглях. Если бы он выползал через ущелье, то мы давно увидели бы на траве его следы. Если только из этих развалин нет

еще какого-нибудь выхода, надо попытаться выбраться наружу отсюда.

— Ты хочешь сказать, что мы войдем за чудовищем в эту черную дыру? — с дрожью в голосе переспросил Уэнтард.

— А почему бы нет? Мы догоним и убьем его. Ну а если наткнемся на гнездо таких тварей, значит, такова наша судьба. Не дожидаться же, пока чернокожие перережут нам глотки! Но в темноте идти нельзя.

Они поспешно вернулись в ту комнату, где жарили вечером мясо. Вулми раздул угли, нашел подходящую палку, обмотал один ее конец обрывком своей рубашки и поджег. Получилось какое-то подобие факела, светившего неровно и тускло. Тогда они опять дошли до той комнаты, где змея уползла в черный проход. Уэнтард не отступал от Вулми ни на шаг, и в каждой лиане, свисавшей со стен, ему мерещилась змея.

В тусклом свете факела они увидели на ступенях кровавые следы. Осторожно ирландец и Уэнтард вошли в темный проход. Впереди шел Вулми, высоко подняв факел и сжимая в правой руке саблю. Бесполезные пистолы он выбросил. Они поднялись по ступеням, которых оказалось не больше десятка, и попали в тоннель футов пятнадцати в ширину и около десяти в высоту. Чешуя, блестевшая на полу, служила доказательством того, что чудовище давно здесь обитало. Люди осторожно двигались вперед, различая перед собой кровавый след змеи.

Тоннель сохранился лучше, чем развалины лабиринта, и Уэнтард невольно подумал с уважением о древнем народе, некогда обитавшем здесь среди скал.

Между тем в залитую лунным светом комнату, из которой они вошли в тоннель, бесшумной тенью скользнул чернокожий великан. Наконечник его огромного копья поблескивал в темноте. Следом за ним вошли еще четыре чернокожих воина.

— Они в этом проходе, — показал один из них на арку, наполовину скрытую лианами. — Я видел там свет факела, но не решился преследовать их в одиночку и побежал к тебе, Бигомба.

— Но что это были за крики и выстрелы? — спросил другой воин.

— Наверное, они встретили демона и убили его, — ответил Бигомба. — А потом они ушли в этот ход. Наверное, ход идет сквозь скалу. Пусть один из вас соберет здесь всех остальных, которые ищут бледнолицых собак в развалинах, и все вместе идите за мной. Возьмите факелы. Я и вы трое сейчас же пойдем по их следам. В темноте Бигомба видит все, как лев.

Уэнтард тревожно посматривал на факел в руке Вулми и с ужасом думал, что когда факел погаснет, им придется идти в кромешной тьме. Его страх не проходил, и каждый миг ему казалось, что он видит впереди чудовищно огромное тело отвратительной твари. Вулми внезапно остановился, но не потому, что увидел чудовище. Влево от большого тоннеля отходил другой коридор.

— Куда мы теперь пойдем?

Вулми опустил факел и осветил каменный пол.

— Следы уходят влево, — сказал он. — Идем туда.

— Погоди! — Уэнтард схватил его за руку. — Смотри! Там впереди свет!

Вулми отвел руку с факелом за спину, чтобы как следует рассмотреть, что там впереди. И действительно, откуда-то в тоннель проникал лунный свет.

Прервав погоню за раненым чудовищем, они бросились вперед и оказались в просторной квадратной комнате. Уэнтард застонал от разочарования — лунный свет проникал в комнату через разрушенный потолок, а выхода в джунгли здесь не было.

Во всех стенах этой комнаты темнели арки, одну из них закрывала тяжелая потемневшая и изъеденная ржавчиной дверь. Возле правой стены стоял каменный идол выше человеческого роста, и трудно было понять, то ли у идола лицо с человеческими чертами, то ли морда какого-то неведомого зверя. Перед ним возвышался каменный алтарь. На его груди что-то блеснуло.

— Что за дьявольщина! — Вулми шагнул вперед и снял с каменного истукана большое ожерелье, составленное из золотых пластин, украшенных драгоценными камнями. — А я-то думал, что врал, когда рассказывал тебе о драгоценностях. Оказывается, сам того не ведая, я говорил правду! Это, правда, не Клыки Дьявола, но в Европе оно будет стоить целого состояния.

— Что ты делаешь? — изумленно спросил Уэнтард, глядя на то, как ирландец положил ожерелье на алтарь и достал из ножен саблю. Вместо ответа Вулми перерубил украшение пополам и одну половину протянул Уэнтарду.

— Если мы выберемся отсюда живыми и невредимыми, это пригодится твоей жене и дочурке, — сказал пират.

— Ты... — выговорил ошеломленный Уэнтард, — ты ненавидишь меня и все-таки спасаешь мою жизнь и отдаешь мне это...

— Заткнись! — рявкнул Вулми. — Я отдаю это не тебе, а твоей жене и ее малышке. И не трудись меня благодарить! Я ненавижу тебя так...

Он не договорил, взглянув назад в коридор, по которому они пришли сюда. В следующий миг он затоптал факел и бросился на пол за алтарем, увлекая за собой Уэнтарда.

— В тоннеле люди! — прошептал он. — Я слышу их шаги! Дай Бог, чтобы они не успели заметить наш факел, он был совсем тусклым.

Он замолчал и стал вглядываться в темноту. Лунный свет не проникал в тоннель. Смутно виднелось то место, где от большого коридора отходил другой тоннель. Из тьмы коридора вынырнули четыре тени и остановились возле развилки. Черный великан молча указал копьем на второй тоннель. Две тени отделились и исчезли в узком боковом проходе, а гигант и оставшийся с ним воин направились вперед.

— Чернокожие ищут нас, — тихо сказал Вулми. — Они разделились, чтобы наверняка нас найти. Замри; за ними может оказаться целый отряд. — И сам он застыл неподвижно на каменном полу за алтарем. Чернокожие приближались. Уэнтард поежился, увидев их копы с огромными наконечниками. Гигант двигался легко и неслышно. Он держал копье наготове и закрывался щитом. Уэнтард подумал, что перед таким могучим противником сам Вулми вряд ли устоит.

Чернокожие остановились на пороге комнаты, и было видно, как блестят белки их глаз. Тот, что пониже ростом, схватил великана за руку, и показал перед собой. Уэнтард похолодел, решив, что негры заметили их. Однако воин показывал на каменного истукана. Чернокожий гигант презрительно хмыкнул. Он поклонялся богам своей родины, боги и демоны других народов не вызывали у него трепета.

Однако он направился к идолу, и Уэнтард понял, что сейчас негры их обнаружат.

Вулми быстро зашептал ему в ухо:

— Мы разделаемся с ними. Ты возьмешь на себя того, что поменьше, а я справлюсь с вождем. Вперед!

Одновременно они вскочили на ноги, и от неожиданности чернокожие вскрикнули. Тот, что был ниже ростом, растерялся. Однако он казался невысоким только по сравнению со своим великаном-вождем. На самом деле он был ростом с Уэнтарда, под шоколадной его кожей перекачивались сильные мышцы. Но преимущество оказалось у Уэнтарда. Англичанин стремительно налетел на черкокожего, нанося удар за ударом своим мечом. Негр выронил щит и копье и упал на каменные плиты.

Уэнтард повернулся к сражавшимся гигантам. Они кружили по комнате, залитой серебристым светом луны, — чернокожий вождь с огромным копьем и щитом против бледнолицего с саблей в руке.

Бигомба не растерялся под внезапным натиском белого человека. Он и не думал отступать, его щит принимал на себя частые сабельные удары, а ирландец не смог увернуться от копья — Бигомбе удалось ранить Вулми в шею.

Они яростно дрались в полном молчании, и Уэнтард не смел вмешаться в этот поединок из страха навредить Вулми. Оба гиганта двигались с легкостью и грацией тигров. При всем своем могучем сложении негр никак не мог справиться с пиратом, и смертельная схватка продолжалась.

Снова и снова Вулми отражал удары копья, опять и опять его сабля врезалась в щит Бигомбы. Шкура бизона, которой был обтянут этот щит, свисала теперь клочьями, и сам щит сильно уменьшился в

размерах и уже не закрывал как следует могучее тело черного вождя. Наконец ирландцу удалось ранить противника в грудь.

Бигомба заревел подобно раненому льву и бросился на пирата, нацелив копые прямо в его незащищенную грудь. Уэнтард отчаянно вскрикнул, ему показалось, что Вулми грозит неминуемая гибель. Однако пират оказался проворнее чернокожего, и удар тяжелого копья пришелся в пустоту. В следующий миг блестящее лезвие сабли, и Бигомба тяжело рухнул на каменный пол. На его плечах уже не было головы.

Едва дыша, Вулми отступил на шаг назад. Его могучая грудь тяжело поднималась и опускалась под изодранной рубашкой, по лицу струился пот. Бигомба оказался достойным ирландца противником.

— Мы должны выбраться отсюда, прежде чем здесь появятся остальные, — сказал он, убирая свою половину снятого с идола ожерелья. — Тот узкий коридор наверняка ведет наружу, но в нем сейчас двое негров, а у нас нет факела. Давай-ка попробуем выйти через эту дверь.

Тяжелая древняя дверь была обита позеленевшими от времени медными пластинами. Под напором крепкого плеча Вулми она громко заскрипела и податлась. Сквозь приоткрывшуюся щель пират почувствовал дуновение ветра и запах речной воды. Он еще раз с силой налег плечом на дверь, и вдруг в коридоре раздались голоса. Вулми взревел подобно раненому волку. Стали отчетливо слышны шаги босых ног, и в комнату ворвались чернокожие с зажженными факелами в руках. Они слышали звуки кровавой схватки и спешили на помощь своим

соплеменникам, и вот перед ними оказались их бледнолицые враги.

— Скорее открывай дверь! — воскликнул Уэнтард.

— Уже не успеем, — ответил Вулми. — Придется встретить их здесь.

Он перебежал через всю комнату и остановился возле довольно узкой арки, держа наготове саблю; Уэнтард не отставал от пирата ни на шаг. В душе англичанина поднялось какое-то суеверное чувство, и он отшвырнул в сторону свою половину ожерелья. Блеск драгоценных камней показался ему насмешкой судьбы. Он отогнал от себя воспоминание о тех, кто ждал его в милой Англии, и занял свое место рядом с Вулми.

Когда чернокожие поняли, в каком безвыходном положении оказались их жертвы, в каменном коридоре раздались ликующие возгласы. Когда же они поравнялись с боковым тоннелем, оттуда в главный проход выбежал один из воинов, отправившихся на поиски бледнолицых. За его спиной виднелось кошмарное окровавленное чудовище. Огромная змея вернулась.

Чернокожие не успели даже понять, что произошло. Радостные возгласы сменились криками ужаса, и в одно мгновение в тоннеле наступил настоящий ад. То тут, то там между объатыми ужасом неграми показывалась голова огромной змеи. Она обвилась кольцами вокруг одного из черных тел и сдавила его в смертоносном объятии. Воин умер, не успев даже испустить последний вопль отчаяния. Остальных негров везде настигали удары могучего хвоста. Смертельно раненное чудовище, казалось, вознамерилось унести с собой в небытие как можно больше человеческих жизней.

Опомнившись, уцелевшие чернокожие воины бросились бежать по коридору туда, откуда они пришли, — в развалины лабиринта. В тоннеле осталось полдюжины распростертых на каменном полу безжизненных тел. Анаконда устремилась вслед бежавшим неграм, и вскоре чернокожие и чудовище скрылись в темноте.

— Господи! — Уэнтард вытер со лба испарину. — Ведь это могло случиться с нами!

— Должно быть, те двое, что вошли в тот коридор, наткнулись в темноте на лежавшего змея, — сказал Вулми. — У него не оставалось сил, чтобы ползти дальше. А может, он понимал, что умирает, и вернулся, чтобы забрать с собой в преисподнюю побольше людей. Он будет преследовать этих негров, пока не истребит их всех или сам не содохнет. А может, им удастся с ним расправиться, когда они выберутся на открытое место. Подбери свою половину ожерелья. Я еще раз попытаюсь открыть эту дверь.

Тремя мощными толчками ему удалось сдвинуть тяжелую дверь. В комнату ворвался свежий влажный воздух. В проходе было темно, но Вулми решительно устремился вперед. Уэнтард не отставал от него. Через несколько шагов узкий коридор резко повернул влево, и они оказались в более широком тоннеле. Знакомый отвратительный запах заставил Уэнтарда вздрогнуть.

— Змей пользовался этим проходом, — уверенно сказал Вулми. — Это, должно быть, тот самый коридор, который открывался там, в тоннеле. Под скалами скрыто много неожиданного. Интересно, что бы мы нашли, если бы обошли все в этом лабиринте?

Уэнтард не ответил. После всего, что довелось ему пережить, он не остался бы здесь ни на одно

лишнее мгновение, даже если бы ему посулили все сокровища мира.

— Посмотри-ка туда! — воскликнул вдруг Вулми.

— Куда можно посмотреть в этой непроглядной тьме? — проворчал Уэнтард.

— Да посмотри вперед, будь я проклят! Я вижу там свет!

— Твои глаза острее моих, — пробормотал англичанин, но слова Вулми словно добавили ему сил, и вскоре он тоже увидел впереди серое пятно.

Ему показалось, что они бесконечно долго идут по этому коридору, хотя выход был на самом деле не очень далеко от комнаты с идолом и алтарем. Наконец они просунули головы в отверстие и увидели звезды, отражавшиеся в черных речных водах.

— Да, все верно, именно здесь змей выбирался в джунгли, — повторил Вулми.

Тоннель вывел их на крутой берег, заросший джунглями. Они спустились к воде и огляделись.

— Где мы? — спросил Уэнтард. Он потерял всякое представление о сторонах света.

— Мы у подножия скал, — ответил Вулми, — а это значит, что мы оставили позади караулы, выставленные индейцами вокруг. Берег в той стороне. Пошли!

Когда два белых человека вышли из джунглей на берег залива, солнце стояло еще высоко.

Вулми остановился под деревьями.

— Ну, вот мы и пришли. Смотри, в заливе по-прежнему стоит на якоре твой корабль. Все, что тебе нужно теперь сделать, — это крикнуть своим людям, чтобы за тобой выслали шлюпку, и можешь считать, что на этом твои приключения закончились.

Уэнтард был весь в синяках и кровоподтеках, одежда висела на нем жалкими лохмотьями. Сейчас

в нем с трудом узнавался подтянутый капитан «Доблестного». Переменился он не только внешне. Теперь это был совсем не тот человек, который вел по джунглям своего пленника, мечтая о несметном богатстве.

— А как же ты? Я в неоплатном долгу перед тобой...

— Ты ничего мне не должен, Уэнтард. — Вулми сплюнул сквозь зубы. — Я не верю тебе.

Уэнтард опустил глаза. Вулми не мог представить, как жестоко прозвучали для англичанина его слова. Он попросту высказал то, что было у него на уме, вовсе не задумываясь, какую боль причинит Уэнтарду сказанное.

— Неужели ты думаешь, что после всего этого я смогу причинить тебе какой-нибудь вред? — воскликнул Уэнтард. — Плевать мне на то, что ты пират, я никогда не смогу...

— Сейчас ты переполнен благодарностью и добротой, — перебил его Вулми и невесело рассмеялся. — Но все может перемениться, как только ты вернешься к своим людям и вспомнишь о том, кто ты на самом деле. Джон Уэнтард, заблудившийся в джунглях, — это один человек, а капитан Уэнтард на королевском судне — совсем другой.

— Я клянусь... — с жаром начал Уэнтард и осекся, осознав всю бесполезность своих клятв.

Внезапно он почти с физической болью понял, что будет до конца дней казнить себя за то зло, которое он причинил в прошлом, хотя его жертва и простила его. Недоверие Вулми стало для него самым жестоким наказанием, какое только можно было придумать. И тогда Джон Уэнтард мысленно проклял самого себя. Ничего на свете не жаждал он в этот миг так страстно, как того, чтобы Вулми

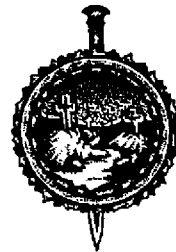

поверил ему; однако он уже знал, что этого не случится.

— Не можешь же ты остаться здесь! — слабо запротестовал он.

— Индейцы не выходят на этот берег, — ответил Вулми. — А чернокожих я не боюсь. Не беспокойся обо мне. — Он снова рассмеялся, ему показалось забавным, что кто-то может беспокоиться о нем. — Мне приходилось жить в диких лесах. Кроме того, я не единственный пират, оказавшийся в этом море. Для меня возможны самые неожиданные встречи с людьми, о которых ты даже представления не имеешь. В следующий раз ты услышишь обо мне, когда я вернусь на родину на своем корабле и со своей командой.

Решительно повернувшись, он бесшумно исчез в джунглях. Уэнтард, сжав в руке половину золотого ожерелья, беспомощно смотрел ему вслед.

ОСТРОВ СМЕРТИ

В

День первый

длинном приземистом корабле, подошедшем к берегу, было что-то отталкивающее, и я мысленно похвалил себя за то, что не поторопился выйти из своего убежища ему навстречу.

Какой-то инстинкт заставил меня не спешить и сначала понаблюдать за действиями команды этого странного корабля, появившегося возле Карибских островов.

Все вокруг дышало покоем. Я лежал в траве среди зеленых кустов на гребне невысокого холма, плавно спускавшегося к берегу. Вокруг стояли высокие деревья, внизу зеленоватые волны лизали белый песок, а над моей головой синело ясное небо. Но этот зловещий черный корабль, бросивший якорь в мелкой воде, выглядел так же неестественно, как змея, которая заползла в цветущий сад.

Корабль казался каким-то неряшливым, неуклюжим, будто его построил отъявленный лентяй, и от команды этого корабля не приходилось ждать ничего хорошего. До меня доносились грубые голоса, один из матросов сплонул через борт.

На воду спустили шлюпку, она наполнилась людьми и направилась к берегу. Те, кто остался на палубе, что-то кричали вслед шлюпке, но слов я не мог разобрать.

Затаившись в высокой траве, я пожалел, что у меня нет подзорной трубы, чтобы разглядеть из своего убежища название корабля. Лодка вскоре ткнулась носом в песок. В ней было восемь человек: семеро рослых неуклюжих гребцов и восьмой — изящный молодой человек в шляпе с пером, который не прикасался к веслам. По мере их приближения мне становилось ясно, что в лодке о чем-то спорят. Гребцы кричали что-то молодому джентльмену, а он если и отвечал, то мне этого не было слышно.

Как только лодка достигла берега, один из матросов, сидевший на носу, вскочил и набросился на юношу. Тот поднялся, на солнце блеснула сталь, и я услышал крик матроса. Юноша легко выскочил из лодки, прошел несколько шагов по мокрому песку и стремительно направился вглубь острова. Остальные семеро зашумели, потрясая оружием. Тот, кто

начал ссору, с залитым кровью лицом бросился вдогонку за молодым джентльменом, выкрикивая проклятия.

Юноша в шляпе с пером быстро добежал до кромки леса и скрылся за деревьями. Остальные преследовали его, и еще какое-то время я слышал их брань, потом голоса затихли.

Я снова стал разглядывать корабль. Его паруса наполнились ветром, и я отчетливо видел матросов на палубе. Якорь подняли, над кораблем взвился Веселый Роджер. Надо сказать, что ничего другого я и не ожидал.

На четвереньках я отполз за кусты и встал на ноги. Настроение мое испортилось: когда я заметил вдали паруса, в моем сердце появилась надежда на спасение, но с корабля сошли на берег восемь головорезов и стали моими соседями на этом острове.

Озадаченный, я медленно шел по лесу. У меня не было никаких сомнений, что этих буканьеров высадили на необитаемом острове — такие дела весьма обычны для людей из Красного Братства.

Я не знал, что теперь делать. Оружия у меня не было, а эти разбойники, конечно, увидели бы во мне врага, и я действительно был непримиримым врагом для всего этого сброда. Моя гордость восставала против того, чтобы прятаться от них, но другого выхода я не видел. Я понимал, что если смогу избежать встречи с ними, то это будет настоящим везением.

Размышляя так, я углублялся в лес. Где-то вдалеке слышались крики пиратов. Неожиданно я оказался на небольшой поляне. Вокруг тянулись к небу высокие деревья, причудливо обвитые лианами, на ветвях сидели птицы с ярким оперением. К мускус-

ному запаху тропической зелени примешивался запах крови. Передо мной на поляне лежал мертвец.

Он лежал на спине, матросскую рубашку залила кровь из глубокой раны под сердцем. Конечно, он убит одним из Красных Братьев, я не сомневался в этом. Он был босиком, однако на пальце блестело кольцо с крупным рубином, черные штаны были подвязаны дорогим шелковым поясом. Из-за пояса торчали рукоятки двух пистолетов, рядом с ним валялась сабля. Что ж, по крайней мере, это оружие. Я вытащил у него из-за пояса пистолеты, они оказались заряженными. Потом я подобрал саблю. Мертвецу оружие уже не понадобится, а мне оно могло очень скоро пригодиться.

Внезапно рядом раздался негромкий смех. От неожиданности я подскочил на месте. Передо мной стоял молодой джентльмен из лодки. Он оказался ниже ростом, чем я думал, стройный и гибкий. Штаны из оленьей кожи плотно облегали его длинные ноги и были заправлены в отличные высокие сапоги. Талию обхватывал широкий малиновый пояс, за которым виднелись пистолеты. Под распахнутым голубым жилетом с золотыми пуговицами виднелась рубашка из тонкого полотна. Из-под шляпы с пером, нагнутой на одну бровь, выбивались золотистые волосы.

— Клянусь престолом сатаны, ты высмотрел кольцо с рубином! — воскликнул юноша.

Только теперь я разглядел лицо незнакомца — нежный овал, смеющиеся алые губы, большие серые глаза — и понял, что передо мной женщина. Одна ее рука упиралась в бок, а в другой она держала длинную шпагу с богато украшенной рукояткой, и я содрогнулся, увидев, что клинок обгажен кровью.

— Ну что же ты, отвечай! — нетерпеливо воскликнула она. — И тебе не стыдно, что тебя застигли за таким делом?

Теперь я понимаю, что мой вид не мог вызвать почтительного отношения, — я был босиком, и всю мою одежду составляли матросские штаны, выцветшие от соленой воды.

Но ее насмешливый тон привел меня в негодование.

— В конце концов, — вырвалось у меня, — если я должен ответить за ограбление трупa, то пусть кто-то другой ответит за его появление.

— Ха, это сделала я, и что с того? — Она недобро умехнулась. — Клянусь дьяволом, если я начну вспоминать всех, кого отправила в преисподнюю, это будет долгий разговор.

Меня охватило отвращение.

— Никогда не думал, что мне придется встретить женщину, которая станет хвастаться тем, что хладнокровно убивала людей, — сказал я.

— Ты говоришь — хладнокровно! — воскликнула она. — А что же, по-твоему, я должна покорно дожидаться, когда меня зарежут, словно овцу?

— Если бы ты выбрала для себя женские занятия, тебе не пришлось бы ни убивать, ни опасаться быть убитой, — ответил я с жаром и тут же пожалел об этих своих словах, потому что начал догадываться, кто эта девушка.

— Ну-ну, праведник, — процедила она, и глаза ее угрожающе вспыхнули, — значит, ты считаешь меня бандитом! А кто ты сам такой; что ты делаешь на заброшенном острове и почему рыщешь по джунглям и грабишь мертвецов?

— Меня зовут Стефан Хармер, я помощник капитана с торгового судна из Вирджинии, оно назы-

валось «Голубая Графиня». Неделю назад наше судно сгорело дотла, и мне одному удалось спастись. Я доплыл до этого острова, вот и все.

Девушка разглядывала меня задумчиво и немного насмешливо, словно не верила моим словам.

— А оружие я взял, потому что нет ничего страшнее, чем оказаться безоружным среди таких разбойников, — добавил я.

— Не причисляй меня к ним, — отозвалась она, потом спросила: — Ты знаешь, кто я такая?

— Ты можешь носить только одно имя, если принять во внимание твой щегольской наряд и хладнокровие.

— Так назови его!

— Элен Таврел.

— Ты угадал, — язвительно сказала она, — хотя я и не припомню, чтобы мы встречались раньше.

— Всякий, кто хоть раз бывал в Семи Морях, слышал об Элен Таврел, и насколько мне известно, она единственная женщина-пират, которая сейчас разбойничает возле Карибских островов.

— Так ты знаешь обо мне из матросских баек? И что же обо мне говорят?

— Говорят, что ты самое бесстрашное и бессердечное создание, когда-либо ступавшее на палубу корабля и променявшее женские изящные наряды на штаны, — спокойно ответил я.

Ее глаза опять сверкнули недобрым огнем, и она срезала кончиком шпаги цветок, оказавшийся у нее возле ног.

— А что еще обо мне говорят?

— Еще говорят, что, хотя твой путь залит кровью, ни один мужчина не может похвастаться тем, что ты подарила ему поцелуй.

Это, казалось, ей понравилось, и она улыбнулась.

— А вы верите этому, сэръ?

— Верю,— отвечал я,— хотя могу поклясться Гадесом, что мне еще не приходилось видеть губ, столь явно предназначенных для жарких поцелуев.

Сказать правду, редкая красота девушки потрясла меня, тем более что я долгие месяцы вообще не видел женщин. Мне хотелось подойти к ней поближе, однако вид мертвеца у моих ног остановил мой порыв. Прежде чем я сказал что-нибудь еще, она повернула голову и прислушалась.

— Пойдем отсюда! — воскликнула она. — Мне кажется, что я слышу, как возвращается Гувер со своими болванами! Если на этом проклятом острове есть местечко, где можно надежно укрыться, отведи меня туда, иначе они убьют нас обоих!

Мне вовсе не хотелось обрекать ее на гибель, и я пригласил ее следовать за собой. Сквозь заросли деревьев и кустов мы направились к южной оконечности острова. Мы шли быстро и бесшумно, девушка двигалась с легкостью, которой могли бы позавидовать индейцы. Вокруг нас летали яркие бабочки, в высоких ветвях деревьев на разные голоса распевали тропические птицы. Однако с появлением пиратов у меня возникло такое чувство, будто на остров сошел призрак смерти.

Лес постепенно редел и в конце концов перешел в цепь ущелий между скалами. Мы продолжали наш путь, и меня немало удивила выносливость девушки. Она карабкалась по скалам и спускалась в расщелины с ловкостью кошки и, казалось, не чувствовала усталости.

Наконец мы оказались у подножия невысокой скалы, возле которой весело журчал узкий ручеек с белыми песчаными берегами. Над водой склонились деревья, а скалы, по которым мы только что

шли, образовывали настоящий горный хребет, протянувшийся к северу.

— Нам теперь надо спуститься по этой скале,— сказал я.— Я помогу тебе...

Однако она, упрямо вскинув голову, уже направлялась вниз по крутому склону, иногда придерживаясь рукой за длинные ветви лиан. Я последовал за ней, однако меня насторожило какое-то движение в зарослях на берегу ручья. Я негромко окликнул ее, попросив быть осторожнее; она, обернувшись, потеряла равновесие, до меня донеслось ругательство, и девушка покатилась вниз. Правда, падение было недолгим, и упала она на мягкий песок, но не успела вскочить на ноги, как из ближних зарослей появился рослый пират и надвинулся на нее.

Я увидел повязанную платком голову и бородатое лицо пирата, который взмахнул саблей. У Элен не оказалось ни одного мгновения, чтобы достать шпагу или пистоль — он навис над ней огромной тенью, и сабля была уже готова опуститься... Я не помню, как выхватил пистоль и выстрелил не целясь. Сабля выпала из его руки, и он беззвучно зарылся лицом в песок. Девушка избежала верной смерти: сабля, падая, сбита с ее головы шляпу.

Я быстро сбежал вниз и замер возле тела мертвого буканьера. Я убил его невольно, не успев даже подумать, но в моей душе не было и тени сожаления о содеянном. Я спас девушку от гибели и, кроме того, избавил мир хотя бы от одного из тех алчных волков, которые рыщут в наших морях в поисках добычи.

Элен отряхнулась и негромко выругалась, увидев испорченную шляпу.

— Скажи спасибо, что твоя голова осталась цела,— заметил я.— Нам надо побыстрее убраться

отсюда, пока на звук выстрела не сбежались остальные.

— Отличный выстрел, — сказала она. — Ты ловко его уложил, у меня бы так не получилось.

— Мне просто повезло, — ответил я со злостью. Из всех свойств, которых я не выношу в женщинах, самое худшее — это бессердечие. — У меня не было времени целиться, в другом случае я, возможно, сохранил бы ему жизнь.

Эти мои слова озадачили девушку, и до следующей скалы мы дошли в молчании. Мы вскарабкались по камням и оказались возле небольшого водопада в том месте, где ручей сбегал вниз.

— За этим водопадом есть пещера, — сказал я, стараясь перекрыть голосом шум воды. — На днях я случайно забрел сюда и обнаружил ее. Иди за мной.

Я шагнул в воду и перешел ручей, стремительно бежавший вниз. Девушка не отставала. Теперь перед нами был вход в небольшую темную пещеру. Именно здесь я намеревался устроить свое убежище незадолго до того, как встретил Элен.

Я вошел в пещеру, и шум водопада за моей спиной стал тише. Лицо девушки белело в темноте, как дикий цветок.

— Проклятие, — сказала она, пытаясь выжать воду из полы жилета, — вы привели меня в какое-то дьявольское место, мистер Хармер. Сперва я вывалилась в песок и перепачкала свою одежду, а теперь я насквозь промокла. Ты думаешь, что Гувер со своей бандой не найдет наших следов, когда отправится на звук выстрела?

— Конечно, они будут искать нас, — отвечал я, — но наши следы доведут их только до скалы. Добрую часть пути мы проделали по камням, на которых никаких следов не осталось. Они не смогут решить,

куда мы направились от камней. А уж этой пещеры им вовек не найти. Так или иначе, для нас здесь самое безопасное место на всем острове.

— Ты все еще жалеешь, что не позволил Дику Комрелу убить меня? — спросила она.

— Как бы его ни звали, он был пират с обгабренными кровью руками, — сказал я. — Нет, ты слишком красива для того, чтобы умереть такой смертью, несмотря на все твои преступления.

— Твои комплименты похожи скорее на обвинение. Ты и в самом деле меня ненавидишь?

— Не тебя, а тот кровавый промысел, который ты выбрала. Если бы ты вела другую жизнь, я был бы счастлив оттого, что встретился с тобой.

— Черт возьми! — воскликнула она. — Ты очень странный. Иногда ты говоришь прямо как какой-нибудь придворный, а иногда как проповедник. Хотела бы я знать, какие чувства ты в действительности испытываешь?

— Я одновременно и очарован, и подавлен, — ответил я ей, передо мной во мраке пещеры смутно белело ее лицо, и ее присутствие заставляло меня трепетать. — Ты весьма привлекательна, но то, что ты пират, вызывает во мне возмущение. Клянусь Богом, ты страшнее, чем Лилит, у тебя лицо очаровательной девушки и душа змеи.

Она залилась нежным серебристым смехом.

— Ну-ну, не выходи из себя. Ты спас мне жизнь, нравится это тебе или нет, и я не проткну тебя шпагой, хотя ты этого заслуживаешь. Мне очень неприятно то, что ты сейчас сказал. Тебя не удивляет, что я оказалась здесь рядом с тобой?

— Люди из Красного Братства похожи на голодных волков, которые могут рыскать везде, — отвечал я. — Странно, что никто из них до сих пор

не оказывался на этом острове. Так что ничего удивительного нет в том, что они появились-таки здесь, даже если их и высадили в этом необитаемом месте.

— Высадили? Ты хочешь сказать, что Джона Гувера высадили с его собственного корабля? Ты ошибаешься, друг мой. Судно, с которого мы сошли сюда, называется «Черный Рейдер», ты наверняка слышал о нем. Сейчас они ушли, чтобы напасть на испанских торговцев, но вернутся за нами через две недели. — Она передернула плечами: — Будь проклят тот день, когда я ступила на палубу этого корабля! Таких отъявленных мошенников и трусов мне раньше не приходилось встречать. Но у моего капитана Роджера О'Фаррела сейчас нет корабля, и мне пришлось связаться с этой свиньей Гувером! Вчера он заставил меня высадиться с ним на берег, а по дороге я высказала все, что думаю о нем и его негоднях. Им это пришлось сильно не по душе, но они не отважились драться в лодке, побоялись ее перевернуть.

Как только мы достигли берега, я ударила Гувера по лицу рапирой, убежала от них в лес и спряталась. Однако мне не повезло. Он догнал меня и стал размахивать саблей, тогда я заколола его, удачно попав под сердце. Потом появился ты, праведник, а остальное ты знаешь. Теперь они, должно быть, рыщут по всему острову.

Наверное, нужно тебе рассказать, почему Джон Гувер со своими ублюдками оказался здесь. Ты когда-нибудь слышал о сокровищах Могара?

— Нет.

— Я так и думала. Говорят, что, когда испанцы впервые оказались в этих морях, они нашли остров, на котором существовало вымирающее государство.

Аборигены жили на берегу в деревянных и глиняных хижинах, но в глубине острова стоял большой каменный замок, оставшийся от какого-то исчезнувшего древнего народа, а в замке были сокрыты несметные сокровища. Испанцы уничтожили всех жителей острова, но прежде так спрятали свою добычу, что и сами не сразу смогли бы ее отыскать. Потом они ушли отсюда, оставив все богатства Могарского королевства храниться где-то в древнем замке, который они не сумели разрушить.

Этот остров лежит в стороне от морских путей, и со временем история почти забылась, ее еще иногда рассказывают мореходы. Но тем, кто верил легенде и отправлялся на поиски сокровищ, до сих пор не удалось найти замок.

Так вот, отправляясь в плавание, Джон Гувер решил во что бы то ни стало высадиться на этом острове и отыскать замок. Он говорил, что ему довелось бывать на этом острове с французским буканьером де Ромбером и что они видели замок своими глазами, точь-в-точь такой, как о нем рассказывает старая легенда.

Однако им пришлось бежать, потому что здесь их застигли королевские солдаты. Они не успели уйти далеко, на них напал королевский фрегат, и из команды де Ромбера остался в живых только один человек, который тоже высаживался с ними здесь на острове. Вот поэтому сейчас Гувер отправил своего помощника Фрэнка Маркера грабить торговое судно, которое мы видели неподалеку отсюда, а сам высадился здесь...

— Что?! Ты хочешь сказать...

— Да! На этом самом острове процветало, а потом погибло неизвестное маленькое королевство Могара, и где-то здесь в джунглях, среди деревьев и

лиан стоит заброшенный замок, в котором хранятся сокровища двенадцати королей!

— Похоже на бред пьяных матросов, — не очень уверенно произнес я. — А зачем ты мне все это рассказала?

— А почему бы и нет? — улыбнулась она. — Мы с тобой заодно, а я должна вернуть тебе долг чести. Может быть, нам повезет, и мы найдем сокровища, кто знает? Тот человек, который мог бы помочь Джону Гуверу, теперь мертв. Это Дик Комрел, которого ты застрелил. Но прислушайся!

Сквозь шум водопада до меня донеслись какие-то отдаленные звуки.

Я осторожно выглянул из пещеры. Вблизи ручья стояли пятеро пиратов. Самый высокий из них размахивал руками и что-то громко говорил, но что именно, я не смог расслышать из-за шума воды.

Я отпрянул от входа, хотя и понимал, что они не смогут меня увидеть. Шелковые кудри упали на мое плечо, девушка привстала на цыпочки и зашептала мне на ухо:

— Этот с квадратным лицом и бешеными глазами — капитан Гувер, темноволосый — француз Ла Коста; тот, с бородой, — Том Беллефон, двое остальных — Билл Харбор и Майк Донлер.

Впоследствии мне еще не раз приходилось слышать эти имена, и позже я узнал, что видел едва ли не самых жестоких и свирепых людей с черными сердцами, которые когда-либо ступали на палубу корабля. Они кричали друг на друга, долго размахивали руками, а потом направились вдоль скал и скрылись из виду.

— Будь я проклята, но Гувер — редкостный негодяй! — воскликнула девушка, когда они ушли. — Теперь, когда ты застрелил Дика Комрела, ему при-

дется в одиночку искать замок. Мерзавец! Лучше бы он оказался от меня по другую сторону Семи Морей! Роджер О'Фаррел оплатит ему за то, как он обращался со мной, клянусь тебе в этом, даже если я сама не смогу ему отомстить!

— За что отомстить? — с любопытством спросил я.

— Он смотрел на меня, как на обыкновенную женщину, а не как на товарища. Когда я пригрозила, что проткну его шпагой, он обругал меня и заявил во всеуслышание, что в один прекрасный день сделает меня покорной, как ручная овечка, а потом заставил высадиться на берег вместе с ним.

Девушка помолчала, потом внезапно сказала:

— Тысяча чертей! Долго мы будем здесь торчать? Я проголодалась.

— Подожди здесь, — ответил я. — Я выйду наружу и наберу диких фруктов, их здесь много.

— Отлично, — отозвалась она, — но мне бы хотелось чего-то посерьезнее фруктов. Клянусь Зевсом, в лодке есть хлеб, соленое и вяленое мясо, так что мы пойдем...

При упоминании о настоящей еде у меня потекли слюнки: вот уже неделю у меня не было во рту ни крошки хлеба, не говоря уже про мясо, однако я перебил ее:

— Ты в своем уме? Зачем же нам тогда эта пещера, если не для того, чтобы укрываться в ней? Ты непременно попадешь в лапы этих негодяев.

— А я говорю, что сейчас самое время пойти к лодке, — заявила она. — Ты же видел, что они были здесь впятером, остальные двое мертвы, значит, в лодке сейчас никого нет.

— Ну да, мы пойдем к лодке, и они как раз в это время вернутся на берег, — возразил я.

— Не вернутся. Они все еще ищут меня или уже пытаются отыскать замок. Говорю тебе, сейчас самый лучший момент для того, чтобы забрать еду.

— Ну, раз ты так уверена, тогда попли.— Я сдался, и мы пустились в обратный путь.

Я внимательно смотрел по сторонам, нам никто не встретился. Вокруг стояла тишина, даже птицы умолкли. Я осмотрел свое оружие. Один из пистолетов убитого был разряжен, а порох во втором подмок, когда мы перебирались через водопад.

— А я заткнула дула своих пистолей шелком,— сказала Элен, заметив мои действия.— Вот, возьми и перезаряди их.

С этими словами она протянула мне надежно защищенную от воды роговую пороховницу с порохом и пулями. Я обсушил пистолы листьями и перезарядил их.

— Думаю, что лучше меня никто в мире не стреляет из пистолей,— не без хвастовства произнесла девушка,— но больше всего я люблю шпагу.

Она достала шпагу из ножен, и клинок со свистом разрезал воздух.

— Вы, моряки, редко оцениваете достоинства прямого клинка,— уверенно заявила она.— Погляди на себя с этой уродливой неуклюжей саблей. Я успею несколько раз проткнуть тебя, прежде чем ты поднимешь саблю для удара. Вот так!

Она сделала стремительное движение, и на землю упала прядь моих волос.

— Осторожнее обращайся с оружием,— сказал я, когда ко мне вернулся дар речи.— Побереги свою отвагу и ловкость для встречи с врагами. А сабля — отличное оружие для честного человека, который не привык к вашим французским штучкам.

— Роджер О'Фаррел знает цену шпaге,— сказала она.— Сердце радуется, когда слышишь, как она поет у него в руке, и видишь, как он накаливает на нее врагов, как на вертел.

— Идем,— коротко отозвался я. Меня снова покорибила ее грубость, и мне вовсе не хотелось слышать ее восхваления в адрес неизвестного мне пирата О'Фаррела.

Молча мы прошли скалы и ущелья и по густому лесу добрались до холма, выходящего на берег. Спустившись по его склону, мы подошли к лодке, которую действительно никто не сторожил.

Вокруг стояла такая тишина, что в ушах звенело. Солнце клонилось к закату и висело на западе, как окровавленный диск, птицы давно умолкли, и даже ветер совсем стих и не шелестел листвою.

Мы подошли к лодке и собрали себе узелок с хлебом и мясом. Мои пальцы дрожали от напряжения и волнения, пока мы снова не оказались на холме,— я был уверен в том, что пираты вернутся к лодке до темноты, а солнце уже заходило.

Только я об этом подумал, как раздался выстрел, и пуля обожгла мою щеку. К нам бежали Майк Донлер и Билл Харбор, выкрикивая на бегу проклятия и угрозы. Они заметили нас, возвращаясь к лодке, и теперь легко настигли прежде чем мы успели опомниться.

Донлер, дико сверкая глазами, набросился на меня, кольца на его пальцах, пряжка на поясе и лезвие сабли блестели в лучах заходящего солнца. Распахнутая рубашка открывала широкую волосатую грудь, и я разрядил пистоль почти в упор. Он пошатнулся и заревел, словно раненый бизон. Однако у него еще хватило сил на сабельный удар, несмотря на смертельную рану. Я отразил этот удар

и рассек его голову до самых бровей. Он упал замертво к моим ногам.

Я обернулся. Правду сказать, я побаивался за девушку, но увидел, что ей удалось выбить оружие из руки Харбора. На моих глазах она нанесла ему такой сильный удар в сердце, что шпага вышла наружу возле плеча.

Еще мгновение он держался на ногах, судорожно пытаясь глотнуть воздух, потом изо рта у него хлынула кровь, и когда девушка выдернула клинок из его тела, он тяжело повалился вперед лицом, умерев до того, как его тело коснулось земли.

Элен с усмешкой повернулась ко мне.

— Однако, мистер Хармер, — произнесла она, — моя шпага делает свое дело аккуратнее и надежнее, чем ваш топор мясника. Не думала, что у Майка Донлера так много мозгов. — Она поморщилась, взглянув на тело пирата.

— Довольно! — грубо сказал я, пораженный ее словами и хладнокровием. — Такие дела и в самом деле присущи мясникам, а мне это не по нраву. Пойдем отсюда поскорее; если Гувер и остальные двое неподалеку, то нам несдобровать.

— Подбери хотя бы узел с едой, глупец, — желчно ответила Элен. — Неужели мы тащились в такую даль и убили двоих мерзавцев просто так?

Я не стал спорить и повиновался без разговоров, хотя аппетит мой пропал, — слишком уж не по душе мне было то, что случилось. Солнце зашло, и наступила южная темная ночь. Мы отправились обратно в нашу пещеру. Когда мы спустились с холма и море скрылось из виду, до нас донесся громкий крик — мы поняли, что это вернулся Гувер с оставшимися двумя пиратами.

— Теперь до утра нам ничто не грозит, — сказала моя спутница. — Раз они на берегу, значит, мы не рискуем внезапно наткнуться на них в лесу. А они не полезут ночью в этот дикий лес.

Мы прошли еще немного, остановились и, опустившись на траву, принялись за мясо и хлеб, запивая их водой из чистого холодного ручья. Меня восхитили изысканные манеры девушки — она ела, как истинная аристократка.

Покончив с едой и сполоснув руки в ручье, она поправила свои золотистые кудри и сказала:

— Клянусь Зевсом, это отличная работа за один день для двух преследуемых беглецов! Из семи буканьеров, которые высадились на этот берег нынче утром, в живых остались только трое! Как ты думаешь, может, нам хватит уже бегать от них? Давай попытаем счастья и нападём на них сами! Трое против двоих — это не так уж страшно.

— Что ты говоришь? — изумленно переспросил я.

— Ничего, — быстро отозвалась она. — Будь это не Джон Гувер, а кто-нибудь другой, я могла бы что-нибудь сказать. Но Гувера нельзя назвать человеком — он злобен и жесток, как дикий зверь, и что-то в нем такое, отчего кровь застывает в жилах. На свете есть только два человека, которых я боюсь, и один из них — Джон Гувер.

— А кто же второй?

— Роджер О'Фаррел.

На этот раз она произнесла имя пирата так, словно он был святым или, по крайней мере, королем, и почему-то мне от этого стало досадно. Я промолчал.

— Если бы здесь был Роджер О'Фаррел, — продолжала она, — нам не пришлось бы ничего бояться, потому что во всех Семи Морях нет ему равных,

и даже Джон Гувер ему в подметки не годится. Он величайший из всех мореплавателей и прекрасный боец. У него манеры настоящего кавалера, да он и есть кавалер.

— Да кто таков этот твой Роджер О'Фаррел? — грубо спросил я. — Он что, твой любовник?

Она так ударила меня по щеке, что у меня искры из глаз посыпались. Мы стояли друг против друга, и в свете всходящей луны было видно, что ее лицо залила краска негодования.

— Будь ты проклят! — выкрикнула она. — Да если бы О'Фаррел оказался здесь, он вынул бы сердце у тебя из груди за такие слова! Ты же сам сказал, что ни один мужчина на свете не может назвать меня своей!

— И в самом деле так говорят, — ответил я. Моя щека горела, а в голове все так перемешалось, что и не рассказать.

— Говорят?! А сам ты как думаешь? — с угрозой в голосе спросила она.

— Я думаю, — сказал я, как мне показалось, весьма ядовито, — что ни одна женщина не может оставаться невинной, будучи грабительницей и убийцей.

Тут же мне пришлось пожалеть о своих словах. Она побледнела, тяжело задышала, и в следующий миг острие ее шпаги коснулось моей груди как раз под сердцем.

— Мне приходилось убивать и за меньшие оскорбления, — произнесла она свистящим шепотом.

Я похолодел, но нашел в себе силы ответить:

— Если ты убьешь меня, мое мнение едва ли переменится.

Она как-то странно взглянула на меня, опустила шпагу и, бросившись на землю, разрыдалась. Меня охватило раскаяние; я стоял над ней пристыжен-

ный, и мне хотелось ее утешить, однако я боялся прикоснуться к ней и тем навлечь на себя еще больший гнев. Наконец сквозь рыдания я услышал слова:

— Это уж слишком! — Она всхлипнула. — Я знаю, что в глазах мужчин я чудовище; мои руки запятнаны кровью. Да, я грабила и убивала, играла в кости и пила вино, и мое сердце огрубело. Все, что еще заставляет меня чувствовать себя не совсем уж пропащей, так это то, что я осталась до сих пор невинной девушкой. А мужчины, оказывается, считают меня падшей. Лучше бы... лучше бы мне умереть!

Это было и моим желанием в те мгновения — такой стыд я испытал за свои слова, недостойные мужчины. Теперь я увидел, какая нежная и чистая душа скрывается под маской ее грубости и жестокости. Сказать правду, не так уж плохо я о ней думал, а слова эти произнес просто со злости.

Я опустился на колени рядом с плачущей девушкой и, поднимая ее, попытался вытереть ее слезы.

— Убери от меня руки! — воскликнула она, отшатнувшись. — Мне нечего с тобой делать, раз ты считаешь меня падшей женщиной.

— Я вовсе не думаю так! — горячо уверил ее я. — Я смиренно прошу у тебя прощения. С моей стороны было подло и недостойно говорить тебе такие слова. Я ни на миг не усомнился в том, что ты честная девушка, а сказал это просто оттого, что разолился.

Казалось, она немного успокоилась.

— Роджер О'Фаррел вдвое старше тебя, — сказала она, всхлипнув в последний раз. — Он спас меня с тонущего корабля, когда я была еще ребенком, и вырастил меня как родную дочь. И если я выбрала морскую разбойничью жизнь, так в этом он не ви-

новат, он воспитывал меня, как настоящую леди. Просто любовь к приключениям у меня в крови, и хотя судьба распорядилась так, что я родилась женщиной, я живу мужской жизнью.

Если я груба, холодна и бессердечна, так чего еще можно ожидать от девушки, которая каждый день видит кровавые жестокие драки, чьи детские воспоминания — это воспоминания о тонущих кораблях, жестоких схватках и предсмертных криках? Благодаря капитану Роджеру О'Фаррелу моими постоянными спутниками были грабители и убийцы.

Говорят, что он жесток, и может быть, это правда. Однако со мной он всегда был добр и нежен. Кроме того, в его жилах течет дворянская кровь, и он благороден, как лев!

Я ничего ей не ответил, хотя внезапно вспомнил о буканьере, происходившем из знатной ирландской семьи. Больше всего меня обрадовало то обстоятельство, что он относился к ней по-отечески, а не иначе.

Неожиданно я вспомнил давно забытую сцену — лодку, полную людей, которых мы взяли на борт неподалеку от Тортуги, и слова одной из женщин: «Мы должны благодарить Элен Таврел, спаси ее Господь! Это она заставила Хилтона дать нам в лодку воду и пищу, хотя он мог сжечь нас заживо вместе с кораблем. Может быть, она и пират, но сердце у нее доброе».

— Я умоляю тебя забыть о моих словах,— попросил я.— А теперь давай все-таки доберемся до нашего убежища, завтра оно может нам понадобиться.

Я помог ей подняться и подал шпагу. Она молча последовала за мной, и в полном молчании мы доб-

рались до нашей скалы. У ее подножия мы ненадолго остановились.

Сказать по правде, ночью джунгли были фантастически прекрасны. К небу поднимались темные скалы, слышался шелест листвы, и деревья отбрасывали причудливые тени. Вода в ручье казалась посеребренной лунным светом, а по небольшому озерцу, в которое он впадал, пролегла лунная дорожка. Сама же луна в темном небе была похожа на круглый щит из белого золота.

— Отправляйся спать в пещеру,— сказал я ей,— а я устрою себе постель в этих кустах.

— А тебе здесь ничто не угрожает? — спросила она.

— Нет; никто не появится здесь до утра, а хищных зверей на этом острове я пока не встречал.

Молча она перешла через водопад и исчезла в пещере. Я устроился на мягкой траве среди кустов и почти мгновенно заснул. Последним моим воспоминанием было воспоминание о ее густых золотистых локонах и огромных серых глазах.

День второй

Кто-то тряс меня за плечо. Я потянулся, потом внезапно проснулся и сел, озираясь в поисках сабли или пистолета.

— Смеею сказать, сэр, что спите вы крепко. Джон Гувер запросто мог бы подойти к вам и вынуть сердце из груди, и вы бы этого даже не почувствовали.

Начинало рассветать, а рядом со мной стояла Элен Таврел.

— Я хотел проснуться пораньше,— ответил я, зевая,— но, наверное, очень устал после вчерашнего. У тебя, должно быть, и тело, и нервы из стали.

Ее лицо дышало свежестью, будто она вышла из уютной спальни. Сказать по правде, немногие женщины способны пережить такие приключения, после этого провести ночь на голом песке в пещере и притом наутро остаться привлекательными.

— Давай завтракать, — предложила она. — Правда, выбор блюд у нас с тобой невелик, но мне помнится, ты что-то говорил о фруктах?

Позже, уже за едой, она вдруг сказала:

— Мое сердце кровью обливается при мысли о том, что Джон Гувер может найти сокровища Могара. Мне приходилось ходить в плавание с Роджером О'Фаррелом, с Хилтоном, Хансеном и даже с ле Баном, но Гувер — первый капитан, посмеявшийся оскорбить меня.

— Он не найдет сокровищ, — отозвался я, — просто потому, что их здесь нет.

— Ты обошел весь остров?

— Да, я только не пытался пройти вглубь непроходимых восточных болот.

Ее глаза загорелись.

— Подумай сам: если бы сокровища было легко найти, до них давно бы кто-нибудь добрался. Уверяю тебя, они спрятаны именно где-то среди этих болот! Послушай-ка меня. Солнце еще не взошло, и Джон Гувер со своими дружками наверняка пьянствовали всю ночь и еще не скоро проснутся после этого. Мне хорошо известны их привычки, и они даже ради сокровищ не станут их менять! Давай-ка отправимся к этим болотам и попробуем найти сокровища.

— Зачем лишний раз испытывать Провидение? — возразил я. — К чему нам убежище, если мы не собираемся в нем отсиживаться? Нам повезло, что нас до сих пор не нашел Гувер, но если мы уйдем

отсюда и отправимся через лес, мы наверняка не избежим встречи с ним.

— Если мы будем сидеть здесь, как крысы, он в конце концов нас обнаружит. Я не сомневаюсь, что мы сможем осмотреть болото и вернуться сюда до того, как он очнется, а даже если и нет — он не умеет тихо пробираться по лесу, его слышно издали, словно бизона. Мы не встретимся с ним, а если и увидим его, всегда успеем скрыться в лесу. — Она вздохнула. — Если бы здесь оказался Роджер О'Фаррел...

— Ну, раз уж ты вспомнила Роджера О'Фаррела, — теперь вздохнул я, — мне придется согласиться с любым самым безрассудным твоим планом. Тогда не будем мешкать.

— Вот здорово! — воскликнула она, по-детски захлопав в ладоши. — Мы непременно найдем эти сокровища! Я так и вижу перед собой блеск всех этих бриллиантов, и рубинов, и сапфиров, и изумрудов!

Когда мы по скалам вышли в широкое ущелье и по нему добрались до густого леса, простирившегося на восток, заря еще только занималась. Таким образом, за два дня мы прошли почти через весь остров — пираты высадились на западном берегу, а болото лежало на востоке.

Какое-то время мы шли молча, потом я спросил:

— А как выглядит О'Фаррел?

— Он отлично сложен и выглядит, как король. — Она окинула меня критическим взглядом. — Он выше тебя, но не такой могучий. Его плечи будут, пожалуй, пошире твоих, а вот грудь не такая широкая. Лицо у него решительное, и он всегда гладко выбрит. Волосы у него такие же черные, как у тебя, хотя он уже не молод. И еще у него прекрасные

серые глаза, как стальные. У тебя тоже серые глаза, но ты смуглый, а у него белая кожа. Впрочем, если тебя побрить и хорошо одеть, то ты будешь выглядеть неплохо, даже рядом с капитаном О'Фаррелом. Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— А я думала, ты старше. Мне двадцать.

— Ты выглядишь моложе, — ответил я.

— У меня богатый жизненный опыт, — заявила она. — А теперь, сэр, нам лучше замолчать, на тот случай, если где-нибудь в этом лесу обитают разбойники.

Чем дальше мы продвигались на восток, тем гуще становился лес. В одном месте через нашу тропу переползла змея, и девушка, вздрогнув, на миг замерла. Отважная, как тигрица в обращении с мужчинами, она оказалась просто женщиной в отношении всяких тварей.

Наконец мы вышли к болоту. Теперь остановился я.

— Отсюда начинаются болота, которые тянутся на восток до самого моря. Видишь, впереди стеной стоят деревья, ветви которых покрыты мхом, а стволы обвиты лианами? Ты еще не хочешь отказаться от своей безумной затеи?

Вместо ответа она взглянула на меня презрительно.

Об этом путешествии через болото я не люблю вспоминать. Мне пришлось прорубать саблей дорогу сквозь бамбук и толстые лианы, и чем дальше мы шли, тем глубже наши ноги вязли в чавкающей жидкой грязи. Потом лес поредел, бамбук пропал, и перед нами оказались только заросли камыша выше нашего роста, среди которых темнели окна болотной жижи. Мы продолжали двигаться вперед,

время от времени проваливаясь по пояс в болотную воду. Элен отчаянно ругалась, понимая, что останется от ее изысканного наряда, а я старался беречь силы. Дважды мы проваливались так глубоко, что нам с огромным трудом удавалось выбраться на твердую землю. Я сказал — на твердую землю? Нет, под ногами у нас была все та же омерзительная хлюпающая жижа.

Но, несмотря ни на что, мы медленно продвигались вперед, радуясь каждой мало-мальски твердой кочке. Один раз Элен наступила на змею и вскрикнула так, как, должно быть, кричат потерянные души; болото кишело змеями, и она не могла видеть их без содрогания.

Мне казалось, что этому болоту не будет конца, когда за камышами и кочками мы увидели деревья на твердой земле. Элен, вскрикнув от радости, устремилась вперед и тут же провалилась в болото едва ли не с головой. Я нашел под водой ее руки и с трудом вытащил ее из мерзкой жижи в самом жалком виде. При этом сам я оказался по пояс в воде. Но наконец наши усилия были вознаграждены.

Нас окружали высокие деревья, обвитые лианами, под ними росла шелковистая трава. Я был весьма удивлен, потому что за время своего пребывания на острове успел обойти вокруг болота и не обнаружил ничего подобного. Очевидно, мы попали на островок, окруженный болотами.

Элен была взволнована, но, прежде чем продолжить путь, она попыталась привести в порядок свою одежду и вытерла грязь с лица. Наверное, перепачканные до самых бровей, мы являли собой весьма смехотворную пару.

Самым худшим было то, что в пистолити Элен попала вода, да и мои тоже превратились в беспо-

лезные игрушки. В стволы и затворы забились грязь. На то, чтобы вычистить, как следует просушить и снова их зарядить, нужно было немало времени. Впрочем, я не имел ничего против того, чтобы проделать все это, но Элен возразила, сказав, что среди болота нам уж точно никто не угрожает и что она не может так долго ждать. Ей не терпелось осмотреть островок, на который мы попали, и обнаружить древний замок.

Я не стал спорить, и мы отправились дальше под сенью высоких деревьев, густые ветви которых не пропускали солнечный свет. Среди этих деревьев было так сумрачно, что, казалось, вот-вот откуда-нибудь перед нами появятся лесные духи. Птиц мы не слышали, и бабочки здесь не порхали, а вот несколько змей нам повстречались.

Вскоре перед нами возникли остатки древней каменной кладки. Из земли торчали заросшие травой плиты, кое-где виднелась черепица. Мы провляли еще немного и вышли на широкое открытое пространство, которое когда-то вполне могло быть настоящей улицей. Мы шли по этой древней улице в мертвой тишине, и в конце концов увидели перед собой стены странной постройки.

Не говоря ни слова, мы подошли ближе. Сомнений не было: это древний замок, построенный из огромных каменных плит. Внутри вели широкие ступени, и мы поднялись по ним, сжимая рукояти своего оружия. С трех сторон нас окружали стены без окон и дверей; возле четвертой стены высились тяжелые квадратные колонны. Узкая лестница, начинавшаяся в центре этого огромного зала, вела к чему-то вроде алтаря. На нем не было никакого идола; если когда-нибудь на алтаре и стояло изображение древнего бога, его наверняка уничтожили испанцы. Гладкие

стены, на потолке и на колоннах никаких орнаментов — все вокруг дышало суровой простотой.

Что за люди здесь обитали и какому богу они поклонялись, для кого выстроили эту мрачную святыню? Я поглядел на алтарь, возвышавшийся перед нами. Он стоял на большой каменной платформе, встроенной в пол. Из середины этой платформы к потолку поднималась колонна, и алтарь был как бы частью этой колонны.

Мы поднялись по лестнице. Мне было совсем не по себе, да и Элен как-то притихла и взяла меня за руку. Гнетущая тишина заставляла думать, что по углам этого мрачного зала притаились чудовища из какого-то другого мира, готовые напасть на нас. В огромном каменном замке мы оба чувствовали себя маленькими и беспомощными.

Тишину нарушал только звук шагов Элен по каменным ступенькам. Я попытался представить себе, какие ритуалы могли здесь происходить, какому божеству поклонялись древние люди, некогда населявшие остров. Когда мы поднялись к алтарю и наклонились, разглядывая его, я заметил темные пятна на его поверхности. Девушка невольно охнула. Но настоящий ужас ждал нас впереди.

Мой взгляд скользнул по колонне, высившейся за алтарем, и обратился к потолку. Потолок, как оказалось, был выложен из невероятно длинных одинаковых каменных плит, и только над самым алтарем каменная плита совсем не походила на остальные — огромная, желтоватая с красными прожилками, она, наверное, весила не одну тонну, и я так и не смог понять, какая сила удерживает ее на месте.

В конце концов я решил, что ее так или иначе держит колонна, поднимавшаяся к потолку футов

на пятнадцать. Каменная платформа, на которой стояла колонна, была футов десять высотой.

— Вот мы и нашли замок,— прошептала Элен,— где же сокровища?

— Будем искать,— отозвался я.— Только сначала давай приведем в порядок наши пистолы: кто знает, куда мы попали и что нас здесь может ждать?

Мы направились вниз по лестнице, и вдруг Элен остановилась.

— Ты слышишь? Кто-то идет!

— Я ничего не слышал. Тебе мерещится.

Но она продолжала уверять меня, что слышала шаги, и постаралась как можно скорее спуститься. Я все же оказался у подножия лестницы на миг раньше ее и оглянулся через плечо, чтобы что-то сказать. Ее глаза были широко раскрыты, а рука лежала на рукоятки шпаги. Я повернулся туда, куда она смотрела, и увидел между колоннами троих пиратов, перепачканных грязью с ног до головы, с оружием в руках.

Как в страшном сне передо мной оказались горящие злобой глаза Джона Гувера, борода огромного Беллефонта, ядовитая ухмылка Ла Косты. Они бросились на нас.

Я не знаю, как им удалось сохранить порох сухим, переправляясь через болота, но не успел я выхватить саблю из ножен — раздался выстрел Ла Косты, и пуля пробила мне правую руку, задев кость. Сабля выскользнула из моих пальцев, но я успел наклониться и подхватить ее левой рукой. Это было весьма удачно — надо мной, как дикий слон, навис Беллефонт.

Взревев, он поднял саблю над головой, и меня охватило такое бешенство, какое, наверное, охватывает загнанного в угол раненого льва. Наши клинки

встретились, и от моего удара гигант отлетел к противоположной стене зала, упав при этом на колени. Но вместо того чтобы раскроить ему голову, моя сабля лишь скользнула по его волосам. В тот же миг Ла Коста перезарядил свой мушкет, прогремел выстрел, и я упал, обливаясь кровью.

Я смутно видел, как защищалась Элен, а те подробности, которые ускользнули от меня, она впоследствии рассказала мне сама.

Она стремительно бросилась на Гувера, и тому пришлось скорее защищаться, чем нападать. Не то чтобы он был неумелым бойцом, но его тяжелая сабля во многом уступала проворной шпаге девушки, а кроме того, он не обладал ее быстротой и ловкостью.

Поначалу он вовсе не собирался ее убивать, и потому старался только отражать ее молниеносные выпады, отступая при этом, чтобы дать Ла Косте возможность подкрасться к девушке сзади, обезоружить ее и связать ей руки за спиной. Однако прежде чем французу удалась эта хитрость, Элен нанесла удар в открытую грудь Гувера. В тот миг Джон Гувер должен был умереть, но удача, видно, отвернулась от нас. Элен поскользнулась, и шпага лишь оцарапала его ребра. Не успела она как следует встать на ноги, как Гувер с яростным криком выбил шпагу из ее руки и обхватил девушку своими огромными лапищами.

Элен отчаянно отбивалась, плевала ему в лицо, кусалась и царапалась, пытаясь дотянуться до шпаги, а он издевательски хохотал. В его руках она казалась беспомощным ребенком. Он связал девушку, подтащил ее к колонне и крепко привязал. Элен выкрикивала такие проклятия, от которых кровь стыла в жилах.

Увидев, что я пытаюсь подняться, он велел Ла Косте связать и меня, на что француз ответил ему, что у меня все равно перебиты обе руки. Тогда Гувер приказал связать мне ноги, что тот и исполнил, после чего меня привязали рядом с девушкой. Мне до сих пор непонятно, почему француз так ошибся. Может быть, это произошло потому, что я истекал кровью и не мог пошевелить руками, тогда он и решил, что моя левая рука тоже перебита.

— Итак, моя прекрасная леди, — издевательски произнес Джон Гувер, — мы вернулись к тому, с чего начинали. Не знаю, где вы повстречали этого молокососа, но думаю, что его ждет весьма печальная участь. Сейчас у нас есть одно неотложное дело, а после мы облегчим его страдания.

Я прекрасно понял, что он хотел этим сказать. Конечно, меня ожидала неминуемая смерть. Дыхание Элен участилось.

— Ублюдок! — выкрикнула она. — Ты не посмеешь убить его!

Гувер рассмеялся и повернулся к Беллефонту, который в этот миг поднимался с каменного пола.

— Ну что, Беллефонт, твоя голова достаточно пуста, чтобы заняться делом?

Гигант хмыкнул:

— Пусть меня зажарят в Гадесе, если когда-нибудь моей голове так доставалось...

— Принеси инструменты, — приказал Гувер, и Беллефонт с неожиданным для него проворством выскочил из зала и вскоре вернулся с кирками и большим тяжелым молотом.

— Я разнесу этот чертов замок на мелкие кусочки, но добуду то, за чем мы пришли, — рявкнул Гувер. — Это же самое я и говорил тебе, когда ты спросила, зачем я погрузил в лодку кувалду, моя маленькая

Элен. Комрел сдох, не успев толком рассказать нам, как добраться до замка, однако из некоторых его оговорок я понял, что замок где-то на восточной стороне острова. Когда мы нынче утром вышли к болоту, я понял, что мы почти нашли то, что искали. Так оно и вышло, а заодно мы нашли и тебя.

— Мы теряем время, — пробубнил Беллефонт. — Давайте уж что-то делать.

— Все это пустая трата времени, — мрачно сказал Ла Коста. — Гувер, я еще раз говорю тебе, что эта дурацкая затея плохо кончится. Здесь обитель демонов; нет, сам дьявол простирает свои черные крылья над этим замком. Здесь нечего делать христианам! А что до сокровищ, то говорят, что жрецы древнего народа схоронили их в море, и я верю этому.

— Скоро увидим, — отозвался Гувер. — Эти стены и столбы кажутся мощными, но настойчивость и сила способны сокрушить любой камень. За дело!

Теперь страшно даже вспомнить об этом, а в тот момент я почему-то подумал, что больно уж странным светом освещен огромный зал. Снаружи перед замком не росло никаких деревьев, но те, что росли в нескольких ярдах от древних стен, отбрасывали такую густую тень, что солнечный свет никак не мог проникнуть внутрь. Между тем непонятно откуда исходил призрачный свет. В углах зала клубился серый туман, и движения людей в этом тумане наводили на мысли о привидениях, а их голоса звучали как-то глухо, почти потусторонне.

— Ищите потайные двери или что-нибудь подобное, — повелительно произнес Гувер, простукивая кувалдой стены.

Пираты повиновались, при этом было видно, что Ла Коста делает все неохотно.

— Не выйдет из этой затеи ничего хорошего, Гувер,— послышался его голос из дальнего угла.— Нельзя тревожить языческих богов в языческих храмах.— *Богу это не уютно!*

В следующий миг мы все вздрогнули от его отчаянного крика. Он выскочил из угла; его рука была, как мне показалось, обмотана чем-то черным. Выскочив на середину зала, он голыми руками стал лихорадочно отрывать от себя змею, успевшую его ужалить.

— О небо! — кричал он, вертясь волчком и переводя безумный взгляд с Беллефонта на Гувера.— Боже праведный, я горю, я умираю! Святые угодники, помогите мне!

Казалось, даже туповатый Беллефонт был потрясен этим ужасным зрелищем, лишь Гувер остался невозмутимым. Он поднял пистоль и протянул французу.

— Ты обречен,— бесстрастно сказал он,— яд теперь растекается по твоим венам, как дьявольский огонь, но ты можешь прожить еще несколько часов. Лучше будет, если ты сам прекратишь свои мучения.

Ла Коста взял пистоль двумя пальцами, как тонкую хворостинку. Еще миг он колебался, выбирая между двумя смертями. Потом, видимо не в силах вынести жжения в теле, приставил дуло к виску и нажал на курок. Последнего мученического его взгляда мне не забыть до Судного дня, и пусть простятся его земные прегрешения, ибо если кто-либо и проходил через муки чистилища перед смертью, так это был несчастный Ла Коста.

— Клянусь Богом,— воскликнул, подняв бровь, Беллефонт,— тут какая-то дьявольщина!

— Ерунда! — спокойно отозвался Гувер.— Сюда просто заползла болотная змея, а этот болван не

заметил ее в темноте и сунул руку прямо туда, где она свернулась. Пусть это тебя не смущает, продолжим наше дело, только смотри внимательно: может, здесь есть еще змеи.

— Прошу вас, сперва перевяжите раны мистера Хармера,— внезапно попросила Элен, и по тому, как дрожал ее голос, я догадался, что она потрясена случившимся.— Он может умереть от потери крови.

— Пусть подышает,— безучастно ответил ей Гувер.— Это избавит меня от необходимости тратить на него пулю.

Мои раны между тем продолжали кровоточить, но сознание прояснилось, и хотя раненая рука сильно болела, я уже не походил на умирающего. Когда пираты отошли от нас, я принялся левой рукой развязывать путы на ногах. Правда, драться я бы, наверное, не смог, но решил, что стоит освободиться, а там уж что-нибудь придумаю. Узлы плохо поддавались моим негнувшимся пальцам, но я упорно продолжал начатое. Тем временем Гувер со своим помощником осматривали углы и простукивали стены.

— Клянусь дьяволом, вся штука наверняка в этом алтаре,— сказал Гувер, прекратив свое занятие.— Дай-ка кирку, и поглядим на него как следует.

Они поднялись по лестнице, будто по трапу корабля, и в призрачном свете были похожи на мертвецов. Холод подступил к моему сердцу, и мне показалось, что я слышу взмахи крыльев смерти. Меня охватил необъяснимый ужас, и взгляд мой невольно поднялся к огромной каменной плите, находившейся прямо над алтарем. Думаю, что Элен чувствовала то же самое. Я слышал ее тяжелое частое дыхание.

Буканьеры поднялись на каменную платформу, и опять раздался голос Гувера, гулкое эхо разнесло его по огромному залу:

— Ну а теперь, Беллефонт, берись за кирку и разнеси этот алтарь.

Огромный могучий Беллефонт повиновался. Алтарь казался такой же частью каменной платформы, как и колонна, возвышавшаяся над ним до самого потолка. Беллефонт поднял мощную кувалду, и звук от удара тяжелого молота о гладкую каменную поверхность многократно усилили древние высокие стены. Я видел, как вздулись стальные мышцы его могучих рук и плеч, он снова и снова поднимал молот и с силой опускал его на каменный алтарь. Гувер чертыхнулся, а Беллефонт, казалось, выбился из сил и проворчал, что ему ничего не сделать с проклятым камнем, но под тяжелым свирепым взглядом Гувера он опять поднял молот. Мгновение он стоял так, широко расставив ноги, держа над головой кувалду, а затем, вложив в удар всю свою силу, опустил ее на алтарь. Раздался треск, и поверхность каменного алтаря разлетелась на мелкие куски, посыпавшиеся во все стороны.

— Пусто, клянусь дьяволом! — воскликнул Джон Гувер, ударив кулаком в ладонь. — Я этого и ожидал! Как только они додумались до такого, ведь в нем не было ни единой щели? Наклонись-ка сюда да высеки огонь, а то здесь темно, как в Гадесе.

Они склонились над разбитым алтарем, на мгновение вспыхнул огонек, затем оба выпрямились.

— Я ничего не увидел, — проворчал Беллефонт, пряча огниво, — а ты?

— Ничего, кроме одного большого красного камня, — мрачно ответил Гувер. — Но, может быть, под ним есть еще один тайник.

Он опять нагнулся и пошарил рукой внутри алтаря.

— Дьявольщина! Этот проклятый камень, похоже, крепко сидит там, будто его что-то держит... вот... еще немного... он поддается...

Его слова заглушил громкий скрип железных рычагов; казалось, что звук идет снаружи, и все мы невольно взглянули наверх. Оба буканьера испустили вопль ужаса, воздев руки к небу, и огромный камень в центре крыши рухнул вниз. Колонна, алтарь и лестница превратились в груду красных развалин.

Оглушенные невероятным грохотом, Элен и я, не отрываясь, с ужасом смотрели на груду каменных обломков посреди зала. Из-под них ручьем текла кровь. По прошествии довольно долгого времени я наконец опомнился, освободился от веревок и отвязал девушку. Мы вышли из этого замка смерти, и мне показалось, что нет на свете ничего слаще свежего воздуха и дневного света, хотя пахло болотной гнилью, а солнечный свет почти не пробивался сквозь густую листву. Внезапно меня охватила слабость; я упал и провалился в черноту.

День последний

Что-то капнуло мне на лоб, и я открыл глаза.

— Стив, о Стив, ты жив? — нежно спросил кто-то; в голосе девушки слышались слезы.

— Кажется, да, — ответил я, пытаюсь сесть, однако маленькая рука заботливо уложила меня обратно.

— Стив, — опять сказала Элен, и я ощутил странное волнение оттого, что она назвала меня по имени, — я перевязала тебя, как только было возможно, лоскутом от моей рубашки. Нам надо выбираться

отсюда, из этого мрачного места, и идти в лучшую часть острова. Ты сможешь идти, как ты думаешь?

— Я попробую, — ответил я, хотя при воспоминании о болоте мое сердце сжалось.

— Я нашла дорогу, — сказала она. — Когда я отправилась на поиски чистой воды, я дошла до маленького ручейка, а рядом с ним оказалась замечательная дорога, вымощенная каменными плитами. Она покрыта грязью всего на каких-нибудь несколько дюймов, и вся заросла, но мы вполне сможем идти по ней.

Она помогла мне подняться на ноги, и с ее поддержкой я сделал первые не очень уверенные шаги. Так мы и шли по древней дороге, и я не раз успел подивиться загадочному народу, населявшему некогда этот остров, строившему так прочно и долговечно и так ревниво хранившему свои тайны.

Наше возвращение показалось мне бесконечным, мы долго шли через джунгли, но наконец за деревьями блеснуло море. Вскоре, изнеможенные, мы опустились на песок рядом со шлюпкой. Элен ни за что не согласилась отдохнуть, пока как следует не перевязала мои раны, обнаружив в лодке чистые повязки и мазь. Узким острым кинжалом она достала пулю из раны в моей руке, и хотя мне казалось, что я умираю от боли, она вправила поврежденную кость и туго перевязала руку. Я был немало удивлен ее лекарским искусством, но она сказала, что с самого детства упражнялась в перевязывании ран и вправлении сломанных костей — Роджер О'Фаррел всегда сам заботился о раненых; в юности он получил некоторое медицинское образование и охотно передавал ей все свои знания.

Она довольно долго сетовала, что нет подходящих условий, для того чтобы как следует вылечить

мою руку, но я перестал ее слышать, упав на спину и потеряв сознание, — большая потеря крови не прошла даром. Очнувшись я только ранним утром следующего дня. Пока я лежал без чувств, Элен соорудила мне подстилку из мягких листьев и заботливо укрывала меня своим плащом, который, конечно, потерял былое величие, а когда я припел в себя, она уселась рядом на песок и, глядя на меня огромными серыми глазами, серьезно спросила:

— Стив, ты будешь жить?

В ответ я слабо усмехнулся.

— Хорошего же ты мнения обо мне, если думаешь, что меня так легко убить. Как ты сама себя чувствуешь, Элен?

— Устала... немного. — Она улыбнулась. — Но это быстро пройдет. Мне не раз приходилось видеть, как умирали люди, но никогда я не видела ничего подобного тому, что произошло в замке. Их предсмертные крики будут слышаться мне до самой смерти. Как ты думаешь, отчего они погибли?

— Сейчас все это кажется довольно загадочным, — ответил я, — но мне помнится, что вокруг замка в развалинах я видел много покореженных металлических стержней. Судя по тому, как соединялась каменная платформа с лестницей, можно предположить, что вся эта конструкция, как и сам алтарь, оказалась полой внутри, и колонна тоже. Внутри была встроена какая-то сложная система рычагов, соединенная с той огромной плитой в крыше. Я думаю, что камень в алтаре как-то соединялся с одним из рычагов, и когда его сдвинули с места, все рычаги пришли в движение и обрушили плиту с потолка.

Она поежилась.

— Пожалуй, ты прав. А сокровища...

— Их никогда не было. А если и были, древние жрецы, наверное, в самом деле утопили их в море, чтобы они не достались испанцам. При этом они, скорее всего, надеялись, что немало испанцев погибнет в поисках сокровищ. На самом деле меня не покидает ощущение, что в этом замке обитают какие-то темные силы.

— Вот и еще одна мечта развеялась как дым,— вздохнула девушка.— Да-да, я мечтала найти рубины и сапфиры величиной с мой кулак!

Она задумчиво глядела вдаль, туда, где волны начали розоветь под первыми солнечными лучами. Вдруг она вскочила.

— Я вижу парус!

— Это возвращается «Черный Рейдер»! — воскликнул я.

— Вовсе нет! Даже отсюда я вижу, что это королевский корабль! Он идет сюда.

— Наверное, за пресной водой,— предположил я.

Элен напряженно хрустнула сплетенными пальцами.

— Теперь моя жизнь будет зависеть от тебя. Если ты скажешь им, что я Элен Таврел, меня вздернут на рее до того, как начнется отлив!

— Элен,— сказал я как можно ласковее, взяв ее за руку и усадив рядом с собой.— Я изменил свое мнение о тебе с тех самых пор, как впервые тебя увидел. Я по-прежнему считаю, что женщинам нечего делать в Красном Братстве, однако я понял, что так уж сложилась твоя судьба, ты в этом не виновата. Я не знаю женщины более доброй, отважной и самоотверженной, чем ты. Для команды этого корабля ты будешь Элен Хармер, моей сестрой, которая путешествовала вместе со мной.

— Два человека на свете вселяли в меня страх,— тихо сказала она, опустив глаза.— Джон Гувер, потому что он был негодяем, и Роджер О'Фаррел, потому что он такой замечательный и к тому же знатный. Уважение мне внушал только один человек — О'Фаррел. Теперь я встретила второго человека, которого есть за что уважать. Ты смелый и честный, Стив, и...

— И что?

— Ничего.— Она слегка смутилась.

— Элен,— сказал я, привлекая ее к себе,— мы с тобой вместе пережили слишком много, чтобы что-нибудь смогло теперь разлучить нас. Твоя необыкновенная красота пленила меня с того мгновения, когда я увидел тебя; потом я понял, что под маской твоей жестокости скрывается золотое сердце. У каждой души есть вторая половина, мой маленький друг, а я восхищаюсь тобой, и восхищение переполняет мое сердце. Мне неважно, что было с тобой прежде, и я всего-навсего простой моряк, да вдобавок потерявший свой корабль, но позволь мне сказать матросам этого судна, когда они высадятся на берег, что ты не сестра мне, а невеста...

Она стремительно повернулась ко мне, и в ее глазах заплескали прежние лукавые огоньки.

— О-ля-ля, сэр, вы делаете мне предложение? Это очень мило с вашей стороны, но...

— Элен, не смейся надо мной!

— Я вовсе не думаю смеяться, Стив,— сказала она уже другим тоном.— Но я еще никогда не думала о замужестве. Сэр, я еще слишком молода, для того чтобы выходить замуж, а кроме того, я до сих пор не повидала на свете всего, что мне хотелось бы повидать. И запомните, что я все-таки Элен Таврел.

— Это ничего не значит; стань моей женой, и я уведу тебя в другую жизнь.

— Не надо так спешить, — возразила она, что-то рисуя пальцем на песке. — Дай мне время подумать о твоём предложении. Кроме того, я ни шагу не сделаю без согласия Роджера О'Фаррела. В конце концов, Стив, я всего-навсего молодая девушка, и я действительно еще никогда не задумывалась ни о замужестве, ни о любви. — Она улыбнулась. — Ох уж эти мужчины, нет от них покоя бедной девушке!

— Элен! — почти жалобно воскликнул я. — Неужели тебе нет до меня совсем никакого дела?

— Нет, это не так. — Она взглянула мне в глаза. — Ты нравишься мне, как не нравился еще ни один мужчина, даже Роджер О'Фаррел. Но я должна привыкнуть к этому и убедиться, что это истинная любовь.

С этими словами она рассмеялась, а я от волнения чертыхнулся.

— Фи, как ты позволяешь себе разговаривать в присутствии любимой девушки, — поддразнила она меня. — Послушай, Стив, мы должны разыскать Роджера О'Фаррела, где бы он ни был сейчас, потому что я у него вместо дочери, и если ты ему понравишься, то кто знает?.. Но ты не должен больше говорить о нашей женитьбе до той поры, пока я не повзрослею и не побываю еще во многих приключениях. А пока мы останемся такими же друзьями, какими стали здесь.

— Но друг должен позволить мне один честный поцелуй, — отважился сказать я, взглянув туда, где величаво шел корабль.

Она опять рассмеялась и приникла губами к моим губам.

ПРОКЛЯТИЕ ОКЕАНА

ПРОКЛЯТИЕ ОКЕАНА

В

есь Фаринг знал Джона Калрека и его дружка Кануля Лживую Губу как хвастунов и выпивох, краснобаев и задир. И сколько раз я, мальчишка, к чьим жестким, как репей, волосам ни разу не прикасалась расческа, замирая от страха и восхищения, подкрадывался к дверям таверны, чтобы слушать их ругань, богохульные споры и разгульные матросские песни. Да и все здешние глазели на них со страхом и восхищением, ибо они не походили на остальных мужчин в Фэй-

ринге — уж они-то не согласились бы тянуть лямку в прибрежных водах среди острых, как акульи зубы, утесов. Ялики да баркасы были не для них! Они ходили в дальние страны на настоящих больших парусниках, уносились на спине прилива, чтобы вступить в спор с океаном, бросали якорь у неведомых берегов.

Мне кажется, само время бежало быстрее, когда Джон Калрек возвращался домой. Рядом с ним лениво и самодовольно выступал Кануль Лживая Губа в измаранной дегтем матросской робе, со всегда готовым к бою кинжалом на узком кожаном поясе. Снисходительно здороваясь с близкими приятелями, целуя на ходу подвернувшуюся девушку, шли они по улице, горланя непристойные куплеты.

И вскоре раболепные и ленивые прихлебатели толпились вокруг двух отчаянных голов, лстя им, весело ухмыляясь и хохоча над каждым похабным жестом, ибо для завсегдатаев таверны, робких и слабых, пусть даже и честных жителей, эти люди с невероятными историями и жестокими делами, рассказами о Семи Морях и дальних странах, эти люди — говорю я — были могучими воинами, смельчаками, мастерами кровавых дел.

Все боялись их; если мужчина оказывался избит, а женщина подвергалась оскорблению, жители перешептывались — и только. И когда племянница Молли Фаррел была обесчещена Джоном Калреком, никто не осмелился заявить о том, что думали все. Молли никогда не была замужем. Она жила с племянницей в маленькой лачуге у берега, и волны приливов разбивались о камни у самых дверей.

В деревне старую Молли считали кем-то вроде ведьмы. Она была мрачной неразговорчивой стару-

хой и поддерживала свой скудный достаток, подбирая всякий хлам, выброшенный морем.

Племянница ничем не походила на тетюшку. Тщеславную и сумасбродную девчонку легко было одурачить, иначе она никогда бы не поверила акульей ухмылке Джона Калрека.

Помнится, был холодный зимний день, с востока дул резкий бриз, когда на деревенской улице появилась старая Молли, восклицая, что девушка исчезла. Все, кроме Джона Калрека и его дружков, метавших кости в таверне, бросились на поиски — одни на берег, другие к холмам.

Под похоронный гул никогда не отдыхающего прибоя — голоса вечно бодрствующего серого чудовища моря — в тусклом свете вечерней зари Фаррел вернулась домой.

Прилив мягко принес ее тело через отмель и положил у самой двери лачуги. Мертвенно-белой была она, окоченевшие руки сложены на груди; неподвижно было ее лицо, и серые волны вздыхали, шевеля ее волосы.

Глаза Молли Фаррел, казалось, превратились в камень; она стояла, не говоря ни слова, над мертвой девушкой до тех пор, пока Джон Калрек и его приятели не спустились, покачиваясь, от дверей таверны, с кружками в руках. Джон Калрек был пьян.

Народ расступился, чуя убийство, а он рассмеялся, нагло уставясь на Молли Фаррел, скорбящую у тела племянницы.

— Черт, — выругался он, — девчонка утопла, Губа!

Лживая Губа усмехнулся, кривя тонкие губы. Он ненавидел Молли Фаррел, ибо это она прозвала его Лживой Губой.

Джон Калрек поднял кружку, качаясь на не-твердых ногах.

— Так выпьем за здоровье ее призрака! — про-ревел он. Все оцепенели от страха.

Тогда заговорила Молли Фаррел, и от слов, ко-торые прорывались у нее сквозь стоны, мурашки бегали по спинам людей.

— Во имя дьявола проклиная тебя, Джон Кал-рек! И Божье проклятие да будет на твоей душе навек! Желая тебе повидать такие страны, которые выжгут тебе глаза и испепелят душу! Сдохнуть тебе лютой смертью и корчиться в аду трижды миллион лет! Морем и сушей, землей и воздухом, демонами топей, духами лесов, троллями холмов проклиная тебя!

А ты, — ее костлявый палец ткнул в Лживую Губу, который отшатнулся и побледнел, — ты станешь погибелью Джона Калрека, а он твоей! Ты отпра-вишь его к вратам ада, а он тебя — на виселицу!

Печать смерти я вижу на твоём лбу, Джон Калрек, — она говорила с такой настойчивостью, что пьяная насмешливость на лице Джона Калре-ка сменилась ужасом, — слышишь, то море ры-чит, чуя жертву, которую оно не станет хоро-нить. Видишь, снег лежит на холмах, Джон Калрек? Прежде чем он растает, труп твой ляжет к моим ногам. Я наступлю на него, и душа моя обретет покой...

На рассвете Калрек и его компания ушли в пла-вание, и Молли снова день за днем возилась в хиж-не или собирала хлам.

Она еще сильнее сгорбилась и похудела, глаза горели безумным блеском. Дни проходили прочь, и люди шептались, что ей недолго осталось, выгляде-ла она скорее призраком, чем человеком. Однако

она продолжала идти своим путем, отвергая всякую помощь.

Наступило короткое холодное лето, снег на хол-мах не таял — случай необычный, что вызвало мно-го разговоров среди жителей деревни. На закате и на рассвете Молли ходила на берег, поглядывая на снег, который лежал на холмах, и с яростной на-стойчивостью всматривалась в море.

Дни снова стали короче, а ночи длиннее и тем-нее, и холодные серые приливы слизывали все с голых пляжей, а ревущие бризы несли дожди и мокрый снег с востока.

Однажды, холодным днем, в бухте бросил якорь торговый корабль. Все бездельники и гуляки сбе-жались на пристань, — это был корабль, на кото-ром ходили Джон Калрек и Кануль Лживая Губа. По трапу крадущейся походкой сошел Лживая Губа, но Джона Калрека с ним не было.

В ответ на вопросы и удивленные восклицания Кануль лишь пожал плечами.

— Калрек сбежал с корабля в одном порту на Суматре, — сказал он, — поссорился со шкипером. Предлагал и мне идти с ним, но нет! Я хотел снова увидеть таких парней, как вы.

Лживая Губа чуть ли не умоляюще смотрел на гуляк. Неожиданно он отпрянул, увидев Молли Фар-рел, пробившуюся сквозь толпу. Мгновение они разглядывали друг друга. Затем сухие губы Молли растянула улыбка.

— Кровь на твоих руках, Кануль! — выкрикну-ла она так яростно, что Лживая Губа невольно уставился на свои руки и вытер правую о левый рукав.

— Убирайся, ведьма, — злобно оскалился моряк и бросился сквозь толпу, которая безмолвно рас-

ступилась перед ним. Мужчины последовали в таверну, обсуждая случившееся.

Следующий день был еще холоднее. Серый туман плыл с востока, заволакивая бухту. Опасно было выходить в море в такую погоду, и жители сидели по домам или рассказывали друг другу байки в таверне. Поэтому случилось так, что мой друг Джо, паренек моих лет, и я оказались первыми свидетелями удивительного события.

Безрассудные и несмышленные, мы сидели в лодчонке, болтавшейся у конца причала, дрожа от холода и надеясь каждый, что другой предложит вылезти. Не было причины там оставаться — просто в лодке было здорово мечтать.

Внезапно Джо поднял руку.

— Эй, слышишь? — сказал он. — Кто это может быть в бухте в такой денек?

— Никто. Что ты услышал?

— Весла, если я не глухой. Слушай.

В тумане ничего не было видно, и я ничего не слышал. Джо, однако, клялся, что звук был; на его лице появилось странное выражение.

— Кто-то гребет там, я тебе говорю! Весь залив гудит от весел. Дюжина лодок, не меньше! Болван, ты что, правда не слышишь?

Я не слышал. Тогда он наклонился и принялся отвязывать ялик.

— Я плыву смотреть. Можешь говорить, что я врун, если там не полно лодок, целый флот! Ты со мной?

Я поплыл с ним, хотя ничего не слышал. Мы скользнули в серую муть, туман сомкнулся вокруг так, что мы плыли в размытом мире, ничего не видя и не слыша. Мы потеряли ощущение времени, и я проклинал Джо, который вовлек меня в эту неле-

пую прогулку. Она могла кончиться тем, что мы утонем в море. Я вспомнил девчонку Фаррел и вздрогнул.

Как долго мы плыли, не знаю. Минуты сливались в часы, часы в столетия. Джо клялся, что слышит весла то рядом, то вдалеке, и мы держали курс на этот звук, который то слабел, то усиливался.

Когда руки настолько заоченели, что не могли удерживать весло, дремота холода и изнеможения охватила нас. Ледяные белые звезды проступили сквозь туман. Мы обнаружили, что находимся как раз за выходом из бухты. Вода была гладкой, как зеркало, темно-зеленая, с серебром звезд. Холод стал еще сильнее. Я развернул ялик, чтобы вернуться в бухту, когда Джо вскрикнул, и я впервые услышал стук уключин. Я оглянулся, и кровь моя застыла.

Высокий заостренный нос нависал над нами — жуткий, необычный силуэт на фоне звезд, и не успел я вздохнуть, как корабль круто переменял курс и со странным свистом скользнул мимо нас. Мне не приходилось слышать, чтобы другие суда издавали подобные звуки. Джо взвизгнул и изо всех сил навалился на весла.

Лодчонка отпрянула в сторону как раз вовремя, иначе бы мы погибли, раздавленные форштевнем. С обеих сторон корабля пара за парой взмахивали длинные весла, которые гнали его вперед. Хотя мне никогда не приходилось видеть подобного судна, я понял, что это галера. Но что ей нужно у наших берегов?

Те, кто возвращался из дальних стран, рассказывали, что такие корабли до сих пор встречаются в гаванях варваров. Но до тех мест далеко, и даже если галера шла оттуда, она имела мало общего с

судами, которые описывали в своих рассказах моряки.

Мы поплыли следом и скоро догнали ее, хотя нос галеры яростно рассекал воду и она, казалось, летела вперед. Подойдя к цепи, свисавшей с кормы, подальше от равномерно взмахивавших весел, мы окликнули тех, кто мог находиться на палубе. Ответа не было.

Победив страх, мы вскарабкались по цепи и оказались на палубе из тех.

— Это не корабль варваров! — испуганно прошептал Джо. — Смотри, какой он старый! Вот-вот развалится. Гляди, все сгнило.

Ни на палубе, ни на мостике никого не было. Мы подкрались и заглянули в люк. На нижней палубе сидели гребцы; они откидывались назад на своих скамьях, опуская в серые воды поскрипывающие весла. Но они были скелетами!

С криком бросились мы к борту, чтобы кинуться в море. По дороге я зацепил за что-то, упал и увидел то, что смогло на мгновение превзойти мой ужас перед кошмаром в трюме. Предмет, о который я споткнулся, был человеческим телом, и в тусклом свете зари, занимавшейся на востоке, я заметил рукоять кинжала, торчавшую у него между лопаток. Джо, держась за леера, звал меня вернуться в лодку. Мы соскользнули по цепи и отцепили ялик.

Затем мы поплыли в бухту. Впереди шла угрюмая галера, а мы медленно двигались за нею. Галера, судя по курсу, направлялась к песчаному пляжу рядом с причалами. Вскоре мы разглядели, что на них полно народа. Без сомнения, люди знали, что мы потерялись, они искали нас и теперь, с первыми лучами солнца, собрались на берегу.

Галера шла вперед, взмахивали ее весла; но прежде чем она достигла мелководья, устрашающий треск сотряс воздух.

На наших глазах корабль развалился и исчез, зеленые волны сомкнулись там, где он только что находился, и ни одной доски не осталось на поверхности, ни одной не осталось на берегу. Кое-что, однако, выбросило на берег.

Мы причалили среди гула разговоров, которые вдруг разом смолкли. Молли Фаррел одиноко стояла перед своей лачугой, и ее тощий силуэт четко выделялся на фоне бледной зари, а иссохшая рука указывала на море. Через отмель что-то плыло, подталкиваемое приливом, и это что-то волны вскорости бросили к ногам Молли Фаррел. Мы столпились вокруг. С неподвижного белого лица на нас смотрели невидящие глаза. Джон Калрек вернулся домой.

Спокойно и сурово лежал он, покачиваемый волнами, и когда его поворачивало набок, все видели рукоять кинжала, торчавшего из спины, — того самого, который мы тысячи раз видели на поясе у Кануля Лживой Губы.

— Да, я убил его! — крикнул Кануль, съезжившись и пятясь под нашими глазами.

— Ночью спяну я заколол его и выбросил за борт! А он из дальних морей явился за мной! — Его голос перешел в безумный шепот. — Из-за... проклятия... море... не хочет... забрать... его тело...

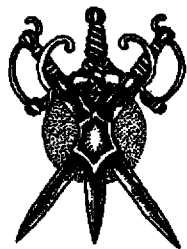
И несчастный повалился наземь. Тень виселицы возникла в его глазах.

— Эгей! — Сильным, глубоким, ликующим был голос Молли Фаррел. — Из ада погибших кораблей Сатана послал галеру! Судно, алое от крови, замаранное памятью преступлений! Кто еще взял

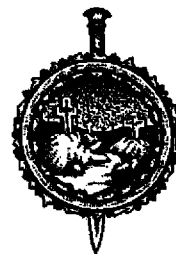

бы эту гнусную ношу? Море отомстило и вернуло то, что принадлежит мне! Глядите, как я плюю в лицо Джону Калреку, как я попираю его грязные останки!..

Она рассмеялась, бледные губы ее покраснели. А над не знающим покоя морем вставало солнце.

ИЗ ГЛУБИНЫ

а рассвете Эдам Фолкон отплывал, и Маргарет Деверол, девушка, которая должна была выйти за него замуж, стояла на причале в холодном тумане и махала ему рукой на прощание.

А вечером, когда сгустились сумерки, окаменевшая, неподвижно уставившаяся в пустоту, Маргарет замерла на коленях над неподвижным белым телом, оставленным на берегу уползающим приливом.

Собравшиеся вокруг жители городка Фаринг шептались между собой:

— Туман-то густой.

— Может, лодка причалила у Рифа Призраков.

— Странно, что в порт Фаринга принесло только его труп — и так быстро...

А понизив голос, они говорили:

— Живой или мертвый, но он к ней вернулся!

Выше линии прилива, выброшенное волнами, лежало тело Эдама Фолкона. Стройный, но сильный и мужественный человек при жизни, в смерти он стал мрачно-красивым. Глаза его были закрыты. Выглядел он уснувшим. К его одежде прилипли обрывки водорослей.

— Странно, — пробормотал старый Джон Хапер, хозяин кабака «Морской Лев» и самый старый моряк в Фаринге. — Эдам утонул там, где глубоко. Да и водоросли эти растут лишь на дне океана и в заросших кораллами подводных гротах. Как же он оказался на берегу?

Маргарет не сказала ни слова. Она стояла на коленях, прижав ладони к щекам, неподвижно глядя перед собой.

— Обними его, девушка, и поцелуй, — мягко подбивали ее жители Фаринга. — Эдам пожелал бы именно этого, будь он жив.

Девушка автоматически подчинилась, содрогаясь от прикосновения к холодному телу. Затем, когда ее губы коснулись уст Фолкона, она вскрикнула и отшатнулась.

— Это не Эдам! — пронзительно закричала она, дико озираясь.

Жители Фаринга обменялись печальными кивками.

— Чокнулась, — пошептали они, а затем подняли труп и отнесли его в дом, где жил Эдам Фолкон.

В этот дом он надеялся привести молодую жену, когда вернется из плавания.

Жители Фаринга привели, собой и Маргарет, ласково поглаживая ее и утешая мягкими словами. Но девушка шла, словно в трансе, по-прежнему глядя перед собой странным, неподвижным взглядом.

Жители Фаринга уложили тело Эдама Фолкона на постель, зажгли в голове и в ногах его поминальные свечи, и соленая вода потихоньку стала стекать с одежды мертвеца и капать на пол. В Фаринге, как и во многих других городках на отдаленных побережьях, существовало поверье, что если с утонувшего снять одежду, то быть большой беде.

Маргарет сидела в обители смерти, ни с кем не разговаривала, отрешенно глядя на спокойное, темное лицо Эдама. К ней подошел Джон Гауэр, отвергнутый ею ухажер, угрюмый и опасный малый, и, глядя ей через плечо, сказал:

— Любопытную перемену вызывает смерть в море, если это тот Эдам Фолкон, которого я знал.

На него со всех сторон направили мрачные взгляды, чему, казалось, он удивился. Несколько человек встало и тихонько выпроводило его за двери.

— Ты ненавидел Эдама Фолкона, Джон Гауэр, и ненавидишь Маргарет, потому что девочка выбрала человека лучше, чем ты, — сказал Том Лири. — Так вот, дьявол побери, не вздумай мучить девушку своими бессердечными речами. Убирайся и не показывайся тут!

При этих словах Гауэр мрачно нахмурился, но Том Лири смело заступил ему дорогу, и другие жители Фаринга поддержали его, потому Джон демонстративно повернулся к ним спиной и зашагал прочь. И все же мне показалось, что сказанное им

было не насмешкой и не оскорблением, а просто неожиданно пришедшей в голову мыслью.

Когда Гауэр уходил, я услышал, как он бормочет себе под нос:

— ...Похож, и все ж странно непохож на него...

На Фаринг опустилась ночь, и в темноте замигали окна домов; окна же дома Эдама Фолкона мерцали светом поминальных свечей. Там Маргарет и другие горожане до рассвета несли бессонную вахту. А вдали от дружелюбного тепла городских огней угрюмо застыл темно-зеленый титан — океан, ныне безмолвствующий и словно окаменевший, но всегда готовый жадно вцепиться в тебя мягкими когтями волн. Я побродил вдоль берега и, присев на белый песок, поглядел на спокойные морские просторы — равнину, вздымающуюся и опадавшую сонным волнообразным движением спящего змея.

Море — громадная седая старуха с холодными глазами. Его приливы говорили со мной точно так же, как всегда, с самого моего рождения, — шорохом волн о песок, криками морских птиц, своим пульсирующим безмолвием.

«Я очень стара и мудра, — рассуждало море-старуха. — К людям я не имею никакого отношения. Я убиваю людей и выбрасываю их тела обратно, на дрожащую от страха сушу. В моем лоне есть жизнь, — шептало море. — Мои дети ненавидят сынов человеческих».

Тишину разорвал пронзительный крик. Я вскочил на ноги, дико озираясь. Надо мной равнодушно мерцали звезды, а на холодной поверхности океана искрились их переливающиеся призраки. Город лежал темный и неподвижный, за исключением поминальных огней в доме Эдама Фолкона... И в воздухе все еще пульсировало эхо крика.

Я был среди первых прибежавших к двери обители смерти. И там я остановился в ужасе, вместе с остальными. На полу лежала мертвая Маргарет Деверол. Ее стройное тело выглядело разбитым, словно крепкий корабль на рифах, а над ней согнулся, укачивая ее в своих объятиях, Джон Гауэр, выпученные глаза которого безумно сверкали. Поминальные свечи все еще мерцали, но на постели Эдама Фолкона не было никакого трупа.

— Боже милостивый! — ахнул Том Лири. — Джон Гауэр, чертов сын, что это за дьявольщина?

Гауэр посмотрел на него.

— Я же говорил вам!.. — завопил он. — Она знала... И я знал... Это был не Эдам Фолкон. Холодное чудовище выбралось из волн! Какой-то демон вселился в труп Эдама! Послушайте... Я отправился спать и попытался уснуть, но каждый раз мысли мои возвращались к этой нежной девушке, сидящей рядом с холодной, нечеловеческой тварью, которую вы сочли ее возлюбленным. Наконец я встал и подошел к окну. Маргарет сидела, задремав, а остальные, дурни этакие, спали в укромных уголках по всему дому. И пока я смотрел, прямо у меня на глазах...

Он затрясся всем телом.

— Я видел, как Эдам открыл глаза, как труп быстро и бесшумно встал с постели. Я стоял у окна, у себя дома, замерев, беспомощный, а эта отвратительная тварь подкралась к ничего не подозревающей девушке. Глаза чудовища горели адским огнем. Оно вытянуло руки. Тут Маргарет проснулась и закричала, и тогда... О Матерь Божья!... Мертвец сгреб ее в свои ужасные объятия, и она умерла.

Голос Гауэра стих, перейдя в невнятное бормотание; он нежно укачивал мертвую девушку, словно мать дитя.

Том Лири потрянул его за плечо:

— Где труп?

— Убежал,— спокойно ответил Джон Гауэр.

Ошеломленные жители Фаринга переглянулись.

— Врет,— глухо пробормотали они себе в бо-
роды.— Он сам убил Маргарет и где-то спрятал
труп, для того чтобы мы поверили в эту ужасную
сказку.

По толпе прокатилось угрюмое рычание. Все,
как один, повернулись и посмотрели туда, где на
выходящем на залив Холме Палача мерцала на фоне
звезд виселица Кануля Лживой Губы.

Жители Фаринга высвободили мертвую девушку
из объятий Гауэра, хоть тот цеплялся за нее, и
осторожно уложили ее на постель меж свечей,
предназначавшихся Эдаму Фолкону. Она лежала там,
неподвижная и белая. Мужчины и женщины шепта-
лись, что она выглядела скорее утонувшей, чем
удавленной.

Мы повели Джона Гауэра по улицам деревни; он
не сопротивлялся, шел как во сне, бормоча про
себя. Но на площади Том Лири остановился.

— Странную повесть рассказал нам Гауэр, хоть
и несомненно лживую,— заметил он.— Однако я не
такой человек, чтобы кого-то вешать, когда не уве-
рен в его вине. А потому давайте запрем его на
всякий случай на складе и поищем труп Эдама. По-
весить Гауэра мы и после успеем.

Так мы и сделали. Когда мы собирались уйти, я
оглянулся на Джона Гауэра. Он сидел, уронив голо-
ву на грудь, словно человек, до смерти уставший.

Потом мы искали труп Эдама Фолкона на тем-
ных пустырях, на чердаках домов и среди выбро-
шенных на берег сгнивших остовов лодок. Наши
поиски увели нас до самых холмов за городом. Там

мы разбились на группы и пары и рассыпались по
бесплодным возвышенностям.

Мне достался в товарищи Майкл Хансен, но мы
настолько отдалились друг от друга, что темнота
скрыла его от меня. Вдруг он закричал. Я бросился
к нему, и тут крик его перешел в вопль и замер.
Наступила жуткая тишина. Майкл Хансен лежал на
земле мертвый. Во мраке мне едва удалось разгля-
деть ужасную фигуру. Я замер. Все мое тело по-
крылось мурашками.

Подбежали Том Лири и остальные. Они сгуди-
лись вокруг, клянясь, что и это дело рук Джона
Гауэра.

— Он сбежал со склада,— сказали они.

И тогда мы со всех ног помчались в деревню.

Да. Оказалось, Джон Гауэр сбежал и от ненави-
сти своих односельчан, и от всех жизненных не-
згод. Он сидел там же, где мы его оставили, уро-
нив голову на грудь. Но кто-то приходил к нему. И
хоть все кости Гауэра были переломаны, выглядел
он как утопленник.

Тогда ужас спустился на Фаринг, словно густой
туман. Мы скучились вокруг склада, потеряв дар
речи, пока вопли из дома на окраине не сказали
нам, что убийца снова нанес удар. Ворвавшись в тот
дом, где кричали, мы нашли еще трупы. Обезумев-
шая женщина, прежде чем умереть, со стенами
рассказала нам, что труп Эдама Фолкона вломился
в ее дом через окно. Глаза мертвеца ужасно горе-
ли. Он набросился на людей, терзая их и убивая.
Помещение было залепано зеленой слизью, а к под-
оконнику пристали обрывки водорослей.

Тут жителей Фаринга охватил страх, неразум-
ный и постыдный. Они разбежались по домам, за-
перли на все замки и засовы окна и двери, спрята-

лись за ними, сжимая в дрожащих руках оружие. Черный ужас сжал их души. Каким же оружием можно было убить мертвеца?

Всю эту ночь — ночь смерти — ужас гулял по Фарингу и охотился на сынов человеческих. Люди дрожали и не смели даже высунуться, когда треск ломающейся двери или окна сообщал о том, что тварь проникла в чей-то дом, а вопли и невнятные крики — о жутких деяниях чудовища.

И все же нашелся один человек, который не спрятался за дверьми, чтобы быть убитым, словно баран на бойне... Я никогда не был храбрецом, да и не смелость подтолкнула меня выйти на улицу в эту жуткую ночь. Нет, меня гнала одна мысль... мысль, родившаяся у меня, когда я смотрел на мертвое лицо Майкла Хансена. Тварь была таинственной и иллюзорной, призрачной и почти нереальной, но не совсем. Одна мысль засела у меня в голове, и я не мог успокоиться, пока не доказал бы или не опроверг того, чего не мог даже сформулировать в виде конкретной теории.

В лихорадочном возбуждении пробирался я по деревне, прячась в тени и двигаясь предельно осторожно. Может, это море, странное и переменчивое даже в отношении к своим избранным, шепнуло что-то моему внутреннему слуху, предав своего сына. Не знаю.

Но всю ночь рыскал я вдоль берега, и, когда в первых серых лучах зари на берег вышла дьявольская фигура, я поджидал ее.

По всем внешним признакам в сером мраке предомной стоял оживший труп Эдама Фолкона. Глаза мертвеца были открыты и блестели холодным светом, словно глубины морского ада. Но я знал: предомной не Эдам Фолкон.

— Морской дьявол, — сказал я нетвердым голосом. — Не знаю, как ты приобрел внешность Эдама Фолкона. Не знаю, напоролась ли его лодка на скалы, или он упал за борт, или ты вылез на борт и уволок его с палубы. Не знаю я, какой мерзкой океанской магией ты исказил свои дьявольские черты, чтобы стать похожим на него... Но твердо знаю только одно: Эдам Фолкон мирно спит под синими водами. Ты не он. Я подозревал это... а теперь точно знаю. Такие, как ты, явились на Землю давным-давно... так давно, что все люди позабыли рассказы об этом. Все, кроме таких, как я, которых соседи называют дурачками. Я знаю, кто ты, не боюсь тебя. Я убью тебя на этом берегу. Хоть ты и не человек, который не боится... даже если это всего лишь юнец, считающийся странным и глупым. Ты оставил на суше свой дьявольский след. Одному Богу известно, сколько душ ты загубил. Древние говорят, что такие, как ты, могут причинить вред, только приняв вид человека и только на суше. Да, ты обманул сынов человеческих. Они принесли тебя в свой мир... Люди не знали, что ты — чудовище из бездны. Теперь ты совершил, что желал. Скоро взойдет солнце. И задолго до этого ты должен скрыться глубоко под зелеными водами, нежась в тех проклятых гротах, которых никогда не видели глаза человеческие. Может, только после смерти... Там для тебя безопасная обитель. Но я встану у тебя на дороге.

Чудовище шагнуло ко мне, словно вздымающаяся волна. Его руки змеями обвили меня. Я знал, что они пытаются меня раздавить. У меня возникло ощущение, словно я тону. Только тогда я понял, что беспокоило меня все это время, — Майк Хансен выглядел как утопленник.

Теперь же я смотрел в нечеловеческие глаза твари, и мне казалось, словно я смотрю в бездонные океанские глубины — глубины, куда меня скоро утянет. Я почувствовал чешую...

Чудовище схватило меня за горло, потом за плечо и за руку, выгибая мне спину назад, чтобы сломать позвоночник. И тогда я вонзил в его тело нож... А потом вонзил снова... Снова и снова. Он зарычал. Это был единственный звук, который вырвался из его горла, и походил он на рев волн на рифах. Тело и руки мне сжало так, словно я находился на глубине в сто фатомов, а потом, когда я опять ударил чудовище, оно поддалось и рухнуло на песок.

Оно лежало, извиваясь, а затем перестало двигаться и начало меняться. Ундинами называли древние таких созданий, зная, что эти обитатели океанов наделены странными способностями, одна из которых — принимать облик человека, если руки людей вытащат их из океана. Я нагнулся и сорвал с твари человеческую одежду. Первые лучи солнца упали на слизистую, разлагающуюся массу водорослей, из которых уставились на меня два страшных, мертвых глаза. Бесформенный остов остался лежать у воды, и первая же большая волна унесет его туда, откуда он явился, — в холодный нефрит океанских глубин.

МЕРТВЫЕ ПОМНЯТ

ГОЛОС ЭЛЬ-ЛИЛА

М

ускат, как и многие другие порты, — райское место для путешественников любых наций, любых обычаев и особенностей. Турки здесь водят компанию с греками, арабы мирно переругиваются с индусами. На кричащем и душном от различных запахов базаре звучат языки и наречия половины Востока. Поэтому мелодичные звуки китайского колокольчика, чисто прозвевшие среди ленивого шума портовой улицы, никого не могли

удивить среди посетителей бара, принадлежащего добродушному европейцу.

Однако они не только удивили, но и, по-видимому, напугали стоящего рядом со мной у стойки бара англичанина, потому что, услышав тихий нежный звон, он вздрогнул и выругался, пролив при этом на мой рукав свой виски с содовой.

Англичанин извинился и обругал себя за неуклюжесть, используя крепкие словечки, но по всему было видно, что ему не по себе. Он меня заинтересовал. Такая порода людей всегда привлекает внимание окружающих — здоровый, больше шести футов ростом, широкоплечий и стройный, с мощной мускулатурой, с внешностью истинного воина, смутный и голубоглазый.

Этот тип такой же древний, как Европа, и сам по себе англичанин вызывал у меня ассоциации с героями легенд — Хенджистом, Хиводом и Сэдриком, воинами и бродягами, происходящими из варварских племен.

Заметив, что он не прочь поговорить, я представился, заказал ему выпить и приготовился слушать. Англичанин поблагодарил за инжир, что-то пробормотал себе под нос, выпил залпом содержимое стакана и начал свой рассказ:

«Вам интересно, почему взрослый мужчина ни с того ни с сего вдруг расстроился от такого пустяка? Я действительно вздрогнул от этого чертова колокольчика.

Китаец Иотай Лао носит в город свои мерзкие китайские палочки и статуэтки Будды. Я бы за полпенни подкупил нескольких мусульманских фанатиков, чтобы они перерезали его желтое горло и утопили в заливе проклятый колокольчик. Я расскажу, почему мне так ненавистен этот звон.

Меня зовут Билл Кирби. В Джибути в Аденском заливе я познакомился с Джоном Конрадом. Это был молодой англичанин из Новой Англии, худой, с умными глазами, и, несмотря на молодость, уже профессор. Одержимый, как вся ученая братия. Он изучал насекомых. Именно эта страсть привела его на восточное побережье, а может быть, и надежда найти какого-то неведомого ему доселе жука. Иногда было даже жутковато смотреть на то, с каким энтузиазмом он рассказывает о своих любимых букашках. У него, конечно, многому можно было поучиться, но насекомые — не моя стихия, а он говорил, мечтал и думал поначалу только о них.

Мы решили с ним объединиться. У него были деньги и честолюбивые замыслы, а у меня — немного опыта и выносливые ноги. Мы собрали маленькую, скромную, но квалифицированную исследовательскую экспедицию и отправились вглубь Сомали. Принято считать, что эта страна досконально изучена, но я могу доказать, что это ложное утверждение. Мы встретили там такое, что ни одному белому человеку и не снилось.

Мы ехали в фургоне почти целый месяц и оказались в той части страны, которую я полагал наименее изученной обычными исследователями. Здесь степь и терновые леса сменились настоящими джунглями, и мы встретили племя, совершенно не похожее на жителей Сомали. Они были толстогубые, низколобые, с клыкообразными зубами. Мы двинулись дальше, но носильщики и аскари начали перешептываться между собой. Оказывается, они поговорили с местным племенем и услышали от них истории, из-за которых боялись теперь продолжать путь. Нам с Конрадом они наотрез отказались что-

либо объяснять. У нас был слуга, мулат по имени Селим, и я приказал ему разузнать, в чем дело. Мы устроили лагерь на поляне и обнесли его оградой из колючек, чтобы ночью львы не могли пробраться в лагерь. Когда стемнело, Селим пришел в нашу палатку.

— Хозяин, — сказал он на ломаном английском, которым очень гордился, — там один черный из племени пугать носильщиков и аскари, он рассказывать плохие вещи. Он говорить про страшный проклятие на страну, куда мы идем, и...

Он остановился, посмотрел по сторонам, и я неожиданно вздрогнул: из сумрака джунглей с юга донесся какой-то странный звук. Он был едва уловим, но что-то в нем слышалось такое, что заставляло леденеть кровь в жилах. Он переливался какими-то вибрирующими оттенками, устрасал и манил одновременно. Я вышел из палатки и увидел стоящего возле костра Конрада, напряженно вытянувшегося в струнку, как охотничья собака.

— Ты слышал? — спросил он. — Что это было?

— Местный барабан, — ответил я, но мы оба знали, что это неправда. Шум и болтовня сидящих вокруг костров членов экспедиции прекратились, словно все они внезапно умерли.

Больше этой ночью мы ничего не слышали, но наутро обнаружили, что остались одни. Черные ребята снялись с лагеря и захватили с собой все, что могли унести. Я, Конрад и Селим провели что-то вроде военного совета. Мулат был жутко напуган, но гордость за свою наполовину белую кровь не позволяла ему сказать о своем страхе.

— Что будем делать? — спросил я Конрада.

— У нас есть пистолеты и еще достаточно запасов, чтобы добраться до побережья.

— Послушай! — Конрад поднял руку:

Из глубины леса донесся назойливый, вибрирующий звук, вызывающий трепет.

— Мы пойдем вперед. Я не успокоюсь, пока не узнаю, что это за звуки. Я никогда нигде на свете не слышал ничего похожего на это.

— Джунгли сожрут нас, — сказал я.

Он замотал головой.

— Послушай!

Это напоминало какой-то звон. Он проникал в кровь, манил, как дудка факира манит кобру. Я знал, что это безумие, но не стал спорить. Мы собрали наше снаряжение и отправились в глубину джунглей. Каждую ночь мы устраивали вокруг себя колючую ограду, за которой выли и рычали хищники. И чем глубже мы продвигались сквозь толщу джунглей, тем яснее слышался голос — низкий, мелодичный, переливающийся. Он заставлял мечтать о странных вещах, в нем было что-то отдающее глубиной веков, глубокой древностью. В нем сконцентрировались вся тоска и тайна жизни, вся магическая душа Востока. Я просыпался посреди ночи, и слушал вторящее голосу эхо, и засыпал, и видел во сне возвышающиеся к небу минареты, длинные ряды склонившихся в поклоне смуглых людей и пышные троны под балдахинами из павлиньих перьев, и грохочущие золотые колесницы.

Наконец-то что-то, помимо насекомых, заинтересовало Конрада. Он говорил мало и искал жуков с рассеянным видом. Весь день он, казалось, прислушивался, и, когда из джунглей докатывались низкие переливающиеся ноты, он вытягивался, как охотничья собака, почуявшая след, и в глазах его загорался странный для цивилизованного профессора блеск. Клянусь Юпитером, любопытно наблюдать, как что-

то древнее, первобытное просачивается внутрь души сквозь внешний лоск хладнокровной профессорской натуры и пробуждает к жизни забытые человечеством инстинкты. Это было странным и новым для Конрада. И он не мог это объяснить с точки зрения своей благоприобретенной бескровной философии.

Итак, мы шли дальше и дальше по безумному пути, ибо проклятие белого человека — спускаться в ад, чтобы удовлетворить свое любопытство.

Как-то утром, когда едва рассвело, лагерь был атакован. Не было даже никакой битвы. Мы были просто задавлены нахлынувшей массой людей. Первое, что я понял, проснувшись, — это то, что к моему горлу приставлено несколько копий и что мы во власти каких-то фантастических субъектов. Меня раздирала на части мысль, что мы сдались без единого выстрела, но теперь ничего нельзя было уже исправить, и оставалось лишь проклинать себя за недостаточную осторожность. Чего хорошего могли мы ожидать от этого дьявольского звона с юга?

Их было по меньшей мере сотня, и я похолодел, когда рассмотрел их. Они не походили ни на негров, ни на арабов. Худые, невысокие, со светло-желтоватой кожей, темными глазами и широкими носами. Все безбородые, с гладко выбритыми головами. Надето на них было что-то наподобие туник с широким кожаным поясом и сандалии, а на головах — странного вида железные шлемы, заостренные на макушке, открытые спереди и спускающиеся почти до плеч сзади и по бокам. Они несли в руках большие, почти квадратные, окованные железом щиты, острые копья и необычно сделанные луки и стрелы, а также короткие прямые мечи,

которых я ни до того, ни после больше нигде не встречал.

Они связали руки за спиной мне и Конраду, а Селима изрубили на куски, перерезав ему сначала горло, как свинье. При виде этого Конрад почти потерял сознание, меня тоже охватил ужас. Затем они отправились в ту сторону, куда мы шли до этого, окружив и подталкивая нас сзади копьями. Они несли наше снаряжение, и по тому, как они держали пистолеты, я понял, что им неизвестно, что это такое. Едва ли они обменялись двумя словами между собой, и когда я попытался говорить на различных диалектах с ними, то в ответ получал лишь укол копья. Их молчание леденило душу. Мне стало казаться, что нас захватила шайка привидений.

Я не мог понять, что это за люди. На них был отпечаток Востока, но не того Востока, который я знал. В Африке, конечно, есть чисто восточные черты, но они походили на африканцев не больше, чем китайцы. Это трудно объяснить. Вот что я скажу: Токио — восточный город, Бенарес — тоже, но Бенарес символизирует другой, более древний Восток, а Пекин — и того древнее. Захватившие нас люди были восточным народом, неизвестным мне до сих пор. Они были частью Востока, но более древнего, чем Персия, Ассирия и даже Вавилон! Я ощутил это каким-то шестым чувством и содрогнулся от бездны времен, которые нас разделяли. Это меня пугало и одновременно приводило в восторг. Под готическими арками многовековых джунглей, сквозь которые шел безмолвный восточный народ, забытый Бог знает сколько эонов назад, в голову приходили фантастические мысли. Я почти сомневался, реальность ли эти люди и не призраки ли воинов, погибших четыре тысячи лет назад?

Деревья стали редеть, и мы пошли по склону, ведущему вверх. Мы оказались на скале, и перед нами открылось необыкновенное зрелище. Впереди расстилалась широкая долина, целиком окруженная высокими крутыми скалами, через которые несколько рек прорезали узкие каньоны, питая большое озеро в центре долины. Посреди озера виднелся остров, а на острове стоял храм, из-за которого выглядел целый город! Не какая-то деревенька с грязными бамбуковыми хижинами, а город из желтовато-коричневого камня.

Вокруг города были возведены крепостные стены, и состоял он из квадратных трех- и четырехэтажных домов с плоскими крышами. Все берега озера были возделаны, оросительные каналы окружали зеленые цветущие поля. Их искусственная ирригационная система поразила меня. Но самым удивительным был храм на острове. Я смотрел на него, открыв рот и замерев от восхищения. Это была Вавилонская башня, воздвигнутая наяву! Не такая большая, как я ее себе представлял, но где-то в десять ярусов высотой, мрачная и величавая, как ее изображали на картинках, и с тем исходящими от нее необъяснимым излучением зла, которое, казалось, насквозь пронизывало ее.

И вот из каменной кладки башни раздался низкий гулкий звон, теперь близкий и ясный, он наполнил воздух и, казалось, сами скалы завибрировали от него. Я бросил украдкой взгляд на Конрада — он был в шоке.

Он принадлежал к тому классу ученых, что классифицируют и раскладывают по полочкам всю вселенную и все, что есть в ней. Клянусь Иовом, такие люди приходят в тупик перед парадоксально-необъяснимо-невероятным чаще, чем мы, простые смерт-

ные, у кого нет заранее сложившихся представлений обо всем окружающем.

Солдаты повели нас вниз по ступеням, вырубленным в скале, и мы пошли по орошенным полям, где бритоголовые мужчины и черноглазые женщины останавливали работу, чтобы поглазеть на нас. Мы приблизились к большим обитым железом воротам, и низкорослые часовые, экипированные так же, как и наши захватчики, спросили пароль и, получив ответ, открыли ворота. Город был очень похож на все восточные города — спящие туда-сюда мужчины, женщины, дети, спорящие, покупающие и продающие. Но на всем словно лежал невидимый отпечаток времени, глубокой древности.

Я не мог классифицировать их архитектуру так же, как и их язык. Единственное, что мне пришло в голову при взгляде на эти приземистые квадратные строения, — это хижины живущей до сих пор в долине Евфрата в Месопотамии смешанной расы, принадлежащей к безусловно низкой касте. Их хижины представляют собой ухудшенный вариант архитектуры этого странного африканского города.

Наши захватчики привели нас в самое большое в городе здание, и пока мы шли по улицам, я обнаружил, что стены и дома сделаны вовсе не из камня, а из особого кирпича. Перед огромным колонным залом выстроились несколько рядов солдат, в глубине зала широкие ступени вели к стоящему на возвышении трону. По бокам и позади трона стояли вооруженные солдаты, рядом с тронном — пи-сец, а на ступенях возлежали девушки, облаченные в страусовые перья. На троне восседал единственный длинноволосый в этом фантастическом городе человек с угрюмым взглядом. Он походил на дьяво-

ла — чернобородый, в чем-то наподобие короны на голове, с надменным видом. Такого жестокого выражения лица я не видел еще ни у одного смертного. Арабский шейх и турецкий шах — ягнята по сравнению с ним. Он напомнил мне картину одного художника, изобразившего фараона, — король, который больше, чем король, и в собственном сознании, и в глазах своего народа, владыка, который одновременно король, верховный жрец и бог.

Наш эскорт мгновенно распростерся ниц перед владыкой, стуча головами об пол. Тот что-то медлительно проговорил писцу, и писец сделал им знак рукой подняться. Они встали и начали свою длинную галиматью, а писец застрочил, как сумасшедший, на глиняной табличке. Мы с Конрадом стояли, будто пара ослов, не понимая ни слова. Затем я услышал постоянно повторяющееся слово, при котором они каждый раз указывали на нас. Оно звучало так — «аккадиан», и внезапно в моем мозгу возникло предположение о том, что оно могло означать. Это было невероятно, но факт!

Боясь навлечь беду на свою голову, помешав их разговору, я ничего не сказал Конраду. Наконец король сделал жест рукой и что-то произнес. Солдаты поклонились снова и, грубо толкая нас, избавили короля от нашего присутствия в зале. Через огромный зал нас провели в маленькую камеру, впихнули туда и захлопнули дверь. Внутри были только скамья и одно зарешеченное окно.

— Боже мой, Билл, — воскликнул Конрад, — кто мог вообразить что-нибудь подобное? Это как ночной кошмар или сказка из «Тысячи и одной ночи»! Где мы? Кто эти люди?

— Ты не поверишь, — сказал я, — но... ты слышал о древней империи Сумерия?

— Конечно. Она процветала в Месопотамии около четырех тысячелетий назад. Но что... Клянусь Иовом! — Он замолк, глядя на меня выпученными глазами, пораженный догадкой.

— Предоставлю тебе решать, что делают в Восточной Африке потомки жителей из малоазиатского царства, но тем не менее так оно и есть.

Сумерианцы строили города из высушенного на солнце кирпича. Я видел, как здешние мужчины делают кирпичи, раскладывая их для просушки на берегу озера. Местная грязь удивительно похожа на ту, что ты видел в долине Тигра и Евфрата. Возможно, именно поэтому эти ребята осели здесь.

Сумерианцы писали на глиняных табличках при помощи острого писала так же, как тот парень у трона.

Теперь посмотри на их руки, одежду и физиономии. Я видел их рисунки, вырезанные на камне и глиняной посуде. А их широкие носы — то ли часть лица, то ли часть шлема. И посмотри на этот храм посреди озера! Маленький двойник храма, воздвигнутого богу Эль-Лилу и Ниппуре, который, по всей вероятности, и дал начало мифу о Вавилонской башне.

Но самое потрясающее то, что они называют нас аккадианцами. Сумерия была завоевана и поработена Саргоном из Аккадии в 2750 году до новой эры. Если это потомки какой-то небольшой части народа, сбежавшей от завоевателя, то вполне естественно, что, вдали от прибрежной полосы и отделенные от остального мира, они стали называть всех чужеземцев аккадианцами.

Так изолированные восточные народы называют всех европейцев франками в память о воинах Мартея, затопивших их у Тура.

— Почему ты думаешь, что никто не обнаружил их до сих пор?

— Если какой-то белый и побывал здесь до нас, то они хорошо позаботились, чтобы он не вынес отсюда их историю. Я сомневаюсь, что сами они часто куда-либо выходили. Возможно, думают, что мир кишит кровожадными аккадианцами.

В ту минуту дверь камеры отворилась, и вошла юная стройная девушка, одетая лишь в шелковый пояс и золотые нагрудные пластины. Она принесла еду и вино. Я заметил, как томно она взглянула на Конрада. К моему удивлению, она заговорила с нами на чистейшем сомали.

— Где мы? — спросил я. — Что они собираются с нами делать? Кто ты?

— Я Налуна, танцовщица Эль-Лила, — ответила она — девушка и впрямь была гибкой, как молодая пантера. — Мне вас жалко, никто из аккадианцев не уходил отсюда живым.

— Какие милые вы ребята, — прошепел я, все-таки обрадованный тем, что есть человек, с которым можно говорить и который понимает, что ты говоришь. — А как называется город?

— Эриду, — сказала Налуна. — Наши предки пришли сюда много веков назад из древнего Сумера, это много лун на восток. Их гнал великий и могущественный Саргон, король аккадианцев — народа из пустыни. Но наши предки не захотели быть рабами, как другие сумеры, и бежали одной большой толпой — несколько тысяч. Они пересекли много необычных, дикий стран, прежде чем пришли в эту землю.

Остальные знания Налуны о ее народе были очень туманными и смешаны с мифами и невероятными легендами. Мы с Конрадом потом обсуждали, откуда

могли прийти древние шумерианцы — с западного побережья Аравии, переплыв Красное море приблизительно в том месте, где сейчас находится Моха, или же они пересекли Суэцкий перешеек и там перешли на африканскую сторону. Я склонялся к последнему предположению. Вероятно, когда они вышли из Малой Азии, их встретили египтяне и прогнали на юг. Конрад считал, что древние шумерианцы могли проделать большую часть путешествия по воде, потому что, как он сказал, Персидский залив простирался на северо-запад где-то на 130 миль дальше, чем сейчас, и древний Эриду был морским портом. Но в ту минуту меня интересовало другое.

— Где ты научилась говорить на сомали? — спросил я Налуну.

— Когда я была маленькая, — ответила девушка, — я вышла из долины и забрела в джунгли, где меня схватили черные люди. Они продали меня в племя, живущее на берегу, и там я провела детство. Но когда я выросла, я вспомнила Эриду и однажды украли верблюда и проехала много лиг по степи и джунглям. Так я вернулась в родной город. Во всем Эриду я одна могу говорить на другом языке, исключая черных рабов, — они вообще не говорят, потому что мы отрезаем им языки, когда берем в плен. Люди Эриду не выходят за джунгли и не торгуют с черными народами, которые иногда приходят к нам. Люди Эриду только берут черных рабов.

Я спросил, почему они убили нашего слугу, и она объяснила, что в Эриду черным и белым запрещено совершать брак и дети от таких союзов уничтожаются. Значит, им не понравился цвет кожи несчастного Селина.

Налуна мало что могла рассказать об истории города со дня его основания. Она знала о городе

только то, что сохранилось в ее собственной памяти: набеги племени каннибалов, живущих в джунглях к югу от Эриду, мелкие интриги двора и в храме, неурожай и тому подобное. Жизнь восточной женщины не выходит за рамки вышеназванного, будь то во дворце в Акбаре, в Сирезсе или Ассхурбаниспане. Но я узнал, что правителя зовут Состорас, что он и верховный священник, и король — все как у правителей в древнем Сумере четыре тысячи лет назад. Эль-Лил — их бог, он пребывает в храме на озере, а звон — это его голос.

Наконец девушка встала, чтобы уйти, бросив на Конрада задумчивый взгляд. Тот сидел словно в трансе, впервые совершенно позабыв о жуках.

— Ну что, о чем мечтаешь, молодой повеса? — спросил я его.

— Это невероятно. — Он замотал головой. — Это абсурд — разумное племя, живущее здесь четыре тысячи лет и ни на шаг не двинувшееся с места, выбранного предками!

— Тебя укусила муха прогресса, — сказал я ему с усмешкой, набивая свою трубку горстью сорняков. — Ты судишь о других народах по своей собственной стране. Нельзя обобщать то, что происходит на Востоке с точки зрения Запада. Как насчет пресловутого долгого сна Китая? Что касается этих ребят, то не забывай, что они не племя, а крайняя точка цивилизации, длившейся дольше, чем какая бы то ни было еще. Они прошли вершину своего развития тысячи лет назад. Не имея связи с внешним миром и новой крови, способной их взбудить, эти люди медленно спускаются вниз по лестнице прогресса. Держу пари, их культура и искусство намного ниже, чем у их предков.

— Тогда почему же они не дошли до полного варварства?

— Может быть, и дошли кое в чем, — ответил я, затягиваясь из своей трубки. — Меня не поразило их отношение к черно-белым бракам, а ведь они — древняя цивилизация. Видишь ли, они медленно шли к вершине и теперь так же медленно будут спускаться вниз. Сумерианская культура была на редкость жизнеспособной. Ее влияние на Малую Азию ощущается до сих пор. Сумерия была высокоразвитым государством, когда наши с тобой предки еще сражались с пещерными медведями и саблезубыми тиграми. Европейцы тогда не прошли и первых шагов по дороге прогресса. А древний Эриду был крупным морским портом еще в 6500 году до новой эры. От тех времен до 2750 г. до н.э. — это приличный срок для империи. Какая еще империя простоляла так долго, как Сумерианская? Аккадианская династия, начатая Саргоном, продержалась 200 лет до того, как была завоевана другим семитским народом — вавилонянами, которые позаимствовали культуру у аккадианских сумеров так же, как позднее Рим позаимствовал у греков. Династия Эламских Касситов вытеснила вавилонян, а их в свою очередь сменили ассирийцы и халдеи — ты же знаешь, как быстро в Малой Азии одна династия занимала место другой, один семитский народ завоевывал другой, пока на восточном горизонте не возникли настоящие завоеватели — медийцы и персы, которые тоже просуществовали едва ли дольше, чем их жертвы.

Сравни эти мимолетные королевства с долгим сонным царствованием древних досемитских сумерианцев! Мы думаем, что минойская цивилизация Крита была очень давно, но Сумерианская империя Эреха начала свое падение до могущества Сумери-

анского Ниппура и до того, как предки кретанов вышли из периода неолита. У сумерианцев было что-то такое, чего не было у идущих за ними хамитов, семитов и арийцев. У них была стабильность. Они медленно росли, и если им никто не мешал, то медленно бы старели, так же, как эти ребята. Однако, я заметил, они все-таки сделали один шаг вперед — ты разглядел их оружие? Древние сумеры были в бронзовом веке. Ассирийцы первыми стали использовать железо не только для украшений. Я хочу сказать тебе, что эти ребята научились обрабатывать железную руду.

— Но тайна сумеров так и не разгадана, — перебил меня Конрад. — Кто они? Откуда пришли? Некоторые из ученых авторитетов утверждают, что они произошли от дравидов и родственники басков...

— Сомневаюсь, — сказал я. — Даже если допустить, что в потомках дравидов смешалась урало-алтайская и арийская кровь, то эти люди все равно явно отличаются от этой расы.

— Но их язык... — Конрад со мной заспорил, что было сносным времяпрепровождением для ребят, ожидающих, что их сварят в чане, но бесполезным занятием для тех, кто хочет кому-то, кроме себя, доказать правильность своих идей.

На закате Налуна опять пришла с пищей. В этот раз она села рядом с Конрадом и смотрела, как он ест. Она сидела на корточках, положив локти на колени и подперев подбородок руками, и пожирала его большими блестящими черными глазами. Я сказал профессору по-английски, чтобы она не поняла:

— Ты сразил ее наповал, подыграй ей. Она — наш единственный шанс.

Конрад вспыхнул, как школьница:

— У меня невеста в Штатах.

— Забудь про свою невесту, — сказал я.

— Разве она может помочь нам сохранить головы на плечах?

— Говорю тебе, девчонка от тебя без ума. Спроси, что они собираются с нами делать.

Он спросил, и Налуна ответила:

— Ваша судьба в руках Эль-Лила.

— И в мозгах Состораса, — пробормотал я. — Налуна, что вы сделали с пистолетами, которые отобрали у нас?

Она сказала, что они висят в храме Эль-Лила как победный трофей. Никто из сумерианцев не представлял, для чего они предназначены. На вопрос, не использовал ли кто-нибудь из тех, с кем они сражались, пистолеты, Налуна ответила отрицательно. В это нетрудно было поверить, потому что вдаль от берега полно племен, которые в глаза не видели ни одного белого человека. Но то, что какие-нибудь арабы, пересекающие Сомали то там, то здесь, в течение тысячи лет ни разу не наткнулись на Эриду и не обстреляли его, было невероятно. Выходит, что так оно и было. Это можно отнести к таким причудам и загадочным поворотам истории, как волки и дикие кошки в штате Нью-Йорк или как странные доарийские народы, живущие маленькими общинами на холмах Коннаута и в графстве Голуэй. Я уверен, что большие арабские набеги за рабами прошли в нескольких милях от Эриду, и поэтому арабы не знают о его существовании, а сумерианцы не знают о существовании огнестрельного оружия.

Итак, я сказал Конраду:

— Подыграй ей, чурбан! Если ты убедишь ее стянуть для нас пистолет, то у нас появятся шансы выжить.

Конрад собрался с силами и заговорил с девушкой. Не знаю, как уж это у него вышло, потому что Дон Жуаном его не назовешь, только Налуна почти упала в его объятия и слушала его заплетающийся сомали с блестящими от счастья глазами. На Востоке любовь рождается и расцветает внезапно.

Однако не допускающий возражений голос снаружи заставил Налуну вскочить, словно ее ошпарили, и выбежать из камеры. Правда, она успела пожать Конраду руку и прошептать ему на ухо что-то непонятное, но в высшей степени страстное.

После ее ухода дверь камеры отворилась, впус-тив нескольких молчаливых чернокожих воинов. Кто-то вроде их начальника, которого остальные называли Горатом, сделал нам жест рукой, приказав выходить.

Мы пошли по длинному сумрачному коридору в полной тишине, нарушаемой лишь поскрипыванием сандалий воинов и стуком наших ботинок по каменным плитам. В нишах колонн кое-где попадались зажженные факелы, освещавшие наше мрачное шествие. Наконец мы вышли на пустынные улицы города. Ни на стенах города, ни на улицах не было ни одного часового, ни одного огонька, словно все вымерло. Я не знаю, каждую ли ночь так было в Эриду или только на этот раз.

Мы шли в сторону озера через маленькие ворота в стене, над которыми я с содроганием заметил вырезанное изображение скалящегося черепа. Нас вывели из города. К воде спускались широкие ступени. Нас подтолкнули копьями к лодкам со странными высокими носами, прототипы которых, должно быть, курсировали по Персидскому заливу во времена древнего Эриду.

В лодке четыре негра сушили весла. Когда мы и наша охрана вошли в лодку, я заметил, что языки у гребцов вырезаны. Мы двигались по безмолвному озеру словно во сне. Только длинные, тонкие, отделанные золотом весла тихо шелестели по воде. В синеве озера серебряными точками дрожали звезды. Я оглянулся и увидел темную громаду храма на фоне звезд. Черные немые подняли блестящие весла, и воины пересели позади и впереди нас с копьями и щитами. Все напоминало сказочный город времен Гарун-аль-Рашида или Сулеймана-бен-Дауда, и я подумал, как по-дурачки посреди всего этого выглядели мы с Конрадом в своих ботинках и грязных разорванных рубашках цвета хаки.

Лодка причалила к острову, и я увидел, что он весь опоясан каменной кладкой, поднимающейся широкими ступенями от самой воды в несколько рядов. Кирпичи на острове казались более древними, чем в городе, — возможно, сумерианцы застроили остров раньше, чем долину.

По истертым бесчисленными ногами ступеням мы подошли к огромным железным дверям храма. Горат отложил копье и щит, бросился на живот и ударился железным шлемом о порог. Должно быть, кто-то наблюдал за ним из бойницы, потому что с вершины башни прозвучала одна низкая переливающаяся нота, и двери тихо отворились, приглашая в сумрачный освещенный факелами коридор. Горат встал и пошел впереди, мы — вслед за ним, подталкиваемые копьями.

Мы стали подниматься по спиралеобразно расположенным ярусам башни. Изнутри башня казалась намного выше и больше, чем снаружи, и ее мрак, безмолвие и таинственность вызвали у меня дрожь. Лицо Конрада белело в темноте. Вокруг нас

толпились тени прошедшего, хаотичные и устрашающие; мне казалось, будто призраки всех жрецов и их жертв, ходивших по этим галереям четыре тысячи лет назад, окружили нас в эту минуту. Тьма и забытые боги правили здесь бал.

Мы дошли до самого верхнего яруса. Там были три ряда колонн, расположенные по окружности: широкий, в нем другой, поуже, и в центре несколько колонн, тоже образующих круг. Колонны, если учесть, что они были сделаны из высушенного на солнце кирпича, были слишком гладкие и правильные. Но в них не было изящества и красоты греческой архитектуры. Мрачные, массивные и тяжелые, они напоминали архитектуру египтян, но не грандиозностью, а своей несокрушимостью. Они символизировали то время, когда люди на заре своего рождения страшились гнева могущественных и немолчаливых богов.

Над внутренним кругом колонн возвышалась полукруглая крыша — почти купол. Как они могли его построить и предвосхитить римских архитекторов на столько веков, я не знаю. Это было поразительным отклонением от их общего архитектурного стиля. И под этой куполообразной крышей висел огромный круглый предмет, на серебристой поверхности которого мерцал свет. Так вот за чем мы прошли столько безумных миль! Это был громадный колокол — голос Эль-Лила. Похоже, он был сделан из нефрита.

Неважно, из какого камня его сделали, — это был символ, на котором держались вера и культ сумерианцев, символ головы самого бога Эль-Лила. И я не сомневаюсь в том, что, по рассказу Налуны, древние сумерианцы пронесли этот колокол весь длинный, изнурительный путь много веков назад,

когда бежали от всадников Саргона. А сколько эонов до этого он висел в храме Эль-Лила в Ниппуре, Эреке или древнем Эриду, звуча то угрозой, то обещанием над сонной долиной Евфрата или зеленой гладью Персидского залива!..

Они поставили нас внутрь первого кольца колонн, и откуда-то из тени и мрака, сам похожий на тень, вышел Состорас — жрец и король Эриду. Он был облачен в длинное зеленое одеяние, украшенное блестящей чешуей наподобие змеиной кожи. Голову его венчал шлем с огромными перьями, а в руке он держал золотой молоток на длинной ручке.

Состорас легко прикоснулся к колоколу, и переливчатый звон потек удушающей сладкой волной. Вдруг появилась Налуна, я так и не понял откуда — то ли из-за колонн, то ли спустилась сверху через какой-нибудь люк. Секунду назад перед колоколом было пусто, а в следующее мгновение девушка кружилась в танце, как лунный луч на поверхности озера. Ее одежда просвечивала насквозь, гибкое тело извивалось в танце. Она танцевала перед Состорасом и Эль-Лилом так же, как четыре тысячи лет назад в древнем Эриду танцевала какая-нибудь другая танцовщица.

Мне трудно описать ее танец. Он вызывал трепет и дурманил голову. Я слышал рядом неровное дыхание Конрада и чувствовал, что он дрожит, как тростник на ветру. Откуда-то звучала музыка времен Вавилона, стихийная, как огонь в глазах тигрицы, и непостижимая, как африканская полночь. Налуна танцевала, и в ее танце сплелись огонь, ветер, страсть и силы всех стихий. Все гармонично слилось в ее движениях. Она сузила вселенную до острия кинжала, и ее летящее сияющее тело в танце

сплетало узоры из лабиринтов одной неделимой Мысли. Танец Налуны поражал, сводил с ума, гипнотизировал, повергал в экстаз.

Налуна сама стала какой-то стихийной сущностью, единицей и в то же время частью могущественных сил — то спящих, то бурных — солнца, луны, звезд, движущихся под землей корней, огня в горниле, искр от наковальни, дыхания молодого оленя, когтей орла. Время и вечность, рождение и смерть, юность и древность — все стало частью узора, который плела танцующая Налуна.

Мой воспаленный мозг уже ничего не воспринимал, девушка превратилась перед моим плывущим взором в белую мерцающую огненную искру. Тут Состорас вновь ударил в колокол, и Налуна рухнула на колени — дрожащая белая тень. На востоке из-за скал показалась луна.

Воины схватили нас с Конрадом и привязали меня к внешнему ряду колонн. Конрада же ввели внутрь и привязали прямо перед колоколом. И я увидел, с каким искаженным лицом Налуна взглянула на Конрада, потом на меня как-то многозначительно и тут же исчезла за темными колоннами.

Состорас сделал знак рукой, и из полумрака вышел черный раб, невероятно старый и высохший. У него было испещренное морщинами лицо и отсутствующий взгляд глухонемого. Король передал ему молоток, отошел от колонн и встал рядом со мной. Горат и воины тоже, поклонившись, отступили назад. Казалось, они стремятся оказаться как можно дальше от зловещего кольца колонн.

Наступил момент напряженного ожидания. Я посмотрел на озеро, мрачные скалы, окружающие долину, и на безмолвный город под горящей луной. Город мертвых. Все вокруг казалось таким нере-

альным, словно мы с Конрадом перенеслись на другую планету или на много веков назад. Черный немой ударил в колокол.

Сначала звук был как тихий, мягкий шепот, струящийся в пространство, но очень быстро он усилился, разросся и стал почти невыносимым. Это был не просто громкий звук, сокрушающий нервы. Немой извлекал молотком из колокола звуки, проникающие внутрь человеческого существа, для того чтобы растерзать его на части. Гул колокола становился все громче и громче, все невыносимей. Мне хотелось теперь лишь одного — полной глухоты, полного бесчувствия, чтобы быть как этот немой с пустыми глазами и не ощущать этих мучительных вибраций в воздухе, создаваемых колоколом. Я увидел, что по обезьяноподобному лицу немого струится пот. Значит, что-то и он воспринимал из разрушающего мозг звука. С нами говорил Эль-Лил, и смерть говорила в его голосе. Если какой-то из ужасных темных богов прошедших веков мог бы говорить, то он говорил бы именно так! Ни милосердия, ни жалости, ни снисхождения не было в этом реве бога-каннибала, для которого люди — марионетки, танцующие под его указку в театре теней.

Звук может быть громким, низким, пронзительным, но голос Эль-Лила, идущий из тех времен, когда черные маги знали, как сокрушить человеческий мозг и тело, обладал этими качествами с удесятеренной силой. Странно, что сама душа моя не оглохла и не окаменела тогда. Волны вибраций душили и одновременно жгли. Я задыхался и готов был потерять сознание. Состорас закрыл уши ладонями, а Горат приник к полу, вдавливая лицо в кирпичи. Если на меня и сумерианцев, находящихся

вне магического круга колонн, звук так влиял, то что же происходило с Конрадом, привязанным почти прямо под колоколом?

Наверное, он никогда не был и не будет так близок к безумию и смерти, как тогда. Он корчился, как змея с перебитой спиной, лицо его искажилось, с посиневших губ капала пена. Я, конечно, не мог ничего слышать, кроме этого доводящего до агонии звука, но по хватавшему воздух рту и скорченному лицу Конрада я понял, что он воет, как подстреленная собака.

Жертвенные кинжалы семитов по сравнению с этим были милосердием. Даже печь Молоха была милосерднее, чем смерть от вибраций звука, терзающего ядовитыми когтями не только тело, но и душу.

Я почувствовал — мой мозг стал хрупким, как замороженное стекло, и понял, что если эта попытка продлится еще несколько секунд, то мозг Конрада разобьется, как хрустальная чаша, и Конрад погибнет в черном бреду полного безумия. Вдруг чья-то маленькая энергичная рука схватила мою связанную за колонной руку, и я ощутил, как сквозь веревку просунулся нож, который перерезает ее. Через минуту я был свободен. И тут — о чудо! — в моей руке оказалось что-то тяжелое с рифленой поверхностью — это был мой «уэмбли» сорок четвертого калибра!

Я действовал молниеносно: сразу же уложил черного глухонемого и пустил пулю в живот Состорасу. Он упал, харкая кровью. Я выпустил несколько залпов в сомкнутый строй солдат, в который трудно было промахнуться. Трое упало, остальные разбежались. Через секунду место очистилось, остались только Конрад, Налуна, я и убитые

на полу. Все произошло быстро, как в ночном кошмаре. Эхо от выстрелов еще не затихло, едко пахло порохом и кровью.

Девушка перерезала веревки Конрада, и тот рухнул на пол и захныкал, как слабоумный. Я стал его трясти и торопить, но он лишь дико озирался и шевелил дрожащими губами.

Я взвалил его на спину, и мы поспешили прочь. Ведь в любой момент они могли вернуться с целой толпой солдат.

Мы бежали по широким темным залам, каждую секунду опасаясь засады, но, похоже, сумерианцы были так напуганы неведомым оружием, что не решились напасть на нас в храме. Мы выскочили из храма, и я попытался поставить Конрада на ноги, но он был невменяем. Я повернулся к Налуне:

— Ты можешь ему чем-нибудь помочь?

Ее глаза вспыхнули в лунном свете:

— Я нарушила закон моего народа и моего бога, я предала свой храм и своих близких! Я украла оружие и освободила вас, потому что я его люблю и он теперь мой!

Она бросилась обратно в храм и тут же вернулась с кувшином вина. Она заявила, что в нем магическая сила. Я не поверил, мне казалось, что вино Конраду поможет не больше, чем вода из озера, что у него просто сильная контузия от страшного грохота колокола.

Но Налуна уверенно влила немного вина ему в рот, а остальное вылила ему на голову, и Конрад начал стонать, а потом ругаться.

— Смотри! — крикнула Налуна торжествующе. — Волшебное вино сняло с него проклятие Эль-Лила. — Она обвила его шею руками и осыпала Конрада поцелуями.

— Боже мой, Билл,— простонал Конрад, садясь и хватаясь за голову,— что это было?

— Можешь идти, старина? — спросил я его.— Похоже, мы разворошили осиное гнездо, и нам надо убираться отсюда поскорее.

— Попытаюсь.— Конрад встал и, спотыкаясь и опираясь на плечо Налуны, заковылял.

Я слышал, как в черной глубине храма кто-то зловеще шепчет, и понял, что солдаты собираются с духом, чтобы броситься на нас. Мы побежали к лодке, которая привезла нас на остров. В ней никого не было, только валялись топор и щит. Я схватил топор и прорубил днища остальных лодок, привязанных рядом.

И вдруг колокол зазвучал снова. Конрад застонал: каждая интонация голоса Эль-Лила заставляла его корчиться, словно от невыносимой боли. Теперь в этом голосе были возвещающие тревогу ноты, и мы увидели, как в городе повсюду зажглись огни, и внезапно послышался гул голосов. Что-то просвистело около моего уха и шлепнулось в воду. Я оглянулся и заметил стоящего в воротах храма Гората с огромным луком в руках. Налуна помогла Конраду опуститься на дно лодки, я тоже пригнулся и греб изо всех сил. Еще несколько стрел долетели до нас, причем одна вырвала клочок волос с красивой головки Налуны.

Я налегал на весла, Налуна правила рулем, а Конрад лежал совершенно обессиленный. За нами бросился целый флот лодок, которые сумерианцы притащили из города, и вслед нам неслись такие яростные и неистовые крики, что кровь стыла в жилах. Наша лодка неслась к противоположному

берегу и была намного впереди погони, но когда мы должны были обогнуть остров, чтобы попасть на другой берег, из какой-то бухточки внезапно вынырнула длинная лодка с шестью солдатами на борту, возглавляемыми Горатом и его помощником-писцом. Они были очень близко. У меня кончились патроны, и все, что мне оставалось,— это изо всех сил налегать на весла. Лицо Конрада приобрело какой-то зеленый оттенок, но он нашел в себе силы поднять щит и приспособить его на корме, что спасло нас, потому что стрелы Гората летели без остановки нам вслед, и щит стал похож на спину дикобраза. Казалось, они забыли о том, что я таинственным образом убил их людей у колокола, и неслись теперь за нами, как гончие за зайцем.

Пятеро гребцов Гората быстро сокращали расстояние между нами, и, когда мы наконец выскочили из лодки на берег, Горат с солдатами был чуть ли не в десяти шагах. Я понял, что мы должны драться, а не бежать, иначе нас перестреляют, как кроликов. Я велел Налуне бежать дальше, но она лишь рассмеялась, выхватив из-за пояса свой кинжал. Это была мужественная женщина.

Через секунду Горат и его люди тоже выпрыгнули из лодки на берег и с ревом бросились в бой. Горату сразу же повезло: я промахнулся и убил человека позади него. Я бросил свой «уэбли» и орудовал топором. Клянусь Иовом, мы дрались как одержимые, по колено в воде, не отступая ни на шаг!

Одному Конрад камнем раскроил череп, и краем глаза, сражаясь с Горатом, я увидел, как Налуна пантерой прыгнула на одного из врагов и старалась его утопить. Тут Горат покачнулся, поскользнувшись на предательском каменном дне, и свалился в воду.

Один из солдат с копьем в руке споткнулся об убитого Конрадом солдата, и я тут же прикончил его топором. В этот момент Горат поднялся из воды, и еще один солдат занес надо мной меч для смертельного удара, но Конрад вовремя пронзил его копьем.

Меч Гората скользнул по моим ребрам, когда я увернулся от удара в сердце. Я взмахнул топором, и рука Гората безжизненно повисла, хрустнув, как надломленная ветка. Сумерианцы бились храбро, но если б я мог воспользоваться своим пистолетом, то я заставил бы их отступить. Горат бросился на меня, как бешеный тигр, целясь мне в голову. Я снова отклонился, но все-таки удар меча содрал кожу у меня на голове и обнажил кости черепа — там остался шрам в три дюйма длиной. Кровь хлынула ручьем, ослепив меня, но я нанес ответный удар. Я ощутил скрежет металла и треск костей, и Горат рухнул замертво к моим ногам.

Конрад и Налуна держались вместе. Похоже, Налуна начала слабеть. У нее была в крови грудь и рука до запястья, а с кинжала капала кровь, и я подумал, что она не ранена, а просто запачкалась чужой кровью. Вода вокруг нас покраснела, кругом были трупы. Налуна махнула рукой, показывая, что к нам приближаются еще лодки. Мы побежали прочь от озера. Моя рана кровоточила, я постоянно стирал кровь с лица и глаз. Налуна покачнулась, я протянул руку, чтобы поддержать ее, но девушка оттолкнула меня.

Задыхаясь, мы добрались до скал. Тяжело дыша, опираясь на Конрада, Налуна показала вверх трясушей рукой. Там была веревочная лестница. Налуна забралась по ней первой, затем Конрад и наконец я, поднимая за собой лестницу. Тут лодки

причалили к берегу, и воины выскакивали и неслись к скале, выпуская стрелы. Но мы были плохой мишенью в полумраке среди скал, и стрелы отскакивали от камня, не задевая нас. Одна, правда, впилась в мою левую руку, и я проклял меткость того, кто выстрелил.

На вершине скалы Налуна рухнула без сил в руки Конрада. Он осторожно положил девушку на траву, я вытер кровь с ее груди и посмотрел на Налуну с ужасом. С такой раной под сердцем проделать весь этот путь могла лишь женщина, которой двигала истинная любовь.

Конрад взял ее голову в ладони и что-то пытался произнести, но Налуна слабо обхватила руками его шею и наклонила к себе его лицо.

— Не плачь обо мне, любимый,— сказала она слабым голоском.— Ты был моим когда-то и снова будешь со мной. В хижинах на Старой реке, еще до Сумерии, когда мы кочевали по свету, ты и я были как один человек. Во дворцах древнего Эриду, до того, как варвары пришли с востока, мы любили друг друга. По этому самому озеру мы плавали с тобой в прошлые века и любили, ты и я. Поэтому не плачь, любимый, что значит одна маленькая жизнь, когда мы прожили их так много и проживем еще больше? И в каждой из них ты мой, а я твоя.

Но вам нельзя задерживаться. Слышишь! Они жаждут крови. Лестницы больше нет, и теперь единственный путь, по которому они могут добраться до вас,— это через долину, ту самую, откуда они вас привели. Торопитесь! Они переплывут озеро и заберутся по скалам со стороны долины, но вы успеете уйти, если поспешите. И если ты услышишь голос Эль-Лила, помни, живой мертвый, Налуна любит тебя сильнее, чем любой бог.

Я молю тебя об одном,— прошептала она, закрывая отяжелевшие веки, словно засыпающий ребенок,— прошу тебя, мой господин, прикоснись к моим губам своими губами, прежде чем тени поглотят меня. Затем оставьте меня здесь, и уходите, и не плачьте. О моя любовь, что значит... одна... маленькая жизнь... для нас... кто любил... так много жизней...

Конрад плакал как ребенок, я тоже, и я вышибу мозги тому, кто посмеется над этим. Мы сложили ее руки на груди. На ее милом лице застыла улыбка. Если есть рай для христиан, то она там, среди лучших из них. Я часто молюсь за нее.

Мы мчались с Конрадом во тьме. Рана моя была так ужасна, что я был ближе к смерти, чем когда бы то ни было. Только дикий звериный инстинкт жизни держал меня на волоске от ухода в лучший мир. Мы пробежали, наверное, с милую, когда сумерианцы решили разыграть свою последнюю карту. Я думаю, они поняли, что просто так нас теперь не догнать.

Как бы то ни было, внезапно раздался звук колокола. На меня он подействовал как на собаку, пораженную бешенством,— я чуть не завыл. Никогда больше я не слышал, чтобы в одном звуке соединялись столько оттенков. Это был коварный, заманивающий призыв и одновременно властный приказ вернуться. Он угрожал и манил. Это был гипноз. Теперь я понимаю, что чувствует птица под магическим взглядом змеи и что чувствует змея, замороженная дудкой факира. Я не могу объяснить непреодолимый магнетизм голоса Эль-Лила. Он заставлял корчиться, и рыдать, и нестись к нему с криком, как несется заяц в пасть удава. Мне пришлось бороться с ним так, как человек борется за свою душу.

Конрад полностью отдался в его руки. Он спотыкался и шатался, как пьяный.

— Бесполезно,— бормотал он,— мне так щемит сердце, он сковал мой мозг и мою душу, в нем соблазн всей вселенной. Я должен вернуться.

Конрад повернулся и пошел назад. Мысль об отдавшей ради нас жизнь Налуне удесятирила мои силы.

— Стой! — закричал я.— Не выйдет, чертов идиот! Ты не в себе! Я говорю тебе, ты этого не сделаешь!

Конрад безучастно шел вперед, скользнув по мне взглядом, словно в транс. И я бросил его на землю мощным ударом в челюсть. Похоже, он потерял сознание. Тогда я взвалил его на спину и понес. Только через час он пришел в себя и сказал, что благодарен мне.

Больше мы никогда не видели людей из Эриду. Не знаю, шли они по нашему следу или нет, только идти еще быстрее мы не могли. Мы спасались бегством от шепчущего обволакивающего голоса, доносящегося до нас с юга. Наконец мы добрались до места, где было припрятано наше снаряжение, и, скудно вооружившись и экипировавшись, мы начали наш долгий путь к побережью. Возможно, вы читали или слышали что-нибудь о двух истощенных, полубезумных от усталости путешественниках, которых в глубине Сомали подобрала экспедиция охотников на слонов. Я признаю, что мы были ослаблены до последней степени, но мы были абсолютно в здравом уме. Все дело в том, что наш рассказ охотники восприняли как бред. Они похлопывали нас по плечам, говорили с нами как с больными и вливали в нас виски с содовой. Мы быстро заткнулись, понимая, что кажемся им либо обманщиками, либо полными лунатиками. Они отвезли нас обратно в Джибути. Оба мы были сыты теперь Африкой. Я отплыл на корабле в Индию, а Конрад в другую

сторону — он не мог дожидаться, когда снова окажется в Новой Англии. Надеюсь, он женился на своей американочке и живет счастливо. Отличный он парень, несмотря на его жуков.

Что до меня, так до сей поры я не могу без содрогания слышать звук колокола или колокольчика. Весь тот долгий, тяжелый путь я ни разу не вздохнул спокойно, пока мы не оказались вне досягаемости голоса Эль-Лила. Невозможно предсказать, что могут сделать такие вещи с твоим сознанием. Это переворачивает вверх дном все рациональные идеи.

Я слышу этот звук иногда во сне и вижу древнюю Вавилонскую башню в той кошмарной долине. И я спрашиваю себя: может быть, они зывают ко мне через года? Но это абсурд. Если вы мне не верите, то пусть для вас мой рассказ останется сказкой, я вас не виню.

Я почему-то верю Биллу Кирби, так как знаю этот тип натуры — он такой же, как все потомки Хенджиста: крепко стоящий на земле, восприимчивый и прямой — истинный брат всех странствующих, сражающихся и умеющих рисковать сыновей человечества.

МЕРТВЫЕ ПОМНЯТ

Додж Сити, Канзас 3 ноября 1877 г.
Мистеру Уильяму Л. Гордону
Антиохия, Техас

орогой Билл!

Пишу тебе, потому что предчувствую: ненадолго я задержусь на этом свете. Ты, наверное, удивишься, ведь последний раз, когда мы встречались — когда я привел стадо, — ты меня видел в добром здравии. Смеею заверить, с того дня я не заболел, но если б ты взглянул на меня сейчас, сам бы сказал: краше в гроб кладут.

Однако прежде, чем я поведаю о своей беде, хочу, чтобы ты узнал, как мы добрались до Додж-Сити. Мы пригнали огромное стадо — три тысячи четыреста голов, и мистер Р. Дж. Блэйн уплатил нашему старшему пастуху Джону Элстону по двадцать долларов за голову. Все бы хорошо, да один из наших, ковбой по имени Джо Ричардс, не дожидаясь этого дня, его забодал молодой бычок, когда мы пересекали канадскую границу. У него осталась сестра, ее зовут миссис Дик Уестфолл, она живет возле Сегина, и я бы хотел, чтобы ты съездил к ней и рассказал о брате. Джон Элстон хочет послать ей седло, уздечку, ружье и деньги бедолаги Джо.

А вот теперь, Билл, я попробую объяснить, откуда у меня появилось странное подозрение, что я не жилец на этом свете. Помнишь, вскоре после того, как я отправился со стадом в Канзас, обнаружилось, что старый Джоэл, который когда-то служил у полковника, и его жена погибли. Они жили возле дубовой рощи на берегу бухты Завалло. Женщину звали Изабель, и поговаривали, что она ведьма. Она была квартеронка и намного моложе Джоэла; многие белые ее побаивались, потому что она промышляла колдовством, но тогда я в это не верил.

Ну так вот, гнали мы стадо и оказались возле бухты Завалло как раз перед закатом, и я понял, что мой конь устал, а сам я голоден как волк, да и вообще, не мешало бы передохнуть. Я заглянул к Джоэлу и спросил у его жены, не найдется ли чего-нибудь перекусить. Хижина стояла в дубовой роще, Джоэлу не пришлось далеко ходить за хворостом, и Изабель зажарила мясо на жаровне. Почему-то мне запомнилось, что она была одета в красное с зеленым платье. Странно, но я до сих пор не могу этого забыть.

Они накрыли стол, и я с жадностью набросился на еду, а потом Джоэл принес бутылку текилы, и мы с ним выпили и поболтали о том о сем. Он спросил, не играю ли я в кости. Я ответил, что нет, но он меня уговорил сыграть партию-другую.

Так мы скоротали вечер, а потом я собрался уходить, но тут вдруг Джоэл потребовал деньги за харчи и выпивку. А у меня и было-то пять долларов семьдесят пять центов, и все до последней монетки я ему же и продал в кости. Я разозлился и сказал, что знать его больше не желаю, а нализаться смогу и в другом месте. Тут он хватает бутылку и заявляет, что я один ее вылакал, и смотрит на меня так, будто я ему задолжал миллион. Я усмехнулся и велел нести еще текилы, а он заупрямился и ответил, что лавочка закрыта. Это меня еще больше разозлило, я даже кулаком погрозил, потому что был уже изрядно во хмелю. Изабель стала упрямиться, чтобы я уехал, но я ей подмигнул и доходчиво объяснил, что-де я свободный белый человек, и мне уже стукнуло двадцать один, и я не из тех, кто упускает возможность маленько пощекотать хорошенькую молодую смуглянку.

Джоэла это задело за живое. Он шарахнул кулаком по столу и завопил, что текилы у него хоть залейся, но я не получу больше ни капли, даже если буду подыхать от жажды у него на глазах. Тут я взбесился по-настоящему. «Ах ты, — говорю, — копченое свиное рыло! Напоил меня, обжулил в кости, а теперь еще и оскорбляешь! Я видел, как вздергивали черномазых даже не за такие смертные грехи!»

А он и говорит: «Ты жрешь мое мясо и хлещешь мою текилу, да еще называешь меня жуликом! Ни один настоящий белый себе бы такого не позволил. Или думаешь, на слабака напад?»

И тогда я отвечаю: «Ну, ты меня допек! Кажись, кое-кто сейчас получит по наглой черной роже!»

Он крикнул: «Это мы еще посмотрим!», схватил нож, которым только что резал мясо, и бросился на меня. Я выхватил револьвер и всадил две пули ему в грудь. Он повалился на пол, а я встал, подошел и выстрелил еще раз — в голову.

И тут я услышал дикий вопль Изабель, которая целилась в меня из дробовика. Она вся дрожала, когда дергала спусковой крючок. Дробовик дал осечку, и я крикнул, чтобы она убиралась, не то пристрелю! А она кинулась на меня, размахивая ружьем, как дубиной. Я увернулся, но Изабель все-таки задела меня по щеке, и я тогда прицелился ей в грудь и нажал на спуск. Когда раздался выстрел, она сделала несколько шагов назад, а потом схватилась за грудь и рухнула. Сквозь пальцы текла кровь.

Я наклонился над ней, не выпуская револьвера из руки, и вдруг она открывает глаза и говорит: «Ты убил Джоэла и меня убил, но, клянусь Богом, ты это сделал себе на беду. Запомни: большая змея, черное болото и белый петух. Мое проклятие будет тебя преследовать. Мы еще встретимся. Я приду к тебе, когда пробьет час».

Тут из ее рта вялыми толчками потекла кровь, голова откинулась, и я понял, что Изабель умерла. Я кинулся вон из лачуги, вскочил на коня и помчался прочь. Свидетелей не было. На другой день я солгал парням, будто налетел щекой на ветку, когда скакал на коне, и они поверили. Так бы никто и не узнал, что это я застрелил Джоэла и его жену, даже ты. Но что толку скрывать, если я твердо знаю: скоро мне самому конец?

Мы погнали стадо дальше, и всю дорогу мне казалось, будто гора легла на плечи. Мы еще не

успели добраться до Ред-Ривер, а однажды утром в мой сапог заползла гремучая змея. После этого я всегда ложился спать не разуваясь. Позже, когда мы пересекали канадскую границу, стадо чего-то испугалось и бросилось бежать. Я погнался за ним, и мой конь провалился в болото. Я бы непременно утонул, не окажись случайно рядом Стива Кирби с лассо. Кое-как выбравшись, я тут же едва не погиб под копытами взбесившихся коров. Одна из этих тварей продырявила мне шляпу, но, слава Богу, голова уцелела. С тех пор ребята стали недобро коситься на меня и поговаривать, что я приношу несчастье.

Но все же канадскую границу мы перешли. Это было ясной тихой ночью. Я надеялся, что все неприятности позади, но тут один ковбой остановил коня и сказал нам, что из ближайшей рощицы доносятся какие-то странные звуки, и будто бы он даже видит в той стороне мерцающий синий свет. Может, ему и почудилось, но внезапно молодых быков охватила ярость, и они едва не подняли меня на рога. Их жуткие морды замелькали со всех сторон, и ничего не оставалось делать, как пришпорить коня и побить все рекорды скорости южного Техаса. Если бы не верный конь, я бы неминуемо пропал.

Мне удалось оторваться от разъяренных быков, и еще долго я кружил вдалеке от них, пока парням не удалось опять сбить их в стадо. Вот тогда-то и погиб Джо Ричардс. Быки снова взбеленились без всякой видимой причины и понеслись прямо на меня. Мой конь дико захрапел и попятился, а затем рухнул на землю вместе со мной. Едва я вскочил на ноги, как перед самым носом увидел огромные рога.

Поблизости не было даже деревьев, за которыми я мог бы спрятаться, и я попытался выхватить из

кобуры револьвер и сорвать с пояса топорик. Но пока я возился, Джо Ричардс накиннул на быка лассо, и тут под ним тоже упала лошадь. Джо хотел выпрыгнуть из седла, но его нога застряла в стремяни, и бык в ту же секунду проткнул его обоими рогами. Это было ужасное зрелище.

Я всадил в подлую скотину несколько пуль, но бедолаге Джо это уже не помогло — он был разорван в ключья. Мы завернули его в пончо и похоронили под деревом, на котором Джон Элстон ножом вырезал его имя и дату смерти.

После этого парни перестали шутить, что я приношу беду. Они вообще перестали разговаривать со мной. Я тоже не пытался ни с кем из них завести беседу, хотя, видит Бог, не чувствовал за собой никакой вины.

И вот наконец мы добрались до Додж-Сити и продали скот. А прошлой ночью мне вдруг приснилась Изабель, да так явственно, будто я увидел ее среди бела дня. Она зловеще улыбнулась и что-то сказала — я ни слова не разобрал, — а потом сделала какой-то жест. И вот теперь я, кажется, догадываюсь, что это был за знак.

Били, ты больше никогда меня не увидишь. Я покойник. Не знаю, как будет выглядеть моя смерть, но уверен, что следующего восхода уже не встречу. Для того и пишу тебе, чтобы ты знал, что со мной случилось. Самому себе я кажусь слепцом, который всю жизнь брел, не зная пути.

Тем не менее я намерен встретить свою гибель лицом к лицу. Я никогда не сдавался, и пока я жив, этого не случится. Кто бы ни явился за мной, я с ним потягаюсь! Я не застегиваю кобуру, а револьвер чищу и смазываю каждый день. Били, иногда мне кажется, что я схожу с ума, но это, наверное,

оттого, что я все время думаю об Изабель. Я взял твою старую рубашку в черную и белую клетку, помнишь, ты купил ее в Сан-Антонио в прошлое Рождество. Уж не сердись, но я чищу ею револьвер так часто, что клеток уже не разглядишь. Рубашка стала почему-то красно-зеленой, как платье, которое было на Изабель в тот день, когда я ее убил.

Твой брат Джим.

*ПОКАЗАНИЯ ДЖОНА ЭЛСТОНА,
4 ноября 1877 года*

Меня зовут Джон Элстон. Я старший работник на ранчо мистера Дж. Дж. Конноли в округе Гонзалес, штат Техас. Я был старшим погонщиком при стаде, которое сопровождал Джим Гордон. У нас был с ним на двоих номер в гостинице. Утром 3 ноября Джим был утрюм и неразговорчив, и, вопреки обыкновению, не пошел со мной, сказав, что ему надо написать письмо.

Я не видел его до самого вечера. Когда вошел в номер, он сидел у окна и чистил свой кольт 45-го калибра. Я засмеялся и в шутку спросил, не боится ли он Бэтта Мастерсона, и он ответил: «Джон, тот, кого я боюсь, не человек, но все же попытаюсь его застрелить».

Мне это показалось смешным, и я стал допытываться, кого же он все-таки опасается, и тогда он сказал: «Цветной девушки, которая умерла четыре месяца назад». Я подумал, что он пьян, и ушел. Не знаю, в котором это было часу, но дело шло к ночи. Больше живым я его не видел. Около полуночи я проходил мимо салуна Большого Шефа и услышал выстрел. Кто-то крикнул, что убили человека. Я убежал в салун и бросился туда же, куда и все

остальные, — в игорный зал. Дверь черного хода была распахнута, на пороге, ногами во двор, лежал человек. Он весь был залит кровью, но по телосложению и одежде я узнал Джима Гордона. Он был мертв. Я не видел, кто его убил, и больше ничего не могу добавить к вышеизложенному.

ПОКАЗАНИЯ МАЙКА О'ДОННЕЛЛА

Я, Майк Джозеф О'Доннелл, работаю барменом ночной смены в салуне Большого Шефа. За несколько минут до полуночи я заметил ковбоя, который разговаривал с Сэмом Граймсом у дверей салуна. Похоже было, что они спорили, а через некоторое время ковбой вошел в салун и взял себе в баре виски. Я обратил на него внимание, потому что у него был револьвер, в то время как другие не носили оружия, и еще потому, что у него был дикий, безумный вид. Он выглядел пьяным, но я не думаю, что так было на самом деле. Похоже, парень был просто не в себе.

Больше я не смотрел в его сторону, потому что был занят в баре. Мне показалось, что он прошел в игорный зал, а через несколько минут я услышал выстрел. Затем прибежал Том Аллисон и крикнул, что убили человека. Я помчался туда и увидел, что мертвец лежит в дверях — тело в комнате, а ноги на улице. Я узнал ремень и кобуру и понял, что это тот самый парень, на которого я уже обращал внимание.

Его правая рука была почти оторвана и превратилась в кровавое месиво, а голова разбита, но мне никогда не приходилось видеть, чтобы револьверная пуля наносила такие увечья. Он был мертв, и я думаю, что смерть пришла мгновенно. В тот мо-

мент, когда мы его обступили, парень по имени Джон Элстон протиснулся сквозь толпу и воскликнул: «Господи, это же Джим Гордон!»

ПОКАЗАНИЯ ШЕРИФА ГРАЙМСА

Меня зовут Сэм Граймс, я шериф округа Форд, штат Канзас. Я встретился с покойным Джимом Гордоном у входа в салун Большого Шефа 3 ноября, примерно без двадцати двенадцать. Я увидел на нем кобуру с револьвером, поэтому остановил его и спросил, почему он ходит с оружием, ведь это в нашем городе запрещено. Он ответил, что в целях самозащиты. Тогда я сказал, что защищать граждан — обязанность шерифа, отнесите револьвер в гостиницу и храните там до самого отъезда из города. По одежде я в нем узнал ковбоя из Техаса. Он засмеялся и сказал: «Шериф, никто не сможет защитить меня от моей судьбы!» С этими словами он повернулся и вошел в салун.

Я подумал, что он болен и немного не в себе, и решил его не трогать. Пускай выпьет, успокоится, и тогда я уговорю его расстаться с оружием. Я стал наблюдать за ним и обратил внимание, что он ни с кем в салуне не разговаривает и даже как будто никого не замечает. Он молча выпил виски в баре и пошел в игорный зал.

Несколько минут спустя в салун вбежал парень, крича, что кого-то убили. Я пошел прямо к черному ходу и увидел, как Майк О'Доннелл наклонился над человеком, в котором я узнал того самого ковбоя. По-видимому, револьвер взорвался в его руке. Не знаю, в кого он собирался стрелять. Я выглянул на улицу, однако поблизости никого не было, и никто не видел, как все произошло, за исключени-

ем Тома Эллисона. Я подобрал то, что осталось от револьвера, и отдал коронеру.

ПОКАЗАНИЯ ТОМА ЭЛЛИСОНА

Я, Томас Эллисон, погонщик, работаю на «Мак-Фарлейна и компанию». Ночью 3 ноября я был в салуне Большого Шефа. Когда туда пришел убитый, я не заметил, в салуне было очень много народу. Я выпил несколько порций виски, но не был пьян. Вскоре я заметил Гэллинса по прозвищу Гризли, охотника из Буффало, который появился на пороге салуна. У меня с ним плохие отношения, я считаю его негодяем. Он был пьян, и я не хотел, чтобы он меня заметил, поэтому я решил выйти из салуна через заднюю дверь.

Я вошел в игорный зал и увидел незнакомого человека, он сидел за столом, положив голову на руки. Я прошел мимо него к двери черного хода, которая была заперта изнутри. Я отодвинул засов, отворил дверь и уже собирался выйти, когда столкнулся с какой-то женщиной. Свет, падавший из комнаты на крыльцо, был тусклым, но я разглядел ее достаточно хорошо, чтобы с уверенностью сказать, что она негритянка, а вот как она была одета, я не заметил. Ее кожа была не совсем черная, скорее светло-коричневая, даже почти желтая. Так мне показалось при тусклом свете. Я немного удивился и остановился на пороге, и тут она произнесла: «Пойди скажи Джиму Гордону, что я пришла за ним».

Я спросил: «Кто ты такая, черт побери, и кто такой Джим Гордон?»

Она ответила: «Это тот человек, который сидит в комнате за столом, скажи ему, что я пришла!»

Не знаю почему, но у меня вдруг мурашки пробежали по спине. Я повернулся к парню, сидевшему за столом, и спросил: «Это ты Джим Гордон?» Он поднял голову, и я увидел, что лицо у него бледное и измученное. Я сказал: «Кое-кто хочет тебя видеть». Он спросил: «И кто же это?» Я ответил: «Цветная женщина, которая стоит за дверью».

Тут он вскочил и отшвырнул стул. Я подумал, а не сумасшедший ли он, и на всякий случай отошел в сторону. Его глаза дико горели, и он со сдвинутым воплем рванулся к двери. И тут мне показалось, будто я услышал смех в темноте. Он снова завопил, а потом выхватил револьвер и направил его на кого-то, кого я не видел. И тут вдруг полыхнуло, да так, что я ненадолго ослеп. Потом я увидел, что дверной проем окутан дымом. Когда дым немного рассеялся, парень лежал в дверях, весь залитый кровью. Его голова была пробита так, что вытекал мозг, а правая рука была как будто раздроблена. Я побежал в салун и крикнул бармену, что убили человека. Не знаю, собирался этот парень стрелять в женщину или нет, и стрелял ли кто-нибудь в него, но я слышал только один выстрел — когда взорвался револьвер.

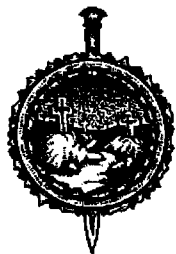
РАПОРТ КОРОНЕРА

Я, коронер, в присутствии своих помощников и понятых произвел опознание останков Джеймса А. Гордона из Антиохии, штат Техас, и пришел к заключению, что смерть наступила в результате несчастного случая. Револьвер, который покойный держал в руке, разорвался из-за того, что Гордон после чистки забыл извлечь ветошь из ствола. В оторванном стволе найдены обгоревшие клочки

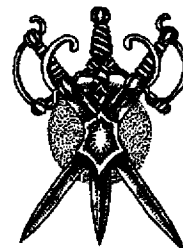

хлопчатобумажной ткани. С уверенностью можно сказать, что это обрывки красно-зеленого женского платья.

Подписи: Дж. С. Ордли, коронер, Ричард Donovan, Эзра Блэйн, Джозеф Т. Декер, Джек Уилтшоу, Александр В. Вильямс.

КЕЛЛИ-КОЛДУН

В

полнолуние рассказывают удивительные истории о колдовских ночах, когда выходят призраки, и среди темных сосен одиноко блуждает Келли-Колдун.

Милях в семидесяти пяти к северо-востоку от широкого зеленого поля, что раскинулось воле арканзасского города Смаковера, лежит страна густых и высоких сосновых лесов и полноводных рек, которая славится своими преданиями и удивительными традициями. Сюда в начале пятидесятих годов

минувшего века приехали шотландские и ирландские пионеры, люди крепкие и мужественные, и повели наступление на дикие леса, начали освоение этого первобытного края.

Среди многих колоритных личностей тех романтических времен особенно выделялась одна фигура. Сохранились мрачные легенды и леденящие душу сказания о зловещем Келли — черном колдуне. Сын далекого конголезского племени джуджу, Келли родился невольником. Свое необычное искусство он постигал в дремучих лесах Уачиты. Никто в точности не знает, откуда он появился. Он приехал в эти края вскоре после Гражданской войны, и покров таинственности окутывал его появление, как, впрочем, и всю его жизнь.

Келли не питал любви к физическому труду, а также не славился гостеприимством. К нему приходили, но сам он никого не навещал. Его хижина стояла на берегу Тюльпановой реки, что петляет в тени высоких сосен, и Келли одиноко жил там в мрачной тишине первобытного леса.

У него была типичная для дикаря внешность: рост футов шесть, могучее телосложение, гибкость огромной черной пантеры. Носил он всегда одну и ту же ярко-красную фланелевую рубашу, а тяжелые золотые кольца в ушах и носу придавали загадочности и без того фантастическому облику. Он почти не общался ни с белыми, ни с черными. Молча, как некоронованный король Африки, бродил по дорогам среди сосен этот угрюмый и непостижимый колдун. Кожа его была чернее тропической ночи, а взгляд глубоких глаз зловещ и пронизателен. Казалось, сам дух джунглей витал над ним, и люди побаивались Келли, будто чувствовали исходящую от него магическую силу.

Казалось, он принадлежал другому времени, другой стране, другому миру. По стенам его хижины висели причудливые талисманы и уродливые маски древней Африки.

В округе его звали Келли-Колдун, и время от времени в его одинокой хижине на берегу Тюльпановой реки появлялись таинственные чернокожие гости. Крадучись, скользили они по густому сосновому лесу, но что происходило в стенах загадочной хижины, о том не ведал ни один белый.

Келли знал свое дело. Он умел изгонять духов. Чернокожие, приходившие к нему, верили, что он способен снимать проклятия и порчу. Кроме того, он был еще и целителем, — по крайней мере он брался лечить негров. В тех местах белые редко заболели чахоткой, а для негров эта хворь была сущим бичом. Вот их-то и лечил Келли. Он делал на руке больного надрез скальпелем, изготовленным из старой бритвы, и присыпал ранку порошком из костей змеи. Неизвестно, вылечил ли он таким образом хоть одного; скорее всего, результаты этого «лечения» нисколько не совпадали с ожидаемыми.

Возможно, Келли и сам не верил, что его магия способна одолеть туберкулез. Возможно, это был всего лишь ловкий фокус, убеждавший простодушных негров в могуществе Келли. Как бы то ни было, чернокожие его уважали. Многие ритуалы некоторых племен требуют, чтобы заклинания произносились над прядью волос, или над ногтем, или над каплей крови. Известен обряд уничтожения глиняной фигурки, которая отождествляется с намеченной жертвой. В такую фигурку вонзали иглы, не сомневаясь, что человек умрет в мучениях. А если куклу бросали в реку и ее постепенно разрушала

вода, колдуны верили, что их жертва обречена на медленную смерть от болезней.

Как бы то ни было, Келли приобрел репутацию могущественного шамана. Вместо того чтобы слепо повторять колдовские ритуалы, он сам придумывал заклинания. Негры стали тяжело болеть, и поползли самые неправдоподобные слухи о том, что происходит в хижине Келли. Никто не мог определенно сказать, чем вызваны болезни, но чернокожие не сомневались, что все дело в магии. Больные уверяли, что в их желудках поселились змеи и что это дело рук могущественного колдуна. Этого колдуна не называли по имени, однако всем было ясно, что речь идет о Келли. Был ли это какой-то гипноз или необъяснимое массовое помешательство? Ни один белый о том не знал.

В каждом городе, где обитают цветные (по крайней мере на Юге), существуют таинственные «подводные течения», о которых белые могут только догадываться. Живущие в душах негров суеверия подобны невидимой реке джунглей. Никто из белых так никогда и не узнал, зачем Келли (если это действительно был Келли) наслал порчу на черных мужчин и женщин. В чем была тайна его злого могущества, его темных устремлений, — этого тоже не узнал никто из белых.

Келли, разумеется, предпочитал держать язык за зубами. Молчаливый и мрачный, он шел своим путем, и только глаза светились дьявольским огнем, когда он смотрел на людей, как на слепых беспомощных кукол, послушных его умелым черным рукам.

В конце семидесятых Келли исчез в буквальном смысле этого слова. Его хижина на берегу Тюльпановой реки опустела, тяжелая дверь осталась отво-

рена, и никто больше не видел, как он блуждает среди сосен подобно темному призраку. Возможно, цветные что-нибудь и знали, но белым не рассказывали. Он появился, окутанный тайной, жил таинственной жизнью и столь же таинственно исчез, и никто не знал, в каком направлении. По крайней мере никто не сказал, что знает. Может быть, темные воды реки о чем-то догадывались. Может быть, жертвы Келли отомстили ему. Может быть, одинокая хижина, стоявшая в тени могучих сосен, оказалась немым свидетелем рокового преступления, а сумрачные глубины Тюльпановой реки приняли искупительную жертву.

А может быть, колдун просто ушел однажды ночью по причине, известной только ему, и теперь ходит по берегу какой-нибудь иной реки. Никто этого не знает. Никому не удалось приподнять завесу тайны его появления и исчезновения.

Но и сегодня его безмолвная тень нет-нет да и мелькнет на диком берегу, а по ночам, когда ветер завывает в кронах деревьев, старые негры говорят, что это дух колдуна перекликается с душами мертвецов, что блуждают по мглистому лесу.

УЖАС ИЗ КУРГАНА

В

ерите ли вы в привидений, призраков, духов? Вот и Стив Брилл совершенно не верил, хотя Хуан Лопес верил безусловно. Но ни глубокий скептицизм одного, ни наивная вера в сверхъестественное второго не смогли уберечь их от встречи с ужасом, сокрытым до времени в глубине веков. Зловещим ужасом, память о котором теплилась в сознании немногих посвященных почти три столетия.

А пока Стив Брилл посиживал на своем шатком крыльце в закат-

ных лучах и предавался горестным размышлениям, очень далеким от мыслей о неведомом и потустороннем. Он с тоской оглядел свой земельный участок и грубо выругался. Брилл вообще был груб, как сапожная кожа. Длинный и сухопарый, сильный, как олень, — истинный сын непоколебимых пионеров, покоривших дикую природу Западного Техаса. Манера ходить, тощие ноги и высокие сапоги выдавали ковбойские привычки этого парня, и он часто ругал себя за то, что покинул «штормовую палубу» — спину своего горячего скакуна — и ушел в фермеры. Молодой ковбой не раз признавался себе, что земледелец из него — просто никудышный. Впрочем, в постигшей неудаче вряд ли был виноват он один. Казалось, обильные зимние дожди — большая редкость для этих краев — обещали отличный урожай.

Но природа, как обычно в этих местах, сыграла злую шутку: поздние заморозки погубили готовые лопнуть почки на плодовых деревьях, многообещающие и даже успевшие пожелтеть зерновые были буквально вбиты в землю прошедшей жестокой бурей с градом. Продолжительная засуха и пришедший ей на смену очередной дождь с градом окончательно добились кукурузу. Хлопок продержался дольше всех, казалось, невзгоды забыли про небольшое хлопковое поле Брилла. Но не тут-то было — стая налетевшей саранчи за ночь лишила его последних надежд.

Он оглядывал свои опустошенные угодья и с жаром благодарил судьбу, что не купил, а только взял в аренду обильно политую потом, но не отзывавшуюся на уход землю. Слава Богу, на Западе еще достаточно просторных равнин, где молодому крепкому парню, привычному к седлу и лассо, всегда найдется дело и возможность заработать себе на жизнь. Брилл решил не возобновлять аренду и

навсегда забросить неблагоприятное ремесло земледельца.

От мрачных мыслей его отвлек подходивший старый молчун-мексиканец, ближайший сосед Стива. Он жил в лачуге по ту сторону холма и зарабатывал себе на хлеб раскорчевкой на соседских участках. А, возвращаясь после расчистки земли на близлежащей ферме, привычно срезал угол на пути к своему жилищу, проходя через пастбище Брилла.

Появление старика стало обычным за последний месяц, он ежедневно дважды проходил по протоптанной в невысокой сухой траве дорожке к небольшой рощице мескитовых деревьев. Спозаранку мексиканец начинал вырубку и корчевку их немислимо длинных корней, а на закате возвращался одной и той же дорогой. Стив Брилл лениво наблюдал за замешкавшимся у проволоочной ограды стариком и его дальнейшими передвижениями. Неожиданно его заинтересовало, что Лопес, вместо того чтобы идти напрямик, свернул и старательно обходит стороной низкий круглый холм, как обычно прибавляя при этом шагу.

Брилл вспомнил: старый мексиканец непременно огибают небольшое возвышение на пастбище со значительным запасом и старается миновать это место до наступления сумерок. Хотя мексиканцы на раскорчевке, как правило, работали до последних проблесков света — платили за расчищенные акры, а не повременно, — и они старались использовать солнечный день полностью. А старик оставлял работу значительно раньше. Брилл почувствовал острый укол любопытства.

Неторопливо поднявшись, он начал спускаться по пологому склону с холма, на вершине которого стоял его дом.

— Эй, Лопес, подожди! — окликнул фермер устало бредущего мексиканца.

Старик огляделся по сторонам и, заметив Брилла, остановился, равнодушно следя за приближающимся белым.

— Послушай, Лопес, конечно это не мое дело, — небрежно протянул Стив, — но все же хочется узнать: почему ты всегда стараешься держаться подальше от старого индейского кургана?

— Но сабэ, — буркнул Лопес, отводя взгляд.

— Ну, нет! Не обманешь! — рассмеялся Стив. — Не пытайся сделать вид, что не понимаешь меня. Ты умеешь говорить по-английски не хуже, чем я. Ты, видимо, уверен, что в том кургане поселились духи или его посещают привидения? Или еще что-то в этом роде?

Конечно, Брилл легко мог перейти на испанский. Он не только говорил, но и писал на этом языке. Но, как большинство англосаксов, предпочитал изъясняться на родном языке. Старик в ответ пожал плечами и нехотя проговорил:

— Но буэно, плохое место. Лучше, если оно сохранит свои тайны.

— Никак, старик, ты боишься призраков? — насмешливо сказал Брилл. — Ерунда, хозяева этого индейского кургана померли так давно, что их призракам наверняка надоело посещать столь заброшенное место.

Встречавшиеся довольно часто на юго-западе курганы, веками хранящие в своих недрах останки давно забытых вождей и воинов исчезнувшей расы, вызывали у неграмотных мексиканцев суеверный страх. Брилл знал об этом, но что-то в поведении Лопеса заставляло фермера продолжать расспросы.

— Не стоит тревожить тайны, скрытые под землей. Плохое место, — упрямо повторил старик.

— Глупости, — решительно возразил белый. — В Пало Пинто мы с приятелями вскрыли один из курганов и не нашли ничего особенного. Только заплесневелые кости скелета, бусы, кремниевые наконечники стрел да прочую ерунду. И после этого меня не посещали никакие индейские призраки, хотя я долго хранил у себя зубы покойника, пока они где-то не затерялись.

— Индейцы? — Лопес презрительно хмыкнул. — Разве речь идет об индейцах? Мой дед, сеньор Брилл, жил тут задолго до вашего, и я знаю, что в этой стране жили не только индейцы. Из поколения в поколение моим народом передаются многие легенды. А некоторые из них рассказывают о странных событиях, случившихся здесь в старые времена...

— Ну, разумеется, всем известно, что первыми белыми здесь были твои предки — испанцы, — согласно кивнул Стив. — По слухам, неподалеку отсюда проходил Коронадо, а прямо по этим местам — или чуть в стороне — двигалась знаменитая экспедиция Эрнандо де Эстрадо, правда я не помню, в каком году это было.

— В 1545-м, — тут же ответил Хуан Лопес. — Лагерь де Эстрадо был разбит в том месте, где сейчас стоит ваш корраль.

Брилл ошеломленно оглянулся и новым взглядом посмотрел на свой небольшой корраль, где меланхолично бродили пара рабочих лошадей, верховой жеребец и одинокая тощая корова.

— Откуда у тебя такие сведения о старинном походе? — не скрывая любопытства, спросил Стив.

— С отрядом де Эстрадо двигался один из моих предков — Порфирио Лопес, солдат, — с гордостью

сказал мексиканец. — И от отца к сыну в нашей семье передавали рассказы об этой экспедиции. Но мне не с кем поделиться знаниями — у меня нет сына.

— Важная же у тебя была родня. А я и не знал об этом, — задумчиво заметил Брилл. — Но тебе, должно быть, кое-что известно не только об экспедиции, но и о золоте, спрятанном, по слухам, где-то здесь, в окрестностях.

— Никакого золота не было, — буркнул Лопес. — Люди смешивают две старые легенды. Воины де Эстрадо шли с боями по враждебной стране и при себе имели лишь свое оружие. А вместо золота многие из них оставили здесь свои кости. Прошли годы, и по этим местам прошел караван мулов из Санта-Фэ. Вот они-то и везли слитки. Спасаясь от неожиданно напавших команчей, испанцы спрятали драгоценный груз в нескольких милях отсюда и сбежали. Но гринго, охотники на бизонов, давно уже разыскали его и увезли. Так, что золота здесь нет, что бы ни болтали несведущие люди.

Брилл слушал рассеянно и равнодушно кивал. Ему были знакомы подобные легенды о спрятанных сокровищах, в изобилии гулявшие по всей юго-западной части Северной Америки. Это пошло еще с тех времен, когда испанцы владели золотыми и серебряными рудниками Нового Света и сказочные богатства перемещались туда-сюда через долины и холмы Техаса в Нью-Мексико и обратно. Но в руках испанцев была еще и прибыльная торговля мехами. А многочисленные войны, нападения индейцев и рыцарей удаchi заставляли доверять накопленное земле. Отголоски этих событий и послужили основанием для рождения легенд о несметных сокровищах.

растущих вдоль ручья деревьях, когда смотрящий ему вслед Стив принял неожиданное решение.

Он быстро поднялся на холм к своей хижине и из пристроенного к ней с тыльной стороны сарая достал кирку и лопату. Брилл надеялся, что еще до наступления темноты успеет осуществить свой замысел и вскрыть курган настолько, что станет ясен характер его содержимого. Еще раз взглянув на заходящее солнце, он решил, что в крайнем случае ему придется поработать при свете фонаря. Уклончивое поведение Лопеса укрепило его догадки о зарытых сокровищах, а порывистая натура требовала немедленно осуществить намеченное и открыть тайну загадочного кургана.

Он почти уверил себя, что эта коричневая горка и впрямь таит в своей глубине клад: девственное золото давно покинутых рудников, а может, и испанскую, старой чеканки, монету. Ведь вполне могло случиться так, что мушкетеры по каким-то причинам не могли увезти свои сокровища и, схоронив их, собственноручно насыпали холм, придав ему форму индейского кургана, желая таким образом одурачить кладоискателей. Что знает об этом старый Лопес? А может, как раз сведения о спрятанном кладе так тревожат его. Неудивительно — мексиканцы убеждены, что спрятанное золото всегда непременно проклято и охраняется неуловимыми злобными призраками. Поэтому, обуреваемый мрачными суевериями, старик предпочитает жить каторжным трудом, но не смеет потревожить сокровища и вызвать гнев потусторонних стражей. Но какое бы неведомое заклятие ни хранило тайну кургана, оно не остановит Брилла. Что могут сделать латино-индейские дьяволы ему, англосаксу, терзаемому демонами засухи, бурь и грядущей нищеты!

С присущей его племени яростной энергией Брилл взялся за работу. Но задача оказалась не из легких — лопата постоянно натывалась на камни и гальку, а почва, обожженная безжалостным солнцем, была твердой, как железо. Стива охватил пламенный азарт кладоискателя, хотя пот заливал глаза, руки подрагивали от усилий. Кряхтя и утирая струящийся пот, он продолжал мощными ударами разбивать на куски слежавшуюся за века землю.

Солнце ушло за горизонт, и на землю опустились долгие летние сумерки. Но Стив Брилл не замечал ни времени, ни происходящего вокруг, продолжая трудиться не покладая рук. Когда он нашел в почве остатки древесного угля, то окончательно убедился, что курган действительно был индейской гробницей. Провожая почивших в Край счастливой охоты, индейцы, согласно обычаю, четыре ночи жгли костры, чтобы души умерших не заблудились в пути. Днем же досыпали курган. Вскрытый когда-то Бриллом и его приятелями курган тоже содержал лежащий слоями внушительный слой угля. Но сейчас слой угля беспорядочно пронизывали почву.

Стив продолжал работу, хотя идея об испанцах, спрятавших сокровище, изрядно поблекла. Но, может быть, те древние люди, так называемые «строители курганов», хоронили вместе с покойником и принадлежащие ему ценности?

Стив возбужденно вскрикнул, когда кирка проскрежетала, ударившись о металл. Напрягая зрение в густеющих сумерках, он рассматривал свою находку. Вещица, покрытая слоем ржавчины, не превышала по толщине лист бумаги, но, поднеся ее к глазам, Брилл мгновенно узнал колесико от шпоры, и, судя по длинным острым «лучам», — испанское. Кладоискатель растерянно вертел в руках «сувенир»

испанских кабальеро и гадал: каким образом этот предмет мог попасть в слежавшуюся почву кургана, сооруженного, по всем признакам, аборигенами, и явно простоявшего здесь несколько веков?

Брилли покачал головой и снова принялся копать. Если это гробница древних индейцев, то в центре должна находиться узкая, сложенная из грубо обработанных камней камера, и он должен обязательно обнаружить ее. Именно там находятся кости человека, может быть вождя, ради которого возводился холм и приносились на поверхности человеческие жертвы. В ступившийся темноте кирка кладовщика наконец глухо ударила по твердой, напоминающей гранит поверхности. Стив опустился на колени и ощупал грубо отесанный каменный столб, ограничивающий один из концов погребальной камеры. Нечего было и думать разбить его. Брилли начал подрывать вокруг, отгребая землю и камешки, освободив столб настолько, что стало возможным вывернуть его, стоило лишь подsunуть кирку под край, используя ручку как рычаг.

Неожиданно Стив понял, что уже наступила ночь. Молодая луна тускло освещала предметы, размывая очертания. Усталые животные в коррале мирно перемалывали челюстями зерно... И вдруг оттуда донеслось беспокойное ржание мустанга. Жалобный крик козодоя раздался ему в ответ из непроницаемо-темных зарослей у ручья. Брилли неохотно оторвался от своего занятия и решил отправиться за фонарем, чтобы продолжить раскопки при свете. Но любопытство подстегивало его, парень пошарил по карманам в поисках спичек: сейчас он мог с легкостью вывернуть камень и взглянуть на содержимое — ну хоть одним глазком. Но раздавшийся позади запирающей плиты слабый зловещий

шорох заставил его отпрянуть и прислушаться. Змеи! Конечно же, в основании плиты могли оказаться прорытые ими норы, и наверняка не менее дюжины «гремучек» с ромбами вдоль спины, свернувшись кольцами в подземной камере, только и ждут момента, чтобы броситься на просунутую по глупости руку. Фермер содрогнулся при этой мысли и отскочил — нет, наугад совать руки в дыры не годится! Его также беспокоил исходящий из щелей вокруг плиты неприятный гнилостный запах. Стив почувствовал его несколько минут назад, но разумно заключил, что этот факт еще не говорит о присутствии рептилий. В этом угрожающем запахе чувствовался присущий кладбищу дух тлена. Неудивительно, ведь за столько веков в замкнутом пространстве камеры наверняка образовались опасные для всего живого газы.

Досадуя на вынужденную задержку, Стив бросил кирку и вернулся в свой дом. Зайдя внутрь, он зажег спичку и направился к висящему на гвозде, вбитом в стену, фонарю. Встряхнув его, Брилли с удовлетворением отметил, что минерального масла достаточно, и зажег фонарь. Поскольку его страсть не позволяла ему даже чуть задержаться и перекусить, он сразу отправился обратно к кургану. Раскопки абсолютно заинтриговали его, а богатое воображение и найденная испанская шпора крайне обострили любопытство.

Стив почти бежал к кургану, раскачивающийся в его руках фонарь отбрасывал по сторонам длинные уродливые тени. Брилли ухмылялся, представляя, как удивится суеверный Лопес, обнаружив утром развороченный холм. Что скажет и подумает перепуганный мексиканец, узнав о вторжении в запретное место? Брилли решил, что правильно сде-

лал, вскрыв курган не откладывая, иначе Лопес постарался бы помешать ему в этом деле.

В спокойной тишине мягкой летней ночи Стив подошел к раскопанному месту, поднял фонарь и изумленно выругался. Свет выхватил из темноты небрежно брошенные невдалеке инструменты — и черный провал ямы. Громадная замыкающая плита лежала около зловещей дыры, как будто мимоходом отброшенная в сторону. Стив все-таки спустился в раскоп и поднес фонарь к отверстию, ведущему в узкую, похожую на пещеру камеру. С опаской взглянул туда, ожидая увидеть нечто неведомое. Взгляду не открылось ничего, только голые каменные стены неширокой длинной камеры, достаточно большой, чтобы поместить тело человека. Стены были сложены из грубо отесанных каменных плит, плотно пригнанных и крепко скрепленных каким-то раствором.

— Лопес! — заорал разозленный Стив. — Грязный койот! Ты следил за мной, а когда я прервал работу и ушел за фонарем, ты спустился сюда и отвалил рычагом камень! Черт поберей твою жирную шкуру! Ты схватил то, что здесь было, и удрал. Но я поймаю тебя и задам хорошую трепку!

Свет фонаря не позволял что-либо разглядеть вдалеке, и Стив сердито задул его. А затем устался в темноту, поверх заросшей кустарником долины. Глаза, закаленные солнцем и ветром пустыни, позволяли видеть и ночью. И вдруг Брилл напряженно застыл: на краю холма, за которым находилась хижина мексиканца, маячила черная тень. В тусклом свете заходящего полумесяца легко можно было обмануться, но Стив точно знал — за кромкой холма, покрытого мескитовыми деревьями, двигалось двуногое существо.

— Мчится в свою лачугу, — зло осканился Брилл. — Несется как угорелый, не иначе прихватил что-то ценное.

Его пробрала дрожь, и Брилл удивился, внезапно возникшему тревожному чувству. Почему фигура семенящего домой вороватого старика вызвала столь необъяснимое волнение? Брилл старался подавить в себе мысли о вдруг возникших странностях в подпрыгивающей походке исчезающего за холмом темного силуэта. Старый грузный Хуан Лопес наверняка не напрасно избрал столь необычную, но стремительную манеру передвижения.

— Я заставлю его поделить добычу поровну. Она найдена в моей земле, и я раскопал холм, — рассуждал Брилл, пытаясь отвлечься от поразившего его воображение побега мексиканца. — Теперь понятно, почему он рассказывал мне сказки о проклятии! Черта с два я поверю в эти басни! Он специально заморочил мне голову, чтобы я оставил курган в покое, а сокровища достались ему. С другой стороны, почему он давным-давно не выкопал клад? Трудно найти логику в совершенно непредсказуемом поведении мексиканца...

Занятый своими размышлениями, Брилл широко шагал по пологому склону пастбища, ведущему к руслу пересохшего ручья. Двигаясь среди деревьев и густого кустарника, растущих по берегам, он перепрыгнул сухое русло и рассеянно отметил про себя, что в темноте не слышно ни крика козодоя, ни уханья совы. Стояла напряженная, неприятная тишина, ночь, казалось, застыла в молчании. Брилл искренне пожалел, что поторопился задувать фонарь, болтающийся бесполезным грузом в левой руке, и так же искренне порадовался, что захватил смахивающую на боевой топор кирку. Парню вдруг захо-

телось хоть как-то нарушить тишину, например свистнуть, но он выругался и передумал. Он облегченно вздохнул, только поднявшись на пологий склон, залитый звездным светом.

Отсюда Брилл хорошо видел жалкую лачугу на прогалине, окруженной мескистовыми деревьями. Из одного окна струился свет.

— Я, кажется, вовремя — старик собирает пожитки, прежде чем удрать, — пробурчал Стив и вдруг пошатнулся, как от удара.

Тишину разорвал душераздирающий крик, настолько ужасный, что хотелось зажать руками уши и упасть лицом в траву, чтобы ничего больше не слышать. Невыносимый пронзительный вопль неожиданно оборвался на самой высокой ноте.

— Боже милостивый! — Стива будто окунули в ледяную ванну — по всему телу выступил холодный пот. — Это орал Лопес... или кто-то дру...

Не закончив фразу, он помчался по склону со всей скоростью, с какой могли нести его длинные ноги. Что-то невысказанно ужасное происходит в одинокой хижине, и он должен узнать что, даже если предстоит встретиться с самим дьяволом. На бегу Стив крепче стиснул рукоятку кирки, мгновенно забыв о своем гневе на старого мошенника мексиканца. Видно, какие-то бродяги пытаются убить Лопеса, польстившись на его добычу. Но плохо придется любым обидчикам его соседа, пусть старик и оказался вором!

Он уже добежал до прогалины, когда свет в хижине погас, и Брилл, не рассчитав, с налету врезался в мескистовое дерево. Поранившись о колючки, он вскрикнул и отскочил в сторону. Чертыхнулся и снова помчался к лачуге, приготавливаясь к худшему.

Подбежав к единственной двери, Стив попытался открыть ее, но сразу же обнаружил, что она заперта, и заперта изнутри. Он покричал, призывая Лопеса, но ответа не дождался. Брилл прислушался — тишина не была абсолютной, изнутри доносился шум приглушенной возни. Она сейчас же прекратилась, стоило фермеру вонзить кирку в дверь. С треском разлетелась тонкая створка, и он, занеся над головой кирку, с горящими глазами влетел в комнату, готовый и к нападению, и к обороне. Возбужденное воображение Стива уже населило темные углы лачуги ужасными фигурами, но внутри ничто не нарушало вновь наступившей тишины, и никто не шевелился.

Брилл отыскал спички и влажными от пота руками зажег одну. В хижине не было посторонних: один только Лопес — старик Лопес, лежащий на полу, широко, как на распятии, раскинув руки. Мертвый, будто каменный. Идиотская гримаса искажала рот, глаза выкачены и наполнены непереносимым ужасом. Его слипшиеся волосы слегка шевелил сквозняк из распахнутого окна. Видимо, убийца сбежал через него, а может, этим же способом и проник в дом. Брилл кинулся к окну и осторожно выглянул наружу. Но перед ним был лишь пустой склон холма и прогалина мескистовой рощицы. Он напряженно всматривался в темноту: не шевелится ли что-либо среди коротких теней мескистовых деревьев и чапаралья? Парень вздрогнул — в какой-то момент ему померещилась мелькнувшая среди деревьев темная фигура.

Спичка догорела до самых пальцев, и Брилл выругался, почувствовав ожог. Затем повернулся и, подойдя к грубому деревянному столу, зажег стоящую там старую масляную лампу, машинально от-

метив, что стеклянный шар лампы очень горячий, как будто она горела много часов подряд.

Наклонившись над трупом, Стив неохотно перевернул его и занялся осмотром. Не было ни ножевых ран, ни следов от удара дубинки. Но смерть, настигшая старика, была ужасна, он сам слышал дикий вопль. Но — стоп... На руке, ощупывающей старика, появилась тонкая полоска крови. И Брилл внимательно осмотрел место, до которого только что дотронулся. На горле Лопеса сочились кровью три или четыре крошечных прокола, нанесенные как будто стилетом — чрезвычайно узким, с закругленным лезвием кинжалом. Но нет, Стив много раз видел раны от удара подобным оружием, да и у него на теле осталась метка, оставленная таким клинком, но тут было что-то другое. Скорее след от укуса неизвестного животного, с очень острыми и длинными клыками.

Брилл был в полной уверенности, что такие небольшие повреждения не могут вызвать смерть, речь не шла и о большой потери крови. И парень решил, хотя эта мысль и вызывала отвращение, что Лопес умер от страха, а раны были нанесены уже трупу.

Осмотревшись, он заметил еще кое-что: по полу валялись раскиданные листки грязноватой бумаги, исписанные корявым почерком мексиканца. Старик, видимо, решил исполнить обещанное и написать о проклятии кургана. Все свидетельствовало о том, что Лопес просидел за столом несколько часов кряду — исчищенные листы, валяющийся на полу огрызок карандаша, горячий шар на масляной лампе. Но кто же тогда побывал на раскопках и украл содержимое погребальной камеры? И кто удирал вприпрыжку за холм? Что за существо успел заметить Брилл?

Теперь ему придется оседлать своего жеребца, отправиться среди ночи за десять миль, в ближайший поселок Колодец Койота, и сообщить шерифу об убийстве. А пока фермер подобрал разбросанные листки, последний из которых был зажат в руке мертвеца, — пришлось приложить некоторые усилия, чтобы разжать пальцы Лопеса.

Брилл повернулся к столу с намерением загасить лампу и задумался. Он медлил, ругая себя за страх, медленно выползающий из закоулков сознания. Вспомнился момент, когда лампа погасла первый раз, перед его приходом сюда. И промелькнувшая в освещенном окне тень, которую он успел заметить перед тем, как в хижине погас свет. Наверняка, именно длинная рука убийцы протянулась и загасила лампу. Он допускал, что возникшее ощущение необычности, искаженности пропорций могло возникнуть от недостатка освещения. Стив, как человек, проснувшийся после кошмарного сна и старающийся вспомнить подробности, попытался четко прояснить для себя: что настолько испугало его при виде убегающей фигуры, что заставляет его покрываться холодным потом при одном воспоминании об этом?

Брилл зажег свой фонарь, решительно задул лампу и, поругивая себя для храбрости, не без опаски вышел из хижины. Крепко стискивая в руке кирку, он с недоумением прислушивался к себе, стараясь понять, почему некоторые подробности этого жестокого убийства так угнетающе действовали на него, не отличающегося особой чувствительностью. Преступление было отвратительным, но вполне заурядным в среде мексиканцев, постоянно лелеющих свои тайные распри.

Его окружала тишина звездной теплой ночи... И вдруг послышалось дикое ржание смертельно пере-

пуганной лошади. Забили копыта в деревянную стену корраля, треск — и вот уже вдали раздается топот уносящихся в безумной скачке животных. Стив замер, а затем, вкладывая всю душу, отчаянно выругался. Видимо, среди холмов появилась пантера, жестокий и удивительно хитрый зверь. Наверно, она и прикончила старого Лопеса. Но отчего тогда на теле не обнаружилось следов от кривых когтей свирепой кошки? И глупо думать, что она сумела погасить свет в хижине...

Ночь подкинула очередную загадку. Ковбой всегда выяснит причины поднявшейся паники в собственном стаде, и Брилл поспешил к темному пересохшему ручью. Пробираясь через колючий кустарник и дальше, он чувствовал, как его язык буквально присох к небу. Стив поминутно слатывал слюну и нес фонарь над головой, стремясь не сбиться с дороги в тусклом пляшущем свете, едва пробивающем мрак сгустившихся теней. Среди хаоса досаждавших парню мыслей вдруг выделилось следующее соображение: он идет по земле, новой только для англосаксов, а по сути не менее древней, чем так называемый Старый Свет.

Ведь вскрытая и оскверненная могила — немое свидетельство, что человек обитал здесь с незапамятных времен. Неожиданно все — и темные в ночи холмы, и обступившие фермера тени — показалось пугающими реликтами прошлого. Многие поколения людей жили и умирали в этих местах до того, как предки Брилла только прослышали о существовании этих земель. И может, именно здесь, у темного ручья, по ночам испускали дух умерщвляемые в страшных муках жертвы.

Поглощенный такого рода мыслями, Брилл торопливо шагал и наконец облегченно вздохнул,

миновав затемненный зарослями участок у русла ручья. Спешно поднимаясь по пологому склону к обнесенному оградой корралю, он высоко держал фонарь над головой и внимательно смотрел по сторонам. Ни одного животного поблизости не было, а колья не были выбиты мощными ударами копыт, а вывернуты и лежали на земле. Это указывало на то, что здесь поработал человек, и события приобретали новый, злоедающий смысл. Кто-то стремился помешать его поездке в Колодцы Койота сегодняшней ночью. Этим кем-то мог быть только убийца. «Значит, парень решил сбежать и оставить между собой и блюстителями закона как можно больше миль», — решил, зло усмехнувшись, Брилл. Но что могло так сильно испугать лошадей, что их топот с дальней мескитовой прогалины был уже еле слышен? Спины Брилла опять коснулись ледяные пальцы страха.

Направляясь к дому, он не сразу ринулся под защиту стен, а крадучись обошел хижину, осторожно заглядывая в темные окна и мучительно прислушиваясь к малейшему шороху, который выдавал бы притаившегося убийцу. Наконец Брилл осмелился открыть дверь и зайти внутрь. Он резко распахнул створки, трахнув ими о стену, чтобы проверить, не притаился ли кто-то в простенке. А затем осветил пространство комнаты поднятым фонарем, свирепо сжимая в руке кирку, и переступил порог, охваченный смешанным чувством страха и слепой ярости. Слава Богу, в доме Стив был один, тщательный осмотр подтвердил это.

С облегчением вздохнув, Брилл плотно закрыл двери и окна, зажег свою старую масляную лампу и извлек из тайника свой верный кольт 45-го калибра, невесело ухмыльнулся и поворачивал сине-стальной барабан. Его мысли постоянно возвращались к

старику Лопесу, одиноко лежащему в лачуге по ту сторону ручья, вернее, к его трупу с остекленевшими глазами. Конечно, он не собирался отправляться в поселок пешком среди ночи. Скорее всего, убийца решил не оставлять в живых свидетеля преступления. Хорошо же, пусть приходит! Молодой ковбой с шестизарядной пушкой не станет для него, или для них, столь же легкой добычей, как стал старый безоружный мексиканец. Эти размышления напомнили Бриггу о бумагах, захваченных из лачуги. Стив уселся, предварительно убедившись, что не находится на линии огня — через окно могла влететь нежданная пуля, — и занялся чтением, не переставая чутко прислушиваться к подозрительным шорохам снаружи.

И чем больше он погружался в смысл корявых, с трудом нацарапанных строк, тем более душу Стива охватывал леденящий ужас. Пугающую историю поведал старый мексиканец, историю о незапамятных временах, передающуюся из поколения в поколение.

Речь в бумагах шла о странствиях кабальеро Эрнандо де Эстрада и его копьеносцев, бросивших вызов ранее неизведанным, пустынным землям юго-запада. Первоначально, как гласила рукопись, отряд состоял из сорока человек — солдат, слуг и офицеров. Кроме начальника экспедиции, капитана де Эстрада, в походе участвовали молодой священник Хуан Завилла и дон Сантьяго де Вальдес. Последний присоединился к отряду случайно — его сняли с беспомощно дрейфующего по водам Карибского моря судна. Он поведал, что все члены команды и пассажиры погибли от чумы, и, боясь заразы, он был вынужден выбросить тела за борт. Де Эстрада решил взять его на борт своего корабля, несущего

испанскую экспедицию, и де Вальдес примкнул к первопроходцам.

Далее путешествие испанцев описывалось Лопесом в примитивной манере, видимо в тех выражениях, как это передавалось от отца к сыну в их семье более трехсот лет. Из рассказа следовало, с какими ужасными трудностями пришлось столкнуться отряду — засуха, жажда, наводнения, песчаные бури, копы и стрелы враждебных краснокожих. Но все эти тяготы отошли на второй план перед таинственным испытанием, постигшим одинокий караван, продвигающийся по дебрям дикой природы.

Отряд превратился в добычу неведомого, тайного ужаса, люди погибали один за другим, а убийцу не удавалось обнаружить. Страх и мрачные подозрения терзали души людей подобно язве. Меры предосторожности не срабатывали, и де Эстрада пребывал в растерянности. Каждый в отряде знал — среди них находится дьявол в человеческом облике.

Отчуждение в отряде росло, люди старались по-прежнему держаться друг от друга, шли врассыпную вдоль тропы. Недоверие и стремление уединиться лишь облегчали задачу дьяволу. Потерянные, потерявшие надежду и измученные лишениями люди устало брели через пустыню. Неведомый враг преследовал их неотступно, повергая наземь отставших, находя свои жертвы среди уснувших, не щадя и часовых. И у каждого из погибших на шее находили небольшие ранки от острых клыков, а в теле не оставалось ни капли крови. И оставшиеся в живых знали, с какого рода злом имеют дело. Продолжая идти вперед, люди призывали на помощь святых или богохульствовали в слепом отчаянии, отчаянно боясь уснуть, борясь с усталостью до тех пор, пока не

падали в изнеможении. А подступивший сон нес ужас и смерть.

В конце концов подозрения сосредоточились на чернокожем гиганте — рабе из Калабара, из племени людоедов. На одном из привалов негра сковали цепями и успокоенно уснули, но в ту же ночь погиб юный Хуан Завилла. Погиб той же смертью, что и остальные. Но он отчаянно сопротивлялся и смог прожить еще некоторое время. Запекшиеся губы прошептали де Эстрадо имя убийцы.

Брилл прервался, оттирая со лба холодный пот и широко открытыми глазами прочел:

«... Добрый священник поведал истину, и де Эстрадо стало ясно, что убийцей оказался дон Сантьяго де Вальдес — вампир, питающийся кровью живых. Вспомнил де Эстрадо и предание и о некоем гнусном дворянине, обитающем в горах Кастилии еще со времен битв с маврами. Кровь беспомощных жертв давала ему бессмертие. Его убежище было раскрыто, и отвратительный злодей бежал — долгое время никто не знал куда именно. Очевидно, спасаясь от погони, он покинул Испанию на корабле, и теперь стало понятно, что спутники его погибли отнюдь не от чумы, а от клыков безжалостного вампира.

Чернокожего освободили, и все оставшиеся в живых люди отправились на поиски дьявольского отродья. Они нашли бестию недалеко, безмятежно спящего в зарослях чапрала. Вампир досыта напился крови последней жертвы и отдыхал. Хорошо известно, что вампиры, насытившись, погружаются в глубокий сон, подобно переваривающему добычу удаву, и тогда их можно пленить без опаски. Но, пленив вампира, люди задумались: каким образом уничтожить нежить? Вампир — и так давно уже умерший человек, а как же можно убить мертвеца?

Сначала было решено, что дон Энрике загонит в сердце дьяволу кол, а затем отрежет голову. Но при этом необходимо произносить святыя слова, которые превратят давно уже мертвое тело в прах, а священник умер, и некому было правильно сделать это. Де Эстрадо сомневался: вдруг чудовище очнется во время ритуала?

Посоветовавшись, они подняли и отнесли дона Себастьяна к находившемуся недалеко от стоянки старому индейскому кургану. Торопливо раскопав холм, испанцы выбросили из погребальной камеры кости и поместили внутрь вампира. Вновь насыпав землю, они помолились: да сохранит его так Господь до Судного дня...

Это место навсегда проклято! Мне жаль, что я не умер с голоду прежде, чем, польстившись на заработки, вернулся в это страшное место. Я с детства знал и этот ручей, и холмы, и курган с его жуткой тайной. Вы ни в коем случае не должны вскрывать этот курган, синьор Брилл, теперь вы знаете все и не должны будить дьявола...

Рукопись обрывалась на этом месте торопливым росчерком карандаша, прорвавшего помятый лист.

С безумно колотящимся сердцем, бледный, как полотно, Брилл поднялся. Язык прилип к небу, парень с трудом произнес:

— Испанская шпора! Вот отчего она оказалась в кургане, кто-то из отряда потерял ее. И перемешавшиеся с землей слои угля... Мне следовало сразу же догадаться — холм уже вскрывали...

Стив поежился, его обступили темные видения. Только сейчас он понял, что наделал. Освобожденный киркой невежды, монстр без труда отодвинул запирающую плиту и выбрался из могильного мрака. Затем он припомнил темную фигуру, вприпрыжку

несущуюся по холму к свету в окне хижины, сулящему человеческую добычу... и еще немыслимо длинную руку, мелькнувшую в тускло освещенном окне лачуги.

— Безумие! Лопес спятил, и я вместе с ним, ей-Богу! — жадно глотая воздух, пробормотал Брилл. — Нет на свете вампиров! А если они существуют, почему чудовище предпочло расправиться с Лопесом, а не со мной? Или вампир выжидает, захотел осмотреться и действовать дальше наверняка? К черту! Что за бред...

Он поперхнулся последними словами. Через окно на него уставилось внезапно появившееся лицо, беззвучно шевелящее губами. Ледяные, немигающие глаза проникали до самой глубины души... Брилл завопил, и отвратительное видение исчезло. Но воздух в хижине наполнился гнилостным, трупным запахом, таким же, что висел ранее над курганом. Дверь затрещала, медленно прогибаясь под напором извне.

Стив Брилл прижался спиной к противоположной стене, револьвер залясал у него в руке, голова кружилась от проносившихся в голове мыслей, но отчетливой была одна — сейчас между ним и ужасным порождением мрака, пришедшим из тьмы веков, была лишь тоненькая деревянная перегородка. И вот он услышал стон удерживающей засов скобы, и дверь с грохотом рухнула внутрь...

Глаза Брилла расширились от ужаса, но он молчал — язык превратился в ледышку. Взгляд остановился, уставившись на высокую, смахивающую на огромную хищную птицу фигуру: пустые холодные глаза, руки с длинными черными когтями. Монстр был облачен в полуистлевшее платье старинного покроя, высокие сапоги со шпорами, шляпа с висящими полями и поникшим пером криво сидела на

голове, превратившийся в сплошные лохмотья плащ свисал, словно крылья ночной птицы...

Чудовище протянуло костлявые руки и стремительно ринулось на Брилла. Ковбой выстрелил в упор и увидел, как от удара пули в грудь вылетел кусок материи. Вампир качнулся, но тут же выпрямился и с пугающей быстротой опять кинулся на Стива. Придушенный вопль вырвался из груди парня, он отскочил к стене, выронив револьвер из ослабевшей руки. Значит, мрачные старинные легенды гласили правду — против вампира человеческое оружие бессильно. Как можно убить того, кто мертв уже долгие столетия!

Когтистые пальцы сжались на горле Брилла, но страх отступил, молодой ковбой окунулся в горячку боя. Он дрался с холодной мертвой нежитью, отстаивая свою жизнь и душу, сражаясь так, как бились его предки-пионеры, бросая вызов суровой судьбе.

Подробностей смертельной схватки Брилл почти не запомнил. Он оказался погруженным в хаос, он рвал зубами, молотил кулаками, пинал мерзкую тварь, впившуюся в него длинными черными когтями пантеры и клацающую острыми зубами в опасной близости от горла.

Вцепившись друг в друга, они катались по полу, путаясь в складках зловонного плаща, поднимались и снова падали, натыкаясь на разбитую мебель. Ярость жаждущего крови вампира не могла преодолеть отчаяния и желания жить его противника.

В какой-то момент дерущиеся рухнули на стол, перевернув его, и лампа разлетелась вдребезги, ударившись об пол и разбрызгав горящее масло по стенам хижины. На Брилла посыпались горячие брызги, но в пылу сражения он не обратил на ожоги

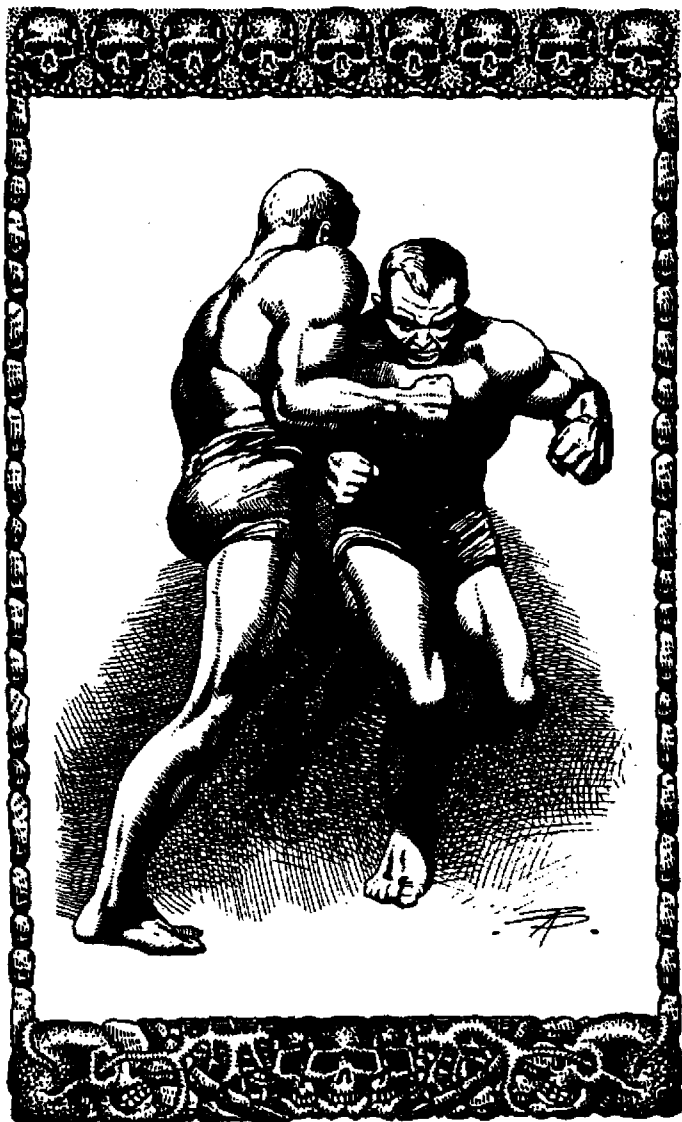
внимания. Его продолжали терзать чудовищные когти, бездонные глаза леденили душу, иссохшая плоть не поддавалась ударам, твердая, как сухое дерево. На человека накатил волна слепой ярости, и он дрался, как безумный, не реагируя на окружающее, а вокруг быстро занимались стены и потолок дома.

Схватка продолжалась среди бующих языков пламени, как будто на раскаленном пороге ада вели сражение демон и смертный. Брилл понял, что долго не выдержит, и собрал силы для последнего отчаянного удара. Перемазанный кровью, задыхающийся, он отшвырнул гнусного монстра, а затем снова бросился на него и обхватил настолько крепко, что вампиру не удалось разжать хватку. Приподняв чудовище, Брилл с размаху ударил его спиной о край стола — раздался хруст, как будто сломалась толстая ветка, вампир выскользнул из рук Брилла и распластался на полу в нелепой, изломанной позе. Но даже сейчас тварь еще не сдохла, извиваясь, как умирающая змея, тело пыталось подползти к Стиву, несмотря на сломанный позвоночник, а вспыхнувшие глаза сверлили его с голодным вождением...

Едва не падая, задыхаясь от дыма, Брилл ощупью нашел дверной проем и выскочил наружу. Вытирая ладонью залитые потом и кровью глаза, он бросился бежать через заросли мескита и чаппоралля, словно ему удалось вырваться из ада. И наконец, рухнул на землю в полном изнеможении. Повернувшись, он смотрел на пылающую хижину и благодарил Господа: огонь выжжет дотла не только его дом, он уничтожит записки Лопеса и обратит в прах кости дона Сантьяго де Вальдеса, не оставив о жутком вампире никакой памяти...

ЧЕСТЬ КОРАБЛЯ

МОРЯК КОСТИГАН И СВАМИ¹

И

е-ет, все-таки надо принять специальный закон, чтобы держать в узде проклятых газетчиков. Вечно они все перевирают. Взять, к примеру, случай, который репортеришка назвал «Возмутительным происшествием в Батавии»². Уму непостижимо, откуда такая предвзятость у голландской газетенки,

¹ Господин (инд.) — почтительное обращение к брамину.

² Старое название Джакарты.

заметку из которой прочел мне один «тупоголовый»¹ с нашей шхуны. Вот она, слово в слово:

«Вчера свами Дитта Бакш пал жертвой беспричинного свирепого нападения. На него поднял руку некий Стивен Костиган, американский матрос со шхуны «Морячка» — той самой, что ухитрилась, к несчастью для законопослушных граждан, пережить тайфун, недавно опустошивший Сингапур. Сей матрос, известный многим как отчаянный задира, очевидно, за что-то невзлюбил свами. Вломившись в «Замок Снов», он разбил о голову почтенного брамина магический хрустальный шар, нанес ему сокрушительный удар в нос, пнул пониже спины и перекинул его через высокую лакированную ширму.

Затем он причинил серьезные телесные повреждения семерым местным полицейским, пытавшимся арестовать его (по слухам, все они обязательно поправятся), и сбежал на свою шхуну, снедаемый жгучей ненавистью ко всему городу. Хочется спросить, как долго наглым хулиганам-янки будет позволено шляться по нашим улицам и нападать на ни в чем не повинных граждан?»

Там еще много чего было, но и без того лож торчит из статейки, что твое шило из мешка. Во-первых, я не янки. Во-вторых, не было «свирепого нападения», как выразился репортер, тем более «беспричинного». У меня была веская причина воздать проклятому факиру по заслугам.

Случилось так, что мы со Стариком поругались, как никогда раньше. Все началось с того, что четверым тупоголовым, которых мы наняли в Мельбурне, вздумалось усомниться в моем праве называться вожаком кубрика. Вообще-то я снисходителен к сала-

¹ Squareheads (англ.) — презрительное прозвище скандинавов.

гам, но эти закоренелые уголовники попытались отделать меня кофель-нагелем¹ и ганшпугом², поэтому нам пришлось вести судно при значительной нехватке матросов, пока мои недруги валялись на койках и сотрясали воздух стонами и тяжкими вздохами. Меня просто тошнит, когда взрослые парни так раскисают из-за нескольких треснувших ребер, сломанных рук и вывихнутых челюстей, вот я и высказал это вслух. Но Старик здорово осерчал и обвинил меня в том, что я их отправил на койки нарочно, и теперь-де «Морячка» не успеет прибыть в порт по расписанию.

Несправедливые упреки всегда портили мне настроение, но в этот раз все прошло бы гладко, не оказись помощник капитана круглым дураком — чем еще объяснить, что он вздумал песочить меня, едва мы вошли в гавань Батавии? Я не любитель трепать языком, поэтому так двинул ему в челюсть, что он чуть не пропахал всю палубу носом. Ну, а справа как раз проходил Муши Хансен с большой бадьей горячей смолы, и помощника угораздило врезаться в него. Тут вся команда заголосила от отчаяния, потому что этим утром мы на совесть отдраили палубу пемзой и до блеска начистили всю медь. Приняв брюхом удар головы помощника, Муши сплет с копыт, бадья выскочила у него из лап и залила палубу от леера до леера. При виде смоляной лужи на своей драгоценной палубе Старик завопил и выдрал клочок из бороды.

— Гляньте-ка на палубу! — прорычал он. — Стив Костиган, сидеть тебе в кутузке! Ты ведь это нарочно!

¹ Деревянный или металлический болт для наворачивания снастей.

² Ручной рычаг.

От таких слов мой праведный гнев выплеснулся наружу.

— Черта с два! — рявкнул я. — И вообще, не собираюсь я чистить это дерьмо, потому что и без того сыт по горло вашими придирками, скоблением палубы и прыжками через шкоты¹. С меня хватит!

— Что?! Решил драпануть с судна?! — завопил он. — Да я тебя...

— Я сойду на причал, едва мы пришвартуемся, чтобы не видеть больше ни вас, ни эту лохань, — огрызнулся я. — Можете уведомить фараонов, и посмотрим, хватит ли их в Батавии, чтобы скрутить меня.

— Ты мне здесь больше не нужен! — кипятился шкипер. — Ненавижу твою физиономию! Но и тебе не видать другого корабля, я об этом позабочусь!

— Ой, до чего же страшно! Да я и на суше заработаю себе на хлеб.

Я так разозлился, что стиснул кулаки и пошел на Старику, и он в тот же миг со злобным смешком укрылся в своей каюте. Пока он осыпал меня оскорблениями через иллюминатор, я маленько остыл, кликнул своего белого бульдога Майку и сошел на пристань.

На берегу я вдруг вспомнил о деньгах и сунул руку в карман, но нашарил лишь свой верный талисман — монету в полдоллара с головами на обеих сторонах. Я ее отобрал у одного матроса, которого поймал на нечестной игре в орлянку.

— Ну, и как нам теперь быть? — обратился я к Майку, но вместо ответа бульдог уселся и принялся

¹ Снасть для натягивания нижнего угла паруса.

гонять задней лапой блох. Это, конечно, подняло ему настроение, но мне не принесло особой пользы.

— Куда податься? — пробормотал я, не забыв по привычке чертыхнуться, а голос у меня громкий.

— Эй, друг мой, — произнес кто-то за моей спиной.

Я обернулся и увидел доброжелательно взирающего на меня толстяка с черными усиками, в тюрбане и халате с широкими рукавами.

— Невольно услышал ваши размышления, — промурлыкал он. — Я свами Дитта Бакш, искушенный в оккультных науках. Если позволите, я вам помогу.

— Годится! — согласился я и пообещал отплатить ему за услугу, как только найду работу.

— Гм-мм, — промычал индус. — Я не имел в виду обычную плату, любезный. Идемте в мой «Замок Снов», там я вызову духов и покажу верный путь, которому вы должны следовать.

— Ну что ж, — пробормотал я, немного смутившись. — Почему бы и нет? Пошли, Майк.

Меня разочаровало то, что он называл своим «Заком». Мне всегда казалось, что замок — это громадная хоромина с башнями и разгуливающими туда-сюда стражами в жестяных кольчугах. Но передо мной стояла обычная для цветного квартала хибара, на ней красовалась единственная вывеска: «Свами Дитта Бакш, посвященный из Индии. Он Зрит, Ведает, Прорицает!»

Индус провел меня в комнату, увешанную бархатными гобеленами и разделенную большой лакированной ширмой, за которой, по его словам, прятались и вешали духи. Из мебели, кроме ширмы, был эбеновый стол и несколько стульев вокруг; на столе я увидел хрустальный шар. Дитта Бакш велел оста-

вить Майка снаружи, дескать, душа пса привязана к этому свету и может не поладить с духами умерших. Но я воспротивился, ответив, что Майк скорее не поладит с тем, кто вздумает его прогнать.

— Валяйте, кличьте своих духов, — сказал я. — Им ничего не грозит, пока они не тронут Майка, но если вздумают шутки с ним шутить, он мигом превратит ихние штаны в лохмотья.

Свами помахал руками над хрустальным шаром и изрек:

— Ага! Я вижу человека с расплюснутыми ушами и белого бульдога! Позвольте сосредоточиться. Да, я его узнаю! Это моряк Стив Костиган! Вижу боксеров, дерущихся на ринге! Вижу деньги — много денег. Мне все ясно. Вы должны отправиться в Сингапур и открыть боксерский клуб!

— То есть стать антрепренером? — недоверчиво переспросил я.

— Вот именно, — промурлыкал он. — Это все показывает хрустальный шар.

— Ну что ж, если должен... — пробормотал я.

— Замечательно! — воскликнул он. — Пожалуйте один доллар.

— Черт побери, нет у меня ни гроша.

Индус то ли опечалился, то ли обозлился — во всяком случае, улыбка на миг исчезла, а рука дернулась к бедру, будто свами хотел выхватить пушку. Но он тут же снова заулыбался и сказал:

— Ничего, это можно уладить. Обещайте за совет духов отдать мне половину выручки от первых состязаний в клубе. Согласны?

— Согласен. Но, кстати, как попасть в Сингапур?

— А это уж не моя забота, — ответил он, и мы с Майком вышли на улицу.

Едва мы очутились у пристани, как меня окликнул какой-то тип. Он подбежал и оказался моим старым знакомым.

— Я открываю тут боксерский клуб, — похвастал Джо Барлоу. — Как насчет поединка-другого?

— Мне нужно в Сингапур, — проворчал я. — Так велел хрустальный шар. Джо, одолжи на билет, а?

— Еще чего! — Он фыркнул. — Нужны монеты — дерись!

Он ушел, а я грустно покачал головой. Если б не духи, можно было бы подраться в клубе Джо Барлоу. И тут из-за бочек донесся знакомый шум, и мне в голову пришла счастливая мысль.

Обогнув бочки, я подошел к компании матросов — они, позабыв обо всем на свете, резались в орлянку.

— Ставлю полдоллара, — объявил я и выложил свою монету-талисман.

Должно быть, духи не оставили меня своей заботой, поскольку через полчаса я обобрал всю толпу до единого цента. Я уж было собрался уйти, но тут один здоровяк поднял оставленную кем-то по рассеянности монету и с изумлением и гневом на тупой роже уставился на меня.

— Эй, погоди-ка! — взревел громила. — Это же твоя монета! Ты с ней игру начинал!

— Ну и что с того? — осведомился я, стребая свой выигрыш. — Ведь я выиграл, верно? Какая теперь разница?

— Я тебе покажу, какая! — заорал он, целя мне в челюсть...

В общем, после короткой, но яростной стычки я оставил здоровяка и трех его приятелей в нокауте, и пока уцелевшие игроки отливали их водой, мы с

Майком поспешили к пароходу, уходящему, как мне было известно, этим вечером на Сингапур.

Мы путешествовали первым классом, и на пристань Сингапура я сошел при деньгах. Но, учредив клуб и подготовив первый турнир, я обнаружил, что почти разорился. Работенка оказалась потруднее, чем я рассчитывал. Пришлось помотаться по всему Сингапуру и переговорить с доброй тысячей моряков, прежде чем я подобрал участников состязаний, всего три пары: для первого поединка — Малыш Джексон против Джоя Гэгнона, оба в легком весе; полутяжи Билл Гаррисон и Джим Брент для полуфинала и, наконец, гвоздем программы — тяжеловесы Громила Брок и Туз Кинан. Все эти боксеры были морскими волками под стать мне и привыкли обходиться без всяких там антрепренеров и менеджеров.

Я нанял за пять долларов субъекта по фамилии Хопкинс на роль рефери и зазывалы и потратил большую часть оставшихся денег на изготовление и расклейку афиш. Обойдя все прибрежные салуны, я оповестил завсегдатаев о намеченных боях и дал нескольким мальчуганам по четвертаку на нос, чтобы носились по улицам на велосипедах и вопили во всю глотку: «Большой турнир! Кулачные бои на ринге вновь открытого «Дворца Удовольствий»! Вас ждет боксерский клуб моряка Стива Костигана!»

Старый «Дворец Удовольствий» никак нельзя было назвать шикарным заведением. Но эту прогнившую развалюху у самой воды в цветном квартале я заполучил задешево и подлатал как сумел. А до этого она много лет простояла с заколоченными дверями.

В тот вечер я чертовски нервничал, потому что все непредвиденные траты оставили мне паршивый

доллар в кармане и тягостную мысль в голове: хватит ли выручки за билеты, чтобы расплатиться с боксерами?

Но толпа вопреки ожиданиям собралась нештучная, хотя многие возмущались насчет дороговизны (доллар за место возле ринга и полдоллара — на галерее). Когда все собрались и билетер отдал мне выручку, я насчитал ровно сто двадцать пять монет. Финалистам я собирался выплатить по двадцать пять, полуфиналистам по пятнадцать, а открывающим турнир ребятам — по десять. Чистой прибыли ожидалось двадцать пять монет, если не брать в расчет организационных расходов.

Я побывал в раздевалках и заплатил парням авансом, что, как выяснилось впоследствии, было роковой ошибкой. Но не хотелось держать при себе все деньги в таком поганом вертепе, как мой «Дворец Удовольствий».

Ночь выдалась душная, солнце утонуло в багровой дымке на горизонте. Толпа потела и вопила, а со мной обращалась так, будто я шут гороховый, а не антрепренер боксерского клуба. Особенно лезли вон из кожи «лимончики»¹, которых набралось предостаточно и с которыми я всегда был не в ладах.

Вскоре на ринге появились легковесы и дрались три раунда, как дикие кошки. В начале четвертого раунда Гэггон подловил Джексона на хук левой, и этот хук пришелся по меньшей мере футом ниже, чем следовало. Джексон скукожился на брезенте, а придурок рефери начал считать...

— Ты что делаешь? — заорал я, прыгнув на ринг. — Неужто не видишь, что парень схлопотал ниже пояса?

¹ Презрительное прозвище англичан (limey).

— По новым правилам это неважно, — ответил рефери. — Девять! Вали с ринга, я — судья!

— А балаган мой, — прорычал я в ответ. — Мне плевать, что там за новые правила в Америке, но в клубе Стива Костигана такое жульничество не пройдет!

— Тогда я свалю! — рявкнул он. — И заберу пятерку!

— Катись к черту! — огрызнулся я, и публика изумленно взвыла. Не более десятой ее части увидело тот подлый удар. — Мотай с ринга, и поживее. Я сам буду судить.

— А не слабо прогнать меня? — осведомился он, принимая боевую стойку. Я, недолго думая, угостил его левой в челюсть, он пролетел сквозь канаты, приземлился на задницу среди зрителей и больше никому не причинял беспокойства.

Подобрав с брезента стонущего Малыша Джексона, я поднял его бессильную руку в знак победы, а затем отнес его в раздевалку, где им занялись срочно вызванные коновалы.

Толпа волновалась, свистом и улюлюканьем выражала недовольство, поэтому я бросился в раздевалку Билла Гаррисона, чтобы поторопить его. К моему удивлению, у него оказался Джим Брент, и оба недружелюбно уставились на меня.

— В чем дело? Вы уже должны быть на ринге.

— Мы бастуем, — пояснил Гаррисон, и Брент подтвердил кивком.

— Это еще почему?! — заорал я. — Разве я не заплатил авансом?

— Этого недостаточно, — беспокойно заерзал Гаррисон. — Добавь, иначе не выйдем.

Толпа в зале зверела с каждой минутой. В отчаянии я едва не предложил этим гадам всю мою

прибыль, все двадцать пять монет, но вовремя вспомнил, что половину должен отдать индусу.

— Мне просто нечего добавить, — посетовал я. — Братки, да вы что, в самом деле! Нельзя же просто взять и уйти и оставить меня на растерзание толпе.

— Неужто нельзя? — ухмыльнулся Брент. — А ну, посмотрим!

— А я говорю, вы не уйдете! — Рассвирепев, я метнулся к двери, повернул в замке ключ и сунул его в карман. — Вы будете драться на моем ринге, — процедил я. — За пятнадцать монет на нос, как договаривались.

Тут они яростно набросились на меня, и любому за дверью раздевалки слышен был шум сражения: хруст кулаков, крики боли и гнева, гулкий стук черепов о пол.

— Ну так что, будете драться? — растирая кровь под носом, спросил я вскоре двух измочаленных пентюхов, которых только что колотил головами об пол.

— Эй, Костиган! — послышался за дверью голос моего помощника. — Толпа угрожает разнести при-тон, если сейчас же кто-нибудь не выйдет!

— Будете драться? — повторил я, хватая обоих за шкирки.

— Погоди, — прохрипели они. — Будем драться...

У обоих подгибались ноги. Поддерживая бедолаг за плечи, я провел их по коридору на ринг. При виде разукрашенных боксерских физиономий публика взревела от изумления. Когда я объявил имена и вес противников, зрители вскочили с мест и ос-вистали нас скопом.

Джонни ударил в гонг, гладиаторы, пошатываясь, побрели навстречу друг другу, и Гаррисон в

отчаянии прошептал, что еле стоит на ногах — какой уж тут бокс!

— Тогда притворяйтесь, — кровожадно посоветовал я, — или мой первый урок покажется вам пикником по сравнению со вторым.

Гаррисон с воплем бросился через ринг, широко размахнулся и нанес зубодробительный удар правой. Вместо глаз у Брента остались щелки, поэтому он даже не углядел летящего кулака. Крепко получив по челюсти, он зарылся носом в брезент. Гаррисон повалился на него, и я присудил нокаут обоим.

Публика снова поднялась на ноги и разразилась ливниным ревом. Я сроду не видел любителей бокса в таком дурном настроении. В зале было жарко, и в этом, похоже, все винули меня. Толпа так вопила, что я едва не оглох. Снаружи мог обрушиться весь город, и мы бы этого не заметили.

Пришлось мне с помощью Джонни оттащить бесчувственных полутяжей в раздевалку, после чего я приказал Джонни поскорее выставить на ринг Брока и Кинана.

Мое очередное появление в зале встретило такой бурный прием, что готов поспорить: его услышали в Австралии. Я хотел вежливо улыбнуться, но сумел изобразить только жуткую ухмылку. Я потел, как негр, Гаррисон подбил мне глаз, Брент расквасил нос, и в довершение всего публика своими издевками довела меня до бешенства.

— А сейчас... — Я с удовлетворением заметил, что зрителям меня не переорать — между прочим, это не под силу даже противотуманной сирене. — ...поединок из десяти раундов, в котором сойдутся Громила Брок из голландского города Амстердама и Туз Кинан из Сан-Франциско. Эти ребята шутить не любят...

— А то мы не знаем! — перебила обезумевшая толпа, стряхивая пот с глаз и потрясая кулаками. — Давай ближе к делу, обормот! Мы тоже шутить не любим!

Испепеляя взором ближайшие ряды зрителей, я заметил некоего субчика, шумевшего за десятерых. Он был в «закопченных» очках, с длинной рыжей бородой и в надвинутой на глаза матросской шапочке. Мне стало не по себе от его устремленного на меня через темные очки горящего взгляда. Может, это нанятый моими конкурентами стрелок? Я решил при малейшем подозрительном движении расколоть ему череп и только потом задавать вопросы.

Кто-то просунул руку между канатами и дернул меня за брючину. Я увидел побледневшего Джонни.

— Стив, — прошептал он. — Теперь нам крышка. Брок смылся!

— Что? — Я непроизвольно дернулся, потом наклонился, сгреб его за ворот и протаскил меж канатами на ринг. И процедил: — Развлеки этих паразитов. Спой им что-нибудь или спляши, а я сейчас вернусь.

Бегом устремляясь по проходу, я расслышал жалкий лепет Джонни:

— Господа, не угодно ли послушать «Мордой об стойку бара»?

— Не-ет! — хором заорала толпа, в которой я уже приметил знакомую персону. То был англичанин Бристол Рейни, бывалый боксер.

Я ухватил его за плечо, наклонился и прошепел на ухо:

— Брок удрал из клуба. Не хочешь взгреть Туза Кинана за двадцать пять монет?

— За такие деньги я готов взгреть самого Демпси, — живо отозвался он и поспешил за мной. В раздевалке я быстро объяснил ситуацию Кинану.

— Извини, но это не моя вина,— потя как лошаадь, сказал я боксеру.— Но если откажешься драться с Рейни, я тебя размажу по стенам этой раздевалки.

— Я с ним подерусь,— заверил меня Кинан.— Но только он мне не нравится.

— Плевать! — бросил я, торопясь вернуться в зал, где неблагодарная толпа забавлялась швырянием пустых пивных бутылок в беднягу Джонни.

Мой громовой рев положил этому конец.

— Хватит! Того, кто бросит еще одну посудину, я своими ногами втопчу в пол! — Как ни странно, публика утихомирилась, и я добавил: — Господа, к сожалению, Брок смазал пятки. Я заменяю его Бристолем Рейни и...

Я вынужден был замолчать, потому что от рева едва не обрушилась крыша. Ничто на свете не огорчает публику сильнее, чем замена бойца.

— Гони назад наши деньги! — орали зрители.

— Ладно! — отозвался я, на миг теряя терпение.— Я верну ваши проклятые монеты, но только желающий забрать их пускай подойдет ко мне!

Все еще вне себя, я прыгнул с ринга, и ко мне нетвердой походкой подошел здоровенный матрос.

— Хочешь забрать свои деньги? — осведомился я.

— Ага! — рывкнул он.— Я выложил за этот вшивый балаган целый доллар!

— Ну хорошо,— проскрежетал я.— Забирай!

Сунув в протянутую лапу мой последний доллар, я изо всей мочи саданул ему по скуле. Он перелетел через первый ряд стульев и успокоился среди обломков второго, задрав к потолку матросские сапоги.

— Кто еще хочет забрать деньги? — воинственно прогремел я, приплясывая от возбуждения. Во

«Дворце Удовольствий» воцарилась зловещая тишина, но никто не подошел ко мне, а через минуту в проходе появились боксеры.

Воспоминания о том поединке останутся со мной до последнего дня. Иногда он мне снится, и я просыпаюсь среди ночи с воплем о помощи. То был кошмар наяву. В первом раунде Рейни схлопотал в брюхо и после этого уже не открывался. Он был подл, хитер и труслив. Кинан желал драться по-мужски, но Рейни сводил на нет все его благородные порывы. Один клинч следовал за другим, я замучился разнимать. Попробуйте-ка оторвать друг от дружки пару двухсотфунтовых громил. Только растащил, глядишь, они снова в обнимку... И так целых семь раундов, а жарища — вот-вот мозги расплавятся!

Лампы над рингом опалили нас адовым пламенем, и все это время я сознавал, что подвергаюсь этой пытке задаром. Рейни кусался, лез пальцами в глаза противнику и в клинче падал на колени. Когда мне надоели эти фокусы и я пригрозил его вышвырнуть, он заржал и сказал: «Валяй, я ведь уже получил свои деньжата!»

Короче говоря, все кончилось в седьмом раунде. На протяжении всего боя болельщики Рейни осыпали меня оскорблениями, им не нравилось, что я заставлял их любимца драться честно. В толпе их поддержали многие англичане. Но вот боксеры вышли из своих углов. Кинан размахнулся — тщетно, Рейни мигом вошел в клинч. Я, пошатываясь, приблизился, чтобы разнять, и — бац! — пивная бутылка разбивается о мой череп. Я растянулся между боксерами, секунду повисев на их сомкнутых руках, затем Рейни ухмыльнулся и злобно опустил каблук мне на подъем стопы. Я мигом очнулся и вышел из

себя, забыв при этом о публике, индусе и всем прочем, кроме ухмыляющейся физиономии Рейни.

Размахнувшись от самого бедра, я впечатал Рейни по челюсти. Никогда еще мне не доводилось видеть столь восхитительного полета: кувыркаясь в воздухе, этот лимончик перелетел через канаты и уже без чувств шмякнулся на колени своим подлипалам. Толпа с ревом вздыбилась, и человек сорок с пеной у рта полезли на ринг.

Джонни взвыл и устремился к ближайшему выходу. Кинан каким-то чудом перевалился через канаты, и его поглотила свора очумелых лимончиков. Я тремя ударами уложил троих, остальные волной прокатились по мне. Их было так много, что я не мог работать кулаками. С охалкой нападающих я обрушился на пол, чтобы кусаться, царапаться, увечить. Кто-то вцепился в мою глотку, другой прижался ко мне так тесно, что я отчетливо слышал треск его сломанных ребер; пока он орал от боли, мои зубы застряли в чужом ухе; все это время по мне градом молотили сапоги. Послышался треск рвущейся материи и кожи, затем пронзительный визг, и я понял, что в схватку вступил Майк. Неожиданно в гущу дерущихся с грозным боевым кличем прыгнул некто устрашающий, он размахивал стулом, будто цепом. Это был рыжебородый незнакомец в темных очках!

Благодаря его стулу и зубам Майка нажим толпы ослабел, и я поднялся, раздавая тумаки направо и налево и каждым ударом повергая по меньшей мере одного зрителя. Зал превратился в бедлам, кругом метались и корчились люди, в щепки разлетались стулья и скамьи, стену всгучило наружу. Кто-то выломал столбик ринга, помост с треском накренился. Потом этим столбиком рыжебородого ша-

рагнули по башке, вынудив покачнуться и уронить очки.

Я уложил парня со столбиком зверским хуком левой, и тут вдруг раздался страшный грохот.

Постройка закачалась, будто в нее угодила мощный снаряд. Я ясно увидел, как покосилась и застыла крыша; вскоре она взмыла в ночь, и мы, оглушенные ревом ветра и грохотом рушащихся стен, изумленно уставились в красно-черное небо. Кто-то крикнул: «Тайфун!» — и все окончательно обезумели.

Смутно припоминаю, что меня опять сбили с ног и едва не затоптали, когда я пытался добраться до рыжебородого спасителя. Я дотянулся до него и схватил за рыжую бороду. Она осталась у меня в руке — то был Старик. Я снова вцепился — на этот раз в настоящую бороду, — но порыв ураганного ветра буквально разнес в щепы «Дворец Удовольствий» и подхватил помост ринга. Берег был рядом, но я почти не помню нашего полета. Помню только, как меня едва не растерзали ураган и потоки воды, как швыряло туда-сюда помост, точно бутылочную пробку. Я держался за бороду Старика, Майк — за мой ворот, и кто-то еще висел на канатах ринга, что плыл в бурных волнах пролива, бывшего некогда улицей.

Мимо, кружась, проплывали дома и обломки построек, за них цеплялись китайцы. Ураган и вода превратили ту ночь в настоящий ад.

— Держись! — крикнул я Старика. — Нас выбросит на холм!

— А! — отвечал Старик, задирая голову, чтобы извергнуть из глотки добрый галлон морской воды.

— Где «Морячка»? — крикнул я, перекрывая гул ветра.

— С ней все в порядке! — ответил кэп. — Я заранее узнал о тайфуне. Шхуна в море, с командой на борту. Я отправился следом за тобой в Сингапур, потому что знал: парню вроде тебя не справиться в одиночку. Но не хотелось, чтобы ты меня узнал, если добьешься успеха.

— Свами Дитта Бакш посоветовал открыть здесь боксерский клуб! — выкрикнул я.

— Знаю! — отозвался Старик. — Свами — гнусный обманщик, он никакой не индус, а белый мошенник по имени Ормонд. Его брат — боксер, и Ормонд выпроводил тебя из порта, чтобы его чертова братца нанял Джо Барлоу. Послушай, если выберемся отсюда живыми, ты вернешься на шхуну?

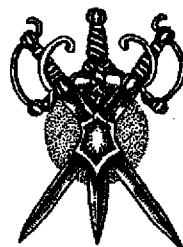
— С одним условием! — ответил я. — Ты меня отвезешь на Батавию, и я отдам должок свами Дитта Бакшу, или Ормонду, или как там его...

Несколько дней спустя я вошел в «Замок Снов» и устремил на индуса загадочный взгляд. Вначале он немного удивился, затем просиял:

— Ага! Ты пришел отдать мне половину выручки?

ПО ПРАВИЛАМ АКУЛЫ

Самый значный из портов Южных морей — Баррикуда. На этом острове одна гавань и один городок, вобравший в себя все мыслимые пороки, а уж городов и пороков я повидал немало. Население — белые, аборигены и подонки всех мастей. И хватит расспросов — слишком много чего можно порассказать.

Если интересуетесь, побывайте там сами, но тому, кто обладает чувствительной натурой, либо питает любовь к роду людскому в

целом, лучше воздержаться от посещения Баррикуды.

Отчетливо помню, сколь неприятно было протрезветь и обнаружить себя на мели в этом вертепе. Поверьте, я вовсе не пьяница. Пусть я немного склонен к пороку, но мне необходимо блюсти форму, чтобы удерживать титул чемпиона «Морячки» среди горилл, называющих себя моими товарищами по плаванию. Нет, верно, кто-то «зарядил» мой ром. Я пропустил пару стаканчиков в казино «У Хуана», еще пару в «Прибежище моряка», потом три или четыре в «Американском баре» и еще несколько в безымянных кабачках поменьше, после чего, к своему искреннему изумлению, забыл обо всем на свете.

Очнулся я в отдельном кабинете «Американского бара», где меня приводила в чувство, поливая водой, незнакомая девушка.

— Мне ужасно неловко, — пробормотал я. — В жизни не видел такой прекрасной девушки; и приходится у нее на глазах выходить из состояния алкогольного опьянения.

Она одарила меня печальной и сочувственной улыбкой, нежно похлопала по руке и в ответ на мои неуклюжие попытки поймать ее пальцы выскользнула из комнаты, оставив меня под чарами алых губ, нежных бледных щечек и огромных грустных глаз. Эти глаза преследовали меня, когда я отправился на поиски своего корабля.

Вот так новость: «Морячка» отчалила прошлой ночью и, по словам портовых рабочих, проклятия не дождавшегося меня Старика могли превратить в лед кровь пылкого квартерона. Старый черт все же исполнил угрозу когда-нибудь уйти в море и предоставить мне отсыпаться на берегу. Прежде мне не

верилось, что он на такое способен. Я преподнес докерам пару-тройку непристойностей в адрес Старика, затмивших его вчерашние проклятия, затем дал по челюсти согласившемуся со мной стивидору¹ и вернулся в «Американский бар».

По странной причуде судьбы буфетчики и вооруженные не тронули мелочь в моих карманах, поэтому я заказал выпивку и попытался навести справки о посещающих эту гавань судах. Бармен упомянул о стоящем на якоре британском пароходе, — скоро он возьмет курс на Таити и прибудет туда раньше «Морячки». Перспектива наняться на судно лимончиков меня не увлекала, но я был согласен плыть с самим дьяволом, лишь бы убраться с Баррикуды.

Узнав, что хотел, я поинтересовался насчет девушки, испытывая при этом жгучий стыд за свой утренний позор. Удалось лишь узнать, что она француженка, зовут ее Диана и по вечерам она танцует в «Американском баре». Вспомнились ее грустные глаза и тонкие белые руки, и у меня защемило сердце. Приятели говорят, что я готов влюбиться в первую встречную красотку, но им просто завидно.

Не найдя девушку, я забрел в казино Хуана и затеял спор со здоровенным голландцем с парусника. Не помню конкретной причины ссоры — кажется, речь шла о Лиге Наций. Короче, мы погорячились, я заехал ему левой в челюсть, и он зарылся носом в плеватьницу. Тут какой-то подлый сын Вельзевула огрел меня по черепу дубинкой, и я отправился считать звезды.

¹ Лицо, ведающее погрузкой и разгрузкой судов в зарубежных портах.

Очнулся я на задворках казино, где оказался по милости вышибал Хуана, и гляньте — меня снова поливает водой маленькая француженка!

— Кажется, это становится привычкой,— произнес я, садясь.

— Месье, похоже, вы неразлучны с неприятностями,— отозвалась она.— Вам не следует общаться с плохими людьми.

— Но все шло прекрасно, пока меня не огрели дубиной,— возразил я.— Идемте в «Американский бар» — это вроде бы самое безопасное место в городе. Мне нужно с вами поговорить.

Расположившись в кабинете означенного бара, я отдал последние несколько центов на помой, которые там называют пивом, и сказал:

— Во-первых, объясните, чем занимается крассавица вроде вас в этом гнусном вертепе.

— Сама не знаю, месье,— печально и покорно ответила она.— Я здесь оказалась в поисках работы. Я танцую, потому что ничего другого не умею. Но я не знала, что меня здесь ждет, а теперь не могу выбраться с острова.

— Я заработаю на билеты нам обоим...— начал было я, но она отрицательно покачала головой.

— Нет-нет, месье, дело не в деньгах. Их-то я могу заработать. Вы не понимаете.

— Конечно, не понимаю,— сознался я.— Не понимаю, почему такая фея застревает в подобном притоне, имея возможность заработать и уплыть...

— Нет, вы ошибаетесь,— перебила она, нервно и испуганно оглядываясь.— Я здесь пленница... пожалуйста, никому не говорите о том, что я вам расскажу. Я бы ни с кем не поделилась, но вы, месье, не такой мужчина, как другие. Вы кажетесь

храбрым и добрым. Вот почему я лью на вас воду, когда вам плохо.

— Я тоже надеюсь, что не похож на здешних бродяг,— с достоинством произнес я.— Сестренка, рассказывай как на духу. Мне можно доверять.

— Я сюда приплыла несколько месяцев назад,— взволнованно переплетая бледные пальцы, продолжала девушка.— А теперь мне не позволяют уехать. О, будь моя воля, я бы давным-давно сбежала с этого острова. Вы слышали о месье Акуле Муркене?

— Конечно,— сказал я.— Слышал о нем много, но, увы, ничего хорошего. Он вроде бы управляет на этом острове. По слухам, он контрабандист, работорговец и продавец оружия. Я знаю, что он замешан в темных делах, и, честно говоря, считаю его...

— Тш-тш, месье, пожалуйста, молчите! — Диана побледнела и с дрожью приложила ладонь к своим губам.— Он убьет вас на месте, если услышит эти слова. Ужасный человек!

— Эге! — осенило тут меня.— Часом, не он ли удерживает тебя на этом захолустном острове?

Она кивнула, и ее глаза увлажнились. При виде слез я невольно стиснул кулаки, мечтая сокрушить чью-нибудь мужественную челюсть.

— Когда я здесь очутилась, он принялся за мной ухаживать, но не понравился мне и получил отказ. Тогда он поклялся, что я останусь здесь, пока не соглашусь выйти за него замуж. Я пыталась сбежать, но его люди постоянно следят за мной, преследуют... Сюда часто заходят суда, но большинство капитанов слишком боятся месье Акулу и не хотят взять меня с собой, а иные даже не позволяют мне приблизиться. Ах, мсье,— всхлипнула она,— пожалуйста, помогите мне!

— Бога ради, не плачь,— сказал я.— Рад буду помочь тебе, но успею ли я что-нибудь сделать до того, как меня прикончат? Ведь я один против целого острова! Допустим, я способен раскидать целую шайку в кулачном бою, но идти на ножи и револьверы... Тут мои шансы невелики.

— Месье Акула страшно дерется на кулаках...— продолжала она.

— Ага, знаю, он был боксером,— кивнул я.— Но что с того?

— Он очень гордится своими победами,— пояснила она.— Построил себе ринг на окраине города, и когда с кем-нибудь спорит, заставляет этого человека драться. Месье Акула часто повторяет, что удерживает свое имущество только кулаками, и если появится парень, способный его одолеть,— пожалуйста, пускай забирает все. Ведь вы — знаменитый кулачный боец Костиган, правда, мсье?

— Правда.— Я невольно выпятил грудь и напруг бицепсы.— Стив Костиган с «Морячки», я уже представился.

Ее глаза вспыхнули, и мое сердце снова дрогнуло. Ей-богу, я втюрился в эту юбчонку по уши!

— Ах, если бы вы уладили с Акулой это дело! — воскликнула она, ломая руки.— Если бы вы подрались с ним и разок нокаутировали, он бы меня отпустил! С вами!

— Со мной,— эхом отозвался я, будто наткнувшись челюстью на удар правой.

— Месье, мы отправимся, куда захотите! — разошлась она не на шутку, протягивая ко мне руки.

— А ну погоди! — воскликнул я, обуреваемый вихрем мыслей. В те дни я нередко влюблялся в девчонок, зато они крайне редко влюблялись в меня, а тут вдруг такой персик сам бросается на шею! —

Давай поговорим начистоту,— предложил я.— Значит, если я отделаю этого типа, Акулу, ты выйдешь за меня?

— О, месье! — Она обняла меня руками за шею.— Ваша победа над этим гнусным шутом делает меня самой счастливой девушкой на свете!

Что еще могли означать эти слова, как не обещание выйти за меня замуж?

— Договорились, малютка! Укладывай вещички в чемодан и считай, что с Акулой уже покончено!

Девушка вскочила и пролетела в танце по кабинету.

— Как вы добры ко мне, месье! Я бегу за вещами, потом буду ждать вас на пристани.

— Не беспокойся, если я немного задержусь,— предупредил я, вспоминая «послужной список» Акулы Муркена.— И не удивляйся, если не сразу узнаешь меня,— чуть подумав, добавил я.

Простившись с девушкой, я зашагал по грязной улице, уткнувшись сумбурными мечтами о любви, медовом месяце и здоровенных головорезах, которых ради этого придется нокаутировать. На удалении от дианиных чар мозги мои чуток остыли, и я решил, что Акула блефует насчет согласия отдать Диану любому, кто сможет ее взять.

Я знал, что он гордится своими кулачищами, но не мог поверить, что такой отпетый мошенник позволит столь шикарной мадемуазели ускользнуть из его лап только потому, что кто-то ухитрится садануть ему по челюсти. Впрочем, тропики черт-те что делают с белыми людьми; возможно, он и впрямь верит в то, что говорит. Остается лишь выяснить, чего на деле стоят его обещания. Я не сомневался, что увезти Диану тайком невозможно. Не зря ведь она предупредила, что за ней постоянно следят.

Разнюхав, что Акула опивается в гостинице Тая Йонга, я направил туда стопы. В это время дня стояла свирепая жара, я ее проклинал и запоздало думал о том, что не мешало бы выбрать более подходящий час для поединка с таким мордоворотом, как Акула Муркен. Я не ел с вечера, да и спирт еще не выветрился; вдобавок с похмелья меня мучила сильнейшая головная боль. И все же я не сомневался в том, что способен уложить любого костолома на Баррикуде, и решил взять Акулу за жабры в его логове.

Поднявшись по шатким ступеням гостиницы, я отмахнулся от пытавшегося выяснить цель моего визита китайчонка и плечом проложил путь в комнату с вывеской: «Муркен и К°. Морские перевозки и экспорт». Итак, я предстал пред очами знаменитого Акулы Муркена, которого узнал в ту же секунду. Он сидел за грубым подобием стола и, заведя меня, выхватил из ящика огромный револьвер. В комнате торчало еще несколько обладателей устрашающей наружности, но я не сводил глаз с потного, измученного жарой Муркена. Это был верзила с густыми черными бровями и глазами рассерженного тигра.

— Ты всегда вламываешься в частную компанию без стука? — раздраженно осведомился он, возвращая револьвер на прежнее место. — Когда-нибудь тебя подстрелят. Чего надо?

— Я Стив Костиган, матрос с торгового судна «Морячка», — представился я, решив применить дипломатию. — Пришел поговорить с тобой о девушке, которой ты в последнее время не даешь проходу. Я имею в виду мисс Диану.

— Что?! — заревел он, и свиные глазки налились кровью. — Какая наглость! В моей же конторе обвинять меня в...

— Сам ты наглец, да еще пират и торговец черномазьями! — огрызнулся я, вмиг потеряв терпение. — Может, ты и хозяйничаешь на этом острове, но меня не купил. А ну, не суй лапу в ящик, если не хочешь получить в морду! С каких это пор шайка торговцев оружием и контрабандистов опия называет себя «компанией»? А? Короче, перехожу к делу и задаю вежливый вопрос: ты отвечаешь за свои слова, или кишка тонка?

— Что за слова? — пророкотал он с убийственным блеском в сощуренных глазах.

— Ты обещал отдать тому, кто тебя взгреет, любое твоё имущество. Мне нужна малютка французенка, и честь требует отнять ее у тебя на боксерском поединке. Ну что, продырявишь меня из пушки, как последний слюнтяй, или готов лишний разок убедить шайку, что не бросаешь слов на ветер?

Муркен убрал клешню с револьвера и сжал на столе огромные узловатые кулачищи. По его свирепой физиономии расплылась людоедская ухмылка.

— С удовольствием сражусь с безмозглым маньяком, который возомнил, что способен свалить Акулу Муркена с копыт. Превратить в котлету ближнего своего — что может быть приятнее? Эх, если бы кулачные бои давали столько же прибыли, сколько контра... честная торговля, я бы ничем другим не промышлял.

— Значит, ты держишь слово?! — воскликнул я, подумав, что ослышался.

— Еще бы, жалкое ты отродье! — проревел он, расшибая стол ударом правой. — Глянь на мои кулаки! Я поселился на этом архипелаге еще в те времена, когда белые предпочитали держаться от него подальше, и сколотил внушительное состояние вот

этими руками! Я беру, что хочу и могу удержать, и признаю это право за другими. Если когда-нибудь не сумею отстоять в кулачном бою свое имущество, можешь списать меня в утиль! Да, я подтверждаю свое обещание и готов встретиться с тобой на ринге. Я тебя отучу совать нос в мои дела, ирландская горилла!

Я оказался прав: эта безжалостная скотина, отдубасившая на своем веку уйму крепышей, была одержима боксом. В предвкушении драки и победы Муркен забыл обо всем на свете, включая женщин.

— Мы сразимся прямо сейчас, на моем ринге, — бушевал он. — Когда я с тобой разделаюсь, ты согласишься на корм акулам. Я тебя до смерти изобью! Знай, что еще никто и нигде не отдубасил меня!

— А меня где только не дубасили, — ухмыльнулся я. — Но справедливости ради замечу, что в нокауте не побывал ни разу, а спортивные писаксы считают меня одним из сильнейших бойцов ринга. Для меня главное — честный бокс.

— Будет тебе честный бокс, — пообещал он с гадкой усмешкой. — А заодно и первый нокаут. Если каким-то чудом победишь меня, никто тебе не мешает забрать французскую юбку. Но если я тебя отделаю, а это обязательно случится, — то, скорее всего, брошу акулам!

В моей голове долго звучал этот посул, пока я шагал за Акулой Муркеном и его бандой по петляющим улочкам с залежами пыли и отбросов, с голыми детишками-аборигенами. Место, где должен был состояться поединок, находилось сразу за чертой города. Ринг был грунтовый, как в добрые старые времена, когда дрались без перчаток. То есть в грунт были загнаны колья, а между ними натянуты канаты; брезент, разумеется, отсутствовал. Меня это

не слишком обрадовало, поскольку такая «подстилка» затрудняет работу ног. Но я промолчал. На ринг падали тени огромных баобабов, но жара все равно была способна расплавить медную обезьяну. Почему-то мне казалось, что бой будет недолгим, кто бы его ни выиграл.

Простышав о поединке, собралась внушительная толпа — ну и зрелище, скажу я вам! Полукровки всех оттенков кожи, аборигены в набедренных повязках, бродяги в грязных лохмотьях и с нечесаными бородами, богатые купцы в белых костюмах и тропических шлямах, бармены, карточные игроки и матросы — короче говоря, случилось мне драться в сомнительных сборищах, но они в подметки не годились этой шайке!

— Эй, кто-нибудь, займитесь Костиганом! — заорал Муркен, и вынырнувший из толпы шулер с бегающими глазками предложил мне свои услуги. Не очень-то мне понравился этот субъект, но худший на свете секундант лучше никакого, а лучший всегда чем-то плох.

Мы с Муркеном обнажились до трусов и ботинок, после чего нам одели перчатки, и мы пролезли между канатами на ринг. Рефери — тощий и голодный с виду кочегар с британского парохода — вызвал нас в центр ринга, и мы осмотрели друг у друга перчатки. Меня слегка удивило, что Муркен не припрятал в своей ни подковы, ни наковальни.

Мы обменялись рукопожатием, причем он едва не раздавил мне кисть.

— Надеюсь, твои земные дела в порядке, — прокотал он, уставясь на меня сверху вниз горящими свинными глазками.

Я лишь осклабился, выдернул руку и пошел в свой угол. Должен признать, что обнаженный Мур-

кен выглядел довольно внушительно. Росту в нем было добрых шесть футов два дюйма, а весу не меньше двухсот пятнадцати фунтов — сравните с моими шестью футами и ста девяноста фунтами. Такой бочкообразной груди я не видел ни у одного белого, а плечи Муркена казались базальтовыми глыбами. Могучие руки, плечи и ноги были густо покрыты волосом, густые черные брови хмурились над устрашающими глазами — короче, самый звероподобный боксер из всех, кого мне довелось повидать. Тем не менее я прибодрился, заметив на его пузе складку жира. Он тренируется нечасто, а значит, разгульный образ жизни обязательно возьмет свое. Но я не знал, что он редко пускается в загулы и обладает поистине сверхчеловеческой стойкостью и жизненной энергией. Я не ждал легкой победы, но верил, что он сломается через несколько раундов.

— Ты с ним полегче, — посоветовал мой секундант, откусив от плитки жевательного табака. — Советую напасть на него и...

— Намять бока, — перебил я.

— Не-ет, — протянул мой веселый помощник. — Завалиться после первого удара в челюсть. Тогда, может, он тебя не убьет.

— Замечательный совет боксеру от так называемого секунданта, — с негодованием ответил я. — Да я тебя уложу за пару центов...

В эту минуту прозвучал гонг. Я быстро повернулся, но не успел выйти из своего угла, как в меня врезалась что-то вроде боевого слона. Я даже представить себе не мог, что жлоб вроде Муркена может двигаться с такой быстротой. Получив левой в скулу, я увидел семь тысяч звезд. Размахнувшись, Акула добавил сокрушительный удар пра-

вой, едва не угодив мне по челюсти. Не успел я прийти в себя, как Муркен отправил меня «сушиться» на канаты очередным левым в голову, но я, успев осерчать, оттолкнулся от них и погрузил левую по запястье ему в брюхо. Он крикнул — видать, не ждал отпора.

Акула снова надел на меня, размахивая обоими кулаками, и я пропустил жуткий хук в подбородок. Потом он рассек мне скулу скользящим правой, а я левой от души влепил ему под сердце. Некоторые болельщики кричали мне «боксируй!», но разве может боксировать человек, не искушенный в этой благородной науке? Я грубый и безыскусный «молодила» и никогда не исправлюсь.

Бац! Он с ходу запечатал мой глаз хлестким ударом, и пока я над этим раздумывал, Акула зверски вломил мне под сердце правой. Мои колени подогнулись, и пара мощных ударов справа и слева уложила меня носом в травку. Я слышал, как миль примерно в тысяче от ринга считает судья, а лица зевак за канатами двоились. Но тут я вспомнил о Диане и поднялся на колени. Акула Муркен стоял надо мной и злобно лыбился. Я потряс головой, туман слегка рассеялся. Я был оглушен, но не лишился сил.

— Девять! — сказал судья, и в ту же секунду я вскочил и влепил Муркену правой по губам.

Он не успел закрыться, его голова дернулась, будто крепилась к плечам на петлях, и кровь брызнула на меня и на рефери. Акула взревел, отвел правую и... достань она цели, я получил бы билет в один конец до Земли Обетованной. Прикрываясь обеими руками, я присел, выпрямился и саданул снизу левой. Апперкот пришелся в цель, Акула заревел, будто его резали, и оторвал меня от земли

хлестким ударом правой по корпусу. В отчаянии я вошел в клинч, и пока мои каблуки опускались на его стопы, он пытался выковырять мне глазные яблоки.

Судья разнял нас, но я успел достать Муркена прямым левой. Он загнал меня в угол, и мы обменивались тумаками, пока белый свет не стал красным. Наши руки двигались медленно и тяжело, точь-в-точь поршни тормозящего паровоза. Ни один из нас не услышал гонга; судье пришлось снова разнять нас и развести по углам. Я плюхнулся на табурет и откинулся на канаты, очень слабо воспринимая происходящее. Пока весельчак-секундант равнодушно обрабатывал меня, я сосредоточился на мыслях о красавице Диане, моей будущей супруге, и благодаря этой оздоровительной процедуре встал по удару гонга довольно свежим, без пелены на мозгах.

Во всяком случае, я был свежее Муркена. Мне досталось крепче, но ведь я вышел на ринг в лучшей форме. Он больше меня привык к жаре, но ему мешал излишек жира. Я вообще недоумевал, как он ухитряется выдерживать убийственный темп. Бог знает, когда Акула в последний раз встречался с хорошим боксером, но все же он задал мне перцу.

Второй раунд он начал шустро и сразу схлопотал в правый глаз. Он взвыл и угостил меня левым хуком в подбородок и правым — в живот. Я ринулся на Акулу, чтобы свалить его отчаянной атакой на корпус. Я все поставил на карту, осыпал его таким вихрем размашистых ударов, что толпа едва не обезумела. При этом я изо всех сил старался не обращать внимания на его отпор. Под градом моих тумаков он заревел раненым львом и отбросил меня сильнейшим правым свингом в висок. Я снова по-

плыл, но рефлексы старого «молотилы» удержали меня на ногах.

Широко открывшись, я ринулся в атаку и ошеломил Муркена мощным ударом правой. Второй удар я закатал ему в глаз, а он едва не отшиб мне нос ответным левой. Затем он проломил мою защиту хлестким апперкотом под сердце, отчего у меня напрочь заперло дыхание.

Я бессильно уронил руки, и он влепил мне по подбородку хук левой. Мои подошвы взлетели выше головы, а затылок шмякнулось о грунт с такой силой, что в легкие вновь устремился воздух. Я вскочил, не дожидаясь отсчета, и явно слабеющий Акула погнал меня по рингу. Но мне пришлось хуже, чем ему.

Кровь заливала глаза, я еле двигал руками и смутно догадывался, что отголоски далекого грома на самом деле — хлопки кулаков по моей голове и корпусу. Я опять уронил руки и повис на канатах, раскачиваясь от его ударов. Дальнейшее помню плохо, но ему пришлось потратить чуть ли не минуту, чтобы сбить меня наземь — настолько он вымотался.

Судья произнес надо мной «девять» одновременно с ударом гонга. А может, и нет — я не помню. Помню только, что очухался в углу, когда мой секундант размахнулся, чтобы бросить на ринг полотенце. Я перехватил его руку.

— Не смей,— пробормотал я.— Вылей лучше на меня ведро воды.

Он заворчал, но повиновался, и я посмотрел на Муркена, которого массировали и обмахивали секунданты. Муркен являл собой печальное зрелище: глаз заплыл, щека глубоко рассечена, пот ручьями бежит по волосатой груди, мешаясь с кровью, а грудь судорожно вздымается. Он уставился на меня

так, будто не верил своим глазам, но тут прозвучал гонг.

— А ну, помоги встать, такой-эдакий! — рявкнул я секунданту, и он неохотно повиновался, сказав при этом:

— Ты самый крутой тип из всех, кого я видел, но это тебя не спасет.

У меня очень ослабили ноги, и, сказать по правде, я вообще чувствовал себя неважно, когда, пошатываясь, брел навстречу Муркену. Но моя способность приходить в себя всегда изумляла любителей бокса, а уверенность в том, что Муркену едва ли лучше, добавила мне сил. Когда мы сошлись посреди ринга, мне подумалось, что награда вполне оправдывает перенесенный кошмар. Затащить под венец такую кралю, как французенка Диана? Да за это жизни не жалко!

На этот раз Муркен не спешил. Он неторопливо «опробовал» меня левой, прежде чем выбросить правую. Когда это случилось, я опустился на колени и судья начал отсчет. Я поднял глаза на Муркена. Его руки повисли как плети, голова склонилась на огромную грудь, а брюхо колыхалось от судорожных вздохов. Ужасная жара и недостаток тренировок навалились на моего противника тяжелым бременем, и я понял, что одолею его, если еще чуть-чуть продержусь. Передо мной маячило лицо Дианы, милые печальные глаза умоляли выстоять и победить.

Воспрянув духом, я успел подняться за долю секунды до того, как судья засчитал нокаут. Увидев меня на ногах, Муркен ужасно расстроился. Выругавшись, он враскачку побрел ко мне. Но я знал, что он начисто выдохся в предыдущем раунде и, хотя все еще опасен, у меня есть неплохие шансы.

Этот раунд прошел в относительно медленном темпе. Мы часто входили в клинч и обменивались вялыми ударами, накапливая силы для следующего раунда. Вот для чего нужны тренировки — в затяжных клинчах я успел обрести прежние силы, а Муркен, которому не доставало подобного навыка, еще сильнее раскис. За полминуты до конца раунда я пошел в атаку, заставил Акулу пошатнуться от хорошего хука, а перед самым гонгом провел очередной хук правой в челюсть.

Уходя в свой угол, я оглянулся на Муркена. У него дрожали ноги, и я понял, что конец не за горами — если только Акула не убьет меня раньше.

Отдыхая на табурете, я заметил, как мой секундант, метнув в меня колочий взгляд, выслушал шепчущего ему на ухо коллегу из угла Муркена. Мой помощник кивнул и сунул мне под нос флягу.

— Выпей, поможет.

Я ощутил знакомый аромат отравы, которую подливают в питье завлекаемым обманом на судно матросам. Говорят, наркотики не пахнут, но иногда это не соответствует действительности.

— Проклятый такой-эдакий! — проревел я, срываясь с табурета. — Опоить меня вздумал? — И, от удара правой в челюсть он перелетел через канаты.

— Нарушение правил! — завопил какой-то умник из публики. — Костиган только что уложил своего секунданта. Я свидетель!

— Тоже мне свидетель! — рявкнул я, перегнувшись через канаты и на волосок не достав его мощным зубодробительным. — С чего ты взял, что взгреть собственного секунданта — нарушение?

В эту минуту прозвучал гонг, и у меня не осталось времени ни на кого, кроме Муркена.

Эта горилла бросилась в атаку! Муркен понимал, что скисает, и сочетание невероятной бойцовской ярости с поразительной энергией увлекло его в бой, чтобы убить или погибнуть. Переставляя непослушные ноги, он пересек грунтовый ринг с удивительной быстротой. Он размахивал руками неуклюже, как дубинами, но силы в них еще хватало, чтобы нокаутировать быка.

Следующие несколько секунд я провел будто посреди смерча. Акула осыпал меня градом ударов, но быстро выдохся. Сквозь красный туман я увидел окровавленную, покрытую синяками физиономию с широко открытой в мечтах о глотке воздуха пастью и одним незапавшим глазом, и этот глаз прожигал меня яростью.

Я глубоко вздохнул, и в голове сразу прояснилось. Большинству настоящих «молотил», к которым я принадлежу, сила удара не изменяет даже в рауше, а если меня оглушить, я становлюсь опасным как никогда. Двигаясь подобно роботу, Муркен ударил в пустоту левой и правой, а я ответил левой под сердце и правой в челюсть. Ноги Акулы подломились, а когда я добавил правой по челюсти, он «поплыл» и медленно опустился на колени. Судья начал отсчет, но Акуле удалось кое-как подняться. Свесив на грудь голову, он стоял на широко расставленных дрожащих ногах. Мне ужасно не хотелось продолжать, но бой следовало закончить без пощады. Я выдал прямой в подбородок, и Муркен снова рухнул — на этот раз надолго.

Я потащился в свой угол, размышляя о том, как подфартило древнеримским гладиаторам — ведь им не пришлось драться с Акулой Муркеном. Если и есть на свете парень, довольный исходом нашего поединка, то этого парня зовут Стив Костиган!

Один мой глаз был плотно закрыт, другой глядел через узенькую щелку; ребра болели, будто по ним прошла кувалда, голову украшали огромные шишки, а скулы были рассечены. В общем, я истекал кровью, точно забитый боров, и чувствовал себя примерно так же. Пальцы, когда я пытался ими шевельнуть, показались мне деревяшками. Рефери — вроде бы приличный парень — подошел ко мне и помог одеться.

— Проводи меня на пристань и скажи гориллам Муркена, что я выиграл бой, — попросил я. — Они, наверное, слышали, что Акула дерется со мной за девушку, но никогда не поверят, если я скажу, что победил. Акула уже оклемался?

— Его все еще отливают водой, — ответил рефери-кочегар. — Может, нам лучше уйти, пока он не очнулся? Он еще способен на неприятности.

Я в душе согласился с ним. Мы протиснулись через молчаливую толпу, все еще переживающую падение своего кумира, и поспешили к пристани.

Когда мы покинули тенистую поляну, у меня закружилась голова от жары, хотя день клонился к вечеру, а солнце — к закату. Я спросил у кочегара, найдется ли для меня местечко на британском пароходе, уходящем на Таити, и он сказал, что наверняка удастся что-нибудь придумать.

Тут мы как раз вышли к причалу и первое, что я увидел, — терпеливо ожидавшую меня на скамье Диану. Возле нее топтались злобные на вид субчики, в которых я мигом узнал присных Акулы. Когда я приблизился, девушка вскочила на ноги и испуганно вскрикнула при виде моей физиономии.

— О-о, Стив! — едва не заплакала она. — Тебя побили!

— Ничуть не бывало, — возразил я, галантным и покровительственным движением привлекая девушку к себе. — Эй, лимончик, Расскажи-ка ей о поединке!

— Костиган здорово отделал Муркена, мисс, — подтвердил кочегар. — И сгореть мне на этом месте, если я видал на своем веку поединок не хуже этого.

— Слыхали, портовые бабуины? — прорычал я взявшим нас в кольцо головорезам. — Все вы знаете, что Муркен собирался отдать Диану любому, кто его отдубасит.

— Ага, — согласились они. — Муркен велел не чинить тебе помех, если случится так, что ты его осилишь.

— Ей-богу, я в нем ошибся: у этого типа характер настоящего мужчины. Диана, видишь вон тот корабль? Через час он поднимет якорь и уйдет в Америку. И мы на нем.

— Эй, а мне казалось, что ты хотел сесть на наш пароход, чтобы перехватить «Морячку».

— «Морячка» может катиться к чертям, — сказал я, — потому что с этой минуты я намерен жить на суше. Прощай, море! Капитан поженит нас с Дианой, и я остепенюсь.

— Как хочешь, — вздохнул кочегар. — Печальный финал для парня, отделившего Бэта Слэйда и Акулу Муркена.

— Диана, поцелуй меня перед тем, как мы отправимся в путь, — попросил я.

— Я поцелую вас один раз, месье, — промолвила она робко. — Поцелую, потому что вы такой сильный и храбрый. — И она коснулась нежными губами моих губ, с избытком возместив доставшиеся на мою долю тумачи.

— Послушай, малютка, — заговорил я, когда голова перестала кружиться. — Ты ведешь себя как-то странно...

— Костиган! — Я узнал бы этот бычий рев где угодно. Ко мне шагал по пристани Акула Муркен в сопровождении своих прихлебателей. Акула выглядел не лучше меня, но вышагивал так, будто ничего не случилось. Ну и выдержка у этого парня!

— Муркен, не приближайся ко мне, — предупредил я. — Ты здесь уже ни при чем. Я победил честно, поэтому забираю Диану с собой. Если надеешься остановить меня, мозги вышибу!

— У меня нет пушки, — невозмутимо проговорил он, — и я не собираюсь с тобою спорить. Но посуди сам, Костиган: мне понравилась эта крошка, и я тоже понравлюсь ей со временем. По-моему, она уже не против, но не признается из упрямства. Я ее не обижу, просто женюсь. Уступи ее, а? Я заплачу, сколько попросишь...

— Ах ты такой-сякой! — прорычал я. — Все-таки я в тебе ошибся, ты не джентльмен, а грязный мошенник! Да я готов за пару центов еще раз тебя проучить...

— Диана, — произнес вдруг Муркен жалким, умоляющим тоном. — Неужели ты меня ни капельки не любишь?

— Тебя! — презрительно фыркнула девушка, вздернув свой премилый носик. — Разве не ты держал меня на этом острове и шагу не давал ступить? Полюбить этот человекоподобный окорок?! Еще чего!

— Вот что, Костиган, — вмешался в нашу беседу кочегар. — Неподалеку отсюда живет священник. Почему бы ему не поженить вас с Дианой до того, как подниметесь на борт? Тогда вы начнете свое

путешествие молодоженами. Я слышал, девушки не любят, когда роль священника играет капитан.

— Хорошая мысль! — согласился я. — Диана, ты слышишь? Идем сейчас же к священнику и...

Она опустила голову и залилась румянцем, и тут откуда-то появился стройный юноша, которого я прежде не видел. Подошел к Диане и положил ей руку на плечи. Я уже было собрался бросить его в залив, но она вдруг прижалась к нему и умоляюще посмотрела на меня.

— М-месье, — заикаясь пробормотала она. — Пожалуйста, не сердитесь на меня! Это... это мой муж Арман.

— Что?! — Я едва не рухнул с пристани.

— Вы должны нас простить! — робко настаивала она. — Я давно люблю Армана, с тех пор, как здесь очутилась, а он любит меня. Мой Арман храбр, как лев, он подрался бы ради меня с Акулой, но я ему не позволяла — он не противник этому верзиле! Акула всегда следил за мной и, поймав возле меня Армана, прогонял его пинками! Ну а я...

— Эх, знал бы я, что ты втрескалась в этого моллюска, — ошеломленно пробормотал Акула, — я бы его...

— Я поняла, что мне нужен сильный и храбрый человек, способный побить этого дикаря, — продолжала Диана как ни в чем не бывало. — Я узнала вашу репутацию, месье Костигане, и подумала, что вы заступитесь за несчастную девушку...

— Так, значит, ты притворялась и ухаживала за мной только ради того, чтобы я за тебя дрался? — с горечью пробормотал я. — И пообещала выйти за меня...

— Месье, — мягко произнесла она. — Я боялась, что иначе вы откажетесь драться и я не достанусь Арману! Я была просто в отчаянии, месье. Вы же

джентльмен, вы понимаете, что слабой девушке простительны любые уловки. Я сожалею, что обидела вас, но что же мне оставалось? Пока вы выколачивали пыль из этой огромной скотины, мы с Арманом ускользнули к священнику и поженились. А потом Арман ждал вон за теми ящиками, победите ли вы, и отпустит ли нас Акула.

— Очень мило, — вздохнул я. — Но ты нарушила данное мне обещание...

— Месье, я глубоко раскаиваюсь! Вы были так добры к нам! Но я не обещала выйти за вас, я просто сказала, что буду самой счастливой девушкой на свете. Так и случилось, месье!

Печаль ушла из ее глаз, в них плясали звезды, и мне стало легче.

— Ну, тогда игра стоила свеч, — заключил я. — Я сам виноват — не разглядел подвох. Маленькие персики вроде тебя не влюбляются в мужланов вроде меня. Полезайте-ка оба в лодку, я сяду за весла и отвезу вас на судно.

— Месье, — протянул мне руку Арман. — Если позволите, я хотел бы пожать вам руку. Вы храбрец! Ну а ты... — он щелкнул пальцами в сторону заворуженно глазющего на нас Акулы, — тьфу! Невежда и дикарь! Ты прогонял меня пинками? Ха, когда-нибудь я вернусь и встречу с тобой на дуэли!

— Садитесь в лодку, — повторил я. — Эй, лимончик, забей мне местечко для матроса первого класса. Я плыву с тобой, но сначала доставлю этих ребят на другое судно.

— Отлично! — обрадовался кочегар. — Я всегда говорил, что моряку не жить без моря!

— Но я составлю тебе компанию только до Таити, не дальше! Там есть одна девушка, она меня сроду не подводила.

— Девушка? Как ее зовут? — спросил он.

— «Морячка», — ответил я, помогая Диане сойти в лодку.

Я спустился за ними следом, и когда они уселись, приготовился оттолкнуть лохань, как вдруг Акула Муркен, казалось, стряхнул с себя чары, и смысл происходящего коснулся смешливой стороны его натуры. У него было грубейшее чувство юмора на свете.

— Ха-ха-ха! — заржал он, хлопая себя по ляжкам. — Подумать только, Костиган дерется со мной, чтобы завоевать невесту, а когда приходит за добычей, выясняется, что она готова ударить с жалким лягушатником! Ха-ха! А теперь Костиган нанялся в лакеи к счастливой парочке! Гляньте, как этот просоленный ветрами южных морей чурбан обслуживает девчонку и ее мужа! Ха, ха, ха!

Он подошел к краю причала и нагнулся над водой, лупя себя по ляжкам и хохоча во всю глотку. Теперь уже ржала вся шайка, и слышно ее было миль за десять.

Пристань в этом месте была низка, и до нависшей над водой головы Муркена можно было запросто дотянуться.

— Ах ты такой-этакий! — сказал я, сжимая весло. — Поглядим, как ты теперь посмеешься!

Расколотое о череп Акулы Муркена весло пришлось бросить. Ну да не беда, назовем его моим прощальным подарком острову Баррикуда.

РАЗБИТЫЕ КУЛАКИ

Н

е пристало моряку иметь дело с проклятушими аэропланами. Я понял это через несколько часов после того, как Джонни Планкетт уговорил меня составить ему компанию в беспосадочном перелете из Кито¹ в Вальпараисо. Я бы не согласился, если бы, оказавшись на мели в Кито, не понадеялся перехватить мою шхуну «Морячку» в Вальпараисо. Я был единственным

¹ Столица Эквадора.

пассажиром аэроплана, не считая белого бульдога Майка.

Машина Джонни оказалась допотопной развалиной, он, верно, купил ее на распродаже хлама. Она была склеена, стянута проволокой и залатана в сотне мест, шумела громче борющегося с тайфуном кардифского танкера и вдобавок хлопала крыльями, воображая себя сарычем. При всем при этом первые часы мы летели с хорошей скоростью, как вдруг случилась беда.

Я как раз высунул голову, чтобы глянуть вниз и увидеть под нами городок с океаном по одну сторону и джунглями — по другую.

— Джонни, что это за порт? — прокричал я.

— Пуэрто-Гренада, — крикнул он в ответ. — Но мы здесь не сядем.

Трресь! — раздалось вдруг, и самолет, клонув носом, завалился на крыло.

— Виноват, садимся здесь! — вмиг передумал Джонни.

Я не летчик, а потому не знаю, отчего сорвался с креплений чертов ящик. Парашютов у нас не было, поэтому пришлось снижаться, и, скажу я вам, это был кошмар наяву! Однажды в Китайском море задрипанная джонка угодила в тайфун вместе с пьяным малайцем, бесноватым китайцем и вашим покорным слугой, но то были просто цветочки по сравнению с посадкой аэроплана Джонни!

Проклятая машина возомнила себя сразу и необъезженным мустангом, и тонущим лайнером, дополнив все их трюки судорожными рывками и вращением, от которых у меня так закружилась голова и заболел живот, что мысли о неминуемой гибели перестали внушать ужас. Джонни все же ухитрился посадить аэроплан — не преувеличу, ска-

зав, что для нас обоих это было приятным сюрпризом. Вначале я видел несущуюся на нас землю, затем прямо по курсу возникла постройка вроде большого загона с суматошно мечущимися людьми, и вдруг — тррах!

За несколько секунд все кругом превратилось в щепки и помятый металл, потом я вылез из обломков, ожидая увидеть в своей руке арфу. Но, к моему искреннему изумлению, я не умер, а еще поразительней было то, что руки и все остальное действовали ничуть не хуже прежнего.

Почти оглохший от свиста воздуха, я все же расслышал крики множества людей. Поведя вокруг диким взглядом, я пришел к выводу, что мы сподобились рухнуть прямо в середину большого, огороженного жердями корраля. За изгородью возбужденно подпрыгивали и вопили смуглокожие парни в сомбреро. Я помахал им рукой, давая понять, что со мной все в порядке, и повернулся к Джонни.

Услышав громкие жалобные стоны и увидев торчащие из-под обломков аэроплана ноги, я вцепился в них и вытащил его на свет Божий. Он был в сознании, но многочисленные ссадины здорово кровоточили. Поставив друга на ноги, я осведомился, сильно ли ему досталось. Джонни открыл было рот, чтобы ответить, и вдруг крикнул: «Стив, берегись!» В тот же миг я получил мощнейший удар в зад и птицей перелетел через грудь того, что совсем недавно было аэропланом. «Помогите, помогите!» — вопил Джонни.

Выдернув сопелку из грязи, я стряхнул с глаз пыль и звезды, и сердито огляделся. Мой взгляд упал на мчавшегося сломя голову Джонни, он опережал на три корпуса самого огромного и свирепого на

вид быка из всех, кого я видел. Мы попали в загон для крупного рогатого скота!

Джонни бегал не слабо, но бык нагонял, а зрители выли как волки. Гулко топоча, Джонни обогнул разбитый аэроплан, но рядом со мной споткнулся и зарылся носом в землю.

Я предпочитаю действовать не колеблясь. Под ногами лежал трехфутовый гаечный ключ Стилтона из набора инструментов Джонни. Я схватил его и, едва бычья голова опустилась, чтобы поддеть меня на рога, саданул изо всех сил. Ключ согнулся у меня в руках, зато бык рухнул, будто сраженный кувалдой, — что, по сути, и случилось. Чудище успело только вздрогнуть — я расколол ему череп.

— Спасибо, Стив!

Задыхаясь, Джонни кое-как поднялся и вытер с лица пыль и грязь. Его слова утонули в оглушительном реве по ту сторону ограды. Полагая, что даже пеонам по нраву настоящие богатыри, я повернулся, чтобы ответить на аплодисменты улыбками и поклонами. Но представьте мое изумление, когда я увидел море смуглых лиц, искаженных гримасой ярости, а над ними — лес угрожающе вскинутых грязных кулаков.

— Что за черт? — осведомился я у вселенной в целом, и Джонни смущенно предположил, что эти люди, кажется, чем-то сильно расстроены.

В эту минуту высокий стройный мужчина с усами и в мундире с золотым шитьем ворвался в ворота и подбежал ко мне.

— Свинья! — заревел он. — Собака-гринго! Убийство невинной скотины! — И не успел я понять, в чем дело, как он отвесил мне хлесткую пощечину, другой рукой выхватывая из ножен саблю. Но он так и не успел воспользоваться своей железкой.

Пощечин я никому не прощаю, даже щеголям в золотых аксельбантах. Я познакомил его с моим хуком левой, после чего он ткнулся носом в грязь, а сабельные ножны встали торчком, словно хвост осерчавшего скунса.

Толпа заголосила, затем устремилась в загон с дубинками, мачете и револьверами, — не иначе, вообразила себя волчьей стаей, а меня безобидным ягненком. Я укладывал этих придурков рядами, как косарь — траву, их вопли были музыкой для моих ушей. Вскоре я, к своему стыду, обнаружил, что Джонни нашел убежище под обломками аэроплана. Его излишняя осторожность настолько обидела меня, что я удвоил усилия, и урон, нанесенный мною пылким аборигенам, выглядел поистине жутко.

Но в разгар бойни, когда люди падали как кегли, офицер с золотыми аксельбантами выдернул нос из грязи и кинулся вон из загона, увлеченно дующим свисток. Тут же в ворота хлынул взвод солдат с отнюдь не игрушечными ружьями. При виде этой теплой компании гражданские отпрянули от меня — те, кто способен был отпрянуть. По приказу офицера солдаты в желтых мундирах образовали шеренгу и дружно взяли меня на мушку.

— Берегись, Стив! — завопил Джонни из-под развалин крылатой машины. — Они хотят тебя расстрелять!

— Ни с места! — рявкнул офицер на хорошем английском. — Ни с места, американская свинья! А теперь, пес, что ты нам скажешь перед залпом?

— Скажу, чтобы целились как следует! — заревел я, не остыв еще после яростной схватки. — Если промахнетесь, я усею этот бычий загон желтобрюхими трупами!

— Целься! — крикнул офицер по-испански, и я напряг мышцы ног, чтобы прыгнуть на солдат, но тут кто-то скомандовал: «Отставить!»

Все мы обернулись и увидели въезжающего в корраль на лошади толстого коротышку. Он щеголял большими усами, шляпу со страусиными перьями носил набекрень, а мундир едва не трещал под тяжестью золотых шнуров, позументов и эполет. Все пеоны сняли шляпы и низко поклонились, а офицер отдал честь.

— Генерал Сальвадор, что здесь происходит? — осведомился толстяк, а потом завопил, будто его резали: — Каррамба! Кто убил быка? Что за злосчастный сын греха прикончил моего любимца?

— Это сделал проклятый гринго, дон Рафаэль, — наобедничал офицер и заорал мне: — Смирно, свинья, когда на тебя смотрит высшее должностное лицо в государстве! Перед тобой дон Рафаэль Фернандес Пизарро, диктатор республики Пуэрто-Гренада!

— И что с того? — хмыкнул я.

Дон Рафаэль застыл как громом пораженный.

— Бык! — сказал он. — Мы выписали этого быка из Мексики. Каррамба, черт побери, кого-то за это повесят!

— Это сделали они, — осуждающе наставил палец на меня и на Джонни генерал Сальвадор. — Намеренно разбили в коррале свой проклятый аэроплан, пытались задавить нашего прекрасного быка дьявольской машиной! Потом этот верзила хладнокровно взял инструмент гринго и убил беззащитное животное ударом по голове. И за что? Всего лишь за то, что бык собрался выпустить кишки его жалкому спутнику!

Дон Рафаэль покрутил усы и поскрипел зубами.

— Так-с, — прошипел он гремучей змеей. — Теперь бой быков не состоится. Разбойники! Убийцы! Захватчики мирной деревни! Подобное оскорбление можно смыть только кровью!

Тут Джонни выполз из-под аэроплана и сказал на испанском, в изучении которого преуспел гораздо больше меня:

— Послушайте, господа, это просто недоразумение. Мы не замыслили ничего плохого. Я — Джон Уиффертон Планкет, известный авиатор, а это Стив Костиган, матрос, увлекающийся боксом. Мы летели на Лиму и...

— Молчать! — проревел дон Рафаэль. — Вы нарушили законы Пуэрто-Гренады. Генерал Сальвадор, разве нет параграфа, который запрещает аэропланам падать на мирные селения?

— Говоря по правде, вапа светлость... — начал было Сальвадор, но дон Рафаэль отмахнулся.

— Хватит! Я собственноручно впишу этот закон в конституцию Пуэрто-Гренады. И доведу до сведения правительства Соединенных Штатов! И потребую возместить ущерб до последнего сантима! Мы никому не позволим топтать себя сапогами! Ты, авиатор, будешь моим пленным до тех пор, пока твое правительство не выплатит компенсацию в одну тысячу песо!

— О боги! — тоскливо простонал Джонни. — Похоже, я застряну здесь надолго.

— Что касается тебя, чудовищная горилла, — кровожадно продолжал дон Рафаэль, грозя мне пухлым кулаком, — твой грех непростителен. Знаешь, что ты наделал, душегуб? Убил быка, предназначенного для фиесты в мою честь! Вся Пуэрто-Гренада уже много недель живет предвкушением боя быков. Мы выписали из Мексики прекрасное

животное и пригласили за огромные деньги великого тореро Диего по прозвищу Лев. А теперь праздник испорчен! Какую кару заслуживает скотина, совершившая столь ужасное преступление?

Он едва не пролил слезу, а генерал Сальвадор опять дал команду целиться, но тут дон Рафаэль поднял руку и лицо его просветлело. Он подкрутил усы, и по жирной смуглой роже скользнула улыбка.

— Нет! Меня посетило вдохновение! — промолвил он, озирая богатую россыпь стонущих и бесчувственных пеонов. — Оно пришло ко мне сейчас, когда я посмотрел на этих бедняг, напоровшихся на кулаки разбойника-американца. У нас все же будет коррида. А поскольку сеньор Костиган отнял у нас быка, именно он займет его место!

— Вы хотите сказать, что Диего убьет его шпагой? — с надеждой осведомился генерал Сальвадор.

— Нет-нет, — ответил диктатор. — Вы что, не знаете, что Диего прекрасный боксер? Да, на его родине, в Парагвае, он чемпион. Диего бывал и в Соединенных Штатах Америки, побеждал на ринге лучших из лучших, прежде чем снова вернулся к любимому занятию юности. А теперь молчите, все решено! На плазе мы оборудуем ринг, и поединок боксеров увенчает собою празднество, организованное мною... вернее, благодарными гражданами Пуэрто-Гренады в мою честь — в честь дон Рафаэля Фернандеса Пизарро, потомка величайшего конкистадора.

С этими словами он повернулся и выехал из корраля, раздувшись от гордости и самомнения.

Хмуро покосившись на нас, Сальвадор растер кровь под носом и рывкнул на солдат. Нас вытолкали прикладами из загона и повели по улице; босо-

ногая толпа не отставала, осыпая «злодеев-гринго» проклятиями.

В захолустном городке Пуэрто-Гренада царила ужасная духота, но народу на улицах хватало, большей частью это были неотесанные пеоны в широкополых шляпах, вооруженные револьверами и ножами. Город пестрел флагами, цветами и прочими украшениями, на плазе играл оркестр, народ плясал, бузил и поглощал спиртное.

Плаза находилась неподалеку от гавани, но вблизи причала стоял на якоре один-единственный пароход. Нас привели в патио — открытый двор дома, выходящего окнами на плазу; Сальвадор приказал нам сесть и не шевелиться без приказа.

— Требую обеда! — воинственно молвил я. — Если мне предстоит бой, я должен был накормлен. Не будет жратвы, не будет и представления, это я вам твердо обещаю! Лучше пристрелите меня, чем голодом морить.

— Вас накормят, — нахмурился Сальвадор. — Но не пытайтесь бежать. Мои люди получили приказ стрелять вам в спину при попытке к бегству.

— Эх ты, обезьяна позолоченая! Только и смелости, что в спину стрелять, — отбрил я, и он принялся угрюмо жевать усы, а Джонни сказал:

— Ради Бога, Стив, заткнись! Неужели хочешь, чтобы нас поставили к стенке?

— Я пойду пригляжу за строительством ринга, — пробурчал Сальвадор и, звеня шпорами, широко зашагал прочь, оставив нас под надзором четырех солдат самого дебильного вида. Вскоре толстая индианка принесла нам большое блюдо с мексиканскими тако¹ и тушеными бобами, и мы набросились

¹ Начиненные мясом лепешки (прим. перев.).

на них, поскольку оба не ели с раннего утра. Пища была недурна, но так щедро сдобрена красным перцем, что едва не сожгла нам желудки.

Мы еще расправлялись с едой, когда по брусчатке площади загрохотали подкованные каблуки, и в патио вошел высокий худощавый белый. Наши охранники не пытались его остановить, хоть и вытирались с подозрением и неприязнью.

— Привет! — ожил Джонни. — Ну и рады же мы вас видеть! Я уж было решил, что в этом вшивом городишке нет ни одного белого. Вы американский консул?

— Консул? — переспросил незнакомец. — В республике Пуэрто-Гренада нет консула. Она еще не признана нациями, и вряд ли это случится, пока в ней хозяйничает жирная свинья Пизарро. Нет, я капитан Старк, владелец парохода, что стоит в заливе. Дернула же меня нелегкая привезти быка этому прохвосту!

— А не опасно ли говорить такие вещи? — нервно спросил Джонни, поглядывая на четырех солдат, которые сейчас ничем не отличались от деревянных индейцев¹.

— Эти вчерашние пеоны по-английски ни бумбум, — успокоил Старк, усаживаясь за наш стол и обмахиваясь фуражкой. — Я слышал, вы, ребята, попали в серьезную переделку. Плохо дело. Пизарро вам не простит своего быка.

— Да кто он такой? — рассердился я. — Откуда он, вообще, взялся?

— Просто жирный мошенник, — ответил Старк. — Поднял восстание и отхватил себе клочок земли.

¹ Фигурки, выставлявшиеся в те времена у входа в табачные лавки (прим. перев.).

Теперь называет себя диктатором. Что ж, он и впрямь большая шишка в Пуэрто-Гренаде и на примыкающих к ней сорока милях джунглей.

Меня он сцапал, когда я доставил быка. Требуется, чтобы я продал ему мой пароход за смехотворную цену. Решил, видите ли, сделать из него канонерку! Когда я отказался, он приковал меня к этой забытой Богом помойке.

— Каким образом? — поинтересовался я.

— Упрятал в кутузку всю мою команду, — проворчал Старк. — Обвинил в нарушении общественного покоя, а закон, между прочим, состряпал тут же. Я не могу поднять якорь, пока он не выпустит ребят, а он не собирается отпустить команду, пока я не уступлю судно этак за четверть стоимости.

Тут мы услышали звяканье шпор и бряканье сабли о мостовую, и в патио вошел дон Рафаэль. Следом появился генерал Сальвадор.

— А, капитан Старк, — с усмешкой молвил дон Рафаэль. — Ну и как вам наш новый бычок?

— Думаю, он способен забодать любого в этой паршивой дыре, если дадите ему шанс, — проворчал Старк.

Дон Рафаэль чуть-чуть нахмурился, затем усмехнулся и сказал:

— В этом я с вами согласен! Мне тоже сдается, что он уложит Диего.

— Позвольте усомниться, — возразил Сальвадор, почесывая нос. — Диего разорвет эту шавку на части.

— Ставлю десять тысяч песо на гринго! — воскликнул дон Рафаэль.

— Идет! — согласился Сальвадор, угостив меня убийственным взглядом.

— Погодите минутку, — вмешался я. — Разве здесь найдутся перчатки?

— У Диего найдутся, — ответил дон Рафаэль. — Он всегда возит с собой лишнюю пару. Итак, Сальвадор, вернемся к празднику. Пускай глашатаи повсюду объявят: мне угодно, чтобы весь народ Пуэрто-Гренады — солдаты и гражданское население — присутствовал на первом в республике состязании боксеров.

Когда они ушли, Старк возбужденно произнес:

— Нет, ребята, вы слышали? Тут соберутся все солдаты. Тюрьма останется без охраны! На борту у меня есть динамит, в разгар матча я взорву кутузку, вызволю команду и ударюсь в бег!

— Жалко, что мы не сможем драпануть с вами, — посетовал Джонни. — Наверно, эти проклятые сторожа не слезут с наших шей.

— Я сообщу о вас ближайшему американскому консулу, — пообещал Старк, затем пожал нам руки и ушел в весьма приподнятом настроении.

Медленно тянулись часы. Мы слышали, как на плазе сколачивают ринг. Я без устали пил воду, тщаь утолить жажду, вызванную густо наперченным обедом. Через пару часов Сальвадор вернулся со взводом солдат и вывел нас со двора. Посреди плазы стоял помост, а вокруг него, похоже, собрался весь город. Зажиточные горожане расселись на стульях вокруг ринга, а кто победнее — стояли и сидели на брусчатке. На заднем плане я заметил капитана Старка, он ответил на мой взгляд многозначительной улыбкой.

Дон Рафаэль расположился в золоченом резном кресле на платформе с балдахином, его окружала щеголяющая кружевами и аксельбантами челядь со своими женами. Диктатор ухмылялся, как мордастый кот.

Я влез на ринг, грубо сколоченный из неструганных досок и даже не прикрытый брезентом, тол-

па замахала кулаками и огласила небеса криками «Янь-ки!» или чем-то вроде этого. Джонни побледнел и высказался в том смысле, что мы, очевидно, здесь не слишком популярны. Затем на ринг вышел Диего, и публика разразилась приветственным ревом.

Он был примерно моего веса, коренаст, мускулист, смуглокож, низколоб и мрачен.

— Черт побери, а ведь я его видел! — сказал я. — Он выступал в Калифорнии меньше года назад. Тогда его звали Диего Зорила, Тореадор.

— Какая у него техника? — озабоченно спросил Джонни.

— Хлесткий удар правой способен опрокинуть линейный корабль. Он нокаутировал в Штатах нескольких второразрядных боксеров, потом нарвался на старину Спайка Маккоя и послужил ему грушей. После этого Диего вроде бы оставил бокс и вернулся к рогатому скоту.

— На вид он в хорошей форме, — заметил Джонни. — Не рискуй, Стив. Дон Рафаэль ставит на тебя, он огорчится, если проиграешь.

— А уж как я огорчусь! — хмыкнул я. — Не дрейфь. Я не позволю себя уложить какому-то забойщику коров.

Диего был в боевом облачении, я за неимением одного сбросил рубашу и позволил зашнуровать на своих руках старые заскорузлые перчатки, которые почему-то возил с собой Диего. Ему прислуживала целая свора секундантов, а судьей выступил полковник, не смыслящий в боксе ни уха, ни рыла.

Когда все было готово, дон Рафаэль встал и произнес торжественную речь, публика пожонглировала шляпами, тепло приветствуя Диего, затем оглушительными воплями выразила презрение «убий-

це-янки». Но дон Рафаэль во всеуслышание объявил, что ставит на меня десять тысяч песо, после чего толпа неохотно похлопала и мне.

Вскоре какой-то парень за неимением гонга ударил в невзрачный колокол, и началось!

Я помнил бои Диего, я предугадал каждый его удар, и, конечно, он оправдал мои ожидания. Вылетев из своего угла, он слабо обозначил финт левой и вложил все силы в размашистый удар правой. При других обстоятельствах я бы шагнул ему навстречу, снес башку хуком — ведь я не привык тянуть резину и всегда стараюсь побыстрее закончить бой. Но я побоялся, что толпе не понравится, если я убью Диего первым же ударом, — не ровен час, по мне откроют стрельбу. Публика была та, что жаждет крови, и побольше, — лишь бы кровь была чужая.

Поэтому я начал с того, что расквасил и так уже сплюснутый нос Диего прямым левой. Кровь потекла струйкой, а после — ручьем, потому что при выходе из клинча я разбил ему губы хуком справа.

Диего оказался крепким парнем. Он бросился на меня, всхрапывая и вкладывая все, что имел за душой, в убойный удар правой. Он размахивал руками, как ветряк крыльями, месил воздух и зверел с каждой минутой. Но ему удалось лишь пробить несколько дыр в атмосфере. Не заблуждайтесь: я отнюдь не кудесник бокса и презираю подобные метафоры. Я «молотила» с железной челюстью и каменными кулаками, и этим горжусь. Чтобы справиться с Диего, незачем было творить чудеса. Я просто шатал Тореадора градом прямых ударов, так что его мощные свинги проходили мимо цели, либо теснил его в ближнем бою, барабанил по корпусу или по башке, в зависимости от настроения.

Когда он норовил прижаться ко мне, я отшвыривал его удачно нацеленным хуком в голову.

Повторяю, я приберегал свой коронный джиа-но-каута, но мои прямые в корпус уже утомили его, вдобавок перед самым гонгом он напоролся на хук правой под сердце и прилег на доски.

Публика выразила свое неудовольствие шумом и градом пустых пивных бутылок, но восседающий на своем помосте под балдахином дон Рафаэль довольно ухмылялся, покручивал усы и торжествующе поглядывал на мрачнющего с каждой секундой Сальвадора. Топая в свой угол, я увидел, как Сальвадор наклонился и прошептал что-то хмырю в широкой потрепанной шляпе, тот кивнул в ответ и вскоре исчез в толпе. Я успел разглядеть только его поношенное сомбреро.

— Ты молодчина, Стив! — похвалил Джонни, стряхивая с меня пот ударами влажного полотенца и посматривая в противоположный угол, где находился обескураженный Диего с мокрыми волосами.

Над торео по прозвищу Лев хлопотали секунданты с примочками.

— Постарайся уложить его в этом раунде, — продолжал Джонни. — Все-таки у него правая как пушка, не стоит рисковать... Эй, что они там мудрят с его перчаткой? — С этими словами он в три скачка пересек ринг и вклинился в окружавшую Диего стайку.

Я присосался к бутылке, — проклятый перец, когда ж ты перестанешь меня мучить? Вода успела нагреться от солнца, поэтому я ее выплюнул и смачно выругался. Твердо решив покончить с Диего в этом раунде и вволю напиться, я вдруг услышал чей-то голос:

— Хотите освежиться, сеньор?

Опустив глаза, я увидел парня в большой потрепанной шляпе, он протягивал мне кувшин с холодным, аппетитным на вид напитком.

— Пальмовое вино, — пояснил он. — За мой счет. Ей-богу, очень холодное!

— Вино? — подозрительно переспросил я. — На ринге мне нельзя ни капли спиртного.

— Да что вы, сеньор, разве ж это спиртное? — уговаривал он. — Не крепче лимонада.

— Ладно, давай сюда! — согласился я и ополовинил кувшин единым духом. Пойло и впрямь оказалось хоть куда, правда, со странным привкусом. Я прямо-таки ощутил, как живительная прохлада растекалась по всему телу, и велел парню поставить кувшин в тень помоста.

Он с готовностью исполнил просьбу и затерялся в толпе, а я откинулся на своем табурете, ощущая себя в полной гармонии с окружающим миром, и решил, что позволю Диего продержаться еще раунд. Тут как раз вернулся Джонни и сообщил:

— Они пытались зарядить его перчатку железа, но я не дал. Как самочувствие, Стив?

— Отлично! — весело отозвался я, и в ту же секунду ударил гонг.

Покинув свой угол, я направился к Диего и вдруг ощутил нечто странное. Будто во мне что-то размещивали поварешкой. Казалось, я даже слышу бульканье варева. С первых же шагов я заподозрил неладное. Не знаю, с чем это можно сравнить... Может, с сочетанием землетрясения, взрыва динамитного завода и удара оглоблей по кумполу?

Все вокруг заходило ходуном, а шум толпы почти растаял где-то вдали. Я смутно помню несущегося с отчаянным блеском в глазах Диего. Он махал руками на манер ветряной мельницы, я уклонился

от летящего ко мне кулака... Но уклонился не в ту сторону!

Бац! На секунду я устоял на собственный позвоночник. Затем взмыл в воздух и удивился — когда это Джонни успел починить аэроплант? Хрясь! Лежа на досках, я услышал, как взвыл, перекрывая гомон толпы, Джонни.

Рефери считал быстро, как только мог. Я слишком плохо соображал, чтобы уследить за испанскими цифрами, а потому решил не залеживаться. Поднялся и обнаружил, к своему ужасу, что на меня устремились два Диего. Я продырявил кулаком одного, но другой попал мне в голову, и я упал спиной на канаты. Отброшенный назад, я в отчаянии развел руки и схватился с обоими противниками. Мы плясали по рингу втроем под крики осатаневшей толпы, пока нас не развела в стороны пара судей. Выплюнув большой сгусток крови, я в отчаянии потряс головой и угостил убойным левым хуком одного из маячивших передо мной Диего. Но я снова ошибся противником. Страшный кулак боксера Тореадора мелькнул в воздухе, и я растянулся на пыльных досках.

Но я встал. Это мне всегда удавалось. Подниматься с пола — мой коронный прием. Диего дрался как безумный, орудовал правой, будто мясник топором, с сообразным ущербом для моей физиономии. Я мазал, как слепой. Но всякий раз поднимался с брезента и вскоре, в очередной попытке отбиться от Диего, услышал гонг.

Очнулся я на стуле в своем углу, где надо мной лихорадочно хлопотали Джонни и его брат-близнец.

— Что с тобой случилось? — проорали секунданты.

— Против меня выставили двух тореро,— ответил я и икнул.— Я могу отделать любого парня в Южной... ик! — Южной Америке, но двое — это нечестно!

— Ты пьян! — взвизгнул Джонни.— Только этого нам не хватало. Когда ты успел налакаться?

— Я не лакал ничего, кроме лимонада,— пробормотал я.

— Ты что, спятил?! Да от тебя несет, как от винокурни!

— Посмотри сам,— предложил я.— Кувшин там, под рингом.

Он нырнул вниз и простонал:

— Тулица! Знаешь, что это такое? «Гренадская молния», ее секрет знают только местные виноделы. Слона уложит! Мы пропали! Я брошу полотенце!

— Не вздумай!

— Но ты спас меня от быка, и я не допущу, чтобы тебя прикончили!

Толпа сходила с ума, и вдруг кто-то потянул меня за брючину. Это был дон Рафаэль с посиневшим лицом. Он трясся и скалился, как разъяренный котяра. Могу добавить, что мое зрение раздвоило и его.

— Вижу, ты вздумал проиграть! — завопил он.— Хочешь выставить благородного дона Рафаэля Фернандеса Пизарро на посмешище? Видишь вон тех ребят? — Он указал на стоящую неподалеку шеренгу солдат с ружьями у ног.— Если ляжешь,— прошипел диктатор,— они тебя поставят к стенке!

— К какой стенке? — ошалело осведомился я.

— Вон к той! — прорычал он и показал пальцем.

— Мне эта стенка не нравится, на нее солнце падает. Неужели нельзя расстрелять меня в тени?

— Р-рр, скотина-янки! — Он отвернулся и тяжело зашагал к своему креслу, подле которого

сидел Сальвадор и ухмылялся, как набивший брюхо канарейками кот.

— Что же делать? — простонал бледный, как устрица, Джонни.

— Подай мне кувшин,— пробормотал я.

— Но ты и без того уже пьян в стельку!

— Подай кувшин! — проревел я.— Сейчас будет гонг! — И, выхватив кувшин из неуступчивой руки, я опустошил его и бросил в генерала Сальвадора. Тот взвизгнул и опрокинулся назад вместе со стулом.

— Помогите встать,— пьяно прогудел я, и Джонни, рыдая в голос, помог.

Ударил гонг, я покачнулся на нестойких ногах и увидел скачущего ко мне по рингу Диего с убийственным пламенем во взоре.

Я неуклюже побрел навстречу и едва мы сошлись, обрушил на него удар правой. Не промазал! Будто молотом по наковальне! Диего рухнул как подрубленный, затылком расщепил доску настила.

Наступила мертвая тишина, потом толпа взорвалась криками, генерал Сальвадор позеленел, будто проглотил свою табачную жвачку, а дон Рафаэль запрыгал на месте и восторженно замахал шляпой с плюмажем. Рефери не отсчитывал секунды — даже тупому полковнику было ясно, что сегодня Диего уже не боец. Секунданты подняли поверженного фаворита, и в наступившей тишине Джонни бросился мне на шею, заливаясь слезами радости и облегчения. Затем дон Рафаэль влез на ринг, оттолкнул Джонни, положил руку мне на плечо и уставился на толпу, выпятив брюхо и подняв шляпу, точно знамя.

— Граждане! — воскликнул он.— Я, дон Рафаэль Фернандес Пизарро, потомок прославленного

конкистадора и диктатор республики Пуэрто-Гренада, отомщен! Я разбираюсь в боксерах, поэтому поставил деньги на сеньора Костигана, и он победил! Но это лишь первый из многих поединков. Мы предложим всем боксерам Южной Америки сразиться с нашим чемпионом. Синьор Костиган задолжал нам быка. Он расплатится за него на ринге!

Толпа покидала вверх шляпы и кричала, а после я возразил:

— Эй, погодите-ка минутку! Вы говорите, что мне придется сразиться на этом ринге, чтобы расплатиться за быка?

— Именно так, — усмехнулся он. — Я, дон Рафаэль, великодушен. Тридцати или сорока поединков будет достаточно, конечно, если ты победишь на всех.

— Что?! — пьяно заревел я. — Сорок боев за быка? Ах ты дешевый...

Бабах!! Неожиданно плаза содрогнулась, ринг покосился, мужчины и женщины повалились друг на друга. Не успело эхо взрыва замереть вдаль, как до меня донеслись голоса болтающих на добром старом английском парней, и звуки эти были волшебной музыкой. Из-за угла появилась шайка здоровенных моряков в форменках. Они орали, хохотали и сметали всех, кто становился у них на пути.

— Это Старк и его головорезы! — вскричал Джонни. — Ему удалось задуманное!

— Что происходит? — пискнул дон Рафаэль.

— А вот что! — Я закатал ему в сопелку сокрушительный удар правой. Аксельбанты и перья мелькнули над рингом и исчезли за канатами.

— Скорее, Джонни! — крикнул я. — Уходим со Старком!

Мы нырнули с ринга в толпу, как лягушки в пруд, а солдаты, ошеломленные взрывом каталажки

и падением своего диктатора, не успели подстрелить нас до того, как мы исчезли среди публики.

Плаза находилась между тюрьмой и пристанью. Но ребята Старка прокатились по толпе, как тайфун по пальмовой роще. Само собой, мы с Джонни были в первых рядах. Вскоре площадь осталась позади, усеянная десятками бесчувственных тел, — не надо было этим дуракам становиться на нашем пути.

Коварная «гренадская молния» все еще бродила у меня в крови, и я почти не запомнил обстоятельства побега. Кажется, была беготня, туманы и падение вниз головой с причала, а потом меня вроде бы вытащили из воды и сунули в лодку. Очухался я на палубе парохода и услышал, как Старк скомандовал: «Живо поднять пары, такие-разэтакые, пока эти недоумки не вспомнили, что у них есть лодки!»

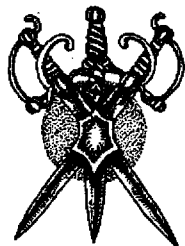
Снова все закружилось, я перегнулся через леер и провалился в темноту. Когда пришел в себя, мы полным ходом шли в открытое море, а люди на берегу приплясывали и потрясали кулаками. Старк хлопнул меня по спине и гаркнул: «Отличная работа, Костиган, и отличный бой! Будьте моими гостями, ребята. На этом пароходе вам не придется отрабатывать дорогу!»

— Везде бы так, — с глубоким вздохом облегчения заметил Джонни. — Но знаешь, Стив, я упорно не возьму в толк, как это ты сумел ублажить тореро сразу после второй порции отравы.

— Все очень просто, — ответил я. — От того, что я выпил вначале, у меня в глазах двоилось. Я дрался с двумя Тореадорами и всякий раз целил не в того. А потом еще хлебнул «молнии», и передо мной запрыгали три Диего. Остался суший пустырь — приземлить того, что в середине.

ВЕЛИКОДУШИЕ НАСТОЯЩЕГО МУЖЧИНЫ

В

прекрасном настроении войдя в «Американский бар», я прошелся колесом между столиков, к изумлению посетителей и моего белого бульдога Майка. Нет, я вовсе не был пьян. Дело в том, что «Морячка» несколько часов назад бросила швартовы на причал Порт-Артура и я был чертовски рад увольнению на берег. Но, пожалуй, я уже не был столь проворен, как в былые времена, когда после боя проходил колесом по рингу, показы-

вая публике, сколь мало на мне отразились пятнадцать раундов свирепого мордобоя.

В общем, я «напоролся на риф», а попросту говоря, врезался прямо в стол, и тот опрокинулся вместе с типом, который куксился, уронив голову на сложенные руки. Страхнув с нас обоих обломки, я изумленно уставился на гневную физиономию капитана «Морячки».

Не успел я открыть рот, как Старик, чей характер за последнюю неделю вконец испортился, заревел от ярости и вскочил на ноги, расшвыривая стол и стулья.

— Ах ты пьяный балбес! — загремел он. — Неужели порядочному человеку уже нельзя спокойно посидеть и поразмышлять? Ну, почему от тебя нигде нет покоя, ирландский бабун! И чем тебе не понравился мой стол, а, безмозглый твердолобый дебил?!

Вообще-то, я не корю Старика за вспыльчивость, но в этот раз его манеры подействовали мне на нервы. У меня характер тоже не мед, и я не привык сносить чьи бы то ни было оскорбления. Я вспыхнул как порох.

— Придержи язык, старый морской козел! — захохотал я. — Ты не смеешь оскорблять меня, хотя я и плаваю под твоим началом черт знает сколько лет! Прибереги проклятия для салаг, которых заманиваешь на шхуну в портах. Я свободный американский гражданин, и ни один старый пират-работоговец не будет угрожать мне плетью! На борту я уже столько лет выполняю твои приказы, что тебе давно пора бышо вычислить мой сухопутный маршрут. Я сыт по горло и тобой, и паршивой посудинной, которую ты называешь «Морячкой».

— Ладно! — заорал он. — Надоела «Морячка»? Радуйся! Ты ходил на ней в последний раз. Ее новы-

ми владельцами будут не мягкосердечные глупцы вроде меня, они ни в жисть не наймут эдакую твердолобую гориλλу.

— Ха! — буркнул я и очумело уставился на него. — Какие-такие новые владельцы?

— Самые обыкновенные! — отозвался Старик, и я вдруг заметил, как он постарел и осунулся. — Я теперь до самой смерти не увижу «Морячку», но буду радоваться этому всякий раз, когда вспомню команду обезьян под стать тебе.

— Но я не понимаю...

— А когда и что ты вообще понимал? — перебил он, дернув себя за бороду. — Я задолжал компании кучу денег. У хозяев моя расписка. Я даже проценты выплатить не могу. Будь у меня несколько недель, выкрутился бы... Но если завтра утром не принесу тысячу долларов, они не продлят аренду. А у меня в кармане нет даже проклятого полпенни! Ты ведь знаешь, как нам не повезло с последним рейсом. И теперь я теряю «Морячку». Завтра, если не наскребу тысячу монет, хозяева арестуют судно. А ведь это не просто лоханка, это моя жизнь, моя душа.

Я бы предпочел потерять ногу, руку или глаз. Биение парусов моей шхуны — сладчайшая музыка, а скрип ее снастей для меня все равно что болтовня старых друзей. Отдать ее — все равно, что вырвать у себя сердце. Но что до этого тебе, толстокожее ирландское отродье? Высоких чувств в тебе не больше, чем в этом бульдого. У меня, старика, отнимают корабль, и остаток жизни я обречен сохнуть на мели. Что, небось радуешься? Убирайся прочь, оставь меня в покое!

Что ж, я повернулся и ушел без единого слова. Пожалуй, не преувеличу, если скажу: его речь оше-

ломила меня. Я знал, что Старик по уши в долгах, а последние рейсы принесли одни убытки, но не подозревал, насколько плохи его дела, иначе был бы с ним поласковой. Даже в голове не укладывалось, что у него могут отобрать «Морячку». Я весь покрылся холодным потом. Почувяв, что со мной неладно, Майк прижался ко мне и лизнул руку.

На улице я принялся ломать голову, где бы достать денег, и вспомнил единственный известный мне способ — кулачные бои. Я даже вскрикнул — столь внезапно осенила меня счастливая идея. Первая часть замысла касалась Ловчицы Стройцы, сильнейшего боксера-средневеса, находящегося в тот день в Порт-Артуре по программе своего кругосветного турне. Как раз передо мной большая афиша гласила, что Стройца и Бенни Гольдштейн будут драться десять раундов до окончательной победы на ринге «Прибрежная арена Джима Барлоу».

Я прибавил шагу, намечая дальнейший план действий, как вдруг заметил впереди широкоплечего молодца среднего роста — самого Ловчилу Стройцу! Какая удача! Он проходил мимо дешевой забегаловки, одного из тех подвальных притонов, куда ведет с улицы длинная лестница. Содержал эту забегаловку мой знакомый китаец. Я поравнялся со Стройцей.

— Привет, Ловчила! — поздоровался я. — Рад видеть тебя снова!

Он угостил меня цепким, презрительным взглядом. Этот смуглый красавчик в бесстрашии и жестокости на ринге не уступал пантере.

— Ах, да, — произнес он. — Старина Моряк! Как же, помню. Три года назад на Западном побережье мы с тобой дрались на открытии турнира. С тех пор ты не слишком прославился.

— Ага,— согласился я.— Но зато ты пошел в гору — не узнать того салагу со сверхъестественным талантом ускользать и уворачиваться. Говорят, сейчас чемпион-средневес норовит ускользнуть от тебя.

— Не ускользнет,— ухмыльнулся Ловчила.— Сейчас я езжу по всему миру и дерусь только для того, чтобы доказать поклонникам: в среднем весе я лучший. Вот, вернувшись в Америку, я заставлю глиняного чемпиона встретиться со мной, и тогда пояс будет моим. Ну, а тебе что нужно? Доллар? Я не подаю опивающимся возле ринга пьянчугам и бродягам.

— Я не прошу подачку,— проворчал я, сдерживаясь, но уже видя перед собой пляшущие красные искры.— Я прошу выпить со мной и обсудить одно дельце.

— Ладно, только поживее,— согласился он.— Через час я должен быть на «Арене», а если опоздаю хоть на минуту, мой паршивый менеджер решит, что меня похитили, и закатит истерику.

Я первым спустился по лестнице в притон, кивнул его хозяину, старому китайцу Ят-Яо, и тот провел нас в отдельный кабинет — грязный, замшелый, очень смахивающий на погреб. Китаец поставил выпивку на шаткий стол и ушел, затворив за собой дверь.

— Ну, так чего ты хочешь? — бросил Строцца.— Сроду не видал дыры поганей, чем эта.

— Сейчас поясню. Ловчила, нынешний бой тебе не больно-то нужен. Ты дерешься сегодня только потому, что твой менеджер углядел шанс срубить легких деньжат. Но ты сам знаешь, что в этом городе бокс непопулярен. Что для тебя обещанные Джимом Барлоу полторы тысячи долларов? Жалкие крохи.

По мне, так ты стоишь никак не меньше сотни тысяч. Бенни Гольдстейн — твой спарринг-партнер, об этом во всем городе только я знаю. Будет не бой, а дешевый спектакль, публика останется в дураках.

— Тебе-то что? — бросил Ловчила.— Ведь ботельщики придут поглазеть на меня. Разве я не стою денег за билеты?

— Возможно,— поддакнул я.— Но суть не в этом. Полторы тысячи, которые тебе не нужны, мне бы оченьгодились. Я не собираюсь просить их взаимы, но напомним, что три года назад, когда Ловчила был салагой без имени и открывал турниры во Фриско, он пришел ко мне и попросил, чтобы я включил его в полуфинал. Я согласился, и тебе прекрасно известно, что именно тот бой вывел тебя на нужную дорогу. О нем тогда написали все ведущие спортивные репортеры Фриско. Вообще-то я не из тех, кто всегда требует услугу за услугой, но сегодня ты можешь здорово меня выручить.

Будь добр, не появляйся сегодня на «Арене». Предоставь это мне. Мой капитан — старик, и у него хотят отнять шхуну. Это разобьет ему сердце. Полторы тысячи для тебя мелочь...

Ловчила сидел с ухмылкой на смуглом смазливом лице, и я знал, что напрасно сотрясаю воздух. Вспышки ярости молниями пронизали мой разум, и пришлось вцепиться в край стола, чтобы не дать рукам волю.

— Значит, ты предлагаешь, чтобы я упустил полторы тысячи монет,— посмеивался он,— ради какого-то жалкого старого хрыча? Я тебе что, благотворительный фонд? Допустим, полторы тысячи и впрямь для меня мелочь, но это не значит, что я выложу их первому встречному бродяге. Любой

скажет, что Ловчиле Строцце своя рубашка ближе к телу. А теперь убирайся.

Дрожа от ярости, я вскочил на ноги.

— Итальянская крыса! — проревел я. — Ты всегда думал только о себе! Твоя подлая оболочка скрывает змеиное сердце. Слава Богу, что среди боксеров мало таких ублюдков. Три года назад ты умолял дать тебе шанс, а теперь отказываешь в пустячной сумме, которую тратишь на сигареты. Но знай, грязная трюмная крыса, что тебе не видать этих полутора тысяч зеленых!

Он завопил от злости и вскочил с налитыми кровью глазами, а я вломил ему в челюсть, вложив в удар все свое мясо и десяток тонн багровой ярости. Строцца разбил стол в щепки и остался лежать среди них. Я позвал Ят-Яо, и он появился с невозмутимым выражением на пергаментной физиономии.

Подняв Строццу, я перетащил его через отвращенную для меня китайцем дверь в крошечную, смахивающую на темницу, каморку.

— Через минуту-другую оклемается, — сказал я старому китаецу. — Но все же запри его на пару часов, а когда будешь выпускать, держи при себе несколько вышибал — он будет сильно не в духе.

Старый Ят-Яо кивнул и осклабилсся, а мы с Майком поспешили к «Прибрежной Арене», куда так и стекалась толпа. Я подошел к будке билетера.

— Как выручка, Ред? — спросил я, и кассир усмехнулся.

— Привет, Моряк, — сказал он. — Никогда бы не подумал, что в Порт-Артуре столько поклонников бокса! Нынче здесь все собрались — американцы, англичане, французы, голландцы, япошки и уйма богатых китайцев! И то сказать, не часто любителям бокса, прозябающим на Востоке, удастся поглядеть

на первоклассного бойца вроде Ловчилы Строццы! Общая выручка будет под три тысячи, а то и больше. Знал бы Ловчила об этом заранее, потребовал бы процент вместо ставки.

Я похолодел, и внутри у меня все заходило ходуном. Все эти любители бокса пришли, чтобы посмотреть на Строццу. Может, их не удовлетворят мои старания. Мне не часто вспоминается, что я всего лишь заурядный трудяга ринга, но сейчас я вспомнил об этом, и во рту сразу возник привкус пыли.

— Ред, пропусти меня, а? — попросил я. — У меня ни гроша, но я хочу повидать Джима Барлоу.

— О чем разговор, Моряк? — сказал Ред. — Валий, заходи. Жаль, что ты не дерешься сегодня на открытии, народ еще помнит, как ты полгода назад уложил здесь Черного Джона Скэнлиана.

Я вошел в зал вместе с Майком и оглядел толпу — порядочное сборище для боксерского матча. У меня даже сердце защемило. Все эти люди пришли, чтобы посмотреть на знаменитого боксера — разве потрафит им моя бесхитростная манера боя?

Толпа уже волновалась, но я вдруг заметил в задних, самых дешевых рядах троих парней, при виде которых мне в голову пришла идея. Я зашагал по проходу и, к моему радостному удивлению, толпа охотно расступалась. Она еще не забыла старину Моряка. Я подошел к раздевалкам. Бенни Гольдстейн был облачен для ринга, а Строцца, естественно, не появился. Его менеджер носился, как очумелый, а Джим Барлоу метал громы и молнии. Я увлек Барлоу в боковую комнатку, которая служила ему конторой.

— Джим, — сказал я, — народ теряет терпение.

— Ага,— проворчал он.— Я знаю, но что могу сделать? Куда, по-твоему, запропастился чертов Строцца?

— Неважно. Он не придет.

— Что?! — Барлоу так и выпрыгнул из кресла.— Откуда знаешь? Я разорен! Придется вернуть публике деньги...

— Погоди,— сказал я.— Кажется, я могу тебя выручить.

— Ты? — усмехнулся Барлоу.— Эта толпа пришла взглянуть на кандидата в чемпионы, а не на бродячего «молотилу». Ты по-своему неплох, Морьяк, но ты не Ловчила Строцца.

— Ладно,— рявкнул я.— Тогда иди и скажи это-му хулиганью, что представление отменяется и желающие могут получить свои монеты в кассе.

Джим Барлоу запричитал, будто его вот-вот хватит удар.

— Поверь, я понимаю, что тебе очень не сладко,— вкрадчиво сказал я.— Строцца и его менеджер надеялись, что ты останешься на бобах, выплатив им гонорар в полторы тысячи долларов. Но ты оказался хитрее: снимая по три, пять и десять монет за место, собрал выручку больше четырех тысяч. Расходов почти нет, ты ведь даже не потратился на предварительное выступление. Получается, что ты наварил чистых две тысячи прибыли. Но если придется вернуть толпе деньги, ты останешься с носом. Хочешь, я тебя выручу? Толпа не увидит Строццы, зато мы ей покажем настоящий бокс, не в пример фальшивым танцулькам Ловчилы и Бенни Гольдстейна.

— А ну, карты на стол,— сказал Джим Барлоу. До нас уже доносились выкрики толпы, требующей начать, а менеджер и секунданты Строццы выбежа-

ли из помещения, чтобы подождать «кандидата в чемпионы» снаружи.

— Я заметил в толпе троих, они нам пригодятся,— продолжал я.— Это Французик Ладо, Питер Ногая и Билл Брэнд. Зови их сюда.

Барлоу послал за ними мальчишку, и вскоре они вошли один за другим в контору. Ладо и Ногая были смутлы и здорово смахивали на бандитов. Брэнд — блондин с грубоватыми чертами лица. Вся троица была выварена в ста боксерских щелоках, меня она угостила неприязненными взглядами.

— Расклад такой,— начал я.— Вначале мы предлагаем публике выбор: если она желает вернуть деньги, то мы, само собой, ставим на этом точку. Но я полагаю, зрители согласятся на мое предложение, и тогда я буду драться с этими тремя уголовниками по очереди. Если уложу всех троих, то получу тысячу долларов, а они — шиш. Если хоть один взгреет меня, то поделит эту тысячу с двумя другими. Ну как?

Они только облизнулись, потому как все трое были матросы и сейчас, по своему обыкновению, сушились на мели.

— Но, поскольку Строццы с нами нет, мы должны показать толпе нечто из ряда вон выходящее,— добавил я.— Ладо — боксер и мастер саватэ, он может работать руками и ногами. Пит — специалист в джиу-джитсу, если хочет, пусть выступает без перчаток. Брэнд — чистый боксер и будет драться со мной в этом качестве. Я проведу все три поединка в перчатках по правилам бокса.

— А вдруг тебя уложит первый из них? — спросил Барлоу.— Толпа сочтет себя обманутой.

— Меня еще никто не укладывал,— проворчал я.— Но если это случится, окати меня водой, и я

встану на ноги. Не беспокойся, я ублажу толпу за ее деньги.

— Хорошо,— сказал Барлоу.— Вы согласны?

— Согласны,— ответили хором трое громил.

Итак, мы облачились в доспехи для ринга и поднялись на помост, где Барлоу поднял руки, прося у публики внимания. Толпа притихла, и Джим начал:

— Господа, я имею кое-что сказать вам, и прошу не орать, пока не закончу. Во-первых, с прискорбием сообщаю, что Ловчила Строцца до сих пор не найден, и у нас есть основания полагать, что сегодня он здесь не появится.

Его слова потерялись в яростном реве поклонников бокса. Вскочив на ноги, они вопили: «Нас обманули! Гони назад наши деньги!»

Барлоу махал руками, пока толпа не успокоилась, а потом сказал:

— Господа, дайте мне договорить, и если все-таки захотите вернуть деньги, то сможете получить их в кассе. Перед вами четверо бойцов, которых вы уже видели на этом помосте. Эти ребята — закаленные ветераны и всегда дерутся в полную силу. Вы их знаете: Ладо, Ногая, Билл Брэнд и Моряк Стив Костиган. Моряк согласен драться с остальными тремя по очереди. Каждый будет работать в своей манере, и вы увидите спор обычного бокса с утонченным французским боксом саватэ и таинственной японской борьбой джиу-джитсу. Моряк согласен продолжать бой даже в том случае, если его нокаутирует первый или второй противник. А теперь, господа, если угодно, ваши деньги ожидают вас в кассовом окошке. Ну, а хотите посмотреть бои в смешанных стилях, прошу уведомить меня.

С минуту народ колебался, потом заголосил: «Пусть дерутся, мы согласны!», и ни один человек не покинул «Арену».

Барлоу повернулся ко мне:

— Я свое дело сделал. Теперь твоя очередь. Кого выбираешь первым?

— Французика,— сказал я, и Барлоу снова обратился к толпе:

— Первым поединком вечера,— проревел он,— будет бой между Моряком Стивом Костиганом, американцем с торговой шхуны «Морячка», вес сто девяносто фунтов, и Французиком Ладо с парохода «Граф», вес сто восемьдесят фунтов. Костиган дерется строго по правилам, в стандартных перчатках. Ладо также будет в перчатках, но ему позволены удары ногами когда ему заблагорассудится и куда угодно — выше или ниже пояса. Они будут драться десять раундов. Начинаем!

Мы с Ладо с опаской сошлись. Он был тощий и жилистый, ростом на дюйм выше моих шести фунтов, весь из стальных пружин и китового уса. Мне знакомо было саватэ — борьба свирепых костоломов,— и я не собирался рисковать. Я начал с финта левой, но он ушел в сторону. Я мощно размахнулся той же рукой, но Ладо отскочил как кошка и — бац! Откинувшись назад, он очертил ногой широкую дугу и закатал мне прямо в челюсть. Ей-богу, мне показалось, что у меня сломана шея! Мои ноги взметнулись в воздух, и я приложился к брезенту шеей и плечами. Барлоу прыгнул вперед и начал считать, но я вскочил до того, как он сказал: «Три!»

Ладо был уже тут как тут и снова выбросил ногу, но я был начеку. Мне удалось отразить его копыто левой перчаткой, и я тут же вломил хук правой в челюсть. Ладо рухнул на брезент и не шевельнул ни

единым мускулом при счете «десять». Толпа восторженно заголосила.

Ладо утащили с ринга, и Барлоу объявил:

— В следующем поединке встречаются Стив Костиган и Питер Ногая с англо-китайского судна «Монгло». Как и прежде, Костиган будет боксировать по правилам, нанося удары только выше пояса. Ногая разрешено бороться и боксировать голыми руками.

Ногая был коренастым здоровяком, этакий полукровка с примесью малайской, французской и японской кровей. Крепкий орешек, большой и гладкий, как морской котик. Его мышцы не бугрились, они перекачивались под атласной кожей, а двигался он с кошачьей грацией и проворством.

Не желая бросаться в бой очертя голову, я атаковал быстро, но осторожно, и он отступил, приседая и вода длинными сильными руками. Я прыгнул к нему, метя хуком в голову, но он шагнул в сторону, и я волчком пронесся мимо.

Он уже летел на меня, но в прыжке передумал и вскинул руку, чтобы заблокировать мой мощный хук правой в челюсть. Я сразу ударил вдогонку левой, но он дернул круглой головой, и кулак скользнул мимо.

Лишь на секунду моя левая оказалась полностью вытянута, и в этот миг он схватил ее обеими руками, рванул и перебросил меня через голову. Ринг закувыркался у меня в глазах, и я приземлился на спину с грохотом, потрясшим весь зал. Я едва не «попыл», но, увидев несущегося на меня через ринг Ногая, похожего на огромного темного кота, успел вскочить на ноги.

Я выдал финт левой, он снова поймал мою руку и превратил ее во что-то вроде рычага. В локте

хрустнуло, и рука отозвалась мучительной болью, но в ту же секунду я провел мощный апперкот между руками Ногая. Кулак попал под челюсть, его голова откинулась назад, как на петлях, и он опустился на колени. При счете «девять!» он было поднялся, но хук правой в ухо уложил его опять, и он отдышал, пока его не вынесли с ринга.

Я вернулся в свой угол. Левая жутко болела и плохо двигалась, но я промолчал. Толпа проводила меня ободряющими возгласами, и я улыбнулся; сами того не зная, они получали за свои деньги зрелище, до которого далеко чечетке и кривляню Ловчицы Строццы и Бенни Гольдстейна.

— Постушай,— обратился ко мне назначенный Барлоу секундант (удивительно, что в зале не оказалось ни одного парня с «Морячки»),— мне показалось, или в самом деле что-то хрустнуло, когда Пит схватил тебя последний раз за руку?

— Наверно, его челюсть,— проворчал я.

— Третий и последний поединок! — проорал Джим Барлоу.— Между Моряком Костиганом и Биллом Брэндом с английского лайнера «Король Уильям», вес сто девяносто фунтов.

Брэнд был скитальцем морей и кулачным бойцом вроде меня. Между нами не было разницы — ни на дюйм, ни на фунт. Это был неотесанный жлоб, светловолосый, с грубым квадратным лицом и суровыми светлыми глазами. Он дрался не в классической английской манере — он был «молотила» с булыжником в каждой руке.

Мы быстро сошлись в центре ринга, и я врезал левой ему в голову. И тут же в моей руке вспыхнула чудовищная боль, и я на секунду ослеп, а сила покинула мои конечности. Я понял: Ногая сломал мне кость в локте, и теперь я, однорукий калека,

противостою одному из опаснейших бандюг семи морей!

В тот миг, когда я ослабел от боли в сломанной руке, Брэнд прыгнул вперед и нанес мне страшный удар в голову. Я покачнулся и засеменял ногами как слепой, а он добавил левой и правой! И опять слева, справа мне по кумполу, да так, что я повалился на канаты. Толпа вскочила на ноги, вопя от изумления. Прижимаясь спиной к канатам, я отчаянно отбивался здоровой рукой, и мне удалось отогнать Брэнда на середину ринга, где он занял прочную позицию, и мы стояли голова к голове, обмениваясь размашистыми ударами. Но это не могло длиться долго — моя левая висела плетью, и я не мог ни закрыться ею, ни сфинтить. Брэнд рассек мне ухо, наполовину закрыл глаз и расквасил губы. Пошатываясь под градом ударов, я впечатал ему кулак в корпус, заставив согнуться и отступить, — тут гонг застал его месящим воздух в стремлении не подпустить меня ближе.

Когда я уселся на табурет, Майк ткнулся носом в мою правую перчатку и тихо зарычал. Почувствовал, что у меня неприятности.

— Почему не бьешь левой, чертов олух? — поинтересовался мой секундант, промокая губкой кровь на моей физиономии.

— Не могу, — с усилием пошевелил я разбитыми губами. — Нога сломал.

Помощник едва не уронил губку.

— Что? Дерешься со сломанной рукой! Я бросаю полотенце! Брэнд тебя прикончит!

— Бросишь полотенце, убью! — оскалился я. — Я уложу Брэнда и одной лапой.

Когда мы поднялись на второй раунд, Билл Брэнд уже смекнул, что от моей левой мало проку, и

решил быстро закончить бой. Не рискуя нарваться на мой «правый убойный» он атаковал, прикрывая левой голову и ловко блокируя локтем мои удары по корпусу. Он знай лупил меня по корпусу и голове, но я отчаянно сопротивлялся, и ему не всегда удавалось уходить от моей здоровой правой. Не прошло и десяти секунд раунда, как я заставил его покачнуться от хлесткого удара в висок, потом нырнул под его левую и содрал коротким хуком кожу с ребер.

Но я получал больше, чем два к одному. Он дубасил меня, как кузнец наковальню, швырял на канаты, и наконец посреди ринга отвесил три ужасающих хука по подбородку. Я ответил «убойным» правой под сердце, от которого он крикнул, но тут же отреагировал левой и правой по корпусу, потом левой в глаз, запечатав его окончательно. Затем его свинг справа угодил мне по сломанной руке, и от боли меня едва не стошнило. Я пошатнулся, и Брэнд, чувствуя слабость, набросился на меня, как дикий кот на воробышка. Он прогнал меня по рингу шквалом классных ударов и уложил на пол возле канатов.

Я поднялся до начала счета и отчаянным правым в голову заставил его отпрянуть, но вскоре он разбил мне нос хуком левой, рассек кожу на челюсти коротким тычком правой и едва не оторвал мое и без того багровое ухо жестким левым свингом.

Я не успел ответить правой в челюсть, и он выдал мне прямо по сопелке апперкот, заставивший меня запрокинуть голову. Затем хук правой в челюсть отбросил меня на канаты, а когда я, шатаясь, расстался с ними, то столкнулся с черным кожаным тараном и повалился на колени. Ослепший и

окровавленный, я поднялся на счет «девять», но шикарные левый и правый свинги уложили меня обратно. Я смутно слышал, как толпа вопила Джиму, чтобы остановил бой. Он поинтересовался моим мнением на этот счет, но я лишь отрицательно покачал головой, брызгая во все стороны кровью, и кое-как поднялся снова. Я почти не заметил возвратившего меня на пол удара, но почувствовал, как грянулся плечами о доски, и потерял сознание. Позже мне сказали, что я лежал не шелохнувшись, и гонг прозвучал как раз в тот момент, когда Барлоу произнес: «Девять».

Очнулся я на своем табурете. Меня поддерживал секундант, а рядом стоял Барлоу.

— Стив, я останавливаю бой, — сказал он. — Ты спекся.

— Дай щепотку нюхательной соли, — задыхаясь, попросил я. — Я еще не спекся. Не останавливай бой, Джим Барлоу.

Я понюхал соль, и в голове просветлело. На виске у Брэнда я заметил кровоточащую рану — стало быть, его все-таки достал один из моих отчаянных хуков правой. Брэнд был крепок, но не настолько, чтобы легко переносить мои удары, когда они достигали цели. Эх, будь у меня целы обе руки! Неужели я выдержал всю эту пытку напрасно? Неужели я вырубил Ногаю и Ладо лишь ради того, чтобы проиграть этому лимончику? И выходит, Старик все-таки потеряет «Морячку»? От этих мыслей я пришел в бешенство. Зарывав диким зверем, я вслепую смел моего секунданта и, шатаясь, поднялся с табурета. Прозвучал гонг, и Брэнд двинулся ко мне.

Я устремился к нему по прямой. Меня обуревала и едва не вапила с ног знаменитая ирландская ярость.

Брэнд встретил меня прямым левой; я ощутил, как согнулась его рука, когда я налетел на нее, и по запястью утопил правую в его брюхе. Он крикнул и пошатнулся. Я продолжал насаждать, работая правой, как отбойным молотком. Держу пари, что публике в этом зале еще никогда не доводилось видеть такое «воскрешение». Брэнд сопротивлялся изо всех сил, но их не хватало. От его ударов я шатался, как пьяный, и на ринг брызгала кровь, но остановить меня было уже невозможно. Я насаждал без малейшей передышки и бил, бил, бил! Те, кто видел этот бой, говорили, что я дрался, как загнанный в угол черт. Еще бы, ведь я сражался ради Старика и «Морячки»!

Я погнался Билла Брэнда, как волна гонит щепку. При каждом моем ударе по корпусу рука тонула по запястью, а каждый удар по голове пускал ему кровь. Теперь его физиономия была под стать моей, он тоже задыхался и шатался. Билл уже не надеялся исправить ситуацию с помощью кулаков. Он просто махал руками изо всех сил, чтобы не подпустить меня ближе.

Но я был неодолим. По сути, я дрался в обмороке, ринг плыл в красной пелене. Передо мной маячило лицо Билла Брэнда, бледное, с гримасой отчаяния и потеками крови. А мною всецело овладело желание сократить дистанцию и бить, бить, бить!

Я даже не слышал истуканных воплей толпы, но чувствовал, как слабели удары Билла. Он уже кренился, барахтался, шел ко дну. И тогда я вложил мои убывающие силы в одну серию яростных ударов и почувствовал, как он обмяк; я ощутил отдачу моего «убойного» в челюсть и увидел, как он повалился, точно куль с опилками. После этого я отки-

нулся на канаты и старался не упасть, пока Джим Барлоу вел отсчет.

Говорят, я выбрался с ринга сам. Не знаю, как мне это удалось. Помню только, как ревела обезумевшая толпа, как меня хлопали по плечам, как жали мне руку, — короче говоря, публика осталась удовлетворена. Потом я сидел за столом в раздевалке, и мне вправляли руку, заштопывали ухо и расщипанный висок, смазывали коллодием многочисленные ссадины.

— Ай да бой! Ай да бой! — кудахтал Барлоу. — Надо же, ты победил со сломанной лапой...

— Где монеты? — кое-как пошевелил я разбитыми губами. — Где моя тысяча? А ну, гони живо.

Били вложил пачку денег в мою руку, и я попытался пересчитать.

— Бога ради, Стив! — изумился Билл. — Я никогда не видел, чтобы тебя так волновали деньги... хоть ты и дрался за них насмерть.

— Это не мои деньги, — пробормотал я, все еще приходя в себя. — Моего приятеля. Мне пора идти, а то вдруг его хозяева решат забрать корабль сегодня ночью.

Все посмотрели на меня так, будто я наклюкался вдрызг или даже свихнулся, но помогли мне одеться, и я вышел на улицу вместе с Майком. Прохладный ночной воздух прочистил мне мозги, но все же я представлял собой жалкое зрелище: рука на перевязи, один глаз закрыт полностью, другой — наполовину, и вся физиономия облеплена пластырями.

Надеясь встретить Старика в забегаловке Теренса Мэрфи за игрой в пинокль, я направился прямо туда — и верно! Старик резался в карты с Теренсом. В заведении, кроме них, не было ни души по причи-

не позднего часа. Мне сразу бросилось в глаза, каким тяжким грузом легли на Старика его годы.

— Да, — говорил он Теренсу, — завтра у меня отнимут милую лоханку. Теренс, я старик, хотя до сих пор этого не замечал. Я совсем на мели. Эта шхуна была для меня и женой, и дочерью...

Он огляделся, увидел меня и приуныл еще больше.

— Ага, Стив Костиган. Никак опять вязался в позорную уличную драку? Разве я не просил оставить меня в покое? Сделай одолжение, убирайся отсюда...

Я без единого слова протянул ему пачку денег. Я не мастак говорить высокопарные речи.

— Что это? — опешил он.

— Тысяча долларов, которую вы задолжали компании, — ответил я. — Можете заплатить, и у вас не отнимут «Морячку».

— Но я не могу их взять... — пролепетал он.

— Нет, возьми! — рявкнул я. — Я уложил трех крутейших азиатских мордоворотов не для того, чтобы ты придерживался этикета. Бери! — И я сунул деньги ему в лапу.

Старик замер на месте, меняясь в лице как хамелеон. Первый раз в жизни я увидел его онемевшим. Наконец он промолвил:

— Стив, я... даже не знаю, что и сказать... Кажусь себя вонючим скунсом. Не могу выразить, как много это значит для меня... Ей-богу, я верну эти деньги до последнего цента. Стив, я часто бывал невежлив с тобой, но ты ведь понимаешь, это было не всерьез. Под твоей слоновьей шкурой прячутся душа и сердце настоящего мужчины...

— Ладно, чего там, — перебил я, испытывая крайнее смущение. — Не благодарите меня. Просто мне бы не хотелось увидеть, как вы потеряете «Моряч-

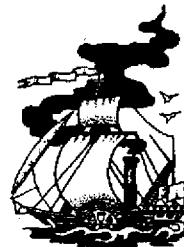

ку». Да и жалко старую посудину — потонет ведь, если капитаном на ней будет человек с мозгами вместо пробки.

— Не смей оскорблять меня, бабуин ты эдакий, — проворчал старик, но глаза его снова помолодели, а на губах появилась улыбка.

ЧЕСТЬ КОРАБЛЯ

Джон Закария Граймс впервые окрысился на меня в кубрике «Морячки», в тот же день, когда мы покинули Фриско. Он был салага и нанялся на судно перед самым отплытием. Вообще-то я не обижаю салаг, если только не возникает необходимость показать им, кто «вожак» на нашей шхуне, и даже в таких случаях я скор на расправу, но милосерден, насколько это возможно. Граймс помалкивал, работал споро и не обижался на подначки бывалых матросов. Это был

долговязый сухопарый горец из штата Кентукки. Не знаю, как этот горец превратился в моряка, но факт остается фактом.

Ссору начал Олаф Эриксон. Он подшучивал над Граймсом в своей дубовой скандинавской манере, но тот предпочитал не обращать внимания, и это злило Эриксона. Вскоре Олаф отпустил довольно грубую шуточку о неотесанных горцах, и тогда Граймс впервые обернулся и посмотрел на него в упор. Внешне он не дрогнул, но что-то в нем определенно изменилось. В кубрике вдруг воцарилась тишина. Улыбка слиняла с лица Олафа, он покраснел и выпучил зенки.

Граймс неторопливо поднялся и сказал: «Встань!»

Это простое словечко заключало в себе целую гамму эмоций. Олаф взревел и едва успел поднять кулаки, как Джон шагнул вперед и его длинная правая метнулась от плеча наподобие тарана. Послышался треск, будто не выдержал рангоут, и длинная желтая грива Олафа встопорщилась. Здоровенный швед пролетел по всему кубрику, брякнулся и остался лежать неподвижно.

Граймс обернулся к вытаращившим на него глаза матросам. Некоторые из них уже успели проучить Олафа, но никто даже помыслить не смел, что его можно уложить одним ударом. На узкой постной физиономии Граймса не дрогнул ни один мускул, но глаза его блестели, точно серые льдинки.

— Если кто-то надеется мной помыкать, — молвил он, — пусть выйдет, и начнем потеху! Я обойдусь без скидок и готов принять по одному за раз, либо всех вместе. Я знал, что этот корабль — не фунт изюму, еще когда вербовался. Мне ни к чему неприятности, но я пальцем не шевельну, чтобы их избежать. Если кому-то из тупоголовых не нравятся

мои манеры, если он считает меня неотесанным горцем, то пускай подойдет и скажет прямо.

Тут завелся Муши Хансен. Муши обидчив, как все датчане, для него услышать слово «тупоголовый» — все равно что получить в морду. Он внушительен на вид, выше шести футов ростом; весу в нем добрых двести фунтов, и все они приходятся на долю костей и мышц. Муши проворен, как кошка, да и удар у него неплох.

— Тупоголовые? — завопил он. — Ну, держись, проклятый деревенский олух!

Он ринулся на Граймса подобно тайфуну, но после первого обмена ударами я понял, что у Муши нет ни единого шанса. Он не уступал ростом Граймсу и мускулы имел потолще, но у Граймса они были упруги, как сырая кожа, и прочны, как стальная проволока. В отличие от Муши, он не прыгал по-кошачьи вокруг противника и даже выглядел неуклюжим, но был проворнее, чем казалось. Граймс не пытался боксировать, он просто работал кулаками, как поршнями, — быстро и мощно.

Муши ударил правой Граймса в челюсть, и кровь потекла ручейком, но ей-богу, тот даже не моргнул. Его правая и левая хряснули Муши по ребрам, будто молоты по бочке, и Муши скривился от боли. Но тут же ответил серией хлестких ударов, способных уложить трех-четыре обычных парней.

Однако Джон Закария Граймс отнюдь не принадлежал к числу обычных парней, и эти плюхи смутили его не больше, чем быка — хлопки воздушных шариков. Запросто выдержав их, он перехватил инициативу и принялся методично месить голову и корпус Муши. Всякий раз, когда он бил под ребра, рука погружалась по запястье, и Муши начал сдавать.

Его удары потеряли силу, глаза остекленели, и он, шатаясь, отступил. Но я сроду не видел бойца безжалостнее Граймса. Он наседали неумолимо, наносил удары с терпением часового механизма. Он не оборонялся — защитой ему служили тараноподобные кулаки. Лицо Хансена превратилось в кровавую маску, а тело покрылось синяками. Отступив под градом ударов, он прислонился к койке. Он пока держался на ногах, но был уже не в силах поднять руки.

Но Граймс не остановился. С бесстрастным, как гранитная глыба, лицом он продолжал выколачивать перхоть из поникшего датского кумпола.

Я шагнул к нему и схватил за руку.

— погоди! Ты что, убить его решил?

Он поднял на меня тусклые глаза. С рассаженой скулы по щеке текла алая струйка, из угла рта тоже сочилась кровь, но дышал он почти ровно.

— Разве не он начал? — спросил Граймс.

— Да, но ведь ты его проучил, верно? — возразил я. — Неужели этого мало? Оставь его.

Муши соскользнул вдоль койки и без чувств растянулся на досках. Граймс подпернул штаны, глянул на меня и сказал:

— Я о тебе много чего слышал, Стив Костиган. Тебя считают вожакон на этой шхуне, но не пытайся помыкать мною, понял?

— Никто тобой не помыкает, — с досадой повторил я. — Но я не допущу хладнокровного убийства.

— Не беспокойся, — холодно продолжал он. — Я слышал о тебе, ты обожаешь кулачные бои и дерешься ради удовольствия. Ну, а я не люблю кулачные бои, и дерусь только с проклятыми олухами,

которые пытаются ущемить мои права. И если приходится кого-то взгреть, я делаю это так, что он надолго оставляет меня в покое. Я и в Кентукки часто дрался, и с тех пор, как ушел в море. Ты вожак на этом корабле? Ладно, если тебе не нравятся мои манеры, начнем потеху!

— Мне ни к чему поддерживать свою репутацию, укладывая каждого встречного салагу, — раздраженно бросил я. — Со мной уживется любой, кто не слишком возникает. Эй, ребята, поднимите-ка Муши и уложите на койку. Билл, вылей на Олафа бадью воды.

Пока мы оживляли Олафа и Муши, Граймс растянулся на своей койке и уткнулся в журнал. Крепкий орешек!

После той драки команда старалась Граймса не задирать. Олаф и Муши не таили на него зла; удар в челюсть на борту «Морячки» — дело обычное для тех, кто знаком с морскими правилами. На подобные пустяки ребята не обращают внимания.

Граймс не пытался подружиться ни с кем из команды, но и не слишком обособлялся. Он подсаживался к компаниям и прислушивался к разговорам, но редко принимал в них участие. Он был не из тех, кто любит чесать язык.

Из-за нелюдимости команда относилась к Граймсу с прохладцей, но мой белый бульдог Майк, похоже, привязался к нему, а это любому служило хорошей рекомендацией. Но мне он не нравился. Его манеры действовали мне на нервы, казалось, он постоянно ждет, что я задену его, и, похоже, ему только это и нужно. Я не тепличная орхидея, и нрав у меня крутой, но я не унижаю людей только потому, что мне это может сойти с рук. Мне необходимо поддерживать свой авторитет, и я искренне

обожаю добрую потасовку, но никогда не помыкаю людьми лишь по прихоти.

Граймс не был охоч до воспоминаний, но из его обмолвок ясно было, что за его плечами множество кровавых сражений, как на кулаках, так и с оружием. На теле у него были отметины от пуль и ножевые шрамы, а разукрашенная физиономия Муши служила наглядным доказательством тому, что в кулачной драке Граймс не новичок. Горцы из Кентукки — народ грубый и жестокий, но из тех, кто проходит их школу, получают отменные бойцы. Похоже, Граймс был не из двоечников.

В нескольких днях пути от Сингапура я снова поцапался с Граймсом. Матросы на палубе вспоминали о своих проделках, и среди нас был привычно молчаливый и хмурый кентуккиец. Я только что поведал о том, как уложил на бостонской пристани несколько грузчиков, и тут он возьми да ляпни:

— Я знавал многих приличных бойцов, и большинство из них помалкивало о своих подвигах. А ты бахвалишься пуще любого пьянчуги.

На нашу компанию опустилась тишина, потому что все знали: я не из тех, кого можно безнаказанно унижить.

— Поясни, что ты имеешь в виду! — потребовал я.

— Что, уши отсохли? — равнодушно спросил он.

Чувствуя, как краснеют белки моих глаз, я начал было подниматься, машинально прикидывая расстояние до его челюсти, но тут меня схватил за руку Билл О'Брайен.

— Погоди, Стив. Иль забыл, что в первый вечер по прибытии в Сингапур ты встречаешься с Кидом Рейнольдсом?

— Ну и что с того? — возразил я. — Отпусти меня, Билл. Этот юнец торгует сопелкой с тех пор, как поднялся на борт.

— Не сейчас, — настаивал Билл. — У него башка крепче, чем кабестан¹. Муши сломал о нее четыре пальца. Ты не должен рисковать своими поршнями перед боем с Рейнольдсом, когда я готов поставить на тебя монету. Сначала выиграй бой, а потом разбирайся с Граймсом.

— Ладно, Билл, — проворчал я. — Только ради тебя. Но поверь, мне ужас как нелегко усидеть на месте, когда меня называют треплом.

— Я не называл тебя треплом, — вмешался Граймс. — Я просто сказал, что...

— Помолчи, мне все ясно! Пока что я забуду твои слова ради этих ребят, готовых поставить на меня последнюю рубашку, но не искушай меня впредь.

Граймс пожал плечами, очевидно, его ничуть не обрадовало чудесное избавление от смертельной опасности.

— Граймс, ты чертовски несдержан в своих оценках, — предостерег Билл. — С твоей стороны глупо было усомниться в боевых качествах Стива. Во всех портах мира о его доблести ходят легенды.

— Я не усомнился в его доблести, — коротко бросил Граймс. — Я просто высказал свое мнение.

— В следующий раз держи его при себе! — гневно посоветовал я.

— Сроду не приучен следить за языком ради кого бы то ни было, — не уступил он, но Билл положил мне на предплечье руку, затем порывшись в кармане и, выудив книжку боксерских рекордов, бросил ее Граймсу.

¹ Подъемный ворот.

— Вот его «послужной список», — сказал он. — Прочти на досуге. И помни, что перечисленные здесь бои — это меньше четверти его побед. Сюда не вошли уличные стычки, разборки на борту и драки на пристанях. Когда парень дерется во всех портах семи морей, лишь ничтожная часть его успехов попадает в «послужной список».

Граймс взял книжку и открыл, но, поскольку лицо его было невозмутимо при любых обстоятельствах, я не мог судить о его впечатлениях. Он довольно долго изучал мой «послужной список», а в нем были имена, способные прославить любого боксера. Но, возможно, у Граймса были иные мысли на этот счет, а может, просто нелады с грамотой. Возвращая книжку Биллу, он так и не произнес ни слова.

После этого я старался его избегать, поскольку терпение мое небеспрдельно. Но через день-другой я маленько остыл. Я быстро выхожу из себя, но столь же быстро мой гнев уступает место благодушию.

Мы вошли в сингапурскую гавань точно по расписанию, и когда пришвартовались, чтобы взять груз, я обнаружил, что пристань обклеена афишами. На них красовались наши с Рейнольдсом фото, а также снимок моего белого бульдога Майка. Набранное крупным шрифтом объявление гласило: «Моряк Костиган со пхуны «Морячка» встречается с Кидом Рейнольдсом с «Короля Ричарда» сегодня вечером на ринге «Олимпик».

Я напыжился при виде собственной помятой физиономии, глядящей со стен складских построек, и растаял окончательно, когда у причала меня встретила радостными возгласами большая шайка моряков.

— Вчера вечером пришвартовалось корыто Рейнольдса, — сказали они. — Мы боялись, что ты опоздаешь. Макпартленд, антрепренер «Олимпиада», уже распродал все места. Каждому, кто видел твой последний бой с Рейнольдсом, просто не терпится побывать и на этом.

Я встречался с Рейнольдсом, когда последний раз гостил в Сингапуре. Пятнадцать кровавых изнурительных раундов... Бр-р!

— По городу ходят разные слухи, — продолжали матросы. — Мол, игроки делают на тебя слишком большие ставки. Но мы-то знаем, что вы с Рейнольдсом ровня. Нам известна репутация «Морячки»: любой парень из ее команды дерется честно или не дерется вообще.

— Ценю ваше доверие, — сказал я. — Пока еще я не подводил своих болельщиков.

— Знаем, Стив! — дружно заорали они и один за другим покинули пристань, а я повернулся к Граймсу и ухмыльнулся, забыв о своей досаде. Потом сказал:

— Видишь, эти ребята не судят о моих боевых качествах по тому, насколько я болтлив.

Он ничего на это не сказал. Постоял, провожая взглядом толпу, затем отвернулся, и это меня задело. Не люблю, когда со мной играют в молчанку. Но Граймсу это сошло с рук.

Мы с Биллом О'Брайеном, Муши Хансеном и Свенном Ларсеном решили заглянуть в ближайший салун, и Билл предложил Граймсу развеяться вместе с нами, но тот отрицательно покачал головой и ушел с каким-то типом. Никто из нас раньше не видел этого парня, и его физиономия не вызвала у меня интереса. Мы бросили якорь в «Американском баре» и пропустили стаканчик-другой, и тут

Билл говорит: «Гляньте, к нам топает Скользкий Стин».

Я повернулся и хмуро глянул на типа, навалившегося на стойку брюхом. Он щеголял золотой цепью поверх клетчатого жилета, а сигару закусил под таким углом, что она едва не встретилась с надетой набекрень шляпой. На физиономии расплылась масляная улыбка. Он протянул мне пухлую руку с алмазами на толстых пальцах.

— Привет, Стив, старина! — жизнерадостно воскликнул он. — Как делишки?

— На черта мне твоя грязная клешня? — огрызнулся я. — И сам ты нужен мне здесь, как бубонная чума.

— Ну-ну, Стив, — успокаивающе произнес он, собираясь хлопнуть меня по спине, но передумал (и правильно сделал, иначе бы я затолкал сигару ему в глотку). — К чему вспоминать старое? Пусть оно быльем порастет.

— Ага, — с горечью согласился я. — Давай забудем, обнимемся, и ты воткнешь мне в спину ножик. Не далее, как полгода назад, ты клялся погубить мою репутацию в Сингапуре. А почему? Всего лишь потому, что я отказался «сдать» поединок ради шайки грязных игроков, которой ты помыкаешь.

— Да я уже и забыл об этом пустяке... — начал он, но я перебил:

— Прежде чем ты забудешь о каком-нибудь пустяке, у китов вырастут крылья и они чайками воспарят над волнами. Все, вали отсюда, мне не нравится твоя свинья морда.

— Что ж, Костиган... — Он сбил пепел с сигары. — Если ты не в настроении...

— Вот именно, — проворчал я. — Не в настроении. Выметайся, да поживей.

Пожав жирными плечами, он повернулся и свалил из бара. Какой-то субъект встретил его снаружи, и они ушли вместе.

— Не нравится мне это, — заметил Муши. — Когда Скользкий Стин дружелюбен, он прячет за спиной булыжник. И, кстати, ты знаешь, с кем он ушел? С тем же парнем, которого встретил на пристани Граймс.

— Ну, в этом нет ничего странного, — сказал я. — Ведь Граймс уже плавал в этих водах.

В эту минуту ко мне подошел китайчонок и потянул за рукав. Когда я обернулся, мальчишка сунул мне в руку записку и был таков. Развернув ее, я прочел: «Любезный Стив. Одна из моих знакомых дам хотела бы встретиться с тобой. Приходи в «Лавку Дракона», я вас познакомлю. Твой друг».

— Что читаешь? — спросил Билл.

— Да так, ерунда, — ответил я, торопливо пряча записку в карман. — Вы, ребята, развлекайтесь пока без меня. Позже встретимся.

— А тебя куда понесло? — подозрительно осведомился Билл. — Небось, решил приударить за юбкой? Гляди, Стив...

— По-твоему, я уже не в состоянии позаботиться о себе? — раздраженно произнес я. — Не лезь в мои дела. Я буду в «Олимпике» к началу боя.

— Только не вздумай опоздать, — напомнил Билл, и я быстро вышел, сопровождаемый верным буль-догом.

Любопытно, кто этот незнакомый «друг»? Но, вообще-то, записка меня не удивила. На некоторых дам моя персона издали производит неплохое впечатление.

«Лавкой Дракона» называлась прибрежная таверна, содержал ее мой знакомый, старый китаец. Там

подавали грог. Когда я вошел, китаеза закивал и жестом предложил следовать за ним в кабинет. Там сидел за столом и разливал по стаканам виски Джон Граймс.

— Привет, Костиган,— сказал он.— Присаживайся. Выйди, Ли Вун, и затвори дверь.

— Не ты ли послал записку? — сурово спросил я.— Где же дама?

— Нет никакой дамы. Я просто хотел поговорить с тобой наедине, а как это сделать, если вокруг тебя всегда толпа? Но я знал, что на свидание с женщиной ты придешь.

— Разрази тебя гром,— гневно заговорил я.— Решил выставить меня на посмешище, такой-разэтакий?!

— Не обижайся,— безмятежно перебил он.— Все в порядке, никто ничего не узнает. Сядь и давай потолкуем. Это виски. Угощайся.

Я был разозлен и озадачен, но сел за стол и осушил пододвинутый Граймсом стакан. А потом приказал не тянуть время и выкладывать, зачем он меня позвал.

— Костиган,— начал Граймс,— ты давно ждешь боя с Рейнольдсом?

— Несколько месяцев, с тех пор как мы с ним договорились встретиться,— ответил я.— В прошлый раз была ничья. А в чем дело?

— На этот бой поставлена куча денег, но что будет, если... Только предположим: один из вас не появится, и антрепренеру придется заменить боксера?

— Ребята ставят на меня и на Рейнольдса,— проворчал я.— Они снимут ставки. Но я не понимаю...

— Это все, что я хотел знать,— проговорил он, вставая. Изумленный и рассерженный, я вскочил —

вернее, попытался вскочить, но в ту же секунду меня будто грот-мачтой по затылкухватило, и я мгновенно провалился в забытие.

А когда очухался, обнаружил, что влажный язык Майка вылизывает мне лицо.

С трудом поднявшись на ноги, я на основании ощущений, в том числе мерзкого привкуса во рту, пришел к выводу, что Граймс попотчевал меня наркотиком. Захотелось тут же разорвать подонка на куски, но в комнате никого не было, а дверь оказалась на запоре. Ревя, как бешеный слон, я выломал ее и ввалился в таверну с кулаками наготове. Там тоже никого не было, потому что старик Ли Вун с воплями удрал через черный ход, едва я накинудся на дверь.

С минуту вокруг меня все ходило ходуном, наконец в голове прояснилось, и я огляделся, пытаюсь найти хоть какой-то ключ к разгадке этой идиотской шарады. Увидев над стойкой часы, я вдруг завопил так, что Майк подскочил от испуга.

— Боже милосердный! Я же несколько часов провалялся! Мне давно пора быть на ринге!

Я вылетел из таверны на улицу, будто хотел побить рекорд в беге на длинные дистанции, и китайцы брызнули передо мной в стороны, но никого, похоже, не удивил несущийся по улице моряк с непокрытой головой, преследуемый белым бульдогом. На Востоке всех белых считают сумасшедшими. От энергичной работы легких в мозгу окончательно рассеялся туман, и вскоре, срезав угол по боковой улочке, я очутился прямо перед «Олимпийком». Из дверей заведения потоком изливалась толпа.

Схватив за грудки первого встречного, я прокричал: «Что тут происходит?». А поскольку мы оба стояли в тени, он меня не узнал.

— Да просто сегодня должны были драться Костиган и Рейнольдс, но Костиган не появился, — с отвращением пояснил прохожий. — В последнюю минуту Макпартленд объявил, что, по его сведениям, Костиган не сможет выступить, и публика вольна забрать свои деньги или согласиться на замену. Короче, Макпартленд выставил никому не известного парня, и, ей-богу, тот ухитрился вырубить Рейнольдса. Но он не соблюдал правил, и судья отдал победу Рейнольдсу. Мы едва не линчевали этого типа. И знаешь что? Сразу после боя Рейнольдс в раздевалке потерял сознание, и сейчас над ним хлопчут костоправы. Кажись, он чем-то отравился.

— Кто с ним дрался? — мрачно спросил я.

— Парень по фамилии Граймс с корабля Костигана.

Не теряя времени, я повернулся, пересек двор и свернул на улочку, огибающую «Олимпик». На нее как раз выходили двери раздевалок. Возле самых дверей кто-то обогнал меня, нырнул в одну из них и затворил за собой.

Я узнал субъекта, который встретил Граймса на пристани. Его освещенное уличным фонарем лицо показалось мне неестественно бледным.

Но в ту же минуту я забыл о нем, потому что из другой двери показался Джон Граймс. Он был в рубашке, пиджак перекинут через плечо, кепка надвинута на глаза, а лицо, как всегда, бесстрастное.

Я заступил ему путь и схватил за плечо. Его мускулы под моими железными пальцами были что стальные тросы.

— Грязная подлая крыса! — рявкнул я. — Что ты скажешь перед тем, как я разорву тебя на куски?

Он, не моргнув глазом, высвободил плечо.

— Костиган, ты слишком разгорячен, — промолвил он. — И не способен сейчас рассуждать здраво. Давай завтра поговорим. Согласен, тебе это кажется странным, но я постараюсь объяснить...

— Ни к чему так утруждаться! — разъярился я. — Не знаю, на черта ты это затеял и замешан ли тут Скользкий Стин. Но лопни мои глаза, если тебе это сойдет с рук! Ты устроил мне подлянку, снулая рыба, потому что невалябил мои манеры. А меня тошнит от твоих, и сегодня мы разберемся раз и навсегда!

Он что-то пробормотал, затем поджал губы и повел плечами.

— Здесь? — спросил он.

— Нет. Тут кругом слишком много фараонов и прохожих. Я знаю местечко на пляже, где нам никто не помешает. Будем драться без правил и до тех пор, пока один из нас не похолодеет.

— А как насчет пса? — спросил он.

— Он тебя не тронет, если я не прикажу, — проворчал я. — Идем!

У воды, где пляж заливала серебром луна и где нас окружали черные тени пальм, мы сняли рубахи. Я бросил свою на песок и приказал Майку сесть на нее. Он понял, что ему ни при каких обстоятельствах нельзя нападать на Граймса. Похоже, бульдогу это не понравилось. Похоже, ему вообще не нравилось, что мы собираемся драться. Он полюбил Граймса, хотя было бы за что.

Мы сошлись в лунном свете, для меня он был подернут красноватой пеленой ярости. Пульс молотом стучал в висках, железные мускулы напряглись, а отмеченное боевыми шрамами лицо исказилось гневом. Одним своим обликом я мог бы устрашить любого противника, но Граймс не дрог-

нул. В лунном свете его лицо оставалось бесстрастным и хмурым, из боя с Рейнольдсом он вышел без единой отметины. Кстати, позже я узнал, что он не пропустил ни одного удара. Под кожей у него при малейшем движении натягивались сверхпрочные мускулы. Лишней плоти не было ни унции, и вообще, Граймс выглядел хищным, как лесной волк. Все в этом парне говорило о силе, закалке и стойкости.

— Ты решил стать вожаком кубрика на «Морячке», — процедил я. — Но для этого мало взгреть мясистых скандинавов. Для этого надо взгреть меня.

С этими словами я кинул левую ему в подбородок и, не успев он «нырнуть», добавил короткий справа в челюсть. Он рухнул на песок, и я отступил, злобно глядя на него и тяжело дыша от ярости.

— Поднимайся! — Но он вскочил на ноги, не успев я договорить.

В глазах у него появился ледяной блеск, скула, рассеченная моими железными костяшками,кровоточила. Но он нисколько не «плыл», и это меня поразило, ведь мой правый способен уложить лошадь. Скажу, не совру: такими ударами я раскалывал челюсти.

— Ты чертовски проворен, — холодно заметил он. — Врасплох меня застал. Готов повторить?

— Еще как! — взревел я и коротко ударил его левой в живот, затем ею же — снизу по челюсти.

Он пошатнулся... и взорвался ураганом мелькающих кулаков.

Мы топтались на залитой лунным светом поляне, осыпая друг друга ударами, пока свет не потускнел, трава не оросилась кровью, а пальмы и океан не заходили ходуном. Кругом не было ни души, кроме утробно рычащего на моей рубашке Майка.

Граймс не был боксером, и я не пытался драться с ним по правилам. Моя гордость — шквал стремительных ударов, и я всегда готов доказать, что выдержу любой натиск. Граймс налетел на меня тайфуном, работая руками, точно поршнями, но я встретил его нога к ноге и грудь к груди.

Впервые в жизни я столкнулся с бойцом под стать себе. Я выкладывался от души, и почти каждый мой удар попадал в цель. Кулаки, способные изувечить среднего боксера, без видимых последствий отскакивали от головы и корпуса Граймса. Его ребра были прочней стальных обручей, голова — что твой чугунный слиток, а мускулы, наверное, не поддались бы и ножу. Стоило ли удивляться, что до сих пор никто не осилил этого парня в драке без правил?

Точно кулаками по корпусу корабля, лупили мы кулаками друг по дружке. Граймс кренился, как судно в шторм, но выпрямлялся и пуще прежнего охаживал меня кулаками-булыжниками. Бац! бац! бац! Без передышки.

Не знаю, сколь долго мы бились, но знаю, что оба были залиты кровью, а его костлявые кулаки запечатали мне один глаз, сплющили неоднократно сломанный нос и порвали кожу в десятке мест на лице и теле. Знаю, что и я избил его почти до неузнаваемости, он дышал с надрывным свистом, а за лохмотьями губ поблескивали распатанные зубы. Не помню, сколько раз я падал и сколько раз валился с копыт Граймс. Мы ни разу не вошли в клинч, наш бой не делился на раунды, и никто не предлагал нам бросить на ринг полотенце.

Но в моих плечах было больше силы, хоть и он бил не слабо. Наконец, через века этой безжалостной пытки, я почувствовал, что он сдает. Мои бес-

пощадные кулацды несколько раз воткнулись Граймсу в живот, и его голова откинулась назад на слабеющей шее. Но с ним еще не было покончено. Он никому не давал пощады и ни у кого ее не просил. Поэтому я был вынужден молотить его упорно и жестоко. Я перешел на короткие резкие удары и неумолимо гнул его к земле, пока он не растянулся в луже крови.

Мне тут же захотелось последовать его примеру. Я был еще жив и почти ничего не видел. Пальмы кружились вокруг меня в безумной пляске, а земля качалась под ногами.

— Отдохни, вонючий скунс,— выдавил я, задыхаясь и сплевывая кровь и выбитые зубы.— Ты самый лучший боец по ту сторону ринга, но все равно ты — подлая крыса.

Окликнув Майкла, я пошел в сторону гавани. Рубаху я нес в руке — меня так мутило, что надеть ее я даже не пытался. Я брел, как нализавшийся до зеленых чертиков старик. Майк скулил и оглядывался на поляну, и даже разок вцепился мне в штанину и потянул назад.

— Оставь его, Майк,— пробормотал я.— Он не достоин заботы приличного пса.

Вскоре прямо по курсу замаячил белый силуэт, кто-то окликнул меня по имени. Я остановился, чтобы стряхнуть кровь с глаз, и увидел Макпартленда, антрепренера «Олимпиада».

— Эй, Стив,— сказал он.— Я повсюду тебя ищу. Один местный видел, как ты шел сюда с каким-то парнем. Он тебя узнал по бульдогу. Боже мой, приятель, что стряслось?

— Да просто я тут топтал одного скунса,— проворчал я.— Знаю, в твоих глазах я теперь дешевка, потому что не пришел на поединок, но...

— Между прочим, Костиган,— перебил он, откусывая кончик сигары,— ты очень мудро сделал, что не пришел. Я это понял, когда Рейнольдс вырубился в раздевалке. Доктор говорит, его опиили, причем такой дозой можно уложить слона. Мне показалось, что Рейнольдс не в себе, еще до того, как он поднялся на ринг.

— Наркотик? — равнодушно спросил я.

— Разумеется. Тут, конечно, Стив постарался и его грязные игроки. Все это замыслилось, чтобы вовлечь тебя в гнусный скандал. Стив уже несколько дней болтал повсюду, будто у него есть доказательства, что ты подкупил Рейнольдса. Никто ему, конечно, не верил, но если бы в драке с тобой Рейнольдс слег на ринге через два-три раунда, это многим показалось бы странным.

Но, поскольку ты не появился, а боксер, выступивший взамен, дрался не по правилам и проиграл, никто не увязал твое имя с мошенничеством. А теперь нам известна вся правда. Одному из подручных Стина показалось, будто Рейнольдс получил слишком большую дозу наркотика. Боясь, что тот отдаст концы, парень раскололся и выдал весь план. Как раз такого случая мы и дожидались, чтобы вышвырнуть Стина и его банду из Сингапура.

Знаешь, мне кажется, твоему приятелю Граймсу было известно о затее Стина. Но он даже не заикнулся об этом, когда пришел ко мне с известием, что ты заболел и не сможешь драться, и предложил себя взамен, не прося за бой ни цента, но...

— Граймс? — тупо переспросил я.

— Он самый. Сказал, что не возьмет ни гроша и... эй, ты куда?

Я резко повернулся и бросился обратно на поляну. Граймс все еще лежал там, где я его оставил. Я

потачил Джона к воде, а тут подоспел и Макпартленд. Мы смыли с него кровь, Макпартленд поднес к его губам флягу со спиртным, а Майк все это время облизывал его, и я впервые увидел, как мой пес лижет не меня.

Вскоре веки Джона дрогнули и размежились, и он посмотрел на нас затуманившимися, но не потерявшими ледяного блеска глазами. Разглядев меня, они посуровели, и Граймс захотел подняться.

— Лежи смирно,— проворчал я, толкнув его назад.— Граймс, зачем ты это сделал? Я понимаю, что из лучших побуждений, но все-таки — зачем?

Он чуть помедлил и пробормотал:

— Знаешь, когда я прочел список твоих побед в книжке, что дал мне О'Брайен, я понял: ты настоящий боксер. И окончательно в этом убедился, когда увидел афиши на пристани и услышал о тебе от других парней. У меня на родине мужчины всегда стоят за свою родню, а наш корабль и команда для меня все равно что дом и семья. Я не допущу, чтобы парня с такой репутацией, как твоя, опозорили и выставили мошенником. Это ведь пятно не только на человека, но и на всю команду.

Я тебя опоил, потому что не знал другого способа удержать от поединка, а иначе ведь невозможно было вырвать жало у Стина. А потом я убедил Макпартленда выпустить меня против Рейнольдса. У меня нет репутации кулачного бойца. Я ничем не рискуя мог уложить Рейнольдса с нарушением правил.

Ну, поворчала публика, сочла себя обманутой, но ведь несколько центов на брата — невелика потеря. А твоя репутация связана с добрым именем корабля, если мы его запятнаем, грош нам цена. По крайней мере, я так считаю.

— Но откуда ты обо всем узнал? — поинтересовался Макпартленд.— И почему не рассказал мне до поединка?

— Потому что не мог рассказать, не предавая парня, который мне все это выложил,— ответил Граймс.— Когда мы пришвартовались, я встретил знакомого. В прошлом я ему оказал услугу и в благодарность он рассказал, что его хозяин, Скользкий Стин, подкупил секунданта, и тот опоит Рейнольдса. Мой приятель советовал мне поставить все деньги на тебя, Костиган,— ты должен был выиграть нокаутом в первых раундах. Стин и его шайка ничего другого не ждали. Это означало бы конец твоей репутации честного боксера и большой навар для них.

Макпартленд потянул меня за рукав.

— Стив, знаешь, почему я тебя искал? — проговорил он.— Док считает, через день-другой Рейнольдс сможет драться. Что скажешь? Стина мы вышвырнули, и теперь бой будет честным.

— Само собой,— рассеянно согласился я.— Конечно, я буду драться. Но послушай, Граймс, почему ты не рассказал об этом перед тем, как я тебя взгрел?

— Ага, а ты бы подумал, что я испугался твоих кулаков.

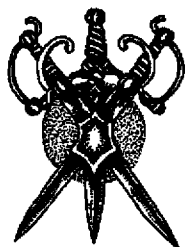
— Я просто призовой осел,— пробормотал я.— Ты меня выручаешь, а я тебя калечу. Если хочешь врезать мне в сопелку, я не шевельну и пальцем.

— К черту! — сказал он, затем рассмеялся, и я увидел это впервые.— Я бы не поменял наш бой ни на какие деньги! Впервые в жизни я встретил противника моей категории и получил удовольствие от драки. Мне это так понравилось, что я всерьез подумываю о карьере боксера. Когда-нибудь и ты увидишь мое имя на афишах у пристани.

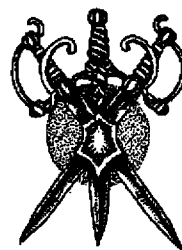

— Знаешь, такие парни, как ты, рождаются не для того, чтобы украшать стены складов или драить палубы. Худо-бедно я разбираюсь в людях, и уж поверь: когда-нибудь я увижу твое имя на чем-нибудь посolidнее портовых афишек.

И я не ошибся. Не столь уж много лет прошло, но если хотите увидеть надпись с именем Джон Закария Граймс, загляните в одну из контор крупнейшего пароходного агентства Сан-Франциско. Оно сверкает золотом на матовом стекле, а под ним стоит короткое, но емкое словечко «Президент».

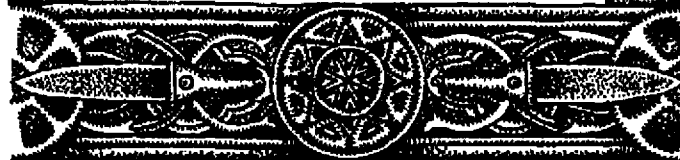

ЮНЫЙ СКИТАЛЕЦ

Между сумеречным, населенным привидениями миром раннего детства Роберта Говарда и созданными его фантазией блистательными королевствами Хайборийской эпохи лежат освещенные палящим солнцем долины Западного Техаса, где ранчо, напоминающие миражи, дремлют под пропыленным небосклоном.

Роберт приехал сюда мальчишкой и сразу полюбил эти места. Здесь его буйному воображению открывались невиданные просторы. Весь мир принадлежал ему, и эти необъятные владения были первой вселенной, о которой мечтал Роберт. Он бродил по ним, ставя свое клеймо «Х - - -» (Икс — три черточки) на деревьях, скалах и коньке крыши собственного дома.

Элси Барнс, почтальонша в Баркетте, была первым человеком, узнавшим, кто «владеет» этими обширными землями. Присев отдохнуть на благоухающем лугу одного из пастбищ, миссис Барнс увидела вначале собаку Роберта — Пестрика, которая испугала ее своим грозным видом, а затем и хозяина. Хотя день только начинался, мальчик выглядел усталым. Он перелез через ограду и подошел к женщине. Оставив Пестрика исследовать маленькую пещеру под уступом близлежащей скалы, Роберт вежливо извинился за причиненное беспокойство.

— Я Роберт Говард, — объявил он. — Мне очень жаль, что мой пес напугал вас. Мы просто вышли на прогулку. Нам нравится приходить сюда. Здесь такие красивые скалы и пещеры, где можно играть в интересные игры. Когда-нибудь я стану писателем и напишу много рассказов о пиратах и, может быть, людоедах. Вам бы не хотелось их прочесть?

Убедившись в искренней заинтересованности миссис Барнс, Роберт с Пестриком скрылись за ближайшим холмом.

...

Говарды решили осесть в Кросс Кат, северо-западной части графства Браун. Эта обильно покрытая лесами местность, известная под названием Вест Кросс Тимберс, в своей западной части переходит в прерию. Когда сюда прибыли первые поселенцы, тут простирались травы, скрывающие с головой человека верхом на лошади, но вскоре их сменили заросли кустарников и нескольких разновидностей карликовых дубов. Местечко Кросс Кат лежит между двумя главными дорогами, соединяющими Абилен и Браунвуд. Сегодня оно насчитывает два десятка домов и одну церковь. В 1915 году оно было значительно более населенным, там была аптека, школа, магазин и пара церквей.

...

Ко времени переезда в Кросс Кат Эстер уже тяжело болела. Роберт готовился пойти в четвертый класс школы. Доктор Говард снял двухэтажный дом в миле южнее Кросс Кат по дороге в Браунвуд, рядом с местным кладбищем. На первом этаже дома было четыре комнаты, на втором размещались

спальни. В погреб вел коридор, в котором стояла большая цистерна, куда собиралась стекающая с крыши дождевая вода. Здание имело две пристройки: уборную и сарай для лошадей и дойной коровы.

В доме не было ни водопровода, ни электричества. Поэтому, хотя миссис Говард очень любила выращивать цветы, цветник она разбила очень небольшой. Отсутствие сада не слишком угнетало мать Роберта: весной на огороженном пастбище за домом и на лугу по другую сторону кладбища буйно разрастались дикие цветы.

...

Для Роберта Говарда годы, проведенные в Кросс Кат, были, вероятно, самыми счастливыми в его жизни. Повсюду его сопровождала большая гладкошерстная черно-белая собака — помесь колли и английской гончей, подаренная Роберту на рождение. Мальчик получил щенка совсем крохотным, с едва открывшимися глазами, но на его попечении пес вырос очень быстро. Роберт и собака стали совершенно неразлучны. Когда мальчик ел за столом, пес сидел воле его стула. Если Роберт угощался чем-нибудь в перерывах между едой, то кормил и Пестрика. С той чуткостью, которая развивается как у человека, так и у животного при постоянном общении, собака была полностью предана мальчику. Такого же понимания и преданности Роберт ждал и от людей и, не получив желаемого, испытал одно из наиболее сильных разочарований. «Возьмем, к примеру, Пестрика, — сказал он однажды с кривой усмешкой. — Он годами был рядом со мной и ни разу ни в чем не осудил меня. Он никогда не намекал на то, что лучше меня, и никогда не пытался избавить меня от моих привычек. К счастью, он даже не представлял, как ведут себя в таких случаях люди. — Задумавшись, он продолжил: — Человечество, вероятно, уничтожит себя. Животным останется неплохой мир».

...

Несмотря на страхи, возможно, оставшиеся у него от опыта первых школьных лет, Роберт пошел в четвертый класс школы в Кросс Кат осенью 1915 года. Хотя он никогда не смог принять непреклонной власти учителей, он достаточно освоился, чтобы получать хорошие оценки и участвовать в

играх на школьной площадке. В Кросс Кат Роберт избегал насмешек, которые обращали в кошмар его ранние школьные годы. В школе было несколько групп маленьких озорников примерно того же возраста, что и Роберт, которые постоянно дрались между собой и досаждали учителям. Надо сказать, они нечасто задевали кого-либо за пределами своей группы.

В последствии Роберт вспоминал об учителях этой школы как о «внушающих трепет высших существах». Он писал, что часто боролся с одним из одноклассников и постоянно побеждал его. Как-то во время схватки на игровую площадку вышли учителя. Роберт обрадовался, предвкушая легкую победу на глазах таких зрителей, но тут его противник в первый и последний раз повалил его на землю. Даже много лет спустя Роберт не мог забыть остроту испытанного им тогда унижения и позора, который усугубляла очень обидная мысль: учителя подумают, что он всегда терпит поражение. Он надеялся устроить матч-реванш, который так и не состоялся. Через несколько дней мальчик, с которым он обычно боролся, погиб в результате несчастного случая. Поскольку одноклассник Роберта Норрис Чамберс ничего не помнит об этом трагическом происшествии, вероятно, это воспоминание — одна из фантазий Роберта. Этой ложью Роберт пытался защитить свое самолюбие.

Впервые в жизни у Роберта появились друзья — мальчики, которых одобрила его мать, и сыновья близких приятелей доктора Говарда. Кроме Остина Ньютона среди них были Эрл Бэйкер, Перси Триплетт и Фаулер Гэффорд — мальчик-калека.

Роберту нравилась борьба и драки без правил на кулаках, любовь к боксу осталась у него на всю жизнь. Он читал все, что только мог найти по этому предмету. Его спарринг-партнером был обычно Остин Ньютон. Он вспоминает: «У нас, естественно, не было боксерских перчаток, но мы уйму времени проводили, боксируя. Однажды мы занимались боксом у нас на заднем дворе. Я попал под удар слева, который пришелся мне по адамову яблоку и сбил с ног. В тот день это положило конец занятиям, но впоследствии они продолжились, оставаясь нашим основным времяпрепровождением».

Хотя Роберт научился играть в местные мальчишеские игры, такие как «щелчки хлыстом», «волк за рекой», прятки, «фермер в лесистой долине», дети Кросс Кат находили девятилетнего маль-

чика довольно странным. Роберт, как оказалось, был еще больше, чем другие мальчики, зачарован силой. Одна из девочек Бэйкер заметила, что он всегда вел себя так, словно хотел кого-то убить. «Он был робок с девочками, — вспоминала она, — и очень неспокоен. «Однажды я улечу отсюда на крыльях», — сказал он как-то. Мы все думали, что он немного не в себе».

Но все же друзья любили Роберта. Они считали его интересным собеседником и обожали слушать его рассказы, восторженно следуя вслед за игрой его воображения. Как и все его сверстники, он любил играть в ковбоев и индейцев и фехтовать на палках. Но в отличие от них он придумывал различные сценарии игр и распределял между мальчиками роли, указывая им, что они должны делать и говорить.

Эти игры строились не только на основе собственных фантазий Роберта, но и на огромном количестве приключенческих рассказов, которые он читал запоем. Он любил истории о пиратах, таких как капитан Кид и Генри Морган, пока случайно не наткнулся на подлинные отчеты о реальной жизни и ужасной смерти морских разбойников. Когда Роберт учился в десятом классе в Кросс Плейнс, он написал сочинение, в котором выразилось охватившее его при этом разочарование:

«Я начал понимать, что у романтического пиратства имеет обратная сторона. В конце упомянутой книги была иллюстрация, которая полностью пошатнула все мои предыдущие представления. Она изображала известного мне пирата после казни. Он был пригвожден к мачте военного корабля огромным клином, который торчал из его головы... Его лицо было залито кровью и искажено ужасными муками, которые он испытывал, пока смерть, проявив милосердие, не освободила его от них. Эта суровая картина преследовала меня долгое время и заставила раз и навсегда отбросить мысль о плавании под флагом с черепом и перекрещенными костями».

Вместе с Эрлом Роберт бродил по пастбищам с луком и стрелами, воображая себя индейцем; иногда они были разбойниками, такими как Джесси Джеймс и Билли Кид. Иногда, сидя верхом на Старине Чарли, безгранично терпеливой лошадке, на которой Роберт и дети Бэйкеров учились ездить верхом, мальчики мнили себя ковбоями, приручающими диких мустангов. Или же, взяв двух лошадей Бэйкеров, оглашали холмы

воинственными кличами, сопровождавшими воображаемые жестокие битвы с врагами.

Роберт позже рассказывал красочную историю о том, как они вместе с товарищем отправились охотиться на полудикого молодого бычка, завершившуюся успешным бегством от разъяренного животного. При этом лошадь Роберта пронеслась под веткой дерева, на которую мальчик наткнулся грудью. Он непременно повредил бы себе ребра, если бы ветка не переломилась от удара.

Через много лет Роберт описал Лавкрафту драматичную историю о том, как он ездил верхом на лошади брать книги из библиотеки. Он увозил их в огромном количестве в мешках изпод муки. Поскольку ни один из друзей Роберта не подтверждает этого и, учитывая, что в школьных библиотеках того времени было довольно мало книг, способных заинтересовать не по годам развитого мальчика, можно предположить, что это еще один вымысел Роберта Говарда. Он, вероятно, придумал эту историю, чтобы произвести впечатление на мыслителя из Провиденса, к интеллекту которого питал несколько преувеличенное уважение.

Но мальчикам во время их скитаний по обширным пределам «Йкса» — трех черточек — довелось испытать и другие приключения. Они ходили вооруженные: Роберт — с большим складным ножом, на котором был крючок, чтобы он не раскрывался случайно, а Ньютон носил сломанный пистолет времен гражданской войны. Мальчики разбивали лагерь там, где заставал их вечер. «Однажды, — вспоминает Ньютон, — мы поймали немного рыбы в Турецком ручье. Поджарив ее на костре, ели без соли. Вкус, надо признаться, был ужасный, но нам все это казалось чрезвычайно интересным».

В этих походах они играли в охоту и ставили ловушки на зверя, но ни разу не попытались по-настоящему убить птицу или животное. Роберт уже тогда был пылким любителем дикой природы. Позже в одном из писем он писал, что ненавидел змей и убил несколько рептилий, но один из его друзей-старшеклассников говорил впоследствии: «Роберт не убил бы даже змею».

Если Роберт не бродил с друзьями по холмам, не играл в военные игры или не был поглощен чтением, то упражнялся в метании ножа. Он мог тренироваться часами, бросая его в

дерево или в столб. К удивлению многих, ему удавалось раскрыть лезвие одной рукой, вынимая нож из кармана.

В воскресенье, когда Бэйкеры приглашали Говардов к обеду, Роберт звал девочек из семьи хозяев на задний двор посмотреть, как он метает нож. Там, стоя перед деревом, он начинал бросать нож в цель, попадая в нее раз за разом. Маленькие девочки, сгрудившись в стайку, восхищались меткостью Роберта. «Мы были не только очарованы им, — призналась Вера Бэйкер, ныне миссис Николс, — но и немного напуганы». И шестьдесят с лишним лет спустя, она улыбается, вспоминая свою юность.

...

Роберт уже в то время мечтал стать писателем. Позднее он писал издателю «Weird Tales»: «У меня всегда, насколько я себя помню, было стремление жить за счет писательской деятельности». И Роберт довольно рано принялся воплощать свои планы в жизнь. В Кросс Кат он попытался написать рассказ, который потом описывал так:

«...Приключения некоего Бозальфа, молодого датского викинга. Национальные привязанности воевали во мне, когда я описывал его подвиги. Мой кельтский патриотизм не мог позволить ему выиграть все битвы; галлы едва не отправили его на тот свет, а валлийцы обратили в бегство. Но я отправил его сражаться против саксов, и то, с каким успехом он их побеждал, выглядело просто потрясающе. В конце концов я оставил его в полной безопасности при дворе Канута, одного из героев моего детства».

Текст этой юношеской пробы пера не сохранился, так же как и вся остальная проза этого периода. Однако нам доподлинно известно, что Роберт очень рано создал образ Фрэнсиса Ксавье Гордона, или же Эль Борака — техасского разбойника, отправившегося на Восток в поисках приключений. В нем воплощен типичный герой Роберта Говарда.

...

Когда будущий писатель приехал в Кросс Кат, он, судя по его же словам, был «изможденный и тощий, хоть и гибкий, как проволока, с тонкими и некрасивыми, но крепкими руками и ногами». Его детские друзья подтверждают это. «У него были

только кожа да кости», — вспоминал Остин Ньютон. Другой приятель говорил о Говарде как о «невероятно истощенном мальчике». Однако, поскольку только один из бывших приятелей Роберта отзывался о нем как о крепком пареньке, мы можем предположить, что он вырос и возмужал за четыре года, проведенных в Кросс Кат и Баркетте.

Девятилетний Роберт был не только слишком худ и мал ростом для своего возраста, он к тому же оставался чересчур робким. Старожилы Кросс Кат помнят его как боязливого мальчика, который цеплялся за свою мать и прижимался к ее юбке в церкви. Доктор Говард вспоминал, что его сын чувствовал себя счастливым, находясь с родителями, и сомневался, что он когда-нибудь сможет покинуть их.

...

К тому времени, когда семья поселилась в Кросс Кат, Эстер Говард окончательно разочаровалась в своем браке. Хвастливый молодой врач, покоривший ее на водах, оказался неудачником. Она начала приписывать всевозможные положительные качества своему прежнему поклоннику из Голдтуэйта, как рыбак хвалит сорвавшуюся с крючка рыбу. Его дела, по слухам, шли в гору, в то время как у Айзека Говарда они становились все хуже и хуже.

Доходы доктора неуклонно уменьшались, и он вдобавок не особенно настаивал, чтобы его многочисленные должники платили по счетам. Иногда, к возмущению Эстер, он брал плату продуктами. Люди, знавшие доктора Говарда, подтверждают, что он не отказывал в медицинских услугах пациентам, которые не могли ему заплатить. Эстер часто ссорилась с мужем из-за его небрежного обращения с деньгами и нелепых планов быстрого обогащения, которые заставили его семью скитаться девять лет по всему Техасу. Доктор Говард с удовольствием менял места жительства, тогда как его супруга твердо решила осесть навсегда.

Хотя она должна была знать, что навязчивые сравнения редко приносят пользу, Эстер не упускала возможностей напомнить мужу о профессиональных и финансовых успехах решительного и расторопного джентльмена из Голдтуэйта, сетуя на неразумность своего выбора. После таких разговоров доктор пулей вылетал из дома, громко насвистывая, чтобы утихомирить свой гнев. Обычно в таком состоянии он отправ-

лялся к кому-нибудь из друзей, дабы поведать ему о своих бедах и несчастьях.

Соседка Говардов Энни Ньютон, ныне миссис Дэвис, считает, что такие отношения родителей Роберта стали причиной многих его проблем.

«Миссис Говард была влюблена в одного молодого человека, они собирались пожениться. Но тут появился напористый молодой доктор, и она поспешно вышла замуж за него. Очень скоро она разочаровалась, и это чувство осталось у нее на всю жизнь. Она не любила мужа и не хотела, чтобы ребенок испытывал к отцу теплые чувства, она желала удержать его при себе. Мне кажется, если бы Роберт рос в иных условиях, он был бы совсем другим...

Думаю, что Роберт стал таким исключительно из-за отношений, сложившихся в его семье. Я хорошо знала его родителей, часто беседовала с ними. Конечно же, я прекрасно знала и мальчика. Говарды были несчастливы, но миссис Говард не хотела разводиться с мужем и продолжала жить с ним. Она относилась к нему в общем-то неплохо, но он, да и все остальные, прекрасно знали, что ее сердце не принадлежит доктору. И поэтому Эстер сосредоточила все свои чувства на Роберте.

...

Эстер Джейн Говард уже не была той привлекательной девицей, за которой много лет ухаживал поклонник из Голдтуэйта. Теперь, в сорок с лишним лет, она стала женщиной с подорванным здоровьем, изнуренной тяготами существования в различных городах и деревеньках, каждый год жизни которой отпечатался на ее лице. Хотя ее фигура несколько усохла, она держалась хорошо, выглядела спокойной, уверенной в себе и продолжала походить на леди — истинная благородная южанка, как отзывались о миссис Говард ее знакомые. Когда она не занималась хозяйством, то заполняла досуг чтением.

Миссис Говард всегда приветствовала пациентов мужа с меланхоличной грацией. Ее дом содержался в безукоризненном порядке и, по местным меркам, был прекрасно меблирован, но она редко приглашала к себе соседей. Будучи прекрасным кулинаром, Эстер Говард почти никогда не знала друзей или коллег доктора к обеду, за исключением тех случаев, когда

приличия требовали, чтобы прибывшим издалека пациентам предложили перекусить и освежиться. Редкие гости, бывавшие в доме Говардов, находили еду хозяйки приготовленной на городской манер и считали, что она важничает. Один из мальчиков Бэйкеров отмечал, что когда Эстер в сопровождении мужа и сына приходила к ним на ферму на воскресный обед, то отвечала на их гостеприимство разве что через год. «Своеобразная женщина», — оценивал он миссис Говард.

Полная погруженность в себя передалась от Эстер Говард и ее сыну. Не спуская с него глаз ни на минуту, она «просто жила для Роберта, а мальчик — для нее». Это чрезвычайное внимание к сыну подогревалось постоянной неуверенностью Эстер Говард в том, что она состоялась как мать, и она постоянно опекала ребенка.

Поощряемая мужем, Эстер старалась защитить Роберта от любой боли или разочарования. Родители пытались оградить его от соприкосновения с чем-либо «неприятным», таким как секс, рождение детей, болезнь и смерть. Поскольку ребенок, которого постоянно оберегают от душевных волнений, не может научиться противостоять трудностям, Роберту никогда не удавалось справиться самостоятельно со своими страхами, ненавистью и гневом. Он во всем и всегда зависел от своей матери, и это не могло не иметь фатальных последствий.

Всю жизнь мать баловала Роберта. Частично это происходило потому, что он был хрупким, болезненным ребенком. Но подобное отношение не изменилось, и когда он стал старше.

Мать, которая сама ощущала себя зависимой от других, обратила все свое внимание на сына, и ее собственническая преувеличенная опека преумножала страхи, испытываемые мальчиком. Роберт слишком привык полагаться на то, что мать сможет разрешить все встающие перед ним проблемы, совладает с его бурными эмоциями. Это поддерживало Эстер Говард. Она чувствовала, что ее самоотверженность оправдана, даже необходима, что она хорошая мать. Желание жертвовать жизнью ради любви к ребенку облагораживало существование миссис Говард и играло главенствующую роль в ее отношениях с сыном. С того дня, когда она подарила ему жизнь, и до самой его смерти она была не в состоянии отпустить от себя сына ни на шаг.

Миссис Говард писала своей няне в 1936 году, что, когда Роберт был маленьким мальчиком, он заявил ей: если она умрет, он умрет тоже. Эти слова, характерные для шестилетнего ребенка, оказались слишком памятными для миссис Говард, которая знала, что тяжело больна. Ребенок в таком возрасте не имеет четкого понятия о смерти, он не может воспринять мысль о своем собственном небытии. Надо полагать, что тогда Эстер, очарованная любовью своего сына, одобрила его решение улыбкой или жестом, не задумываясь о том, что имеет слишком серьезное влияние на Роберта.

Ни один ребенок не в состоянии осознать необратимость смерти. Как правило, подростки приобретают более реалистичные представления о ней, понимая, что когда-нибудь неизбежно лишатся родителей. Поэтому они начинают стремиться к независимости. Роберт, однако, так и не преодолел эту фазу развития. Его мать, разочаровавшаяся в любви, не имевшая, как она считала, в своем окружении равных ей людей, вовсе не желала отпускать от себя сына. Убедив себя, что усилия мальчика оторваться от ее юбки — всего лишь результат попыток ее мужа отобрать у нее ребенка, Эстер приложила все усилия, чтобы доктор проводил с сыном как можно меньше времени. В конце концов она выиграла эту битву и, одержав победу, предопределила судьбу Роберта.

...

Один из жителей Кросс Кат, знавший девятилетнего Роберта, описывает его как «маменькиного сынка». Одевавшаяся лучше, чем деревенские женщины, миссис Говард наряжала своего сына в белые рубашечки, тогда как местные мальчишки носили рубашки цвета хаки и штаны из джинсовой ткани. Одно это могло сделать Роберта «белой вороной», а он, кроме того, был робок и застенчив. Слабое здоровье только усугубляло его робость и отчужденность от сверстников.

Навязчивая забота его матери и полная зависимость от нее увеличивали ранний страх Роберта перед школой. Издевательства, которые он перенес, сделали его недоверчивым, а постоянное внимание матери наделило его верой в то, что он — центр вселенной. Мальчик никогда не чувствовал себя комфортно в школе. Даже когда в Кросс Кат, а позже в Баркетте

и Кросс Плэйнс, его перестали дразнить и угрожать расправой, Роберт перенес свое бессознательное раздражение, вызванное материнской опекой, на своих учителей и других людей, наделенных властью. Много лет спустя он писал:

«Я прошел через школьные годы стиснув зубы. Я всегда ненавидел школу и, когда сейчас оглядываюсь назад, все еще ненавижу ее глубокой неизменной ненавистью. Кроме математики, которая давалась мне только отчаянной зубрежкой, приготовление уроков не составляло для меня особого труда, но я терпеть не мог сидеть взаперти, а меня заставляли это делать в определенные часы. Я ненавидел обдумывать глупые ответы на такие же идиотские вопросы, которые задавали мне люди, считающие, что я нахожусь в их власти».

Любопытно отметить, что Роберт считался хорошим учеником, и, насколько помнят его школьные товарищи, он, казалось, неплохо ладил с учителями. Однако огромная обида на ограничение своей свободы осталась с ним на всю жизнь и повлияла на его решение не продолжать обучение в колледже.

...

Коллеги и друзья доктора знали, что Говарды не слишком-то ладят между собой. Они ссорились почти ежедневно из-за денег, из-за несдержанности доктора, из-за несходства взглядов на воспитание сына. Айзек, громогласный и напыщенный, постоянно заставлял краснеть за себя свою жену. Разозлившись на кого-то, он мог заорать: «Хотел бы я достать свой нож, вырезать твой потроха и развесить их на заборе!» Приходя в дом пациента, он все чаще и чаще требовал еды и выпивки еще до того, как ему традиционно предлагали перекусить. Он мог встрять в серьезный разговор с грубой шуткой, чаще всего в адрес Эстер. Попытки одернуть его только усугубляли положение.

Испытывая бессильный гнев, Эстер уступала мужу. Со временем она вовлекла в семейные неурядицы маленького Роберта, пытаясь полностью вытеснить доктора Говарда за пределы семейного круга. Она сопровождала мужа и сына во время прогулок, чтобы следить за их разговорами и стараться воспрепятствовать им хоть как-то сблизиться. Айзек отвечал ей тем же. Чем больше супруга не одобряла его поведение, тем боль-

ше он дразнил ее на людях неприличными шутками и поступками. А когда она начала отвечать на его паясничанье лишь презрительным молчанием, доктор стал все меньше и меньше времени проводить дома.

Доктор Говард часто искал утешения у своих соседей — миссис Ньютон, тетушки Остина Ньютона, и ее привлекательной незамужней дочери Энни. Он регулярно брал воду для питья из колодца Ньютонов, ссылаясь на то, что их вода обладает гораздо большей мягкостью, чем их собственная. Если он шел за водой после домашней ссоры и видел, что в гостиной Ньютонов зажжены лампы, он неизменно оставлял у дверей ведро с водой и заходил к ним «на огонек».

По словам Энни Ньютон-Дэвис, доктор Говард был большим любителем поговорить и постоянно испытывал потребность поболтать с кем-нибудь. Он преподносил себя как лишеного понимания супруга, не только отвергнутого собственной женой, но еще и отдаляемого от своего ребенка излишне тесной связью мальчика с матерью. Именно доктор Говард поведал дамам из семьи Ньютон о симпатиях своей жены к джентльмену из Голдтуэйта и ее горьком разочаровании, которое лишило его мира в собственном доме.

Эти вечерние посещения вызвали недовольство мистера Дж. У. Ньютона, жившего по крестьянскому распорядку. Поскольку он был вынужден подниматься с первыми лучами солнца, чтобы задать корм скоту, то и ложился рано. Визитер-мужчина, являющийся после того, как хозяин дома улегся спать, даже если он был таким уважаемым соседом, как доктор, причинял ему серьезное беспокойство. Он всерьез относился к общественному мнению. Однако миссис Ньютон была не совсем здорова и потому радовалась возможности получать бесплатные консультации доктора. Благодарный за такое внимание к состоянию здоровья жены, Ньютон не предпринимал никаких действий, чтобы прекратить эти визиты, хотя и заявлял неоднократно своему семейству, что подобная ситуация не вызывает у него восторга.

...

Айзеку Говарду нравилось заниматься врачебной деятельностью. Он имел дружеские отношения со всеми своими пациента-

ми и проводил много времени в беседах с ними. Иногда он рассказывал им истории о сверхъестественном, иногда они вместе молились. Часто он обедал у пациентов, развлекая сотрапезников веселыми небылицами. «Все очень любили его, — говорит Энни Ньютон-Дэвис. — У него повсюду были крестники, что доказывает, что жены его друзей также относились к нему с симпатией». Доктор Говард даже выиграл конкурс на самого популярного человека округа, о чем миссис Барнс сообщила ему, посплав письмо с двумястами пятидесятью подписями.

Лучшим другом доктора Говарда был, несомненно, доктор Соломон Рой Чамберс. Айзек Говард и поселился-то в этом местечке потому, что в Кросс Кат жил и работал его друг. Несомненно, что когда в гостиной Ньютонов не оказывалось света, он заходил к Чамберсам. Доктор Говард спрашивал, что ему делать с семьей, у каждого, кто был согласен его выслушать. Когда отношения с Эстер становились особенно напряженными, он иногда грозил «вырваться на свободу», то есть уйти от нее и получить развод. Хотя большинство из его доверенных лиц не могли предложить этому эгоистичному упрямцу ничего, кроме сочувственного покачивания головой, доктор Чамберс обычно советовал ему не усложнять положения, а «все уладить». Обычно после таких советов семейная жизнь Говардов некоторое время текла более-менее гладко.

Чамберс разделял интеллектуальные интересы доктора Говарда. Вместе они изучали и пробовали практиковать гипноз. Когда жена Кэлвина Бэйкера страдала от воспаления легких, доктор Говард ввел ее в глубокий транс, после чего она очнулась прекрасно отдохнувшей и не испытывала затруднений с дыханием, а впоследствии очень быстро оправилась от болезни.

Айзек Говард и его друг серьезно интересовались оккультизмом. У Соломона Чамберса была книга «Йога Рамачакры» с подзаголовком «Четырнадцать уроков по философии йогов и восточному оккультизму», опубликованная в 1903 году и выдержавшая несколько изданий. Айзек читал эту книгу и отмечал многие заинтересовавшие его отрывки. Под именем Рамачакры в действительности выступал Уильям Б. Аткинсон, автор, связанный с движением «новой мысли», основанным на рубеже веков.

В XX веке многие приверженцы «новой мысли» заинтересовались философией Веданты, заимствованной из Индии в 1890-х

годах молодым сваи по имени Вивекананда. Книга Рамачакры — одна из многих, написанных им, — содержала мало настоящей философии йогии, большей же частью — псевдовосточные представления, выдвинутые Еленой Блаватской и ее теософскими последователями.

Роберта никогда особенно не интересовали посещения фермы. Когда же его брали с собой, он занимался там исключительно чтением. Четырнадцать уроков Рамачакры и другие подобные труды, явно не подходящие для чтения в таком возрасте, дали Роберту понятия об оккультных и псевдонаучных учениях, которые он использовал в своих фантазиях. И он, и его отец, во всяком случае на какое-то время, стали убежденными приверженцами учения о реинкарнации. Доктору Говарду нравилось рассуждать о том, что человеческий дух поднимается к более высокой ступени с каждым удачным воплощением. Юношей Роберт тоже придерживался этой веры. Позже он объявил себя законченным агностиком, не подтверждая, но и не отрицая существования духовного мира. Однако он продолжал питать веру в возрождение в ином теле.

...

Несмотря на усилия Эстер Говард отдалить своего сына от супруга, ей это не особенно удавалось. Роберт сопровождал отца в некоторых его визитах и часто посещал Чамберсов. Иногда Чамберс и Говард могли сидеть часами, рассказывая Роберту и Норрису, словно своим взрослым приятелям, о смешных или драматических событиях, которые произошли на местной сахарной фабрике. Стараясь перещеголять друг друга, они громоздили одно невероятное происшествие на другое, поскольку во времена, предшествовавшие появлению радио и телевидения, рассказывание баек было самым распространенным видом досуга.

В Техасе, где небылицы всегда вплетаются в беседу, никогда нельзя понять, верить говорящему или нет. Дети, чье мышление весьма конкретно, редко могут отличить преувеличение от истины. Роберт, слушая, как взрослые рассказывают небылицы, утвердился в изобретении самоспасительной лжи. Это в дальнейшем практически стерло для него грань между воображаемым и действительностью.

Ни Айзек Говард, ни Соломон Чамберс не старались как-то сдерживать себя перед мальчиками, часто обсуждая прямо-таки шокирующие вопросы. Особенно жуткими были их воспоминания об обучении в медицинской школе и о ранней практике. Доктор Говард любил рассказывать о заданиях, которые он выполнял во время обучения. Он уносил в лес труп из анатомички и кипятил его в железном котле для стирки белья. Когда с костей сходило мясо, скелет можно было собрать и использовать в качестве наглядного пособия по анатомии. Однажды, когда доктор Говард обрабатывал тело негра, его застал за этим занятием другой чернокожий. Рассказ доктора об ужасе, испытанном беднягой-негром, и его паническом бегстве всегда веселил слушателей, однако у его малолетнего сына он мог вызвать и довольно зловещие ассоциации.

Много лет спустя Норрис Чамберс, который сообщил нам об этом, добавил:

«Доктор Говард любил использовать сильные выражения. Он часто говорил, что именно следовало бы сделать с некоторыми людьми в общине, и список получался достаточно длинным. Мой отец в этом походил на него, и, когда они собирались вместе, их беседу выдерживали не всякие уши».

Норрис Чамберс считал, что никто особо не воспринимал всерьез эти разговоры. Он, конечно, мог с уверенностью говорить про себя, но никак не про Роберта. Когда Роберт вырос, они с отцом рассказывали друг другу самые разнообразные байки, причем каждый пытался продолжить чужую историю. За подобным соревнованием во время своих визитов в дом Говардов в 1930-х годах наблюдал Э. Х. Прайс.

К счастью, между Айзеком и его сыном соревнования велись не только по бойкости фантазии. Норрис Чамберс отмечает, что «большая часть бесед касалась библейских и исторических тем», и доктор рассказывал о вещах, доступных пониманию Роберта, так что тот имел возможность обсуждать их».

Темы для созданных впоследствии рассказов-ужасов Роберта Говарда давали не только истории, услышанные им во время посещений семьи Чамберсов. Много сюжетов он почерпнул от

бабушки с отцовской стороны Элайзы Генри Говард, которая любила рассказывать о различных таинственных происшествиях.

В то время, когда Говарды жили в Кросс Кат, Элайза Говард металась между семьей сына Дэвида и овдовевшей дочерью Вилии Говард Мак-Кланг. У нее сильно ухудшилось зрение, а операция по удалению катаракты закончилась неудачей. Она умерла в 1916 году почти совсем ослепшей, но все ее родственники, за исключением невестки Эстер Говард, отзывались о ней как о «потрясающей женщине».

Когда Элайза Говард навещала семью своего сына, она рассказывала маленькому Роберту таинственные истории, которые производили на него даже большее впечатление, чем потрясающие рассказы, услышанные от Мэри Бьюкенен в Бэгвелле. В 1930 году Роберт писал Лавкрафту: «Ни от одной негритянской истории о призраках мне не было так страшно, как от тех, что рассказывала мне моя бабка. В них сочетались мрачность и мистицизм галльской природы и не было ни света, ни радости...»

Мои волосы вставали дыбом, когда она рассказывала о фургоне, который сам собой, без лошади, катится темной ночью по пустынным дорогам — фургоне, полном отрубленных голов и расчлененных частей тела; о призрачных хлыстах, что свистели за дверьми, которые никто не осмеливался открывать из опасения потерять рассудок от страшного зрелища. Во многих историях описывался старый покинутый особняк, почти скрытый буйно разросшимися сорняками, с веранды которого взлетают призрачные голуби».

Позже, в 1934 году, Говард положил эти истории в основу своего рассказа «Голуби из преисподней». В нем американец из Новой Англии Грисвелл и его друг Бреннер, бродя во время отпуска по Дальнему Югу, останавливаются на ночлег в заброшенном особняке, где живут только голуби. Бреннер таинственным образом погибает, а Грисвелл попадает в страшную историю, в которой бывшая служанка, владеющая чарами негритянского культа вуду, мстит за проявленную ее госпожой жестокость. Этот рассказ, опубликованный через год после смерти Говарда, стал одной из самых популярных историй о сверхъестественном.

Когда доктор Говард поселился в Кросс Кат, его практика, так же как и у доктора Чамберса, велась в обширной сельской местности. Оба доктора посещали своих пациентов в кабриолете, самостоятельно управляя легким экипажем.

Вскоре доктор Чамберс начал находить эти дальние поездки слишком обременительными для себя. Решив, что подобный образ жизни отдаляет его от семьи, которую он очень любил, Чамберс отказался от медицинской практики и купил местную аптеку. Доктор Говард, также считавший, что долгие поездки занимают слишком много времени и крайне утомляют его, не отказался, однако, от практики, а стал одним из первых людей в округе, кто приобрел автомобиль. Он купил модель «Т-Форда» и нанял рабочего Бена Ганна, чтобы тот научил его водить машину.

Дик Пентекост, который после того, как сдал свой дом Говардам, переехал в Аризону, решил навсегда обосноваться на Западе. Он извещил Говардов, что продал свой дом Илайд-же-де-Баску и новый владелец не имеет намерений сдавать его.

Говарды освободили дом, переехали в Баркетт, деревню в графстве Колмэн, и поселились в большом белом доме совсем рядом с Пеканским заливом, который был виден с их крыльца. Как и в Кросс Кат, дом отапливался огромным камином в гостиной и кухонной печью.

Переезд в Баркетт не внес существенных перемен в жизнь Роберта. Он встречался со старыми друзьями и придумывал новые фантастические истории. В Баркетте он нашел и нового товарища — мальчика по имени Лорен Крокер, с которым стал проводить довольно много времени. Каждый день они, срезая угол заднего двора, шли к почте, где за стойкой, окруженной рядами почтовых ящиков, сидела почтальонша. Забрав почту, мальчики по пути домой останавливались у аптеки Моргана, чтобы выпить содовой или полакомиться мороженым. Иногда, когда денег на это не хватало, они довольствовались парой леденцов, что стоили пенни.

В школе Баркетта Роберт решил попробовать свои силы в командных видах спорта. Он стал заниматься баскетболом, но

очень быстро был исключен из команды за грубость. Мальчик с трудом мог понять принципы командной игры. Он видел свою задачу в том, чтобы самому завладеть мячом и забросить его в корзину, совершенно не замечая партнеров. Неудачная попытка навсегда отбила у Роберта охоту заниматься игровыми видами спорта, даже бейсболом, к которому у него была явная склонность. Позднее, уже взрослым, Роберт с пренебрежением отзывался об этих играх, которые, по его мнению, способствуют физическому развитию нескольких избранных игроков, тогда как остальные пребывают в качестве зрителей. Несмотря на подобные высказывания, сам Роберт был азартным спортивным болельщиком. Он часто посещал футбольные матчи, но его любимым видом спорта оставался бокс, то самое состязание один на один, к которому, судя по всему, имела неодолимую склонность его душа.

В Баркетте туберкулез миссис Говард снова перешел в активную стадию. Она все чаще и чаще проводила время в постели, чтобы набраться сил. Ее состояние требовало все больших забот мужа, причем именно тогда, когда у доктора появились первые признаки собственной болезни.

Симптомов заболевания Айзека Говарда сперва никто не замечал. В какой бы дом ни заходили доктор и священник, им обязательно предлагали перекусить. Поселившись в Кросс Кат, доктор Говард пользовался преимуществами этого обычая только по необходимости, поскольку Эстер была прекрасной хозяйкой и ему больше нравилось обедать дома. Но еще до того, как семья переехала в Баркетт, доктор стал принимать угощение там, где его предлагали. Норрис Чамберс вспоминал: «Мои мать и жена спрашивали доктора, не голоден ли он, и обычно, получая положительный ответ, кормили его хорошим обедом. Он был великолепным едоком и, казалось, ему нравилась любая еда».

Если хозяин не спешил предложить ему подкрепиться, доктор не стеснялся напомнить об этом. Один из сыновей Ньютонов пишет: «Когда бы доктор Говард ни заходил в наш дом, он уже в дверях заявлял моей матери, что проголодался и съел бы ветчины или цыпленка, и уж непременно свежеспеченного бисквита с подливкой».

Некоторые злые языки предполагали, что Эстер перестала должным образом кормить своего мужа. Это подтверждалось частыми появлениями доктора в дверях пациента со словами: «Хек только что выставила меня вон!». Однако постоянный голод, который испытывал доктор, не имел ничего общего с качеством стряпни его жены. Он был симптомом надвигающейся болезни. Поскольку, несмотря на свой недожинный аппетит, доктор Говард так и не растолстел, мы можем предположить, что он страдал нарушением обмена веществ.

Повышенный аппетит — также один из симптомов диабета. Поскольку эту болезнь позднее обнаружили у Айзека Говарда и она стала в конце концов причиной его смерти, вполне возможно, что она начала развиваться именно в Баркетте, когда усилились все его невзгоды. Его брак можно было окончательно признать неудачным. Жена тяжело хворала. Недавно скончалась его мать, что вызвало радость у Эстер. Она весьма бессердечно отзывалась о престарелой слепой Элайзе Генри Говард: «Эта старуха все никак не умрет, но ведь и поправиться она уже не может!». Кроме прочих неприятностей Айзек и Эстер начали в открытую бороться за сына. А, как известно, стрессы повышают содержание сахара в крови у тех, кто имеет наследственную склонность к диабету.

...

Живя в Баркетте, Говарды часто отправлялись на длительные прогулки в коляске или же на автомобиле. Миссис Говард часто развлекала родных, читая наизусть стихи, которые она удивительно хорошо запоминала. Доктор Говард говорил: «Она любила поэзию. Стихи, записанные на отдельных листках и в тетрадах, хранились в ее памяти, так что с детства Роберт слышал поэтические строки изо дня в день. Эстер любила все прекрасное». Но она отправлялась в эти поездки не для того, чтобы развлекать мужа и сына, а, скорее, чтобы не оставлять их наедине.

Айзек Говард, без сомнения, так же как и Роберт, обожал приукрашивать вычитанные им в книгах эпизоды собственными дополнениями и подробностями. Именно во время таких прогулок Роберт стал проявлять себя как рассказчик. Отец в беседах со своими близкими приятелями иногда цитировал

слова сына, произнося их с немалой гордостью. Айзек Говард говорил:

«Часто во время поездок я предлагал какую-либо историческую тему, а он подхватывал ее и говорил очень интересно, обнаруживая широкие познания в фактах, о которых я имел лишь общее представление. Он мог рассказывать сколь угодно долго, пока полностью не описывал все, что могло касаться того или иного эпизода. У Роберта была прекрасная память и такое же яркое воображение».

Элси Барнс, живущая достаточно близко, чтобы иметь возможность постоянно общаться с семьей Говардов, полагала, что эти длительные прогулки очень отличались от того, что происходило у них в повседневной жизни. Миссис Барнс писала: «Часто они останавливались на обратном пути в каком-нибудь тенистом уголке около ручья и устраивали пикник, к которому тщательно готовились заранее. Казалось, в такие минуты в семье царил нерушимый мир».

...

Так прошли годы I мировой войны. Роберт переходил из класса в класс в школах Кросс Кат и Баркетта, а в свободное время часто совершал прогулки, как конные, так и пешие. Выходя из подросткового возраста, он стал более крепким. Мальчик по-прежнему придумывал истории о безрассудно храбрых и отчаянных героях, воображая себя самого то ковбоем, то индейцем, то пиратом, то викингом или разбойником. Как и раньше, он убеждал своих приятелей играть в сочиненных им пьесах, занимался боксом с Остином Ньютоном и Эрлом Бэйкером, устраивал показательные выступления по метанию в цель ножа, читал все, что только попадалось к нему в руки. И по-прежнему служил яблоком раздора между своими потерпевшими крах в семейной жизни родителями.

Через год после того, как закончилась I мировая война, Говарды решили купить дом в Кросс Плэйнс в двенадцати милях к северо-востоку от Баркетта. Кросс Плэйнс был удачным местом для постоянного жительства Говардов. Доктор мог продолжать свою практику, поскольку во время правления энергичного, хоть и насквозь продажного, губернатора Техаса «Фермера Джима» Фергюсона дороги содержались в неплохом

состоянии. К тому же в школе Кросс Плэйнс, условия для обучения были лучше, чем в Баркетте, а Говарды весьма серьезно относились к будущему своего сына. Доктор Говард надеялся, что Роберт будет изучать медицину и последует по его стопам, хотя мальчик и не проявлял ни малейшей склонности к медицине. В конце концов, если миссис Говард большую часть времени должна была находиться дома, жилище семьи могло быть устроено так, чтобы дать ей возможность выздороветь, а остальным членам семьи — не заразиться.

Доктор сразу же приступил к переделке дома, провел электричество, водопровод, пристроил застекленную теплую веранду. Новый дом — белое деревянное строение — стоял на западной окраине города, на Стэйт Раут, 36. В этом доме Роберт Говард прожил до конца своей жизни.

СОДЕРЖАНИЕ

МЕЧИ КРАСНОГО БРАТСТВА

Мечи Красного Братства

Перевод с англ. Н. Дружининой..... 7

Местъ черного Вулми

Перевод с англ. Н. Дружининой..... 103

Остров смерти

Перевод с англ. Н. Дружининой..... 158

ПРОКЛЯТИЕ ОКЕАНА

Проклятие океана

Перевод с англ. С. Соловьева 201

Из глубины

Перевод с англ. В. Федорова 211

МЕРТВЫЕ ПОМНЯТ

Голос Эль-Лила

Перевод с англ. А. Курич 223

Мертвые помнят

Перевод с англ. Г. Подосокорской 255

Келли-колдун

Перевод с англ. Г. Подосокорской 267

Ужас из кургана

Перевод с англ. М. Николаевой 272

ЧЕСТЬ КОРАБЛЯ

Моряк Костиган и Свами	
Перевод с англ. А. Юрчук	301
По правилам Акулы	
Перевод с англ. А. Юрчук	319
Разбитые кулаки	
Перевод с англ. А. Юрчук	343
Великодушные настоящего мужчины	
Перевод с англ. А. Юрчук	364
Честь корабля	
Перевод с англ. А. Юрчук	385
Л. Спрэг де Камп. Юный скиталец	407

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — "Книги по почте".

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ИРВИН ГОВАРД

ПРОКЛЯТИЕ ОКЕАНА

Составитель **Александр Тишнин**

Ответственный редактор **Наталья Баулина**

Главный художник **Сергей Шикин**

Художественный редактор **Елена Иванова**

Художники **Владислав Асадуллин, Кирилл Рожков**

Верстка **Елены Посадовой**

Корректор **Татьяна Мельникова**

Подписано в печать с готовых диапозитивов 11.11.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Гарамонд».
Печать офсетная. Усл. псч. л. 22,68. Тираж 7000 экз. Заказ 617.
Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛП № 071380 от 20.01.97 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем: 197110, Санкт-Петербург, а/я 171.

E-mail: sevzap @info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!

**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

Вместе с героями Говарда
окунитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

собрание сочинений

Роберт Ирвин Говард
(1906 — 1936)

Великий Мастер фэнтези, создатель знаменитой «Саги о Конане» и автор более трехсот фантастических, мистических и приключенческих романов, повестей и рассказов.

**Волны ломали борта
флибустьерской шхуны. Обрывки
кожаных парусов уносились
в грозовую мглу, подобно раненым
птицам. Но он молил богов
не о спасении...
Нет. Он молил их о возмездии.**

•Северо-Запад®